3 1761 07802830 5

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/kriticheskiiasta00cher

LR.H
C 5217кг

[Chernuishevsky, Nikolai Gavrilovich]

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Kriticheskiya stat'i

(— Пушкинъ. Гоголь. Тургеневъ. Островскій.
Левъ Толстой. Щедринъ и др. —

(„Современникъ" 1854—1861 гг.))

ИЗДАНІЕ **Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАГО**

2. izd.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

503934
8. 2. 50

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

— Сочиненія **Пушкина**, изд. Анненкова (Современникъ 1855, №№ 2, 3, 7 и 8). . . . . 1—119
— Сочиненія и письма **Гоголя**, изд. Кулиша (Современникъ 1857, № 8) . . . . . 120—169
— Картины изъ русскаго быта, **В. Даля** (Современникъ 1861, № 4) . . . . . 170—174
— Очерки изъ крестьянскаго быта, **А. Писемскаго** (Современникъ 1857, № 4) . . . . . 175—189
— Три поры жизни, ром. **Е. Туръ** (Современникъ 1854, № 5). 190—201
— Объ искренности въ критикѣ (Современникъ 1854, № 7). 202—228
— Романъ и повѣсти **Авдѣева** (Современникъ 1854, № 2). 229—244
— Русскій человѣкъ на rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти **Тургенева** «Ася» (Атеней 1858, ч. 3). 245—267
— Бѣдность не порокъ, ком. **А. Островскаго** (Современникъ 1854, № 5). . . . . 268—279
— Дѣтство и отрочество, **Графа Льва Толстого**. Военные разсказы, **Его же** (Современникъ 1856, № 12). . . . 280—293
— Ясная поляна, **Графа Льва Толстого** (Современникъ 1862, № 3) . . . . . 294—312
— Губернскіе очерки, **Щедрина** (Современникъ 1857, № 6). 313—357
— Не начало ли перемѣны? (разсказы **Н. Успенскаго**). Современникъ 1861, № 11) . . . . . 358—387

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ, ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И ЕГО РИСУНКОВЪ И ПРОЧ. ИЗДАНІЕ **П. В. Анненкова**. Спб. 1855.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нетерпѣливое ожиданіе, настоятельная потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія твореній великаго нашего поэта явились въ свѣтъ; остальные томы скоро послѣдуютъ за ними.

Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли, ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей Московскаго Университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ—достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики—какія торжества для русской науки и литературы!

Вполнѣ понимая всю важность такого событія, какъ изданіе сочиненій Пушкина, спѣшимъ отдать о немъ отчетъ публикѣ.

Мы не будемъ говорить о значеніи Пушкина въ исторіи нашего общественнаго развитія и нашей литературы; не будемъ и разсматривать съ эстетической точки зрѣнія существенныя качества его произведеній. На сколько то возможно для настоящаго времени, историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній ужь оцѣнено и публикою и критикою. Пройдутъ годы

прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія публики о поэтѣ, который навсегда останется великимъ. Потому пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что-нибудь новое. Мы можемъ теперь только изучать личность и дѣятельность Пушкина на основаніи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданіемъ.

Мы не будемъ обращать вниманія и на неизбѣжные недостатки новаго изданія. Мы можемъ говорить только о томъ, что даетъ намъ издатель, и до какой степени удовлетворительно исполняетъ онъ то, что могъ исполнить.

Итакъ, прежде всего скажемъ о системѣ и границахъ новаго изданія.

Основаніемъ ему послужило посмертное изданіе «Сочиненій Александра Пушкина» въ 11 томахъ. Но это посмертное изданіе, какъ извѣстно, было сдѣлано небрежно, по дурной системѣ, съ пропусками многихъ произведеній, съ неправильностями въ текстѣ, съ произвольнымъ и часто ошибочнымъ расположеніемъ произведеній по рубрикамъ, которыя только затрудняли изученіе и самыхъ сочиненій и постепеннаго развитія генія Пушкина. Потому обязанностью г. Анненкова было исправленіе недостатковъ въ новомъ изданіи. Онъ говоритъ объ этомъ такъ:

Первою заботой новаго изданія должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествующаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варіанты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркіе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія. (Предисловіе къ II тому).

За исправленіемъ текста послѣдовало дополненіе его: издатель воспользовался всѣми указаніями о пропущенныхъ въ посмертномъ

изданіи произведеніяхъ Пушкина, когда либо напечатанныхъ, пересмотрѣлъ всѣ альманахи и журналы, въ которыхъ Пушкинъ помѣщалъ свои стихотворенія и статьи; но этимъ не ограничились пополненія: въ распоряженіе издателя поступили всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, и онъ извлекъ изъ нихъ все, что еще оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Наконецъ къ библіографическимъ примѣчаніямъ и варіантамъ, о которыхъ говорили мы выше, прибавилъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, объясненіе случаевъ и поводовъ, по которымъ было написано извѣстное произведеніе.

Вмѣсто прежняго спутаннаго и произвольнаго раздѣленія по мелкимъ и неточнымъ рубрикамъ, составлявшаго одинъ изъ существенныхъ недостатковъ посмертнаго изданія, принялъ онъ строгій хронологическій порядокъ, съ распредѣленіемъ произведеній по немногимъ отдѣламъ, которые приняты во всѣхъ лучшихъ европейскихъ изданіяхъ классическихъ писателей и указываются удобствомъ для читателей, эстетическими понятіями и сущностью дѣла.

I. Стихотворенія. Отдѣлъ первый—лирическія, отдѣлъ второй—эпическія,—отдѣлъ третій—драматическія произведенія.

II. Проза. Отдѣлъ первый— Записка Пушкина: a) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ; b) Остатки записокъ Пушкина въ строгомъ смыслѣ (автобіографическихъ); c) Мысли и замѣчанія; d) Критическія замѣтки; e) Анекдоты, собранные Пушкинымъ; f) Путешествіе въ Арзрумъ. Отдѣлъ второй—романы и повѣсти (здѣсь же и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»). Отдѣлъ третій—журнальныя статьи, напечатанныя въ посмертномъ изданіи и напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ посмертное изданіе (одиннадцать статей). Отдѣлъ четвертый—Исторія Пугачевскаго бунта съ приложеніями и невошедшею въ посмертное изданіе антикритическою статьею по поводу этого сочиненія.

Затѣмъ (говоритъ издатель) въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его произведеній. Всѣ эти остатки помѣщены въ „Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина“ и въ приложеніяхъ къ нимъ.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніе новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Со всѣмъ

тѣмъ издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде. Арена для библіографической, филологической и исторической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. (Предисловіе къ II тому).

Критика новаго изданія должна согласиться съ этою скромною и безпристрастною его оцѣнкою, данною самимъ издателемъ. Оно лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбѣжны, достоинства его—огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю.

Изъ вышедшихъ двухъ первыхъ томовъ новаго изданія, первый заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» съ его портретомъ (гравиров. Уткинымъ, въ 1838 году) и слѣдующими приложеніями: 1) Родословная А. С. Пушкина; 2) Сказки (три) Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ; 3) Французскія письма (два) Пушкина по поводу «Бориса Годунова»; 4) и 5) Послѣднія минуты Пушкина, описанныя Жуковскимъ, и выписка изъ біографіи Пушкина, составленной г. Бантышемъ-Каменскимъ; 6) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова «Orlando Furioso» (строфы 100—112); 7) Дополнительныя октавы къ повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ» (15 октавъ); 8) Продолженіе повѣсти «Рославлевъ»; 9) Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ. Второе, третье, шестое, седьмое, восьмое и девятое приложенія въ первый разъ являются въ печати. Наконецъ къ этому тому приложены семь fac-simile Пушкина: 1) Почеркъ его въ 1815 г.; 2) Почеркъ его въ 1821 г.; 3) Листокъ изъ тетради, содержащій первый оригиналъ «Полтавы»; 4) Тотъ же листокъ, начисто переписанный; 5) Рисунокъ съ послѣдней страницы сказки: «Купецъ Остолопъ»; 6) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ; 7) Проектъ заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ. Эти снимки исполнены прекрасно.

Второй томъ заключаетъ лирическія стихотворенія Пушкина съ 1814 по 1830 годъ (включительно) съ примѣчаніями издателя

Прежде, нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ изданныхъ томовъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ изданія. Фор-

матъ его—большое in-octavo, нѣсколько болѣе формата нашихъ журналовъ. Шрифтъ текста очень удобный для чтенія, крупный и убористый. Сообразно формату, томы имѣютъ приличную полноту—болѣе тридцати печатныхъ листовъ каждый; такъ что вообще внѣшній видъ изданія должно назвать приличнымъ и удовлетворительнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія изданныхъ томовъ, и, во-первыхъ, къ изученію «Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина», составленныхъ издателемъ, г. П. В. Анненковымъ, и занимающихъ первый томъ.

Значеніе и достоинства біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Анненковымъ, полнѣе будутъ выказываться самымъ изученіемъ ея содержанія, которое представляютъ наши статьи; теперь же скажемъ о ея характерѣ только нѣсколько словъ. Это первый трудъ, который надлежащимъ образомъ удовлетворяетъ столь сильно развившемуся въ послѣднее время стремленію русской публики познакомиться съ личностями дѣятелей русской литературы и образованности. Потребность эта ужь вызвала довольно много монографій, отличающихся основательностью и подробностью библіографическихъ и біографическихъ изслѣдованій. Публика приняла эти первые опыты съ живымъ сочувствіемъ, но не могла не видѣть въ нихъ важныхъ недостатковъ. Какъ и всякое новое направленіе, стремленіе къ подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ отечественной литературы было неумѣренно въ своихъ проявленіяхъ. Каждая личность, почему-нибудь обращавшая на себя вниманіе трудолюбивыхъ изыскателей, казалась имъ необыкновенно важною, заслуживающею самыхъ подробныхъ трактацій; каждый новый фактъ, ими отъисканный, имъ казался чрезвычайно интереснымъ для всей публики, какъ бы мелоченъ въ сущности ни былъ. Потому почти всѣ монографіи, являвшіяся въ послѣднее время, страдали важными недостатками и по содержанію и по формѣ. Растерявшись во множествѣ мелочныхъ подробностей, каждый авторъ былъ не въ силахъ обработать предметъ съ общей точки зрѣнія, и обременялъ свою статью безчисленными библіографическими подробностями, среди которыхъ утомленный читатель совершенно запутывался; вмѣсто цѣльныхъ трудовъ давались публикѣ отрывки черновыхъ работъ, со всѣми мелочными

сличеніями буквъ и стиховъ, среди которыхъ или тонула, или принимала несвойственные ей размѣры всякая общая мысль. Однимъ словомъ, вмѣсто изслѣдованій о замѣчательныхъ явленіяхъ литературы, представлялись публикѣ отрывочныя изъисканія о маловажныхъ фактахъ: вмѣсто ученаго труда въ его окончательной формѣ представлялся весь необозримый для читателя процессъ механической предварительной работы, которая только должна служить основаніемъ для картинъ и выводовъ, изъ нея возникающихъ. Не такова біографія Пушкина, которую будетъ читать русская публика при новомъ изданіи его твореній. Она говоритъ не о какой нибудь темной личности, которая привлекла вниманіе изслѣдователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала вниманія потомства. Творенія Пушкина, создавшія новую русскую литературу, образовавшія новую русскую публику, будутъ жить вѣчно, и вмѣстѣ съ ними незабвенною навѣки останется личность Пушкина. Важный трудъ, который знакомитъ насъ съ нею, представляется г. Анненковымъ въ совершенно обработанной литературной формѣ. Кропотливая мелочная работа сличеній и поисковъ, ему предшествовавшая, не выставляется на первомъ планѣ, затемняя для читателя черты великаго писателя и его трудовъ; изслѣдователь даетъ намъ завершенную картину жизни и творчества Пушкина. Сличенія годовъ, буквъ и отдѣльныхъ стиховъ отнесены въ примѣчанія, если нужны для полноты; составитель біографіи далъ читателямъ не черновыя свои бумаги, а жизнеописаніе, возведенное окончательною обработкою къ формѣ литературнаго произведенія. Его работа должна послужить для нашихъ изслѣдователей исторіи литературы образцомъ біографій.

Приступимъ же къ ея изученію, чтобы ближе познакомиться съ Пушкинымъ. Не будемъ при этомъ утомлять читателей сличеніемъ матеріаловъ, представляемыхъ г. Анненковымъ, съ прежними статьями и отрывками о жизни Пушкина, разбросанными по журналамъ, потому что всѣ эти отрывки теряютъ теперь свою важность. Мы коснемся этого впослѣдствіи—и то въ такомъ только случаѣ, если откроемъ въ трудѣ г. Анненкова какое-либо значительное упущеніе, которое будемъ въ состояніи пополнить съ помощію новыхъ матеріаловъ.

О дѣтствѣ и лицейскихъ годахъ жизни Пушкина было въ послѣднее время сообщено русской публикѣ много свѣдѣній; потому

не будемъ долго останавливаться на этомъ періодѣ, и передадимъ читателямъ только немногія изъ интересныхъ подробностей, представляемыхъ новою біографіею.

Многія черты въ характерѣ Александра Сергѣевича перешли къ нему по наслѣдству отъ Сергѣя Львовича. Отецъ поэта былъ блестящій, остроумный, неистощимый собесѣдникъ и съ увлеченіемъ предавался удовольствіямъ общества; беззаботность его характера доходила до разсѣянности, о которой г. Анненковъ приводитъ два анекдота. Однажды Сергѣй Львовичъ, любившій, сидя у камелька, мѣшать огонь, явился на разводъ съ обгорѣлою тростью, и получивъ за это отъ начальника замѣчаніе: «ужь вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье» жаловался потомъ женѣ на тяжесть военной службы. Въ другой разъ, отправляясь на придворный балъ, онъ позабылъ перчатки и потому не могъ танцовать. Изъ анекдотовъ о его остроумныхъ отвѣтахъ приведемъ слѣдующій. Какая-то очень полная иностранка вздумала въ насмѣшку спросить его: «правда ли, mr. Пушкинъ, что вы, русскіе, людоѣды и ѣдите медвѣдей?» «Нѣтъ, Madame, отвѣчалъ Сергѣй Львовичъ: мы ѣдимъ коровъ, какъ напримѣръ вы».

До семи лѣтъ А. С. Пушкинъ своею вялостью, тучностью, неповоротливостью, неподвижностью приводилъ въ отчаяніе родныхъ; потому отъ него не ожидали ничего въ будущемъ, потому даже не столько ласкали его, какъ сестру и младшаго брата. Учился онъ плохо, надѣясь на свою огромную память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали прежде, и не могъ ничего отвѣчать, когда спрашивали его первымъ. Но съ девятаго года развилась у него страсть къ чтенію; онъ день и ночь проводилъ въ библіотекѣ отца, наполненной французскими писателями XVII и XVIII столѣтій. Скоро пробудилась у него и страсть къ авторству. Все его воспитаніе было ведено на французскомъ языкѣ; отецъ поэта писалъ множество легкихъ французскихъ стиховъ для развлеченія въ обществѣ; потому и молодой Пушкинъ началъ писать не порусски, а по французски. Сначала импровизировалъ онъ комедіи въ мольеровскомъ родѣ, потомъ задумалъ шутливую поэму въ 6 пѣсняхъ, описывавшую битвы карликовъ и карлицъ—она была сожжена обидѣвшимся авторомъ, когда учитель расхохотался, прочитавъ первыя страницы; но начало поэмы сохранилось въ памяти читавшихъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta
Ou maint guerrier périt, ou Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible éscarmouche.

Вотъ первые стихи, оставшіеся намъ отъ дѣтства Пушкина. Ему въ это время могло быть около десяти лѣтъ. Французскіе стихотворенія продолжалъ онъ писать и въ Лицеѣ. Слѣды пріобрѣтенной въ дѣтствѣ привычки писать и думать по французски остались въ Пушкинѣ на всю жизнь; изъ множества примѣровъ, находимыхъ въ «Матеріалахъ», приведемъ нѣкоторые. Не говоримъ ужь о томъ, что часто Пушкинъ писалъ къ роднымъ своимъ французскія письма (Сергѣй Львовичъ выражаетъ свое радостное согласіе на бракъ сына также французскимъ письмомъ); еще замѣчательнѣе то, что въ русскихъ письмахъ, даже въ замѣткахъ, набросанныхъ въ черновыхъ тетрадяхъ для памяти, Пушкинъ безпрестанно перемѣшиваетъ русскія фразы съ французскими. Г. Анненковъ говоритъ:

Въ бѣглыхъ замѣткахъ, написанныхъ для себя наскоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря потому, какой пришелъ первый на мысль... Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галлицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: „Главная прелесть „романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ „временемъ не съ enflure фр. трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ „романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. „Они не походятъ, какъ герои французскіе, на холопей, передразнивающихъ „la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires „de la vie, leur parole n'a rien d'affecté de théâtral, même dans les circonstances „solennelles, car les grandes circonstances leur sont familières"... Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ.

Приготовляя замѣтки, изъ которыхъ хотѣлъ составить предисловіе къ «Борису Годунову», онъ набрасываетъ ихъ по французски. Написавъ стихотвореніе «Обвалъ», онъ объясняетъ его заглавіе въ черновой тетради, прибавляя въ скобкахъ «Avalanche».

Все это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ комъ сильна народная стихія, въ томъ никакія иноземныя вліянія не подавятъ ее. Но несмотря на французское воспитаніе, несмотря на то, что въ кругу родныхъ его говорилось преимущественно по французски, Пушкинъ, какъ извѣстно, уже въ дѣтствѣ былъ окруженъ элементомъ народности; извѣстно, что главною представительницею этого вліянія была няня его, знаменитая Арина Родіоновна, которую по-

томъ прославилъ онъ въ дивныхъ, проникнутыхъ любовью, строфахъ. Безпредѣльная привязанность ея къ своему питомцу слишкомъ хорошо извѣстна; но и всему семейству Пушкиныхъ она была необыкновенно предана. Когда, продавая село Кобрино, къ которому была приписана Арина Родіоновна, Пушкины давали ей отпускную, вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями и двумя дочерьми, она не хотѣла отойти на волю; потомъ, когда Пушкины хотѣли выкупить семейство ея дочери, Марьи, вышедшей за крестьянина села Захарова, Арина Родіоновна снова не согласилась, говоря: «Я сама была крестьянка; на что ей вольная!» Извѣстно, что отъ нея Александръ Сергѣевичъ узналъ большую часть сказокъ и пѣсенъ, которыхъ зналъ такъ много; слушая ее, проникся онъ духомъ народнаго языка. Въ 1824 году онъ пишетъ изъ деревни: «Знаешь ли «мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздо, послѣ обѣда «ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ не«достатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти «сказки». Въ тетрадяхъ Пушкина г. Анненковъ нашелъ семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три были потомъ пересказаны имъ въ стихахъ, четвертая послужила для Жуковскаго основою сказки о царѣ Берендеѣ. Три (о царѣ Салтанѣ, о Берендеѣ, о купцѣ Остолопѣ и Балдѣ) напечатаны г. Анненковымъ въ числѣ приложеній къ біографіи. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ словахъ записана у Пушкина присказка, изъ которой произошли знаменитые стихи предисловія, прибавленнаго ко второму изданію «Руслана и Людмилы:»

У Лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
На лѣво—сказку говоритъ.

«У моря-лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ; вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ». Нѣтъ надобности говорить, что Пушкинъ въ своихъ стихотворныхъ передѣлкахъ сильно измѣнялъ подробности, то отбрасывая, то прибавляя новыя. Отъ этихъ передѣланныхъ сказокъ (о царѣ Салтанѣ и проч.) къ превосходно возсозданной въ истинно народномъ духѣ сказкѣ «О Рыбакѣ и Рыбкѣ»

переходъ составляютъ два отрывка другихъ, переложенные въ стихи очень близко, остававшіеся забытыми въ бумагахъ Пушкина. Г. Анненковъ напечаталъ ихъ въ своихъ «Матеріалахъ». Вотъ начало первой сказки, о томъ, какъ мужикъ убилъ медвѣдицу и взялъ ея медвѣжатъ:

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать и т. д.

Но Пушкинъ знакомился съ народными сказками и пѣснями не по однимъ только разсказамъ своей няни—проникнувшись любовью къ народности, онъ и самъ входилъ въ простонародныя кружки, подслушивая тамъ языкъ и пѣсни. Въ 1825 г., проводивъ до Пскова своихъ деревенскихъ сосѣдей онъ—

время пребыванія во Псковѣ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли—изученію народной жизни. Онъ изъискивалъ средства для отъисканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова. Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсенъ» говоритъ: «А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь «пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Пушкинъ владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ тетрадяхъ 1830 г., Анненковъ нашелъ записанными «народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы», которыя и сообщаетъ въ своихъ «Матеріалахъ». Чтобы въ одномъ мѣстѣ собрать все, относящееся къ этому предмету, приведемъ и понятіе самого Пушкина о томъ, въ чемъ состоитъ народность произведеній литературы. Замѣтка его объ этомъ не окончена, но существенный смыслъ его мнѣнія ясенъ и совершенно справедливо выводится г. Анненковымъ изъ тѣхъ строкъ, которыя Пушкинъ успѣлъ написать.

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности... Но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ на-

родность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что изъясняясь по русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожь носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...». Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки (*прибавляетъ г. Анненковъ*), но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ, или выбравшій ложную почву дѣятельности ненароденъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ».

Сколькимъ людямъ, толкующимъ нынѣ о народности, нужно посовѣтовать вникнуть въ смыслъ замѣтки Пушкина, набросанной двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ этихъ толковъ.

Соединивъ въ краткомъ извлеченіи данныя, представляемыя «Матеріалами» г. Анненкова относительно двухъ важнѣйшихъ стихій, участвовавшихъ въ первоначальномъ образованіи поэтическаго характера Пушкина — относительно французскаго воспитанія съ одной стороны, русскаго элемента съ другой, постараемся, хотя кратко, прослѣдить свѣдѣнія о жизни Пушкина, доставляемыя этою біографіею.

Мы уже сказали, что не будемъ останавливаться на годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, потому что этотъ періодъ подробно извѣстенъ русской публикѣ; но приведемъ изъ записокъ шестнадцатилѣтняго поэта отрывокъ, сохранившій воспоминаніе о его юношеской, вѣроятно первой, любви, и первоначальную редакцію тѣхъ строфъ «Евгенія Онѣгина» (глава VIII), въ которыхъ Пушкинъ вспоминаетъ о своей лицейской жизни.

«29-го. (*какого же мѣсяца? быть можетъ декабря 1815 г.*, потому что предъидущія выписки у г. Анненкова относятся къ 10 декабря, а тетрадь принадлежитъ, по всей вѣроятности, 1815 году).

И такъ счастливъ я былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

«Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не было видно! Наконецъ я потерялъ надежду — вдругъ нечаянно встрѣчаюсъ съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б. (фамилія была написана вполнѣ, но потомъ всѣ буквы, кромѣ первой, зачеркнуты, какъ видимъ на fac-simile этого отрывка, приложенномъ къ біографіи).

«Я былъ счастливъ 5 минутъ!»

Вотъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ его первобытномъ видѣ:

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея *)
А Цицерона проклиналъ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ,—
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскую безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,

---

*) Старинная шутливая поэма.

Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
О ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

Послѣдняя половина второй строфы относится, быть можетъ, къ той самой страсти, о которой говоритъ отрывокъ записокъ, сейчасъ нами представленный.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ, какъ извѣстно, увлекся удовольствіями молодости, развлеченіями свѣта и кружка друзей. Крѣпкое здоровье его не могло вынесть изнурительнаго образа жизни и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выпуска онъ вытерпѣлъ сильную горячку (въ февралѣ 1818 года). По выздоровленіи онъ вновь предался «водовороту» его уносившему, какъ выражается г. Анненковъ. Какъ разсѣяна была его жизнь въ первые два года послѣ того, какъ онъ остался распорядителемъ своихъ дѣйствій, лучше всего свидѣтельствуетъ обстоятельство, что въ это время не велъ онъ записокъ, которыя начинаются только съ пріѣзда его въ Крымъ (въ 1820 г.). Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ Пушкинъ также велъ жизнь разсѣянную и даже позволялъ себѣ множество шалостей. Обо всемъ этомъ писано было довольно много, потому здѣсь мы опять можемъ удовольствоваться немногими чертами. Свой эксцентрическій костюмъ въ Кишиневѣ самъ Пушкинъ описываетъ на Онѣгинѣ (въ одной изъ неизданныхъ строфъ):

Носилъ онъ русскую рубаху,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку,
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ.
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. Евгеній,
Быть можетъ толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ:
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Изъ его приключеній сообщимъ только одно: въ 1822 году Пушкинъ пропалъ изъ Кишинева на нѣсколько времени; онъ присталъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ, доходилъ до границъ

имперіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отрывокъ изъ «Цыганъ», не попавшій въ поэму при ея изданіи:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустынѣ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями....
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пламенные поклонники поэта, тогда уже признаннаго великимъ, съ ужасомъ смотря на такую растрату времени и силъ, по ихъ мнѣнію пагубную для таланта, съ укоризнами или горестью умоляли его покинуть шалости и развлеченія, его недостойныя, и всѣ силы души обратить на славную дѣятельность, которой ждутъ отъ него всѣ образованные русскіе. Одно изъ такихъ писемъ (на французскомъ языкѣ) уцѣлѣло въ бумагахъ Пушкина, и г. Анненковъ сообщаетъ его въ переводѣ:

Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ дорогу мнѣ тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ; а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.

Такія заботливыя напоминанія (прибавляетъ г. Анненковъ) Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, до самаго 1830 года, съ котораго, какъ увидимъ, образъ его жизни совершенно измѣняется. Нельзя не сочувствовать столь благороднымъ и такъ прекрасно высказаннымъ сожалѣніямъ и требованіямъ, какія видимъ въ этомъ письмѣ; но теперь мы знаемъ, что увлеченія молодости, пагубныя для натуръ слабыхъ и одностороннихъ, не повредили мощной и всесторонней натурѣ Пушкина—его геній развивался и мужалъ среди волненій юности, благодаря самымъ увлеченіямъ жизни, и мы къ нему болѣе чѣмъ ко всякому другому, можемъ отнести его же собственное восклицаніе:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга авторомъ «Руслана и Люд-

милы», возвратился въ Петербургъ авторомъ «Евгенія Онѣгина» и «Бориса Годунова». Извѣстно, что по возвращеніи на родину, онъ до самой своей женитьбы увлекался, почти по прежнему, удовольствіями свѣта и наслажденіями молодости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ Москву или Петербургъ, и неутомимо предавался труду, всякій разъ, когда уѣзжалъ въ деревню. Потому переходимъ прямо къ подробностямъ, какія сообщаетъ біографія о перемѣнѣ характера, обнаружившейся во время двухъ послѣднихъ (1829 г.) его пребываній въ Москвѣ до женитьбы. Большею частью останавливался онъ въ домѣ П. В. Н—на.

Изъ словъ П. В. Н—на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина, какъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домосѣдомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не перерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н—на, нехотя: такъ уже нужда отдохновенія, начинала превозмогать всѣ другія склонности.

Однако прежняя безпокойная жажда внѣшняго разнообразія, прежняя тоска, производившая «охоту къ перемѣнѣ мѣстъ—весьма мучительное свойство», не совершенно еще изчезла въ это время: начало 1830 года было занято планами путешествій; Пушкинъ задумывалъ съѣздить за границу, а когда этотъ проектъ не исполнился, просилъ позволенія провожать въ Китай нашу миссію. Объ этомъ осталось даже воспоминаніе въ его стихахъ:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ли стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ и пр.

„Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступала шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ, и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на вѣки связана съ молодой особой, обратившей на себя общее вниманіе. Два года однакожь протекли для Пушкина въ безпрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ. Въ 1830 году прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву, оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣздію красоты, которое въ это время

обращало вниманіе, и, смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ посѣтителей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній, и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21 апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято".

Послѣ того отрадное спокойствіе водворилось въ душѣ Пушкина; оно, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ, отразилось и на его произведеніяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, и должны перейти къ новымъ свѣдѣніямъ, какія могъ сообщить г. Анненковъ о роковой дуэли.

Всѣ попытки друзей отвратить ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ черезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодѣтельное вмѣшательство общества; но всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: „тутъ должно случиться несчастіе. Поѣзжайте за ними". Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ чтобы противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто, и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была напрасна. Покамѣсть противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ въ слѣдъ удаляющагося врага, и прибавилъ: „мы не все кончили съ нимъ". Но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ, и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его.

Послѣднія минуты Пушкина, его кроткая разлука съ жизнью, его нѣжная заботливость о супругѣ, его прощеніе всѣмъ клеветникамъ и врагамъ ихъ обоихъ, извѣстны каждому русскому изъ письма Жуковскаго. Въ заключеніе интересныхъ подробностей о жизни Пушкина, заимствованныхъ нами изъ труда г. Анненкова, повторимъ его слова, что лучшая біографія поэта въ его собствен-

ныхъ произведеніяхъ, потому что у него постоянно живая связь между событіями жизни и произведеніями; г. Анненковъ говоритъ, что едва ли найдется у Пушкина хотя одно лирическое произведеніе, которое не было бы вызвано дѣйствительною жизнью; происхожденіе большей части становится ясно по соображенію «матеріаловъ» и примѣчаній новаго изданія. «Въ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы ужь пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, со временемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина». Точно также и характеръ Пушкина лучше и полнѣе всего выразился въ его произведеніяхъ,— эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая даетъ право сказать о немъ, какъ Баратынскій сказалъ о Гёте:

. . . Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта.

«Изъ смѣшенія противуположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина», говоритъ г. Анненковъ, высказавъ уже все, что могъ сказать для раскрытія его характера: «какъ ни старались мы изложить въ посильномъ описаніи необычайно подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію, и требуютъ, для объясненія и примиренія своего, уже творческой кисти настоящаго художника». Постараемся однако отмѣтить нѣкоторыя особенности характера и привычекъ, особенно рѣзко выступающія въ «матеріалахъ», собранныхъ г. Анненковымъ.

Живость, пылкость, впечатлительность, способность увлекаться и увлекать, горячее сердце, жаждущее любви, жаждущее дружбы, способное привязываться къ человѣку всѣми силами души, горячій темпераментъ, влекущій къ жизни, къ обществу, къ удовольствіямъ и тревогамъ; нравственное здоровье, сообщающее всѣмъ привязанностямъ и наклонностямъ какую-то свѣжую роскошность и полноту, отнимающее у самыхъ крайностей всю болѣзненность, у самыхъ прихотей, которыми такъ обильна его молодость, всякую натянутость, побѣждающее наконецъ всякія одностороннія увлеченія—эти черты въ лицѣ Пушкина ясны для всякаго, кто читалъ его произ-

веденія, кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о его жизни. Обратимся же къ другимъ, съ которыми знакомятъ насъ «Матеріалы» г. Анненкова.

Какъ Пушкинъ считалъ нужнымъ держать себя въ свѣтѣ, видимъ изъ совѣтовъ, которые даетъ онъ младшему брату, при его вступленіи въ общество. Многія изъ этихъ правилъ самъ Пушкинъ старался соблюдать, другія нарушалъ иногда только по пылкости темперамента. Вотъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ его французскаго письма:

„Ты будешь въ сношеніяхъ съ людьми, тебѣ еще неизвѣстными; не суди о нихъ по твоему сердцу, которое благородно и добро. Будь холоденъ со всѣми... Фамильярность всегда вредна; но особенно остерегайся предаваться ей съ людьми, которые выше тебя... Не принимай никогда благодѣяній. Благодѣяніе почти всегда коварство. Не принимай протекціи, потому что она унижаетъ и подчиняетъ. Я посовѣтовалъ бы тебѣ не предаваться увлеченіямъ дружбы, но не рѣшаюсь леденить твоего сердца въ возрастѣ нѣжныхъ самообольщеній... Если состояніе не позволяетъ тебѣ жить блистательно, не старайся скрывать своей недостаточности. Скорѣе можно позволить себѣ противную крайность. Предъ суровымъ цинизмомъ склоняется общее мнѣніе, а мелкія уловки суетности дѣлаютъ человѣка смѣшнымъ. Никогда не бери въ займы; скорѣе терпи нужду. Знай, что она не такъ ужасна, какъ ее описываютъ, и далеко не такъ страшна, какъ возможность быть или показаться человѣкомъ не честнымъ“.

Проповѣдуя брату осторожность въ обращеніи съ людьми, Пушкинъ самъ соблюдалъ ее, какъ человѣкъ истинно свѣтскій. Извѣстно множество примѣровъ того, какъ онъ былъ уклончивъ въ разговорѣ, поставивъ себѣ правиломъ не противорѣчить рѣзко высказанному мнѣнію и, для избѣжанія спора, отдѣлываться уступчивыми фразами или перемѣнять разговоръ. Говорятъ, что и съ людьми близкими онъ часто находилъ нужнымъ держать себя подобнымъ образомъ. «Вообще — говоритъ г. Анненковъ — онъ любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставлялъ возможность сомнѣнія для слушателей, вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу». Въ замѣчаніи брату о томъ, что бѣдность вовсе не страшна, опять видны привычки самого Пушкина, который, при всей любви къ комфорту, при всемъ желаніи блистать въ обществѣ, любилъ простоту, будучи человѣкомъ истинно лучшаго тона въ этомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ очень небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату

для литературныхъ своихъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ Такъ поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его свидѣтельству... Образъ жизни его въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина (гл. VI, строфы 37—39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горою рѣчкѣ и купался; зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ... Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на бильярдѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родіоновной.

Несмотря на то, что Пушкинъ не былъ расточителенъ, и получалъ довольно много денегъ за свои произведенія, онъ почти постоянно нуждался. Главнѣйшею причиною этого была безпечность, неаккуратность, неопытность въ денежныхъ дѣлахъ. Можно указать и нѣкоторыя другія причины. Такъ у него выходило очень много денегъ на книги; всѣ письма его къ брату наполнены списками книгъ, покупать которыя поручалось ему. Карты также уносили много денегъ. Г. Анненковъ приводитъ изъ его записокъ слѣдующія строки, интересныя по своему простодушному тону:

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжающаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.

Но гораздо забавнѣе относящійся также къ этой страсти анекдотъ, пересказываемый г. Анненковымъ со словъ Гоголя. Гоголь, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ (около 1829 года), еще не имѣя литературной извѣстности, отправился знакомиться съ великимъ поэтомъ, произведеніями котораго такъ восхищался еще въ школѣ:

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и, наконецъ, у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кондитерскую и потребовалъ рюмку ликеру. Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позвонилъ, и на вопросъ свой: „дома ли хозяинъ“, услыхалъ отвѣтъ слуги: „почиваютъ!“ Было ужь поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: „вѣрно всю ночь работалъ“:— „Какъ же, работалъ!—отвѣчалъ слуга: въ картишки игралъ“. Гоголь призна-

вался, что это былъ первый ударъ, нанесенный школьной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

Но главною причиною денежныхъ затрудненій Пушкинъ, повторяемъ, надобно считать его неаккуратность, беззаботность и неопытность въ дѣлахъ. Примѣровъ ея въ «Матеріалахъ» чрезвычайно много. Ограничимся нѣсколькими. Задумавъ издать (первое) собраніе своихъ стихотвореній, онъ въ разныя времена далъ, по забывчивости, тремъ лицамъ обѣщаніе продать это изданіе, и съ одного изъ нихъ взялъ даже 1000 рублей задатка. Впрочемъ, забывчивость Пушкина извиняться можетъ тѣмъ, что книжку эту собирался онъ издать въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Кромѣ того, онъ собирался печатать ее также и на собственный счетъ по подпискѣ. Можно представить, сколько путаницы возникло съ этими четырьмя претензіями, когда печатаніе книжки дѣйствительно началось. Такая же безпечная неопытность проявляется и въ письмахъ его по случаю залога имѣнія въ банкъ: Пушкинъ высказываетъ въ этомъ полнѣйшее незнаніе дѣлъ. Билетъ Опекунскаго совѣта забываетъ онъ у пріятеля въ Москвѣ, и пишетъ объ этомъ въ Post-Scriptum, такъ:

„Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ;тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую.

Какъ характерна эта одинаковость тона, которымъ говорится о билетѣ и серебряной копѣечкѣ! Скоро мы будемъ говорить о томъ, какъ постоянная нужда въ деньгахъ возбуждала въ Пушкинѣ желаніе быть человѣкомъ разсчетливымъ, соблюдающимъ вездѣ свою выгоду; теперь же перейдемъ къ другой чертѣ характера—мистицизму или лучше сказать вѣрѣ въ разные предразсудки. Въ «Матеріалахъ» находимъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, этому въ родѣ вѣры въ счастье, приносимое старыми копѣечками, въ родѣ того, что пріятель поэта, не вѣрившій силѣ серебряныхъ копѣечекъ, вѣрилъ могуществу колецъ, и подарилъ Пушкину золотое кольцо съ бирюзой, которое имѣло силу «предохранять отъ внезапной бѣды»—Пушкинъ носилъ его до самой смерти, не снимая никогда съ руки. Былъ у Пушкина и другой, покрытый какими-то знаками кабалистическій перстень, съ которымъ былъ связанъ, какъ онъ твердо вѣрилъ, его талантъ. (Это кольцо теперь находится у

В. И. Даля; кольцо съ бирюзою у г. Д—са). Вотъ, наконецъ, случай, разсказанный самимъ поэтомъ г-жѣ Фуксъ:

„Вамъ, быть можетъ, кажется удивительнымъ (началъ опять говорить Пушкинъ), что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. „Вы,—сказала она мнѣ,—на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ вамъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги. А третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью... Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его объигралъ. Онъ, получивъ послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я нетолько не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ“.

Не удивительно, что Пушкинъ вѣрилъ предразсудкамъ: разсказы няни, чудесные и таинственные, съ дѣтства овладѣли его пылкимъ воображеніемъ; кромѣ того, онъ былъ расположенъ къ мистицизму, какъ видимъ по всему; какъ ни проницателенъ былъ его природный умъ, но онъ никогда не углублялся въ отвлеченные философскіе вопросы, занятіе которыми одно можетъ удержать отъ мистицизма человѣка съ пылкимъ воображеніемъ; надобно также припомнить, что онъ имѣлъ вообще много предразсудковъ, и кромѣ относящихся къ суевѣріямъ; наконецъ онъ былъ мнителенъ—и объ этой послѣдней чертѣ его характера «Матеріалы» сообщаютъ нѣсколько данныхъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, развитаго гимнастическими упражненіями, онъ находилъ въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже ему казалось, что онъ чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ. Къ числу стихотвореній, высказывающихъ это постоянное опасеніе смерти, принадлежитъ, напримѣръ, прекрасное «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»; именно о немъ упоминаемъ потому, что въ «Матеріалахъ» г. Анненкова напечатаны выпущенные авторомъ стихи, которые еще яснѣе извѣстныхъ читателямъ строфъ гово-

рятъ, что Пушкинъ выразилъ въ этомъ размышленіи свою задушевную думу:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой;
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, вездѣ со мной....
. . . . . .
Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта
. . . . . .

А между тѣмъ, если кто нибудь, то именно Пушкинъ не долженъ былъ предаваться мрачнымъ опасеніямъ преждевременной смерти: онъ могъ разсчитывать на долгую жизнь, благодаря крѣпкой организаціи, лучшимъ доказательствомъ которой служитъ его неутомимость въ ходьбѣ; потому что, бывъ самымъ неподвижнымъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, онъ потомъ чрезвычайно любилъ ходить пѣшкомъ, и нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ его прогулокъ были бы подъ силу немногимъ; не говоримъ ужь о томъ, что живучи въ 1833 году на дачѣ на Черной Рѣчкѣ, онъ ходилъ каждый день пѣшкомъ въ Архивы, и возвращался на дачу также пѣшкомъ; по возвращеніи, онъ купался, и послѣ этого ужь не чувствовалъ никакой усталости; но гораздо замѣчательнѣе этого, прогулки его пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское село. Онъ выходилъ изъ города поутру, выпивалъ стакалъ вина на Средней Рогаткѣ, и погулявъ еще послѣ обѣда въ садахъ Царскаго Села, возвращался вечеромъ пѣшкомъ въ Петербургъ, исходивъ такимъ образомъ въ день болѣе пятидесяти верстъ.

Извѣстно, что Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія; любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ, несмотря на то, что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи, заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ сильно укоренялись въ его сердцѣ преданія, представляютъ его отношенія къ литературнымъ обществамъ, которыя въ первой своей молодости засталъ онъ процвѣтающими, и распаденію которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, самъ содѣйствовалъ болѣе всего, возведя своими произведеніями литературу на степень дѣла,

принадлежащаго всему русскому обществу, а не тѣсному кружку немногочисленныхъ любителей, образовавъ десятки тысячъ читателей вмѣсто прежнихъ сотенъ, и вызвавъ къ дѣятельности сотни писателей вмѣсто прежнихъ немногихъ дилеттантовъ. Возбудивъ первыми своими стихотвовеніями вниманіе Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкинъ былъ тогда же принятъ въ число членовъ извѣстнаго литературнаго общества «Арзамасъ», душою котораго былъ Жуковскій; цѣлью котораго было противодѣйствіе обществу «Любителей Россійскаго слова» и ихъ устарѣлымъ литературнымъ понятіямъ. Неудивительно, если молодой писатель горячо раздѣлялъ всѣ симпатіи и антипатіи поэтовъ, которыхъ и самъ онъ считалъ своими учителями, и публика тогда еще ставила выше его. Но замѣчательно, что до конца своей жизни Пушкинъ не переставалъ показывать въ себѣ бывшаго члена »Арзамаса». Пушкинъ навсегда сохранилъ (говоритъ г. Анненковъ) почтеніе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованій во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ... да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія». Въ этомъ отчасти надобно искать причину нелюбви его къ журналистикѣ, вліяніемъ которой замѣнилось въ послѣдствіи вліяніе литературныхъ обществъ, въ особенности къ «Московскому Телеграфу». Пушкинъ не могъ привыкнуть къ новому порядку вещей, когда журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ сужденіяхъ о литературѣ, не служа выраженіемъ мнѣнію тѣснаго кружка людей, коротко знакомыхъ, имѣвшихъ одни привязанности, не замѣчавшихъ или щадившихъ слабости каждаго члена своего общества, а сдѣлавшись органомъ независимаго мнѣнія, образовавшагося или начинавшаго образовываться въ массѣ публики. Въ мнѣніяхъ журналовъ, особенно «Московскаго Телеграфа», который первый обнаружилъ самостоятельность, Пушкинъ видѣлъ произволъ личнаго мнѣнія, и, говоритъ г. Анненковъ, какъ только замѣтилъ признаки новаго направленія, «началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, имѣя въ виду возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики». Попытку осуществить это намѣреніе надобно видѣть въ основаніи «Литературной Газеты». Можно было бы считать эти замѣчанія о вѣрности Пушкина духу прежнихъ литературныхъ обществъ предположеніемъ, еще не со-

всѣмъ вѣчнымъ, такъ много тутъ страннаго; но самъ Пушкинъ оставилъ доказательства того, что не напрасно мы будемъ до конца его дѣятельности видѣть въ немъ прежняго члена «Арзамаса». Извѣстно, что каждый членъ этого кружка получалъ имя, заимствованное изъ балладъ Жуковскаго: одинъ былъ названъ Громобоемъ, другой—Старушкою и т. д. А. С. Пушкину дано было имя «Сверчокъ»; въ 1830 году А. С. Пушкинъ, уже всѣми признанный первымъ поэтомъ русскимъ, затмѣвающимъ собою всѣхъ остальныхъ, помѣщая свои стихотворенія въ «Литературной Газетѣ», подписываетъ ихъ буквами *Крс.*—это перестановка сокращенной подписи *Срк.*—Сверчокъ. Итакъ Пушкинъ еще помнитъ и любитъ свое Арзамазское имя, въ то время, какъ ужь всѣ, кромѣ его, давно забыли о существованіи Арзамаса. Другой примѣръ его высокаго уваженія къ литературнымъ обществамъ: въ началѣ 1833 года избранный членомъ Россійской Академім, президентомъ которой былъ тогда Шишковъ, и духу которой Пушкинъ, поэтому, кажется, мало могъ сочувствовать, Пушкинъ постоянно посѣщалъ еженедѣльныя собранія Академіи и «вообще весьма серьезно смотрѣлъ» на труды этого ученаго сословія.

Мысль о журналѣ, который противодѣйствовалъ бы новому положенію въ литературѣ, принятому «Московскимъ Телеграфомъ», постоянно занимала Пушкина съ 1826 года—онъ тогда уже задумывалъ основать свой собственный журналъ; но, по обыкновенію, и въ этомъ дѣлѣ былъ безпеченъ; скоро, впрочемъ, онъ былъ обрадованъ основаніемъ «Московскаго Вѣстника» (г. Погодина), душою котораго хотѣлъ быть; потомъ «Литературной Газеты», отношенія къ которой у него были еще тѣснѣе. Въ 1832 году хлопочетъ онъ о разрѣшеніи основать ежедневную газету, и, наконецъ, получаетъ позволеніе, но, скоро охладѣвъ къ своей мысли, ужь не приводитъ ее въ исполненіе. Только въ 1836, Пушкинъ дѣлается, наконецъ, редакторомъ журнала, о которомъ такъ долго мечталъ.

Вмѣстѣ съ желаніемъ имѣть органъ для выраженія своихъ литературныхъ мнѣній и противодѣйствія другимъ журналамъ, Пушкинъ, при намѣреніи основать журналъ, имѣлъ въ виду и денежную выгоду. Онъ прямо и съ какою-то особенною аффектаціею любилъ говорить, что пишетъ по внутренней потребности, для наслажденія творчествомъ (какъ это дѣйствительно и было), но печатаетъ свои произведенія только изъ единственнаго желанія получить

за нихъ деньги, а вовсе не изъ потребности дѣлиться съ публикою своими чувствами или изъ желанія авторской славы (что было ужь не совсѣмъ справедливо). Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова находимъ много мѣстъ изъ писемъ и отрывковъ Пушкина, гдѣ онъ старается увѣрить въ этомъ, даже какъ бы хвалится тѣмъ, что печатаетъ единственно для денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны».

Г. Анненковъ нашелъ въ бумагахъ Пушкина слѣдующій отрывокъ неизданнаго стихотворенія:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
—Смотрите! вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна?
Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?—Я? для себя.—За что же
Печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ, Боже мой,
Какъ стыдно?—Почему жъ?

Интересенъ также отрывокъ изъ просьбы объ отпускѣ въ Оренбургъ и деревню; просьба эта писана въ 1833 году, когда онъ занимался «Исторіей Петра Великаго» и «Исторіею пугачевскаго бунта»; романъ, о которомъ въ ней говорится — «Капитанская дочка».

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими трудами, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ—это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи.

30 іюля
Черная Рѣчка.

Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, потому естественно долженъ былъ думать о нихъ. Припомнимъ правило, которое даетъ онъ брату: порядочный человѣкъ не старается никогда скрывать, если нуждается въ деньгахъ; напротивъ долженъ нарочно самъ

обнаруживать свое затрудненіе, чтобъ импонировать своимъ «гордымъ цинизмомъ»; потому, принужденный признаваться, что живетъ деньгами, получаемыми за свои произведенія, Пушкинъ естественно приходилъ къ мысли, что ему надобно надменно твердить: «я печатаю единственно для денегъ». Охота говорить это усиливалась въ немъ оригинальнымъ отвращеніемъ отъ того, чтобъ его принимали въ обществѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, какъ писателя, серьезно интересующагося участью своихъ произведеній и авторскою славою; объ этомъ будемъ мы сейчасъ говорить. Но было бы жалкимъ недоразумѣніемъ видѣть въ Пушкинѣ, по своей безпечности, неопытности въ денежныхъ дѣлахъ, постоянно нуждающемся въ деньгахъ и оттого хлопочущемъ о деньгахъ, человѣка сколько нибудь корыстолюбиваго — напротивъ мы видимъ, что часто будучи въ правѣ преслѣдовать людей, обманывавшихъ его въ коммерческомъ отношеніи, онъ этого не дѣлалъ: сердился, выражалъ свою досаду въ письмѣ къ какому нибудь пріятелю, и только. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что всегда онъ былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ,—иначе и не могло быть при его характерѣ и правилахъ. Что онъ былъ щедръ и любилъ помогать, это извѣстно изъ всѣхъ его литературныхъ отношеній. Позволяемъ себѣ наконецъ привести два отрывка инъ писемъ его къ брату, который, живучи въ Петербургѣ, нѣкоторое время завѣдывалъ его дѣлами. Первое письмо было послано по полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургѣ:

I. Этотъ потопъ у меня съ ума нейдетъ. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ; но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго (8 декабря 1824 г.).

II. (1825 г.)... P. S. Слѣпой священникъ перевелъ Сираха (см. „Инвалидъ“ № какой-то), издаетъ по подпискѣ; подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

Благородное желаніе помочь и ободрить всякаго начинающаго писателя, въ которомъ замѣчалъ онъ талантъ, хорошо извѣстно. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю излишне говорить. Многіе также знаютъ, съ какимъ радушіемъ старался онъ о литературныхъ успѣхахъ барона Розена, г-жи Дуровой, какими похвалами встрѣтилъ сказку г. Ершова «Конекъ Горбунокъ», которую внимательно пересмотрѣлъ, и первыя четыре стиха которой (по словамъ г. Смирдина) принадлежатъ Пушкину. Извѣстно также, какъ Пушкинъ отправился знакомиться съ Губеромъ, тогда совершенно безвѣстнымъ,

услышавъ, что онъ занимается переводомъ Фауста, какъ ободрялъ Губера къ продолженію труда, который безъ Пушкина, вѣроятно, и не былъ бы оконченъ, какъ наконецъ нѣсколько дней провелъ, вмѣстѣ съ авторомъ провѣряя и поправляя переводъ. Не говоримъ ужь о томъ, съ какою радостью привѣтствовалъ онъ каждое произведеніе тѣхъ людей, которыхъ считалъ, по своему добродушію, великими талантами.

И однакожь, не смотря на свою пламенную любовь—даже мало этого сказать, не смотря на свою безусловную преданность литературѣ, Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ обществѣ его считали литераторомъ. Приводимъ слова г. Анненкова:

Никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, званія поэта, какъ Пушкинъ. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ, и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ, и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Въ ту эпоху, которой занимаемся (около 1828—1830 г.), всякое смѣшеніе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Это превосходно выражено имъ самимъ въ отрывкѣ, который предшествовалъ созданію „Египетскихъ ночей". Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ человѣкѣ".

Интереснымъ слѣдствіемъ одного изъ капризовъ, рождавшихся отъ этого нежеланія Пушкина, чтобы его принимали за «сочинителя», осталась надпись на драмматическомъ отрывкѣ его «Скупой Рыцарь»—«The cavetous Knihgt, Ченстона». Не смотря на розыски, никто изъ критиковъ не могъ найти въ англійской литературѣ ни Ченстона, ни пьесы «The cavetous Knihgt». Потому предполагали, что Пушкинъ вздумалъ назвать переводомъ то, что было вовсе не переводъ, а собственное его поэтическое произведеніе. Теперь, кажется, невозможно и сомнѣваться въ этомъ. Г. Анненковъ не только самъ напрасно отыскивалъ Ченстона, и не нашелъ его, но и получилъ отъ издателей англійскаго критическаго журнала «The Athenaeum», знатоковъ старинной англійской словесности, положительное увѣреніе, что никакого англійскаго писателя Ченстона не было. Кромѣ того, въ черновой рукописи англійское имя пьесы написано и поправлено нѣсколько разъ, такъ что Пушкинъ, очевидно, придумывалъ его. Г. Анненковъ нашелъ у Пушкина и другіе случаи подобнаго приписыванія своихъ сочиненій постороннимъ лицамъ. Такъ несомнѣнно оригинальное стихотвореніе свое «Надъ

лѣсистыми берегами», Пушкинъ называетъ переводомъ съ англійскаго. У одного изъ неизданныхъ стихотвореній, также оригинальнаго, сначала была сдѣлана надпись «Alfred Musset», а потомъ зачеркнута, и вмѣсто ея написано «Изъ VI Пиндамонте».

Здѣсь мы кончаемъ наши извлеченія изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова, касательно жизни и личнаго характера Пушкина.

Теперь мы считаемъ уже излишнимъ говорить о томъ, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ сообщается въ біографіи, составленной г. Анненковымъ, какъ вѣрны и основательны объясненія и замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ—читатели могли видѣть въ нашей статьѣ довольно примѣровъ тому. Но безъ всякаго сомнѣнія интереснѣйшая часть матеріаловъ, собранныхъ г. Анненковымъ, относится къ исторіи того, какъ созидались и развивались геніемъ Пушкина его произведенія, и этимъ-то мы займемся въ слѣдующей главѣ. Въ ней постараемся мы собрать изъ «Матеріаловъ» данныя, объясняющія, если такъ можно выразиться, авторскія привычки Пушкина, его манеру писать, внѣшнюю сторону его творчества, исторію сочиненія его произведеній,—мы прежде знали объ этомъ только смутно; теперь на основаніи чрезвычайно внимательнаго разбора черновыхъ бумагъ Пушкина, г. Анненковъ сообщаетъ множество данныхъ, въ высшей степени интересныхъ. Переходомъ отъ подробностей, собранныхъ въ настоящей главѣ, къ этой исторіи созданія произведеній Пушкина, послужатъ заимствованныя также изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова данныя о развитіи таланта и литературныхъ мнѣній Пушкина.

P. S. Выше сказано, что изданіе г. Анненкова обогащено нѣсколькими новыми произведеніями Пушкина въ прозѣ и стихахъ, отысканными новымъ издателемъ въ бумагахъ поэта. Между этими драгоцѣнными находками есть нѣсколько стихотвореній превосходныхъ. Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина, изъ которыхъ двѣ совершенно новыя; третья (Воспоминаніе)—нова только во второй половинѣ, начиная со стиха: «Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ». Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти двѣ половины, соединенныя черезъ столько лѣтъ въ одно стихотвореніе, представляютъ одну изъ лучшихъ и характернѣйшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, въ томъ видѣ, какъ она создалась подъ перомъ его. Въ

заключеніе настоящей статьи, приводимъ еще нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, впервые появившихся въ изданіи Анненкова.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(*Къ III октавѣ.*).

Modo vir, modo foemina.

У насъ война! красавцы молодые,
Вы хрипуны . . . . . .
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужь люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили,
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой....
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужь не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змѣя...
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой:
Но пудренной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой;
Ученіе не впрокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!

И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль—Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ—вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(*Къ октавѣ VIII*).

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо.
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо...
Но Муза никому здѣсь не грози—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы.

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ:
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной,
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ губятъ...
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужь выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу,

Порой я стихъ повертываю круто,
Все жь видно—не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду....
Чтожь? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покамѣсть можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодаго воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.
Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ тото-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожь намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ,—а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.

Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,
Сварилъ его (у г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареным языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды и бесѣдовать о томъ.
На силу-то, рифмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!—

Усядься муза....

МОНОЛОГЪ ПЬЯНАГО МУЖИЧКА.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужь помянемъ

Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужь какъ хочешь—будь что будь—
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать такъ поминать,
Начинать такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать-такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы и не ѣлъ
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно....
Слушай сватъ: начну первой
Сказка будетъ за тобой....
. . . . . .

Наконецъ вотъ еще превосходный отрывокъ въ классическомъ родѣ, относящійся къ поэту Петрову, уже въ преклонной старости написавшему извѣстную оду адмиралу Н. С. Мордвинову...

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.
Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ.
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зеницы—
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ,
Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита,
Ты Лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Піита...

Не смѣемъ ничего прибавлять въ похвалу этому стихотворенію, особенно первымъ двумъ строфамъ его, картинность и величественность которыхъ поразительны. За одно это стихотвореніе, еслибъ г. Анненковъ не нашелъ ничего болѣе новаго въ бумагахъ Пушкина—онъ уже заслуживалъ бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видѣли, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогативъ русскую литературу нѣсколькими превосходными стихотвореніями, и давъ г. Анненкову матеріалы къ возсозданію личности великаго русскаго поэта, что яснѣе увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предыдущая глава имѣла цѣлью познакомить читателей съ планомъ и достоинствами новаго изданія твореній Пушкина, показать, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ заключается въ «Матеріалахъ» для его біографіи, съ достосовѣстною неутомимостью собранныхъ г. Анненковымъ, какъ внимательно и проницательно г. Анненковъ старался объяснить намъ личность великаго нашего поэта; какъ основательно и осмотрительно онъ разгадываетъ черты его характера. Потому первая глава преимущественно состояла изъ выписокъ и извлеченій; мы почти ничего не прибавляли отъ себя къ разсказамъ и соображеніямъ г. Анненкова, стараясь только дать по возможности точное понятіе объ отличительныхъ качествахъ новаго изданія и прекрасной біографіи, къ нему приложенной. Теперь, исполнивъ одну часть нашей обязанности, мы можемъ заняться исполненіемъ другой, и представить нѣкоторыя мысли и примѣненія, къ которымъ подаютъ поводъ собранные въ «Матеріалахъ» факты относительно исторіи развитія произведеній Пушкина, относительно процесса ихъ постепеннаго созиданія и обработки.

Извѣстно, что Пушкинъ чрезвычайно внимательно обработывалъ свои произведенія, особенно писанныя стихами. Три, четыре раза онъ переписывалъ ихъ, каждый разъ то исправляя выраженія, то измѣняя характеръ и развитіе самыхъ мыслей и картинъ. Но до изданія «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» мы знали объ этомъ только въ общихъ, смутныхъ чертахъ; теперь для насъ становится ясенъ весь характеръ и всѣ подробности этихъ работъ. Г. Анненковъ чрезвычайно внимательно разсмотрѣлъ всѣ черновыя тетради Пушкина, извлекъ изъ нихъ всѣ сколько нибудь замѣча-

тельныя различія приготовительныхъ и окончательной редакцій, и отнеся мелкіе и раздробленные факты такого рода въ примѣчанія къ каждому произведенію, собралъ важнѣйшія въ своихъ «Матеріалахъ». Ограничимся здѣсь сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи двухъ или трехъ произведеній изъ числа тѣхъ, обдумываніемъ и обработкою которыхъ особенно долго занимался поэтъ.

«Евгеній Онѣгинъ» издавался отдѣльными главами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и между каждымъ предъидущимъ и послѣдующимъ выпусками этого романа Пушкинъ издавалъ другія произведенія, не имѣющія съ нимъ никакой связи. Но эта отрывочность изданія не даетъ еще ни малѣйшаго понятія объ отрывочности самой работы. Строфы каждой главы писаны были въ разбивку, послѣдующія послѣ предыдущихъ, безъ всякаго порядка; часто, напримѣръ, въ тетради написана пятнадцатая или двадцатая строфа, потомъ пятая или десятая и вслѣдъ за нимъ первая или вторая. Между тѣмъ надъ каждою строфою ужь выставлена цифра, означающая мѣсто ея въ полномъ составѣ главы. Этого мало; не только строфы каждой главы писались въ безпорядкѣ, не только Пушкинъ писалъ иногда строфы слѣдующей главы, когда еще не готова была предыдущая, но въ одно и тоже время, на одной и той же тетради онъ писалъ и строфы «Онѣгина» и сцены «Бориса Годунова». Такъ, начавъ писать монологъ Григорія (въ сценѣ съ лѣтописцемъ, въ «Борисѣ Годуновѣ») Пушкинъ бросаетъ его, не кончивъ, и пишетъ XXIV строфу IV-й главы «Евгенія Онѣгина», потомъ нѣсколько строфъ изъ слѣдующихъ главъ романа; затѣмъ оканчиваетъ монологъ Григорія, пишетъ три первые стиха Пименова отвѣта:

Не сѣтуй братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній....

отмѣчаетъ прозаическою фразою сооруженіе, которое должны имѣть слѣдующіе стихи: «Приближаюсь къ тому времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ», пишетъ еще пять стиховъ, и опять переходитъ къ «Евгенію Онѣгину» (XXV строфа IV-ой главы):

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой...

и рисуетъ перомъ портретъ Ольги. Подобныхъ случаевъ много мы

встрѣчаемъ и у другихъ писателей. Такъ, напримѣръ, Гёте писалъ сцены своего «Фауста» не въ послѣдовательномъ порядкѣ. Конечно, такая внѣшняя безпорядочность работы не можетъ быть выставляема на видъ, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. У самого Пушкина она оправдывается только счастливою памятью его, помогавшею ему не потеряться въ хаосѣ, живостью характера, впечатлительностью, нетерпѣливостью, которая такъ обыкновенна въ пылкихъ людяхъ; но должно замѣтить, что беззаботная непослѣдовательность въ исполненіи строго обдуманнаго плана, не мѣшая стройности произведеній, этимъ самымъ изобличаетъ что процессъ изложенія на бумагѣ того, что задумано въ умѣ или фантазіи, есть ужь дѣло второстепенной важности для достоинства произведенія и, большею частью, даже для сознанія самого писателя, если только онъ дѣйствительно одаренъ самороднымъ талантомъ, а не насилуетъ свое воображеніе для придумыванія поэтическихъ картинъ. Въ наше время нѣтъ безусловныхъ авторитетовъ, каждое движеніе которыхъ стояла бы выше критики; но урокъ, извлекаемый изъ привычки Пушкина, не можетъ не имѣть своей важности для русскихъ писателей. Особенно въ наше время, когда и между поэтами или беллетристами и критиками такъ преобладаетъ мнѣніе о великомъ значеніи «отдѣлки», посредствомъ которой доводится произведеніе до «художественности», въ наше время, когда такъ много придаютъ значенія внѣшней формѣ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на отрывокъ изъ черновой записки Пушкина, приводимый г. Анненковымъ, который старается сохранить, какъ драгоцѣнность, каждую строку, найденную имъ въ бумагахъ Пушкина, и въ этомъ справедливо поставляетъ главное право свое на признательность русской публики. Въ отрывкѣ, о которомъ мы говоримъ, Пушкинъ бѣгло обозрѣваетъ развитіе французской литературы, и перечисляя заслуги Ронсара и Малерба, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Люди, одаренные талантами, будучи поражены *ничтожностью* французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться преобразовать его... Пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

„Enfin Malherbe vint et le premier en France
„Fit sentir dans les vers une juste cadence.

Но Малербъ нынѣ забытъ, подобно Ронсару. Сіи два таланта исто-

щили силы свои въ борении съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!»

Если бы мы сколько нибудь усумнились въ справедливости этого замѣчанія о ничтожности наружной отдѣлки сравнительно съ мыслью, безъ всякой заботы о подборѣ словъ и выраженій, оживляющей произведеніе талантливаго писателя, то намъ достаточно было бы вспомнить объ огромной массѣ написаннаго почти каждымъ изъ великихъ писателей, чтобы осязательно увидѣть, какъ мало времени имъ оставалось на процѣживанье сквозь умственный фильтръ каждаго вылившагося изъ души выраженія, на соображенія о томъ, какъ лучше написать: щука съ голубымъ перомъ или голубоперая щука, и хороша ли выйдетъ картина, если сказать: краезлатыя облака. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, написали каждый около ста трагедій, Аристофанъ болѣе пятидесяти комедій,—а всѣ эти люди проводили на народной площади болѣе времени, нежели въ своей рабочей комнатѣ. Перейдя двѣ тысячи лѣтъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ: Вольтеръ, Вальтеръ Скоттъ, Гёте, написали каждый по нѣскольку десятковъ томовъ. Даже Байронъ и Шиллеръ, умершіе такъ рано, успѣли написать столько, что остается удивляться количеству ихъ произведеній. Вѣроятно, всѣмъ этимъ людямъ некогда было долго заниматься подбираніемъ жемчужины къ жемчужинѣ; по неволѣ надобно предположить, что поэтическіе брильянты, если только они самородные, гранятся не столь долговременною полировкою, какъ находимые въ бразильскихъ пескахъ.

Если что требуетъ внимательнаго обдумыванія, то это планъ поэтическаго произведенія. Прояснить въ своемъ умѣ основную мысль романа или драмы, вникнуть въ сущность характеровъ, которые будутъ ее проявлять своими дѣйствіями, сообразить положенія лицъ, развитіе сценъ—вотъ что важно; если поэтъ употребитъ на это по нѣскольку часовъ нынѣ, черезъ мѣсяцъ или два, черезъ годъ, какъ придетъ ему вдохновенная минута подумать о созидаемомъ твореніи, то эти немногіе часы принесутъ болѣе пользы достоинству его произведенія, нежели цѣлые мѣсяцы неусыпной работы надъ улучшеніемъ и исправленіемъ вылившагося уже на бумагу произведенія. И въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на примѣръ Пушкина, который такъ долго обдумывалъ планы своихъ произве-

деній, иногда по нѣсколько лѣтъ ожидая, пока зародившаяся мысль созданія созрѣетъ въ его головѣ, найдетъ себѣ стройное и полное развитіе. «Черновая подготовка матеріаловъ—говоритъ г. Анненковъ—длилась иногда у Пушкина чрезвычайно долго; затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства»—конечно потому, что эти «черновые матеріалы» и составляютъ существеннѣйшую часть творчества. Очень замѣчательно въ этомъ отношеніи исторія развитія его «Египетскихъ ночей», возстановленная теперь г. Анненковымъ по драгоцѣннымъ тетрадямъ поэта. Зародышъ, изъ котораго развились «Египетскія ночи» есть прекрасное стихотвореніе о любовникахъ Клеопатры «Чертогъ сіялъ...», написанное Пушкинымъ еще въ 1825 году. Десять лѣтъ потомъ прошло прежде, нежели развилось въ умѣ его произведеніе, центромъ котораго должно служить это стихотвореніе. Нѣсколько разъ повѣсть эта слагалась въ умѣ его и была имъ отвергаема, какъ еще не вполнѣ выражающая идею. Нѣкоторые набросанные на черно отрывки, тотчасъ же брошенные, какъ не удовлетворительные, остались единственными слѣдами этой долгой и интересной борьбы съ планомъ и содержаніемъ. Такъ онъ началъ было повѣсть, которая была послѣ его смерти напечатана въ «Сто русскихъ литераторовъ» подъ заглавіемъ «Одна глава изъ неоконченнаго романа»; бросивъ это не могшее по его мнѣнію выразить мысли начало, онъ набросалъ другой отрывокъ, изъ котораго г. Анненковъ внесъ въ свои «Матеріалы» все, что можно было разобрать; потомъ написалъ третье начало повѣсти, напечатанное въ прежнемъ изданіи его сочиненій подъ именемъ «Отрывка»; и только послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ по его мнѣнію попытокъ нашелъ истинное содержаніе для своихъ «Египетскихъ ночей». Но и эти многочисленные слѣды различныхъ эпохъ развитія сюжета составляютъ еще только одну часть его исторіи. Прежде, нежели Пушкинъ увидѣлъ, что лучше всего выразитъ его идею такая повѣсть, какъ «Египетскія ночи», онъ думалъ развить ея содержаніе въ повѣсти изъ классическаго міра, и памятниками этого періода развитія сюжета остались программа повѣсти и три ея отрывка, отысканные г. Анненковымъ въ черновыхъ бумагахъ. Главнымъ лицомъ онъ избралъ Петронія, римскаго поэта, у котораго находилъ слѣды новыхъ понятій о жизни, противоположныхъ древнимъ воззрѣніямъ, и личность котораго могла поэтому служить для вы-

раженія идеи, подобной идеѣ «Египетскихъ ночей», контраста между новымъ и древнимъ міромъ; быть можетъ Пушкинъ увлекался и трагическою смертью Петронія, который, подвергшись опалѣ Нерона, открылъ себѣ жилы въ теплой ваннѣ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить самыхъ отрывковъ, но вотъ программа повѣсти (или, какъ намъ кажется, второй части ея).

Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти; избираетъ теплыя. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ *оду*. Описаніе приготовленій. Онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*. О Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*. Петроній приказываетъ разбить драгоцѣнную чашу — диктуетъ Satyricon—разсужденіе о паденіи человѣка—о паденіи боговъ, о общемъ безвѣріи—о превращеніяхъ Нерона. *Рабъ-христіанинъ*...

Вотъ сколько раздумья, вотъ сколько трудовъ стоило Пушкину развитіе содержанія «Египетскихъ ночей». Другіе примѣры того, какъ видоизмѣнялись внимательнымъ углубленіемъ въ сущность мысли планы произведеній Пушкина, представляетъ разсказъ «Братья Разбойники». Онъ первоначально хотѣлъ написать болѣе обширную поэму, въ которой этотъ разсказъ былъ бы только эпизодомъ. Вотъ программа предполагавшейся поэмы, найденная г. Анненковымъ: «Разбойники. Исторія двухъ братьевъ. Атаманъ на Волгѣ. Купеческое судно. Дочь купца.» Но скоро онъ замѣтилъ, что сюжетъ не представляетъ довольно глубины для широкаго развитія и сжегъ свою поэму, кромѣ отрывка, уцѣлѣвшаго въ рукахъ одного изъ пріятелей Пушкина, и показавшагося потомъ Пушкину заслуживающимъ печати. Г. Анненковъ предполагаетъ—и, вѣроятно, справедливо, что маленькая пьеса «Женихъ» впослѣдствіи возникла, если можно такъ выразиться, какъ экстрактъ изъ уничтоженной поэмы. Подобнымъ же образомъ «Мѣдный Всадникъ» произошелъ изъ эпизода задуманной прежде Пушкинымъ большой поэмы, отрывкомъ изъ другаго эпизода которой осталась «Моя родословная». въ рукописи начинавшаяся стихами, которые вошли въ описаніе наводненія. Пушкинъ справедливо обдумалъ, что колоссальный «Мѣдный Всадникъ» дѣлаетъ неумѣстную обстановку «Родословной». Говоря о программахъ, приведемъ также чрезвычайно интересныя программы «Галуба»; онѣ показываютъ, какое глубокое содержаніе должна была пріобрѣсть по мысли автора эта поэма, которой успѣлъ онъ написать только половину. Планъ ея былъ задуманъ еще въ

1829 году, но только черезъ четыре года приступилъ Пушкинъ къ его исполненію. Представляемъ программы рядомъ:

1-я программа.	2-я программа.
1. Похороны	Обрядъ похоронъ.
2. *Черкесъ-христіанинъ.*	Уздень и меньшой сынъ.
3. Купецъ.	I день (отсутствія Тазита). Лань. Почта. Грузинскіе купцы.
4. Рабъ.	II день. Орелъ. Казакъ.
5. Убійца.	*III день. Отецъ его гонитъ.*
6. Изгнаніе.	Юноша и *монахъ.*
7. *Любовь.*	Любовь отвергнута.
8. Сватовство,	Битва и *монахъ.*
9. Отказъ.	
10. Миссіонеръ.	
11. Война.	
12. Сраженіе.	
13. Смерть.	
14. Эпилогъ.	

Пушкинъ слѣдовалъ при исполненіи второй программѣ, которая намъ кажется и позднѣйшею и болѣе художественною. Г. Анненковъ справедливо заключаетъ, что существенная мысль поэмы была—изобразить, какъ Тазитъ, по нравственному развитію ставшій выше суроваго, безпощаднаго дикарства своего племени, тоскующій среди его и наконецъ отвергнутый имъ, принимается гуманнымъ обществомъ христіанскаго міра—и, вѣроятно, (осмѣлимся прибавить мы) падаетъ въ борьбѣ между прежнимъ и новымъ, отвергаемымъ и принимаемымъ нравственнымъ существованіемъ. Пушкинъ успѣлъ исполнить только половину своей программы, и по обыкновенію, зачеркивалъ ея отдѣленія по мѣрѣ того, какъ исполнялъ ихъ. Сличивъ поэму съ программами, видимъ, что Пушкинъ слѣдовалъ второй; но онъ также зачеркивалъ отдѣлы и въ первой программѣ, слѣдовательно вновь соображалъ и оцѣнивалъ ихъ при исполненіи. Въ первой Тазитъ представляется христіаниномъ уже при самомъ началѣ поэмы; по второй программѣ поэма обнимаетъ весь ходъ его развитія; потому вторая кажется намъ полнѣе въ художественномъ отношеніи, и Пушкинъ не безъ причины предпочелъ ее.

Въ этомъ внимательномъ, продолжительномъ, недовѣрчивомъ обдумываніи плана заключается, по нашему мнѣнію, драгоцѣнный урокъ для тѣхъ писателей, которые подумавъ полчаса, пишутъ пол-

года и потомъ поправляютъ годъ—хорошо еще если пишутъ, какъ велитъ одушевленіе труда, и потомъ исправляютъ, а не сидятъ въ раздумьи надъ каждою фразою, не спутываютъ различныхъ работъ, творить и пересматривать—въ одну вялую, утомительную, безхарактерную работу. Конечно, для каждаго особеннаго характера и темперамента есть свои особенныя условія, наиболѣе соотвѣтствующія природѣ, наиболѣе благопріятныя для дѣятельности. Человѣкъ съ ровнымъ, покойнымъ, нѣсколько флегматическимъ умомъ, нѣсколько удобнѣе, нежели человѣкъ съ умомъ бойкимъ, пылкимъ, нетерпѣливымъ, можетъ выносить развлеченія или замедлѣнія въ своей работѣ, не портя ея; но нѣтъ человѣка, который бы не работалъ успѣшнѣе, послѣдовательнѣе, лучше, оставаясь не развлекаемымъ, нежели получая каждую минуту толчекъ подъ руку. Мы принимаемъ въ соображеніе и то, что если люди самоувѣренные или по крайней мѣрѣ твердые могутъ писать не задумываясь надъ словами, не чувствуя въ самую минуту письма потребности перемарывать и зачеркивать одно выраженіе, чтобы замѣнить его другимъ, то для людей съ характеромъ мнительнымъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколько робкимъ и застѣнчивымъ было бы насиліемъ ихъ природному расположенію или даже чистою невозможностью писать прямо, не перечеркивая многихъ фразъ, не призадумываясь иногда надъ выраженіемъ мысли. Но то вѣрно, что для всякой натуры выгодна твердая, неколеблемая судорожными ужимками поступь. Мы именно то и хотимъ сказать, что для всякаго таланта, каковы бы ни были особенныя его наклонности, каковъ бы то ни былъ характеръ человѣка, имъ обладающаго, одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣшной дѣятельности то, чтобъ онъ вполнѣ предавался въ минуты творчества теченію своей мысли, ничѣмъ не задерживая, не возмущая его. Такого рода состояніе, если не есть еще вдохновеніе, то довольно близко къ нему. И мы думаемъ, что каждый талантъ много выиграетъ, если будетъ вполнѣ отдаваться своей природѣ, не стѣсняясь никакими внѣшними соображеніями. А къ числу ихъ принадлежитъ забота о красотѣ выраженій; забыть о ней въ то время, какъ пишешь, вѣрнѣйшее средство достичь ея, на сколько то въ силахъ нашего дарованія. Человѣкъ именно тогда производитъ истинный эффектъ, когда и не думаетъ объ эффектахъ. Это замѣтно даже на хорошихъ актерахъ или пѣвцахъ. А писатель не актеръ, онъ долженъ быть гораздо ближе

къ увлеченію, забывающему о всемъ, кромѣ своего предмета. Недурно при этомъ случаѣ вспомнить и правило политической экономіи о раздѣленіи работъ, которое давно выражено пословицею: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Чѣмъ занялся, тѣмъ и надобно заниматься. Когда пишется, пиши и пиши. Потомъ, когда ужь написано, когда умъ утомился напряженіемъ творчества, перечитывай, соображай и обсуждай написанное. Но— опять есть пословица: написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ—что написалось дурно, нескладно или слабо, тому не придадутъ силы, красоты или стройности никакія исправленія. Послѣдующіе пересмотры произведенія сглаживаютъ только тѣ недостатки произведенія, которые возникаютъ отъ медленности пера, сравнительно съ быстрымъ теченіемъ мысли. Исправить самой мысли, недостатковъ развитія, принадлежащихъ ей самой, они не въ силахъ. И если вы недовольны не мелкими неточностями и угловатостями грамматическими или риторическими, а какими нибудь существенными сторонами написаннаго, лучше и даже разсчетливѣе, относительно количества времени нужнаго для работы—не переправлять, а бросить написанное неудачно и писать вновь. Конечно, это своего рода геройство: кому не жаль бросить свой трудъ? Кому не стыдно передъ собою сознаться, что написалъ вещь, никуда не годную? Потому то и нужно не приниматься писать, необдумавъ ясно и стройно, что должно быть написано. Повторимъ однако еще разъ, что всякая искуственность ведетъ къ холодности и приторности, что лучшій медъ вытекаетъ изъ сотовъ самъ собою, а выжиманіе приноситъ пользу только на маслобойнѣ; что существенное правило не только поэтической дѣятельности, но и вообще жизни: каждый долженъ дѣлать такъ, какъ прилично его натурѣ и сущности производимаго предмета. Пути и проявленія жизни безконечно разнообразны; можно только находить общіе элементы, участвующіе въ созданіяхъ жизни, но нельзя сказать: такого то рода дѣятельность всегда, во всемъ и у всѣхъ должна быть подъ исключительною властью такого-то правила: всегда и во всемъ могутъ быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встрѣчается съ другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство надъ дѣятельностью. Потому и правило: обдумывай, обдумывай и обдумывай, потомъ ничего не будетъ стоить написать; а написанное необдуманно само ничего не стоитъ; или, по просту

выражаясь: пять разъ примѣрь, разъ отрѣжь—это простое правило всякой человѣческой дѣятельности, а не одного только эстетическаго міра, не одно всегда и повсюду управляетъ человѣческою жизнью: встрѣчаются случаи, когда другіе законы и условія жизни выказываютъ свои требованія такъ сильно, что подавляютъ его и измѣняютъ характеръ дѣятельности. Таково лирическое настроеніе духа, являющееся порывомъ. Таковъ (быть можетъ, не совсѣмъ умѣстно, по поводу Пушкина, умъ котораго равнялся таланту и сообщалъ ему наибольшую цѣну, говорить о болѣзненныхъ порожденіяхъ, но у насъ, какъ и вездѣ, хотя не въ такой мѣрѣ какъ у насъ, общая мысль нуждается въ отрицательныхъ приложеніяхъ, чтобы стать замѣтною) таковъ жалкій случай, когда человѣкъ, имѣющій способность писать гладко, не одаренъ способностью стройно мыслить. Случай, къ сожалѣнію, весьма и весьма нерѣдкій. Не знаемъ, какъ бывало это прежде, потому что имена людей, хромавшихъ въ умственномъ отношеніи, не доходятъ до потомства—но современникамъ часто приходится встрѣчаться съ ними. Что же? вѣдь и они люди, вѣдь и они заслуживаютъ сочувствія, да и прямая выгода современниковъ требуетъ не отказывать въ особенныхъ предостереженіяхъ спотыкающимся. Потому, если вамъ, читатель, случится встрѣтить поэта или беллетриста, мыслительность котораго движется такъ невѣрно, что каждому не безчувственному человѣку хочется быть заботливымъ опекуномъ его, то увѣрьте его, что правило обдумывать свои произведенія къ нему не относится: напротивъ, чѣмъ меньше онъ будетъ думать надъ своими произведеніями, тѣмъ лучше. И пусть онъ по преимуществу выбираетъ ихъ сюжетами предметы, «не вызывающіе на размышленіе»: восхожденіе солнца, описаніе весны, утра, бури—особенно прекрасныя темы; антологическія стихотворенія лучше всего приспособлены къ его силамъ; изъ приключеній человѣческой жизни очень удобны для него: первая любовь, свѣтскія отношенія, панегирическія повѣсти о граціозныхъ красавицахъ и о необыкновенныхъ блестящихъ молодыхъ людяхъ; патетическія сцены также не представляютъ большихъ затрудненій. Но онъ лучше всего сдѣлаетъ, если распредѣлитъ время по ровну между творческою дѣятельностью и образованіемъ своей мыслительной способности чтеніемъ хорошихъ книгъ, по выбору опытнаго руководителя, частыми бесѣдами съ дѣльными людьми, и особенно тѣмъ, что будетъ удаляться обще-

ства себѣ подобныхъ. При старательности и скромности, почти каждый въ состояніи сдѣлаться человѣкомъ здравомыслящимъ и способнымъ судить о вещахъ. Умственныхъ горбуновъ отъ природы мало.

Естественнѣйшій методъ всякой работы, и ремесленной, и прозаической, и поэтической состоитъ въ томъ, чтобы ясно обдумать дѣло, и потомъ исполнить его, а потомъ ужь приниматься за пересмотръ и исправленіе. Такъ умѣетъ поступать даже столяръ: сначала сообразитъ, какихъ размѣровъ нужно сдѣлать вещь, какую штуку дерева и какого именно дерева приготовить для каждой ея части; потомъ ужь приготовивъ и сообразивъ матеріалы, начинаетъ ее дѣлать, и дѣлаетъ не останавливаясь надъ полировкою каждаго приклеиваемаго вершка. Наконецъ, давъ просохнуть, устояться своей работѣ, принимается за полировку, если только вещь такого рода, что нуждается въ полировкѣ. Во всякомъ случаѣ, хорошій столяръ славится тѣмъ, что дѣлаетъ мебель изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно и соотвѣтственно ея цѣли, а не тѣмъ что хорошо полируетъ ее: порядочно отполировать умѣетъ самый плохой подмастерье.

И какъ успѣшно идетъ работа, когда все въ ней обдумано и соображено. У Пушкина, напримѣръ, который такъ медленно развивалъ свои созданія въ головѣ, созрѣвъ, они выливались на бумагу чрезвычайно быстро. Такъ первая пѣснь «Полтавы» кончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го, слѣдовательно, каждая пѣснь написана въ недѣлю или менѣе. Большая повѣсть «Дубровскій» начата 21-го октября, кончена 3-го января, слѣдовательно, написана менѣе, нежели въ два съ половиной мѣсяца. Интересными примѣрами того, въ какой незначительной мѣрѣ достоинства, придаваемые мелочною послѣдующею отдѣлкою, возвышаютъ первобытную красоту произведенія, съ которою оно выходитъ изъ подъ пера истинно талантливаго автора, служатъ намъ произведенія, которыхъ Пушкинъ не успѣлъ дописать и слѣдовательно, не могъ пересмотрѣть и окончательно обработать. Мы спрашиваемъ, въ чемъ уступаетъ «Галубъ» законченнѣйшимъ по внѣшней отдѣлкѣ поэмамъ Пушкина? Менѣе ли художественны и самые стихи и картины въ этомъ неотдѣланномъ отрывкѣ, нежели въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», или въ «Полтавѣ»? Другое неоконченное и также не получившее окончательной отдѣлки произведеніе, «Русалка», рѣшительно

должна быть названа однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина «Русалку» едва ли не должно въ художественномъ отношеніи (не по содержанію, не по мысли, а по эстетическимъ достоинствамъ исполненія) поставить наравнѣ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» и «Каменнымъ Гостемъ», выше и «Цыганъ», и «Братьевъ Разбойниковъ» и «Полтавы». Но поразительнѣе всего примѣръ, представляемый «Сценами изъ рыцарскихъ временъ». Это произведеніе яснѣе всего показываетъ, что существенная красота заключена не въ словахъ, которыми умѣетъ геніальный писатель облечь свои мысли, а въ томъ геніальномъ развитіи, которое получаетъ мысль въ его умѣ, воображеніи, соображеніи, назовите это, какъ хотите,— въ художественности, съ какою представляется ему планъ, а не въ выраженіи.

„По бумагамъ Пушкина видно—говоритъ г. Анненковъ—что „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи надписано: *Планъ*, и за тѣмъ, вмѣсто того, чтобъ изложить программу драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены, и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ надлежащаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ“.

Не знаемъ, на сколько развился бы этотъ планъ при полной обработкѣ: не знаемъ, какъ прекрасна была бы драма тогда; но теперь въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ» мы имѣемъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкина; рѣшаемся даже сказать, что не жалѣемъ о томъ, что «остовъ произведенія, представляющій сухость», не былъ обработанъ, не подвергся перекраиванью, развитію и распространенію въ объемѣ. Намъ кажется даже, что сухость этого остова можно замѣтить только, узнавъ по внѣшнимъ признакамъ, что оставшіяся намъ «Сцены»—остовъ, а не вполнѣ законченное художественное произведеніе; не укажи намъ на мысль о сухости и необработанности самъ Пушкинъ, мы должны были бы думать, что даже онъ самъ не могъ бы ни прибавить, ни измѣнить тутъ ни одного слова, не испортивъ или не ослабивъ своей прекрасной драмы. Если бы можно было вполнѣ высказывать свои мнѣнія, то мы сказали бы даже, что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», должны быть въ художественномъ отношеніи поставлены не ниже «Бориса Годунова», а быть можетъ и выше.

Съ вопросомъ о важности мелочной обработки тѣсно связанъ

вопросъ: когда авторъ, заботящійся о художественномъ достоинствѣ своихъ произведеній, становится нелицепріятнымъ судьею того, достойны ли они его имени, могутъ ли быть изданы въ настоящей своей формѣ, или еще не достигли возможнаго совершенства; вопросъ о томъ, долго ли должно храниться произведеніе въ портфеляхъ автора? Пушкинъ очень часто буквально исполнялъ правило Горація «держи у себя подъ замкомъ девять лѣтъ», Nonum prematur in annum. Множество произведеній, совершенно оконченныхъ, лежали у него не изданными по нѣскольку лѣтъ. Не будемъ исчислять всѣхъ случаевъ, ограничиваясь немногими изъ указанныхъ г. Анненковымъ. «Цыгане» оставались неизданными по крайней мѣрѣ три года (изд. 1827, а въ 1824 уже были готовы); то же было съ главами «Евгенія Онѣгина», «Дубровскимъ», Мѣднымъ Всадникомъ»,—однимъ словомъ, съ большею частью поэмъ и повѣстей Пушкина. Одинъ изъ саымхъ замѣчательныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи составляетъ судьба «Бориса Годунова», остававшагося въ портфелѣ автора шесть лѣтъ! Драма эта совершенно окончена въ 1825 году, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ. Впрочемъ, тутъ чрезвычайное замедленіе объясняется особенною важностью, какую придавалъ этому произведенію Пушкинъ, боязнью отдать его на судъ критиковъ, не приготовленныхъ къ тому, чтобъ оцѣнить по достоинству произведеніе, слишкомъ колоссальное для ихъ понятій, по мнѣнію самого Пушкина, и необыкновенно дорогое ему. Г. Анненковъ сообщаетъ намъ объ этомъ интересные отрывки изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина, и мы приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

„Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти, слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава „Онѣгина“ вышла выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо убѣжденъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспира, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены“...

... „Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ „Бориса Годунова“ и хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ произведеній, но, признаюсь, неудача „Бориса Годунова“ будетъ мнѣ чувствительна,

а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, сія трагедія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ"...

И дѣйствительно, холодный пріемъ, встрѣченный этимъ любимымъ твореніемъ Пушкина, произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе, которое отчасти даже содѣйствовало развитію его литературныхъ понятій въ смыслѣ, противоположномъ его прежнему доброму стремленію впередъ. «Нововведенія опасны, и, кажется, ненужны», говоритъ онъ въ черновомъ письмѣ, по поводу разборовъ «Бориса Годунова» въ тогдашнихъ журналахъ. Не разсматривая вопроса, до какой степени основательны были эти разборы, скажемъ только, что «Борисъ Годуновъ» дѣйствительно не занялъ того мѣста въ исторіи русскаго литературнаго или сценическаго развитія, какое предназначалъ ему Пушкинъ. Колоссальны или нѣтъ достоинства этой драмы, но она до сихъ поръ не оказала большаго вліянія ни на писателей, ни на читателей нашихъ, и главы «Евгенія Онѣгина», о которыхъ сравнительно съ нею такъ презрительно отзывается Пушкинъ, были гораздо важнѣе ея для нашей литературы. Какъ бы то ни было, мы не будемъ удивляться, что Пушкинъ, обыкновенно столь проницательный, несовсѣмъ безпристрастно смотрѣлъ на литературную важность своихъ произведеній: «Евгеній Онѣгинъ» писался легко, а «Борисъ Годуновъ» стоилъ автору многихъ трудовъ; кромѣ того, Пушкинъ считалъ драму высочайшею формою искусства. И теперь обыкновенно думаютъ тоже. Виною такого мнѣнія, конечно, драмы Шекспира — величіе его генія заставило считать и форму его произведеній чѣмъ-то монументальнымъ, какъ нѣкогда на основаніи превосходства Гомеровыхъ эпопей думали, что безсмертіе дается поэту только сочиненіемъ «Эпопеи». Но если Пушкинъ медлилъ издавать «Бориса Годунова» потому, что слишкомъ дорожилъ имъ, то при изданіи другихъ произведеній, особенно мелкихъ, которымъ не придавалъ онъ большой цѣны, онъ не могъ останавливаться опасеніемъ отдать ихъ на судъ журналовъ и публики. А между тѣмъ не только поэмы, повѣсти, но и лирическія стихотворенія часто лежали въ его портфеляхъ неизданными. Беремъ изъ сотни ука-

заній, представляемыхъ примѣчаніями г. Анненкова ко второму тому, нѣсколько случаевъ. Изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1824 году, «Ночной зефиръ струитъ эѳиръ» было напечатано только въ 1827 году, «Аквилонъ» (*Зачѣмъ ты грозный Аквилонъ*) осталось ненапечатаннымъ до смерти, хотя Пушкинъ, какъ видно, считалъ его достойнымъ печати, поправляя въ 1830 году; «Коварность» (*Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей*) явилось только въ 1830 году; «Къ Языкову» (*Издревле сладостный союзъ*) только въ 1828 году; «Узникъ» (*Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой*) только въ 1832 году. Конечно, такая чрезвычайная медленность была личнымъ произволомъ или особенностью характера, и было бы странно поставлять ее въ примѣръ. Напротивъ, надобно даже сказать, что излишнее задерживаніе своихъ произведеній неизданными можетъ отчасти вредить свѣжести творчества и еще прямѣе развитію таланта. Но въ наше время, кажется, нѣтъ надобности настаивать на необходимости своевременной отдачи произведеній на общій судъ, по малочисленности людей, погрѣшающихъ противъ этого правила. Если

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,

то блаженны въ наше время почти только тѣ писатели, которыхъ не соглашается печатать ни одинъ журналъ. Не будемъ, впрочемъ, доходить въ нашихъ мнѣніяхъ до несправедливости: если можно упрекнуть многихъ нашихъ писателей въ поспѣшности, съ какою печатаютъ они свои произведенія, то эта привычка, несовсѣмъ выгодная для таланта, не достигаетъ ни у кого изъ нихъ пагубнаго развитія, въ какомъ упрекали французскихъ фельетонныхъ романистовъ: наши беллетристы посылаютъ свои разсказы въ типографію не листъ за листомъ, сами еще не зная, что будетъ написано въ слѣдующей главѣ романа. Они не только дописываютъ романъ до конца прежде, нежели начинаютъ его печатать, но и перечитываютъ, исправляютъ, вообще, сообразно своимъ убѣжденіямъ, заботятся о возможномъ совершенствѣ своихъ произведеній. Литературное самолюбіе или честолюбіе у насъ еще очень сильно. Въ другихъ отношеніяхъ оно, конечно, имѣетъ свои вредныя слѣдствія, но въ томъ, о которомъ говоримъ мы теперь, приноситъ свою пользу. Каждый, справедливо или несправедливо судя о своихъ произведеніяхъ, все-таки старается написать не какъ можно

больше, а какъ можно лучше. Потому-то и не безполезно говорить объ условіяхъ этого совершенствованія. Тотчасъ послѣ того, какъ написана повѣсть, или комедія, перечитывать ее почти безполезно. Авторъ еще не успѣлъ отрѣшиться отъ своего произведенія, если выражаться высокимъ слогомъ; проще говоря, находится еще въ томъ же самомъ настроеніи чувствъ и мыслей, какое выразилось въ его повѣсти, еще не могъ освободить своей головы отъ всѣхъ понятій и подробностей, которыя тогда показались ему хороши, не можетъ поэтому держать себя относительно ихъ независимо, самостоятельно, допускать ихъ овладѣвать вновь собою только въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣйствительно того заслуживаютъ, не сошелъ еще съ привычныхъ точекъ зрѣнія, и перечитывая повѣсть будетъ признавать необходимость подробностей, стройность развитія, вѣрность характеровъ, здравость содержанія не по свободному сочувствію, а просто по неразсѣявшейся еще предубѣжденности. Время обсуживать свое литературное дѣло, какъ и всякое другое дѣло, приходитъ тогда, когда настроеніе, его произведшее, успѣло уже въ насъ смѣниться другими, или выражаясь громкими фразами, когда потокъ жизни омоетъ и освѣжитъ нашъ умъ. Скоро или нѣтъ настанетъ это время—зависитъ отъ содержанія произведенія. Если его основное значеніе было: выразить общія воззрѣнія автора на жизнь или одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ ея, и на требованія искусства, быть можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи онъ критически, спокойно взглянуть на него; въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ разницы, черезъ день или черезъ годъ по окончаніи начнетъ онъ свою критику. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать только мелочныя исправленія. Но человѣкъ съ умомъ пытливымъ, наклоннымъ къ недовѣрчивости, очень скоро, почти тотчасъ же послѣ того, какъ освѣжится воображеніе, утомленное работою, можетъ быть безпристрастнымъ судьею произведенія, возникшаго изъ его общихъ убѣжденій, а не случайнаго страстнаго настроенія. Напротивъ, произведенія, порожденныя страстью, увлеченіемъ, вообще особеннымъ, не постояннымъ расположеніемъ духа, каждый авторъ, каковъ бы ни былъ характеръ его ума, можетъ обсудить безпристрастно, какъ скоро минуется это состояніе и обыкновенно слѣдующая за нимъ реакція въ противуположномъ направленіи, что бываетъ иногда черезъ много лѣтъ, а иногда и черезъ нѣсколько часовъ. Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ,

настало ли бы когда нибудь для Пушкина время непредубѣжденнымъ взглядомъ пересмотрѣть своего «Бориса Годунова», неразрывно связаннаго съ его общими убѣжденіями о драмѣ и объ одномъ изъ важныхъ періодовъ въ русской исторіи, понятія о которой установились у него твердо. Но при подвижности своего характера, конечно, могъ онъ проницательно пересмотрѣть «Бахчисарайскій фонтанъ» очень скоро послѣ того, какъ дописалъ послѣдній стихъ.

Всѣ эти различія, конечно, ясны сами собою; но мы упомянули о нихъ для того, чтобы не оставить повода къ предположенію, будто бы мы требуемъ чрезмѣрнаго, или считаемъ нужнымъ полагать какія нибудь неподвижныя границы. Напротивъ, и здравый смыслъ и эстетика говорятъ писателю, что отрѣшеніе отъ всякихъ внѣшнихъ, формальныхъ стѣсненій, не вытекающихъ изъ сущности самаго дѣла—существеннѣйшее условіе для успѣшнаго труда. Каждый долженъ поступать такъ, какъ велитъ ему его натура и здравый разсудокъ. Иному нужно переправлять свои произведенія, у другаго нѣтъ этой потребности и надобности, и каждый долженъ поступать въ этомъ случаѣ, какъ лучше для него. Мы говоримъ только о благопріятнѣйшихъ условіяхъ работы для людей съ такою нравственною организаціею, которая встрѣчается чаще всего.

Но какъ же велики должны быть измѣненія, вносимыя въ произведенія окончательною отдѣлкою? Вообще эстетическія соображенія увѣряютъ насъ, что въ написанномъ можно исправлять, не вредя произведенію, только степень развитія подробностей и образъ выраженія. Перо не успѣваетъ слѣдить за мыслью; потому всегда могутъ встрѣчаться въ написанномъ нѣкоторыя неполноты, недостатокъ довольно закругленныхъ переходовъ; какъ бы ни велико было умѣнье писателя владѣть языкомъ, всегда будутъ встрѣчаться случаи, что нѣкоторымъ выраженіямъ можетъ быть придано болѣе точности или силы. Наконецъ—и это важнѣе всего—нѣтъ человѣка, который не увлекался бы пристрастіемъ останавливаться съ любовью на собственныхъ мысляхъ—потому длиннота, растянутость незамѣтно для автора вкрадывается въ его произведеніе; истребить ее, безпощадно вычеркнуть все лишнее, вотъ въ чемъ должна состоять существеннѣйшая часть работы при пересмотрѣ написаннаго; если авторъ строго исполнитъ эту обязанность, его произведеніе чрезвычайно много выиграетъ, и, ставъ вдвое меньше объемомъ, будетъ имѣть въ двадцать разъ болѣе достоинства для читателя.

Но, какъ мы уже говорили, вносить въ планъ существенныя измѣненія при окончательной передѣлкѣ, чрезвычайно опасно: въ художественномъ произведеніи всѣ части должны быть между собою въ строгой зависимости, и почти невозможно не нарушить его стройности, измѣняя одну изъ нихъ—кто можетъ прослѣдить всѣ отношенія, связывавшія ее съ другими частями? Какъ ни прилежно будетъ просматривать свое произведеніе авторъ, приводя всѣ его отдѣлы въ гармонію съ измѣненнымъ или вставленнымъ вновь эпизодомъ, почти всегда многія несообразности ускользнутъ отъ него, произведеніе будетъ имѣть видъ не вылившагося изъ одной мысли, а склееннаго изъ разныхъ клочковъ. Только новое бываетъ истинно хорошимъ. Съ перешитаго и переправленнаго не могутъ быть никакими щетками и утюгами сглажены слѣды поношенности и угловатости. Потому, если авторъ не доволенъ въ своемъ произведеніи чѣмъ нибудь существеннымъ, не переправлять его долженъ онъ, а бросить и писать все вновь.

Отъ этихъ новыхъ соображеній, внушаемыхъ самыми простыми условіями художественности, обращаясь къ авторской манерѣ Пушкина, мы находимъ у него перечеркиванье и исправленіе въ чрезвычайно обширномъ размѣрѣ, какъ бы не только отдѣлка стиха, но и самое облеченіе мысли въ стихотворную форму, стоило ему чрезвычайныхъ усилій, какъ бы эти стихи, поражающіе прежде всего своею легкостью, писалъ онъ съ большимъ трудомъ, какъ бы механизмъ стиха представлялъ Пушкину затрудненія. Г. Анненковъ собралъ въ своихъ «Матеріалахъ» очень много данныхъ этой тяжелой, почти хаотической борьбы съ стихомъ. Многія страницы, заключающія въ себѣ, какъ можно угадывать по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, неизданныя стихотворенія или отрывки, перечерканы, испещрены помарками до того, что нѣтъ возможности возстановить написанное. Почти тоже надобно сказать о черновыхъ спискахъ многихъ стихотвореній, переписанныхъ потомъ самимъ Пушкинымъ на-бѣло; снимокъ одного черноваго листка «Полтавы» приложенный къ «Матеріаламъ», утомитъ вниманіе каждаго, кто попробуетъ разобрать исторію образованія стиховъ:

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.

«Почти каждая строка его стиховъ—говоритъ г. Анненковъ—свидѣтельствуетъ объ этой особенности его удивительно-мужествен-

наго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исписанной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣть помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе, чистое какъ алмазъ, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ». Прежде, нежели попробуемъ объяснить обширность размѣра, какой принимаетъ у Пушкина отдѣлка стиха, укажемъ обыкновеннѣйшій результатъ ея—уменьшеніе объема стихотворенія, строгое уничтоженіе множества, быть можетъ половины задуманныхъ стиховъ. Не будемъ приводитъ безчисленнаго количества стиховъ и строфъ, вычеркнутыхъ Пушкинымъ изъ «Евгенія Онѣгина». Два-три примѣра изъ другихъ произведеній будутъ достаточны для убѣжденія въ томъ, до какой степени Пушкинъ боялся растянутости. Размышленіе Пимена надъ своею лѣтописью заключалось въ рукописи такъ:

Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ.
Властители, которымъ былъ покоренъ,
И недруги, и старые друзья—
Товарищи моей цвѣтущей жизни..
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью—
И мнѣ давно, давно пора за ними!...

Изъ этихъ десяти стиховъ Пушкину показался неизлишнимъ по своей мысли только предпослѣдній, и весь длинный эпизодъ, дѣйствительно растягивавшій монологъ безполезнымъ повтореніемъ того, что высказывается въ другихъ стихахъ его, замѣненъ двустишіемъ:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня.

Въ «Полтавѣ» онъ зачеркиваетъ стихи, описывающіе страданія влюбленнаго казака, отвергнутаго Маріей (въ 1-й пѣснѣ); въ третьей пѣснѣ послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
Внималъ любовникъ ей жестокой,
Но вихрю мыслей предана..

Уничтожена большая часть монолога сумасшедшей:

Ей Богу, говоритъ она,
Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
Тамъ въ башнѣ спрятался. Пойдемъ,
Не будемъ горевать о немъ.
Пойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поетъ и т. д.

всего семнадцать стиховъ. Въ «Русалкѣ» уничтоженъ отрывокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ въ сценѣ свадьбы, послѣ упрека дружка дѣвицамъ за ихъ печальную пѣсню; этотъ эпизодъ заключалъ продолженіе упрековъ и смятенія, произведеннаго появленіемъ утопленницы. Точно также въ началѣ «Мѣднаго Всадника» уничтожены длинныя размышленія Евгенія (по возвращеніи домой въ вечеръ передъ наводненіемъ) о томъ, что онъ женится на Парашѣ и будетъ съ нею счастливъ. Конечно, всякій согласится, что эти стихи безъ нужды растягивали сцену. Нѣсколько сотъ такихъ стиховъ сохранено въ «Матеріалахъ» и г. Анненковъ справедливо обращаетъ вниманіе писателей на эту строгость Пушкина къ собственнымъ произведеніямъ.

Дѣйствительно, большая часть современныхъ повѣстей, романовъ, заставляютъ сознаться, что слишкомъ многіе беллетристы нуждаются въ подобномъ урокѣ. Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій—растянутость и необходимое слѣдствіе ея—блѣдность картинъ, вялость сценъ, пустота и утомительность всего произведенія. Кажется, будто бы почти каждый писатель (о безталанныхъ мы не говоримъ; но грустно, что одаренные замѣчательнымъ талантомъ подвержены этой слабости наравнѣ съ безталанными) считаетъ несравненною драгоцѣнностью всякое выраженіе, какое только мелькнетъ въ головѣ, всякую подробность, какая только ему вообразится, и спѣшитъ обогатить ею свой разсказъ; кажется, будто онъ сочтетъ себя преступникомъ, самоубійцею, похитителемъ, если лишитъ читателя хотя одного изъ тѣхъ перловъ, которые такою однообразною нитью тянутся изъ подъ его пера; кажется, будто бы онъ и не могъ вѣрить, что даже въ калифорнскихъ золотыхъ розсыпяхъ на одну горсть золотаго—приходится цѣлый возъ простаго песку, и что разрабатывающій ихъ становится богатъ только черезъ то, что извлекая немногія зерна золота, съ презрѣніемъ отбрасываетъ огромнѣйшее количество никуда негодной примѣси. Въ чемъ заключается самое поразительное отличіе геніальныхъ произведеній отъ дюжинныхъ? Только въ томъ, что «красоты», если употреблять старинное выраженіе, составляютъ въ геніальномъ произведеніи сплошной рядъ страницъ, а не разведены пустоловіемъ безцвѣтныхъ общихъ мѣстъ. Если бы кто нибудь захотѣлъ въ какомъ нибудь жалкомъ, забытомъ романѣ съ вниманіемъ ловить всѣ проблески наблюдательности, всѣ вѣрныя черты характеровъ и дѣй-

ствованія, всѣ мѣткія выраженія и т. д., онъ собралъ бы довольно много строкъ, которыя по достоинству ничѣмъ не отличаются отъ строкъ, изъ которыхъ составлены страницы произведеній, восхищающихъ насъ. Не надобно также думать, что и «остовъ», по выраженію г. Анненкова, въ дюжинныхъ произведеніяхъ не бываетъ часто также хорошъ, какъ и въ первостепенныхъ произведеніяхъ. Различіе состоитъ въ томъ, что страницы геніальнаго произведенія наполнены содержаніемъ, а то количество содержанія, которое растянуто на десяткахъ страницъ дюжиннаго произведенія, было бы едва достаточно для наполненія одной страницы и расплылось незамѣтными крупинками въ озерахъ прѣсныхъ общихъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что бездарный человѣкъ безполезно прилагалъ бы величайшія усилія сдѣлать изъ своего романа что-нибудь порядочное; но со стороны писателя, не лишеннаго дарованія, часто недоставало только рѣшимости сжать свое произведеніе, чтобъ оно изъ слабаго стало очень порядочнымъ. Сжатость—первое условіе эстетической цѣны произведенія, выставляющая на видъ всѣ другія достоинства. Конечно, во всемъ можетъ быть вредное излишество: но безполезно говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ никто не подвергается; господствующая нынѣ эстетическая болѣзнь—водяная, дѣлаетъ столько вреда, что, кажется, отрадно бы было даже увидѣть признаки сухотки, какъ пріятенъ морозный день, сковывающій почву среди октябрскаго ненастья, когда повсюду видишь бездонно-жидкія трясины.

Особенно намъ, русскимъ, должна быть близка и драгоцѣнна сжатость. Не знаемъ, свойство ли это русскаго ума, какъ готовы думать многіе, или, скорѣе, просто слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, но всѣ прозаическія, даже повѣствовательныя, произведенія нашихъ геніальныхъ писателей (не говоримъ о драмахъ и комедіяхъ гдѣ самая форма опредѣляетъ объемъ) отличаются сжатостью своего внѣшняго объема. «Герой нашего времени» занимаетъ немного болѣе половины очень маленькой книжки; Гоголь, кромѣ «Мертвыхъ Душъ» писалъ только маленькія по числу страницъ повѣсти; да и самыя «Мертвыя Души», колоссальнѣйшее изъ первостепенныхъ произведеній русской литературы, еслибъ даже и было докончено въ размѣрахъ, предположенныхъ авторомъ (три тома) едва равнялось бы половинѣ какого-нибудь Диккенсова, Теккереева или Жоржъ-Зандова романа. Если обратимся за примѣ-

рами къ Пушкину, онъ покажетъ намъ тоже самое. «Дубровскій» и «Капитанская дочка» (которую Пушкинъ называлъ, какъ мы видѣли, широкимъ именемъ «романа въ двухъ частяхъ»)—повѣсти такого размѣра, что, будучи помѣщены въ какомъ-нибудь изъ нашихъ журналовъ, развѣ только обѣ вмѣстѣ оказались бы достаточны для наполненія отдѣла словесности въ одномъ нумерѣ, да и будучи напечатаны обѣ вмѣстѣ, вызвали бы у рецензентовъ другихъ журналовъ замѣчаніе: «Давно мы не встрѣчали въ журналѣ NN отдѣла словесности столь тощимъ по объему, какъ нынѣ». Зато и замѣтно различіе между этими маленькими разсказами и тѣми пухлыми произведеніями, которыя такъ привольно распространяютъ свои необразимые члены по сотнямъ огромныхъ журнальныхъ страницъ. Прочитайте три, четыре страницы «Героя нашего времени», «Капитанской дочки», «Дубровскаго»—сколько написано на этихъ страничкахъ!—И мѣсто дѣйствія, и дѣйствующія лица, и нѣсколько начальныхъ сценъ, и даже завязка—все помѣстилось въ этой тѣсной рамкѣ. Такой сухости не встрѣтите въ художественно развитыхъ созданіяхъ писателей и писательницъ, прекрасный слогъ которыхъ всѣ такъ хвалятъ. Переверните три листа (читать ихъ не стоитъ)—вы увидите, что все еще тянется съ первой страницы описаніе комнаты, въ которой сидѣлъ герой или героиня разсказа; перевертывайте еще листъ—а, наконецъ-то! описаніе комнаты кончилось (благодарите судьбу, что герой сидитъ въ комнатѣ: еслибъ онъ ѣхалъ или шелъ по полю, картина была бы во столько же разъ длиннѣе описанія комнаты, во сколько разъ поле съ рѣкою и рощею обширнѣе комнаты)—и такъ описаніе комнаты кончилось и началось описаніе физическихъ принадлежностей героя или героини; смѣло перевертывайте два листа: только на третьемъ авторъ переходитъ къ размышленіямъ и объясненіямъ нравственныхъ качествъ своего паціента. Черезъ пять листовъ они (насилу-то!) перерываются появленіемъ въ комнатѣ новаго лица, которое, выдержавъ прилично подробное описаніе, начинаетъ разговоръ, который (послѣ всѣхъ прежнихъ объясненій автора) знакомитъ васъ съ характеромъ героя; содержаніе разговора: герой говоритъ: «я скучаю» (или «я влюбленъ») и если читатель не знаетъ по-русски, то̀ изъ разговора, занимающаго пять страницъ, познакомится съ значеніемъ слова «скучаю» (или «влюбленъ»). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было

рѣшительно излишне, скучно, вяло и пусто. Впрочемъ осуждать не смѣемъ: всѣ перевернутые нами листы написаны прекраснымъ слогомъ. А быть можетъ изъ этихъ холодныхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ двадцати или тридцати страницъ и составилась бы одна исполненная блестящей или тонкой наблюдательности страница, еслибъ авторъ болѣе дорожилъ терпѣніемъ читателей или хотя бумагою, нежели рубинами и изумрудами своего прекраснаго слога. Вѣдь самое блестящее, самое богатое платье на вѣшалкѣ имѣетъ очень не изящный видъ. Оно хорошо только тогда, когда имъ облеченъ живой человѣкъ, стройный и свѣжій. Нѣтъ, намъ дороже всего брильянты и изумруды:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами:
Жемчугу бездна и сребра,
Кипитъ, блеститъ, вверхъ бьетъ буграми...

и въ безсиліи падаетъ мокрою пылью, производящею на живаго человѣка самое непріятное ощущеніе, а въ слабыхъ людяхъ даже насморкъ. Иногда приходитъ охота представить осязательное доказательство того, какой вредъ приноситъ растянутость, какой интересъ, силу и даже красоту придаетъ сжатость, сдѣлавъ изъ какой нибудь растянутой повѣсти, прошедшей незамѣченною, «извлеченіе», «экстрактъ», который бы выказалъ ея достоинства, погибшія въ пучинахъ многословія.

Но возвратимся къ авторскимъ привычкамъ Пушкина, къ этой «мелкой сѣти помарокъ», которыми опутаны его стихи. Многіе видѣли въ этомъ по преимуществу изумительную и достойную всякаго подражанія заботливость поэта объ усовершенствованіи своихъ стихотвореній. Мы согласны, что стихи всегда требуютъ внимательной отдѣлки, что стихотвореніе неперемаранное, не перечерканное, почти всегда будетъ страдать шероховатостью. Но отъ этой лежащей въ самой сущности дѣла необходимости дѣлать въ стихахъ много поправокъ, далеко еще до того безчисленнаго множества помарокъ, какое находимъ у Пушкина, и намъ кажется неизлишнимъ представить нѣкоторыя соображенія съ цѣлью предупредить ложные выводы изъ этой особенности поэтическихъ работъ Пушкина. Въ наше время, и безъ того придающее слишкомъ много цѣны внѣшности и мелочамъ, было бы, намъ кажется, вредно говорить писателямъ: «Вы тогда только напишете хорошо, когда пере-

правите двадцать разъ каждый стихъ, когда не оставите ни одного не перечеркнутаго слова:

Saepe stylum vertas,

какъ училъ еще Горацій, *поправляй и поправляй*, тогда только будешь истиннымъ поэтомъ. Мелочнымъ исправленіемъ, филигранною обработкою фразъ достигается художественность». А таковъ кажется, на первый взглядъ, долженъ быть выводъ изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.

Но внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ значительно измѣняетъ его. Не всѣ стихи Пушкина такъ перечерканы въ черновыхъ спискахъ, какъ, напримѣръ, отрывокъ изъ «Полтавы», съ котораго снимокъ приложенъ къ изданію г. Анненкова; г. Анненковъ заставляетъ насъ заключить, что многіе стихотворенія, не уступающія другимъ въ художественности, мало подвергались перечеркиванью; по крайней мѣрѣ онъ послѣ выписанныхъ нами строкъ о томъ, какою «мелкою сѣткою помарокъ» покрыты бываютъ страницы Пушкина продолжаетъ: «Мы въ правѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинынъ сразу, прошли черезъ то же горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его». Слѣдственно и самъ Пушкинъ часто «писалъ сразу» свои произведенія. Нетерпѣливости его характера, тому самому качеству, которое заставляло его писать въ разбивку, также должно быть приписано большое участіе въ помаркахъ—Пушкинъ начиналъ писать стихъ, не успѣвъ мысленно окончить его, не успѣвъ предвидѣть сочетанія риѳмъ; потому риѳмы часто заставляли его передѣлывать стихъ, это ясно изъ множества приводимыхъ у г. Анненкова отрывковъ. Много можно привесть подобныхъ объясненій, основанныхъ на особенностяхъ характера Пушкина.

Но важнѣе всѣхъ этихъ причинъ то обстоятельство, что Пушкинъ сравнительно съ нынѣшними поэтами, былъ въ исключительномъ положеніи. Ему предстояло еще выработать стихъ—тяжелый трудъ, отъ котораго, благодаря ему, избавлены теперь русскіе поэты, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаютъ читать, привыкающіе къ стихамъ, лучше которыхъ по художественности, музыкальности и легкости никто отъ нихъ не требуетъ, да и сами они не могутъ вообразить себѣ. Кромѣ стиха, Пушкинъ долженъ былъ выработать себѣ и языкъ, конечно, представлявшій очень много за-

трудненій. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ Пушкина чрезвычайно много разнится отъ языка Жуковскаго и Карамзина. Наконецъ Пушкинъ долженъ былъ бороться съ пріемами, которые были введены въ привычку прежними стихотворцами, онъ долженъ былъ отбрасывать множество употребительныхъ въ тогдашнее время выраженій, которыя сами собою подвертывались подъ перо, и между тѣмъ уже не годились для его поэзіи. Эта борьба съ устарѣлымъ слогомъ уже не существующая для насъ, благодаря рѣшительной побѣдѣ Пушкина, должна была стоить ему многихъ трудовъ, потому что, несмотря на всѣ исправленія, оставила въ его стихахъ нѣкоторые слѣды. Теперь никто не будетъ отрицать, что у Пушкина часто встрѣчаются устарѣлыя и для его времени фразы. Ему было надобно много усилій, чтобы изгонять такихъ неотвязныхъ гостей.

Наконецъ мы позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя сомнѣнія относительно удобства для русскаго языка той версификаціи, которая господствуетъ со времени Ломоносова. Конечно, мы теперь чрезвычайно привыкли къ ней, благодаря отчасти самому Пушкину; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что она не такъ натурально приходится къ свойствамъ нашего языка, какъ, напримѣръ, къ свойствамъ нѣмецкаго, изъ котораго была заимствована безъ всякихъ перемѣнъ и принаровленій. Хотя столь общій эпизодъ, относящійся вообще къ русской поэзіи, можетъ показаться не совсѣмъ умѣстнымъ въ статьѣ о сочиненіяхъ одного поэта, но до сихъ поръ для большей части и читателей и поэтовъ произведенія Пушкина остаются «образцовою книгою русской поэзіи» и какой же лучшій случай можетъ быть найденъ для общаго взгляда на русскую версификацію, если не воспользоваться представляющимся теперь. Кромѣ того, если не Пушкинъ установилъ нашу версификацію, то онъ упрочилъ преобладаніе въ ней тѣхъ или другихъ размѣровъ.

Пересмотрѣвъ любой стихотворный сборникъ, мы будемъ поражены преобладаніемъ ямба надъ всѣми остальными размѣрами въ русской поэзіи. Но невозможно предположить всей огромности этого преобладанія, не взявъ на себя труда подвести итоги. Лучшій примѣръ—второй томъ новаго изданія, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія Пушкина до 1830 года (включительно). Вотъ общіе итоги размѣровъ всего этого собранія стихотвореній съ 1818

по 1830 годъ (не считаемъ лицейскихъ, еще не принадлежащихъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ):

Ямбомъ написано.	175	стихотвореній.
Хореемъ.	29	„
Амфибрахіемъ	7	„
(Дактилемъ) гекзаметромъ . .	6	„
Анапестомъ.	1	„

Кромѣ того, надобно замѣтить, что большая часть стихотвореній, написанныхъ не ямбическими размѣрами, принадлежитъ къ числу мелкихъ (эпиграммы, надписи, антологическія стихотворенія) Если мы не будемъ принимать ихъ въ разсчетъ, у насъ на сто слишкомъ стихотвореній ямбическихъ останется семнадцать хореическихъ, шесть амфибрахическихъ и одно анапестическое. Мы видимъ, что изъ остальныхъ размѣровъ, кромѣ ямбическаго, Пушкинъ писалъ почти только хореическимъ (особенно съ 1828 года, какъ бы утомясь однообразіемъ ямба); а размѣры, имѣющіе трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій и анапестъ) употреблялъ чрезвычайно рѣдко. Но замѣчательно то обстоятельство, что эти немногія стихотворенія всѣ принадлежатъ къ лучшимъ или любимѣйшимъ, по общему правилу, что все рѣдкое бываетъ или особенно удачно, или особенно неудачно *)

На чемъ же основано такое господство ямба и отчасти хорея, изгоняющее всѣ другіе размѣры? Неужели дѣйствительно ямбъ— самый естественный для русскаго языка размѣръ? Такъ обыкновенно думаютъ; но не такъ на самомъ дѣлѣ. Двухсложныя стопы (ямбъ и хорей) господствуютъ въ нѣмецкой версификація, потому что нѣмецкая рѣчь, говоря вообще, сама собою укладывается въ двухсложныя стопы, имѣя ровное число слоговъ съ удареніями и безъ удареній **). Не то въ русской рѣчи. Наши слова вообще

*) Амфибрахическія: 1) «Черная шаль», 2) «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», 3) «Подражаніе корану» (*И путникъ усталый на Бога роптал*), 4) «Узникъ» (*Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой*), 5) «Кавказъ» (*Кавказъ надо мною. Одинъ въ вышинѣ*). Только 6) «Вакхическая пѣсня» (*Что смолкнулъ веселія гласъ*), быть можетъ почтена исключеніемъ. Единственное стихотвореніе, написанное анапестомъ: *Пью за здравіе Мери.*

**) Не приводимъ примѣровъ; чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ развернуть первую попавшуюся въ руки нѣмецкую книгу (конечно мы говоримъ о прозѣ) и сосчитать на нѣсколькихъ строкахъ ко-

многосложнѣе; мы не ставимъ болѣе одного ударенія на сложныхъ словахъ; гораздо рѣже, нежели нѣмцы, дѣлаемъ удареніе на мѣстоименіяхъ и частицахъ. Ужь поэтому можно предположить, что у насъ рѣчь не будетъ такъ натурально укладываться въ ямбы и хореи, какъ у нѣмцевъ, отъ которыхъ перешло къ намъ пристрастіе къ двусложнымъ стопамъ. Чтобы видѣть, въ какія стопы всего естественнѣе должна ложиться русская рѣчь, попробуемъ сосчитать количество удареній, въ ней находящихся. У насъ подъ руками вторая книжка «Современника» за нынѣшній годъ, и изъ нея мы возьмемъ три или четыре отрывка, потому что откуда ни брать ихъ, все равно: результатъ получится тотъ же самый. Вотъ нѣсколько строкъ изъ первой страницы повѣсти г. Писемскаго «Виновата ли она?». Отмѣчаемъ удареніе большими буквами:

я жИлъ одИнъ, знакОмыхъ не имѣлъ никогО и едИнственнымъ моИмъ развлечЕніемъ бЫло часА пО-два, пО-три ходИть по ТверскОму бульвАру, и, БОгъ знАетъ, чегО не передУмать. ОднАжды я встрѣтилъ молодОго человѣка, котОрый прЯмо обратИлся ко мнѣ съ вопрОсомъ: не знАете ли когО нибУдь ихъ вАшихъ товАрищей, ктО бы приготОвилъ менЯ въ университЕтъ? я посмотрѣлъ на негО прИстально; на вИдъ емУ бЫло лѣтъ осьмнАдцать, одѣтъ онъ бЫлъ небрЕжно, въ пріЕмахъ егО виднА былА безпЕчность. ЛицО выразИтельно и съ глубОкимъ оттѣнкомъ меланхОліи. — Если вамъ угОдно, я мОгу взЯть Это на себЯ, отвѣчАлъ я.

Всего 193 слога; удареній 66; $3 \times 66 = 198$. Итакъ, только пяти слоговъ не достаетъ, чтобы количество слоговъ было втрое больше количества удареній. Вотъ начало разсказа «Голубые глазки»:

Въ однОмъ изъ сАмыхъ многолЮдныхъ квартАловъ ПетербУрга, въ большОмъ и многолЮдномъ дОмѣ жилА мѣщАнка ПраскОвья ИвАнова, въ продолжЕніе четЫрнадцати лѣтъ срЯду помѣщАлась онА въ двУхъ кОмнатахъ подвАльнаго этАжа, въ сАмой глубинѣ дворА.

Всего 75 слоговъ и 25 удареній. Совпаданіе числъ точно до странности. Вотъ послѣдній отрывокъ—начало первой главы переводнаго романа «Часовщикъ»:

я всегдА хорошО Ѣздилъ; я охОтникъ до лошадЕй и всегдА гордИлся тѣмъ, что у менЯ сАмый рѣзвый рысАкъ въ цѣлой провИнціи, я никогдА не отличАлся блестЯщими успѣхами въ свѣтѣ, тѣмъ съ бОльшимъ удовОльствіемъ я сознаЮ, что менЯ никтО не обгОнитъ въ чИстомъ пОлѣ-

---

личество удареній сравнительно съ количествомъ слоговъ, остающихся безъ ударенія; надобно только помнить, что въ нѣмецкомъ произношеніи на сложныхъ словахъ дѣлается по два ударенія, мелкія частицы также очень часто имѣютъ на себѣ удареніе и т. д.

83 слога и 27 удареній; 3×27=81; слѣдовательно, только два слога лишнихъ противъ точнаго опредѣленія. Соединивъ итоги всѣхъ трехъ отрывковъ получимъ 351 слогъ и въ нихъ 118 удареній; 3×118=354. Итакъ, уклоненіе отъ точнаго размѣра: на три слога одно удареніе (дактиль, амфибрахій, анапестъ) равняется только тремъ слогамъ на 251 слогъ или одной стодвадцатой. Близость удивительная.

Намъ кажется, что изъ этихъ цифръ нельзя не извлечь заключенія, что ямбъ и хорей, требующіе въ 30 слогахъ 15 удареній, далеко не такъ естественны въ русскомъ языкѣ, какъ дактили, амфибрахіи, анапесты, требующіе въ 30 слогахъ 10 удареній *).

У Жуковскаго было гораздо болѣе разнообразія въ размѣрахъ, нежели у Пушкина; амфибрахій встрѣчается у него гораздо чаще; попадается и дактиль (мы говоримъ не о гекзаметрахъ, которые, какъ бы ни были прекрасны, все-таки дурны;) и анапестъ; Пушкинъ возвратился къ исключительному господству ямба. А между тѣмъ, кажется, что трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій, анапестъ) и гораздо благозвучнѣе и допускаютъ большее разнообразіе размѣровъ, и наконецъ, гораздо естественнѣе въ русскомъ языкѣ, нежели ямбы и хорей. О большей естественности ихъ невозможенъ и споръ, послѣ цифръ приведенныхъ нами. Не можемъ не замѣтить, что у одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—конечно вовсе непреднамѣренно—трехсложныя стопы, очевидно, пользуются предпочтительною любовью передъ ямбомъ и хореемъ.

Обычаи нашего стихосложенія также очень стѣснительны для русскихъ риѳмъ. Было бы слишкомъ долго доказывать здѣсь исчи-

*) Спѣшимъ замѣтить, что изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ, чтобы гекзаметръ (по преимуществу дактилическій стихъ) былъ сроденъ русской версификаціи. Онъ рѣшительно нейдетъ къ ней по многимъ причинамъ. Точно также замѣтимъ, что если въ ямбическихъ и хореическихъ стихахъ принято разрѣшеніе нѣкоторыя стопы оставлять безъ удареній, то это признавалось «вольностью», которой по мѣрѣ возможности старались избѣгать; слѣдовательно затруднительность размѣра не отстранялась этимъ. Кромѣ того, допускаясь безъ всякихъ опредѣлительныхъ правилъ, эта вольность разрушаетъ стройность стиха: въ нашихъ, такъ называемыхъ четырехстопныхъ ямбахъ, собственно читаемыхъ съ двумя удареніями какъ двухстопные стихи (двухстопные пеаническіе), безперестанно встрѣчается необходимость считать и три ударенія, а иногда и всѣ четыре; этотъ безпорядокъ не оскорбляетъ насъ только потому, что слишкомъ привыченъ намъ.

сленіями и счисленіями, что въ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкѣ, находится гораздо большее, нежели въ русскомъ число риѳмующихъ словъ, для каждаго слова; но представимъ хотя одинъ примѣръ изъ нѣмецкаго языка. Беремъ слово Band, и измѣняемъ по алфавитному порядку первую букву; получаемъ рифмующія and, Hand, kannt, Kant, Land, Pfand, Rand, Sand, Wand, (всего 10); такихъ словъ въ нѣмецкомъ тысячи; но просимъ найти въ русскомъ хотя одинъ подобный случай. Вообще самое бѣглое сравненіе убѣждаетъ, что въ нѣмецкомъ (не говоря уже о французскомъ и англійскомъ), слова риѳмуютъ по принятымъ нынѣ правиламъ въ гораздо большемъ количествѣ *), нежели у насъ, потому риѳмы могутъ быть менѣе стѣснительны, для поэта и для достоинства стиховъ.

Потому намъ кажется, что риѳма въ русскомъ языкѣ должна существовать съ нѣкоторыми особенными условіями, вытекающими изъ сущности языка. Одинъ шагъ къ этому сдѣланъ уже поэтомъ, о которомъ говорили мы выше и который также любитъ дактилическую риѳму—это по крайней мѣрѣ разнообразность риѳмы. Но младость-радость; ночи-очи и т. д., кажется, нуждаются въ большей свободѣ, чтобы разорвать свой несносный союзъ. Русская риѳма намъ кажется, могла-бъ довольствоваться не одинаковостью, а подобностью звуковъ, какъ это бываетъ иногда у Кольцова. Конечно, это созвучіе должно быть сильно, рѣзко, чтобы быть замѣтнымъ.

Но въ томъ, что риѳма должна остаться необходимою принадлежностью русскаго стиха, невозможно сомнѣваться; вся исторія русскаго народнаго стихосложенія показываетъ его стремленіе пріучить себя къ риѳмѣ. Точно также и различіе нашего языка съ нѣмецкимъ въ предпочтеніи одного размѣра другимъ, никакъ не должно вести къ заключенію, чтобы русская поэзія могла принять стихосложеніе простонародныхъ пѣсенъ; потому что сами пѣсни

*) Главныя причины этого въ нѣмецкомъ языкѣ: (котораго версификація удерживается у насъ доселѣ безъ всякихъ измѣненій, и качества котораго мы должны по этому имѣть въ виду) однообразіе въ расположеніи удареній, близость удареній къ концу (въ нѣмецкомъ удареніе бываетъ не далѣе предпослѣдняго слога; если оно на третьемъ отъ конца слогѣ, то послѣдній уже пріобрѣтаетъ свое особенное удареніе, достаточное для рифмы, напр. éwigkéit, Wissencsháft) наконецъ самая краткость словъ. Много есть кромѣ того причинъ второстепенныхъ.

выказывали постоянное стремленіе подчиниться тѣмъ стопамъ, какія введены въ нашей литературной поэзіи; стихосложеніе нашей народной поэзіи само покидаетъ свои прежнія правила, учится новымъ, принятымъ нашею литературою со времени Ломоносова и тѣмъ само изобличаетъ свою слабость сравнительно съ новою версификаціею. Теперь ужь не только литераторы, но и народъ не могутъ возвратиться къ старинной формѣ пѣсни. Да и нельзя жалѣть о невозможности возстановить ея господство, потому что старинный нашъ размѣръ, каковы бы ни были его достоинства, слишкомъ поражаетъ своею монотонностью. Однако пора окончить наше отступленіе.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на привычку Пушкина посвящать много вниманія и усилій на обработку формы своихъ стиховъ, самое важное то, что Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ формы. Этимъ не хотимъ мы сказать, что существенное значеніе его въ исторіи русской поэзіи—обработка стиха; въ такой мысли отзывался бы слишкомъ узкій взглядъ на значеніе поэзіи въ обществѣ. Но дѣйствительно, существеннѣйшее значеніе произведеній Пушкина — то, что они прекрасны или, какъ любятъ нынѣ выражаться, художественны. Пушкинъ не былъ поэтомъ какого нибудь опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь, какъ Байронъ, не былъ даже поэтомъ мысли вообще, какъ напримѣръ Гете и Шиллеръ. Художественная форма «Фауста», «Валленштейна», «Чайльдъ-Гарольда» возникла для того, чтобы въ ней выразилось глубокое воззрѣніе на жизнь; въ произведеніяхъ Пушкина мы не найдемъ этого. У него художественность составляетъ не одну оболочку, а зерно и оболочку вмѣстѣ.

Одна только опредѣленная сторона въ характерѣ содержанія можетъ быть уловлена у Пушкина: онъ хотѣлъ быть русскимъ историческимъ поэтомъ. «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Арабъ Петра Великаго», отчасти «Капитанская дочка», были созданы не только художническою потребностью, но и желаніемъ выразить свое опредѣленное созерцаніе явленій русской исторіи. Но и здѣсь Пушкинъ остался вѣренъ самому себѣ: онъ не высказалъ ничего принадлежащаго ему; взглядъ его на историческіе характеры и явленія былъ не болѣе, какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ — великій человѣкъ, мудрый правитель; Карлъ — опрометчивый герой; Мазепа—коварный измѣнникъ—болѣе ничего не высказано въ «Полтавѣ» объ этихъ лицахъ. «Борисъ Годуновъ»

повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ Карамзинымъ. Вообще историческія произведенія Пушкина сильны общею психологическою вѣрностью характеровъ, но не тѣмъ, чтобы Пушкинъ прозрѣвалъ въ изображаемыхъ событіяхъ глубокій внутренній интересъ ихъ, какъ, напримѣръ, Гёте въ своемъ «Гёцѣ фонъ Берлихингенѣ», съ которымъ неудачно сближали «Бориса Годунова». Говоря все это, мы повторяемъ мысли, высказанныя давно. Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, не поэтъ-мыслитель; то. есть, существенный смыслъ его произведеній—художественная ихъ красота. Если, однако, повторить вопросъ, которымъ занималась «чернь тупая» еще при жизни поэта:

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ и безплодна;
Какая польза намъ отъ ней?

Нынѣ можно отвѣчать на эти вопросы, очень основательные, гораздо спокойнѣе и гораздо выгоднѣе для значенія Пушкина въ исторіи нашего развитія, нежели отвѣчалъ на нихъ самъ Пушкинъ.

Онъ по особенности своего поэтическаго настроенія именно соотвѣтствовалъ если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ одной изъ важнѣйшихъ потребностей своего времени, которое, впрочемъ, едва-ли не должно еще назвать и нашимъ временемъ. Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества, они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературою и черезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія. Онъ самъ прекрасно очертилъ это достоинство литературныхъ произведеній, говоря:

Плодятъ читателей они;
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ просвѣщенье, тамъ добро.

О нашей литературѣ, чтобъ она сохранила свою важность, какъ и вообще о нашей исторіи, должно судить, принимая въ соображеніе не требованія, приложимыя къ другимъ землямъ, а особен-

ности положенія русскаго общества. Байронъ, если бы вздумалъ писать въ 1820 году по русски, не нашелъ бы себѣ и сотой доли того сочувствія, какое было пробуждено Пушкинымъ, и имѣлъ бы во сто разъ менѣе значенія для нашего развитія, нежели Пушкинъ. Теперь излишне доказывать это, когда для всѣхъ ясно, какъ былъ понимаемъ Байронъ самимъ Пушкинымъ, подобныхъ которому по степени развитія людей была тогда въ Россіи горсть. Но есть и другой примѣръ. Шиллеръ былъ, кажется, гораздо доступнѣе для неприготовленнаго человѣка, нежели Байронъ. Жуковскій переводилъ Шиллера. Поняли-ль его? Оцѣнили-ль сколько нибудь? Нѣтъ, эффектъ производилъ не «Кубокъ», не «Торжество побѣдителей», а пустыя «Людмила» или «Ленора» и нелѣпыя баллады Соути «О томъ, какъ старушка ѣхала на конѣ, и кто ѣхалъ съ нею»; Жуковскій для своихъ читателей имѣлъ интересъ какъ «Балладникъ», а не какъ переводчикъ Шиллера. Періодъ, представителемъ потребностей котораго былъ Пушкинъ, не совершенно еще окончился; и современная русская литература, много отличаясь отъ литературы 1820—1835 годовъ, имѣетъ еще съ нею гораздо больше общности, нежели различія по своему значенію. Это доказывается, между прочимъ, напримѣръ, тѣмъ, что большинство даже избраннѣйшихъ читателей, еще предпочитаетъ Пушкина Гоголю. И сообразно своимъ потребностямъ, этотъ многочисленнѣйшій разрядъ общества совершенно правъ. Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы и общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведеніяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоятельнѣйшую потребность и тогдашняго и даже нынѣшняго времени—потребность литературныхъ и гуманныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали не многихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была, по удачному заглавію одного изъ старинныхъ журналовъ, «Пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени» для тѣснаго кружка дилеттантовъ. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ всей русской публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій

писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы была приготовлена и отчасти еще приготовляется Пушкинымъ.

Но если Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, если въ его произведеніяхъ выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы, то нельзя забывать, что Пушкинъ, не будучи по преимуществу ни мыслителемъ, ни ученымъ, былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и человѣкъ чрезвычайно образованный; не только за тридцать лѣтъ назадъ, но и нынѣ въ нашемъ обществѣ немного найдется людей равныхъ Пушкину по образованности. Потому хотя въ его произведеніяхъ не должно искать главнѣйшимъ образомъ глубокаго содержанія, ясно сознаннаго и послѣдовательнаго, за то каждая страница его кипитъ умомъ и жизнью образованной мысли. Еслибъ читатели по преимуществу искали въ немъ содержанія, они бы вѣроятно потребовали большаго; но они не искали, не требовали, содержаніе давалось имъ невзначай, безъ просьбы съ ихъ стороны, и для нихъ это содержаніе было такъ обильно и глубоко, что они едва могли выносить тяжелое для непривычнаго человѣка богатство. Каждый стихъ, каждая строка бѣглыхъ замѣтокъ Пушкина затрогивала, возбуждала мысль, если читатель могъ пробудится къ мысли. Это значеніе Пушкинъ продолжаетъ еще сохранять до нашего времени. Ограничимся примѣрами, относящимися спеціально къ понятіямъ о русской литературѣ. Что Пушкинъ не былъ рожденъ критикомъ, это до очевидности обнаруживаютъ его сужденія о современныхъ ему русскихъ писателяхъ; если въ этихъ мнѣніяхъ оставимъ хоть одну сотую часть искренности, относя остальное къ любезности и добродушію Пушкина, то надобно будетъ сказать, что Пушкинъ смотрѣлъ на хвалимыя произведенія очень наивно. А между тѣмъ и тутъ найдемъ у него много вѣрныхъ замѣчаній; а сколько проницательности, вѣрности въ его бѣглыхъ замѣчаніяхъ о предшествовавшей ему русской литературѣ! Такъ напримѣръ, три или четыре длинныя и глубокомысленныя статьи о Княжнинѣ, приносящія величайшую честь ихъ автору, составились изъ перифраза двухъ словъ, невзначай сказанныхъ Пушкинымъ: «Переимчивый Княжнинъ». Подобныя же исторіи произошли съ бѣглыми замѣтками Пушкина о Фонвизинѣ, Ломоносовѣ и проч. Интересно знать,

многіе ли даже и нынѣ постигнутъ справедливость замѣтокъ Пушкина о Державинѣ, или слѣдующей:

...«Стихотворство для Ломоносова было иногда забавою, чаще должностнымъ упражненіемъ».

Сумарокова Пушкинъ называетъ «бездарнѣйшимъ изъ подражателей», а о русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка судитъ онъ такъ:

«Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи: но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріянъ, Мармонтель, Гимаръ, M-me Жанлисъ овладѣваютъ русскою словесностью».

Если многіе изъ нынѣшнихъ критиковъ и историковъ литературы и теперь задумываются надъ этими словами, то можно судить, сколько ума и проницательности долженъ былъ имѣть человѣкъ, высказывавшій такія мнѣнія въ 1824 году, и какъ многому было можно (и до сихъ поръ должно) учиться у него, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, чего бы ни коснулся.

Вообще вліяніе человѣка, одареннаго такимъ огромнымъ умомъ и такъ высоко стоявшаго по своей образованности, какъ Пушкинъ, было неизмѣримо важно для развитія читателей, имъ созданныхъ и очарованныхъ его геніальнымъ талантомъ. Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи. Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта, и съ признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности повторять вслѣдъ за нимъ:

Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!

И да будетъ безсмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ служилъ Пушкинъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изданіе твореній нашего великаго поэта, встрѣченное нетерпѣливымъ ожиданіемъ публики, быстро приближается къ окончанію. Черезъ три мѣсяца по выходѣ двухъ первыхъ томовъ явилось еще два—третій, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія 1831—1836 годовъ, поэмы и повѣсти, писанныя стихами, простонародныя сказки, пѣсни западныхъ славянъ, и пятый, содержащій 1, Записки Пушкина (отрывки автобіографіи, мысли, замѣчанія, анекдоты и «Путешествіе въ Арзерумъ»); 2, романы и повѣсти, писанныя прозою; 3, журнальныя статьи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ первыхъ числахъ іюля, выйдутъ и остальные два тома новаго изданія—четвертый (содержащій «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и другія драматическія произведенія) и шестой («Исторія Пугачевскаго бунта. съ примѣчаніями и «возраженіями» Пушкина на критику Броневскаго). Такимъ образомъ скоро русскіе читатели будутъ имѣть въ рукахъ полное изданіе «Сочиненій Пушкина», оконченное менѣе, нежели въ теченіе полугода со времени появленія первыхъ томовъ—быстрота, за которую нельзя не благодарить издателя, оказавшаго тѣмъ великую услугу русской публикѣ.

Въ предъидущихъ главахъ мы представили очерки характера Пушкина и пріемовъ, которыми отличалось его творчество. Теперь мы должны перейти къ размотрѣнію самыхъ его произведеній. Но мы уже говорили въ началѣ первой главы, что считаемъ излишнимъ въ настоящее время разсматривать сочиненія Пушкина въ художественномъ отношеніи. Противъ обыкновенія, которому любятъ слѣдовать рецензенты, утверждая, что предшествующіе разборы не достаточно объяснили значеніе разсматриваемой книги,

мы рѣшительно сказали, что давно уже произведенія Пушкина превосходно оцѣнены, и, насколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою. Намъ пріятно было видѣть, что и другіе рецензенты согласились съ этимъ мнѣніемъ («Отечественныя Записки» 1855 г. № VI, отдѣлъ критики). Потому намъ остается только взглянуть на тѣ стороны явленія, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣсколько вопросовъ, еще не совершенно объясненныхъ,—именно, прослѣдить ходъ измѣненія идей, которыми одушевлялась дѣятельность Пушкина въ различныя эпохи, и отношеніе этихъ направленій къ общественному мнѣнію того времени, отголоскомъ котораго были журнальныя статьи. Взглядъ на отзывы, возбужденные въ журналахъ произведеніями Пушкина, послужитъ опорою собственныхъ нашихъ заключеній о различныхъ фазисахъ поэтической дѣятельности Пушкина,—и мы начнемъ обозрѣніемъ отношеній критики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ къ нашему поэту, чтобы ясна была тѣсная связь, соединяющая образъ мыслей нашего времени съ потребностями этого недавняго прошедшаго, и чтобы наши мнѣнія явились уже только по изложеніи несомнѣнныхъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи литературы. Эти факты можно было бы изложить очень кратко, еслибъ не были часто высказываемы относительно ихъ предубѣжденныя и одностороннія сужденія. Теперь же по необходимости надобно представить ходъ дѣла съ нѣкоторою подробностью, чтобы истина обнаружилась несомнѣнно.

Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія «Руслана и Людмилы» началось широкое и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ; многіе даже воображаютъ, будто бы борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ же занимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. Если собрать все, что было написано въ журналахъ двадцатыхъ годовъ о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, напримѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ страницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и вялыми статей-

ками о неимовѣрно сухихъ предметахъ. Отзывы о явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немногими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣятельности Пушкина критика получила болѣе развитія. Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, нисколько не умѣла оцѣнить его. Мы вовсе не имѣемъ желанія превозносить прошедшее; готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболѣе строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менѣе должны сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проницательные, существовали всегда; что каковы бываютъ писатели, точно таковы же бываютъ и критики—тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ. Конечно и во времена Пушкина, какъ всегда, были нелѣпые критики, наравнѣ съ нелѣпыми писателями. Но по рецензіямъ или романамъ и стихамъ этихъ бездарныхъ людей было бы несправедливо судить о той эпохѣ, какъ несправедливо судить о нашемъ времени по произведеніямъ въ родѣ «Ассамблеи», «Энхиридіона любознательнаго» и тѣмъ рецензіямъ, въ которыхъ доказывается что Гоголь—плохой писатель. И какъ въ наше время писатели, хотя сколько нибудь сознающіе свое достоинство, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на отзывы нѣкоторыхъ критиковъ, точно такъ же и Пушкинъ могъ и долженъ былъ нимало не оскорбляться отзывами «Галатеи», «Дамскаго Журнала» и т. д. Безполезно и теперь вспоминать объ этихъ «беззубыхъ критикахъ» (по удачному выраженію одного изъ журналовъ Пушкинской эпохи). Мы хотимъ прослѣдить мнѣнія, какія были высказываемы о произведеніяхъ нашего поэта лучшими изъ современныхъ ему журналовъ, которые одни пользовались вѣсомъ въ кругу людей образованныхъ. Критика этихъ журналовъ была вовсе не такъ поверхностна, придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. Мы ни мало не хотимъ утверждать, чтобы «Телеграфъ» и «Телескопъ» были совершенно непогрѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ; но непредубѣжденный читатель, просмотрѣвъ сведенные нами факты, вѣроятно согласится, что въ сущности въ этихъ разборахъ было болѣе вѣрнаго и дѣльнаго, нежели пустаго и придирчиваго.

«Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ»—говоритъ Пушкинъ въ своихъ «замѣчаніяхъ». — «Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и

пятой пѣсни Евгенія Онѣгина»—но эти статьи принадлежали перьямъ столь слабымъ, что не заслуживали ни малѣйшаго вниманія, и поэтъ совершенно напрасно трудился отвѣчать на упрекъ г. Б. Ѳедорова за слово «корова», по мнѣнію критика низкое и неблагородное. Отзывы единственнаго журнала, пользовавшагося почти исключительнымъ вліяніемъ на публику—«Московскаго Телеграфа» и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжали быть чрезвычайно благопріятны, или, лучше сказать, восторженны. Они даже не заключали въ себѣ никакихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ легкихъ и нѣжныхъ. Едва ли не въ первый разъ «Московскій Телеграфъ» сдѣлалъ замѣчаніе Пушкину въ статьѣ о «Цыганахъ» (М. Т. 1827., ч. 15 стр. Ш и слѣд.), которая впрочемъ была проникнута еще большимъ восторгомъ, нежели прежніе отзывы. Этотъ разборъ выставляется намъ въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ извѣстною замѣткою Пушкина:

„Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. (*кн. Вяземскій*) повторилъ тоже замѣчаніе (*въ разборѣ, о которомъ мы говоримъ*). Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего лучше было бы сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ правда, не было бъ и самой поэмы—ma tanto meglio (*тѣмъ лучше*)“.

Если бы даже и нельзя было защищать упрека, который кажется столь забавенъ, то довольно просмотрѣть статью, въ которой онъ помѣщенъ, чтобы ея критическое достоинство не нуждалось въ защитѣ.

Въ разборѣ своемъ кн. Вяземскій сначала говоритъ, что талантъ Пушкина развивается, что въ Цыганахъ видно «болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности», нежели въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; что эта поэма—лучше изъ доселѣ напечатанныхъ произведеній Пушкина; что она переноситъ насъ въ новую сферу жизни; что она пробуждаетъ чувства не «затверженныя на память», а свѣжія, новыя; что если она отзывается вліяніемъ Байрона, то подражаніе едва уловимо. Затѣмъ говорится о правѣ поэта представлять сцены въ отрывочной формѣ, лишь бы только онѣ имѣли внутреннюю связь и послѣдовательность — она есть въ «Цыганахъ», и слѣдовательно поэму нельзя упрекать за внѣшнюю отрывочность сценъ. Потомъ анализируется содержаніе поэмы, характеры Алеко и Земфиры; критикъ находитъ

все поэтическимъ и художественнымъ; разбирается мнѣніе нѣкоторыхъ, будто бы эпизодъ объ Овидіи неумѣстенъ въ устахъ Цыгана, и доказывается что этотъ упрекъ пустая придирка—здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ (а статья занимаетъ 12 страницъ) о томъ, что напрасно Пушкинъ заставилъ Алеко водить медвѣдя и тѣмъ впалъ въ фарсъ—статья заключается такъ:

„Пушкинъ совершилъ много; но можетъ совершить еще болѣе. Онъ долженъ это чувствовать и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ конечно далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ: онъ можетъ плыть еще далѣе“.

Оставимъ въ сторонѣ фразу о медвѣдѣ—и мы должны будемъ согласиться, что все прочее въ разборѣ очень справедливо, и что даже теперь почти нечего прибавить къ высказанному въ немъ. Да и самое неудовольство рецензента медвѣдемъ легко можетъ быть объяснено очень уважительными причинами. Угрюмый и гордый Алеко вовсе не способенъ гаерствовать передъ толпою, и дѣйствительно, только желаніе Пушкина вставить въ картину его бродячей жизни насмѣшку надъ чопорностью условныхъ приличій, внушало ему мысль придать своему герою черту, которая соотвѣтствуетъ общему очерку характера.

Удивленіемъ и благоговѣніемъ къ Пушкину проникнуты и слѣдующіе за тѣмъ отзывы «Телеграфа» — до появленія VII главы «Евгенія Онѣгина», разборъ которой помѣщенъ въ послѣдней части «Телеграфа» за 1830 годъ. Здѣсь уже съ грустью говорится о томъ, что блестящій талантъ Пушкина запутался среди отношеній, неблагопріятствующихъ его развитію, и рецензентъ ищетъ объясненій того факта, что вновь вышедшая глава романа принята публикою не съ такимъ восторгомъ, какъ прежнія. Тонъ статьи умѣренъ и деликатенъ, но твердъ и независимъ: въ немъ слышится уваженіе, но нѣтъ и тѣни прежняго энтузіазма. Еще холоднѣе, нежели о VII главѣ «Евгенія», отзывъ о «Борисѣ Годуновѣ», помѣщенный въ той же части журнала. Наконецъ—все въ той же 32-й части, «Телеграфа», находимъ пародію извѣстной эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ»:

ЭПИГРАММА.

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ Гарольдія [1]) смѣшная,
Вотъ Донъ-Жуанія моя;
Вотъ Дидеротія блаженная,
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи удалой
И древнихъ эллиновъ горохъ [2])—
Все, все рядомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, уложено
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Обезьянинъ

(Московскій Телеграфъ 1830 г. Ч. 32, стр. 135).

Черезъ два года была помѣщена другая пародія знаменитаго стихотворенія Пушкина «Чернь».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ.

Историческо-политическо-литературная Газета, издаваемая въ городѣ NN, Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонинымъ [3]).

ПОЭТЪ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову).

Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,

---

[1]) Явные намеки на произведенія Пушкина.
[2]) Столь же явные намеки на барона Дельвига.
[3]) Тел. 1832, ч. 44, Камеръ-обскура, № 8, стр. 153.

Поэтъ! скажи мнѣ, гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей
Ты насъ то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты....
Скажи, зачѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья;
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дитя,
Всползли, взгнѣздилися пороки?
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ
Зачѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?»

Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая;
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и крики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, дѣвственный орелъ;
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Безсмысловъ.

С.-Петербургъ, 1832.

Здѣсь, ясно, дѣло идетъ о «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ (его, очевидно, должно разумѣть подъ именемъ Якова Ротозѣева), литературный кліэнтъ Пушкина (котораго хочетъ пародія означить именемъ Ѳомы Низкопоклонина). Прозвища «Мотыльковъ» и «Безсмысловъ», очевидно, относитъ она также къ нему.

Форма послѣдней пародіи очень жестка; но таковы были тогда

литературные обычаи въ эпиграммахъ и пародіяхъ; самъ Пушкинъ часто бывалъ не менѣе рѣзокъ,—довольно припомнить знаменитыя статьи Ѳеофилакта Косичкина въ «Телескопѣ», не менѣе знаменитую статью о Видокѣ и многія изъ его эпиграммъ—изъ нихъ приведемъ только одну, подписанную его именемъ, и напечатанную въ «Телеграфѣ» 1829 года (часть 26, стр. 408).

ЭПИГРАММА.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ѵжицу живой

А. Пушкинъ.

Подъ «Кочерговскимъ» еще яснѣе видѣнъ «Коченовскій» (помѣстившій не задолго передъ тѣмъ въ своемъ журналѣ одну изъ статей эксъ-студента Надоумко), нежели подъ «Мотыльковымъ» Пушкинъ. Потому, если намъ теперь предосудительно кажется неделикатность формы, то осуждать можно только вообще литературные обычаи всего общества той эпохи, а не въ частности того или другаго изъ людей, поступавшихъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ и всѣ прочіе. Если же непремѣнно захотимъ обвинять кого нибудь въ частности, то скорѣе надобно искать виновниковъ такого обычая между приверженцами Пушкина, нежели между его литературными противниками. Положительныя указанія на то легко найти въ тогдашнихъ журналахъ. Мы, чтобы не увеличивать число цитатъ, ограничимся одною ссылкою на «Московскій Телеграфъ» (1830 года) часть 31, стр. 79.

Итакъ, около конца 1830 года отзывы «Телеграфа» о Пушкинѣ измѣнились; вмѣсто прежняго энтузіазма водворилась сначала холодность, потомъ явный раздоръ. Въ чемъ же надо искать причинъ этой перемѣны, и кого считать первымъ виновникомъ той жесткости, до которой часто доходила распря? Обыкновенно во всемъ обвиняютъ издателя «Телеграфа», совершенно оправдывая приверженцевъ Пушкина, тѣмъ болѣе самого Пушкина. Факты не

подтверждаютъ такого приговора, составленнаго исключительно на основаніи авторитета самого Пушкина.

Что касается измѣненія въ сущности сужденій о произведеніяхъ Пушкина, начиная съ 1830 года, журналы (и въ томъ числѣ «Московскій Телеграфъ») были только отголоскомъ общаго мнѣнія огромнаго большинства публики.

Но справедлива или несправедлива была публика, становясь равнодушнѣе къ новымъ произведеніямъ Пушкина, нельзя обвинять журналы за то, что они не прошли молчаніемъ этотъ фактъ и старались объяснить его; нельзя было бы строго осуждать ихъ и за то, если бы они безотчетно увлеклись общимъ мнѣніемъ. Но о «Телеграфѣ», отношенія котораго къ Пушкину теперь занимаютъ насъ, должно сказать, что онъ старался, пока доставало у него силы внутренняго убѣжденія, бороться съ измѣнившимся мнѣніемъ публики; что потомъ, начавъ отчасти раздѣлять это мнѣніе, онъ дѣлалъ это не по слѣпому увлеченію изъ одной крайности въ другую, а по сознательному и твердому убѣжденію, которое совершенно гармонировало съ общимъ направленіемъ этого журнала. Онъ остался вѣренъ себѣ, когда измѣнившіяся отношенія Пушкина къ публикѣ заставили его не признавать въ послѣдующихъ твореніяхъ поэта того значенія для русской литературы, какое имѣли его первыя произведенія. Выписки, которыя мы приведемъ сейчасъ, неоспоримо это доказываютъ.

Однимъ изъ первыхъ поводовъ вражды близкихъ друзей Пушкина противъ «Московскаго Телеграфа» были отзывы этого журнала о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига. Первый годъ этого альманаха (1827) былъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» безусловною похвалою—которой и заслуживала эта книжка—«Сѣверные Цвѣты»,—говорилъ отзывъ,—лучшій у насъ альманахъ, который можетъ выдержать сравненіе съ иностранными».

Точно таковъ же былъ отзывъ и о слѣдующемъ выпускѣ альманаха (за 1828 годъ). «Баронъ Дельвигъ,—говорилось въ «Телеграфѣ»,—не только поддержалъ прежнюю славу своего изданія, но, по отдѣленію словесности, кажется, усовершенствовалъ его строгою разборчивостью». Между тѣмъ въ альманахѣ за этотъ годъ явился «Обзоръ русской словесности» Ореста Сомова, который отозвался о «Телеграфѣ» очень холодно, гораздо холоднѣе, нежели о «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ» и «Сѣверной

Пчелѣ», которыя получили на свою долю нѣсколько искреннихъ похвалъ (хотя безпристрастіе и общій голосъ публики, конечно, требовали отдать справедливость «Телеграфу», безспорно лучшему изъ тогдашнихъ журналовъ); къ двухсмысленной похвалѣ «Телеграфу» («сей журналъ нравится своимъ разнообразіемъ») Сомовъ прибавлялъ упреки въ заносчивости сужденій и нечистотѣ слога. Относительно перваго нельзя не сказать, что онъ былъ совершенно напрасенъ: откровенныя и основательныя, но умѣренныя сужденія о книгахъ, составляли одно изъ лучшихъ достоинствъ «Телеграфа». Издатель этого журнала отвѣчалъ Сомову скромно и деликатно; тѣмъ не менѣе, Сомовъ, очевидно, обидѣлся, потому что въ слѣдующемъ обзорѣ (1829 г.) съ ѣдкими намеками сказалъ, что не хочетъ и говорить о журналахъ, уже утвердившихся во мнѣніи публики; онъ желчно говорилъ, что не хочетъ вновь «подвергаться укоризнамъ». За то, безъ сомнѣнія съ разсчетомъ, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» этого года (1829) была помѣщена статья Измайлова «О новой журнальной критикѣ», направленная противъ Полеваго, написанная запальчиво и оскорбительно. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ «Телеграфъ» отозвался объ альманахѣ, уже ставшемъ къ нему враждебно, съ горячими похвалами. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать ссоры.

Но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ имѣлъ несчастіе говорить о «Стихотвореніяхъ» самого Дельвига и тѣмъ раздражить его. Прежде всего должно замѣтить, что статья была подписана не издателемъ журнала, Н. А. Полевымъ, а его братомъ, К. А. Проповѣдуя романтизмъ, «Телеграфъ», конечно, не могъ восхищаться псевдо-античными идилліями и двустишіями барона Дельвига; но въ замѣнъ того осыпалъ похвалами его русскія пѣсни. Мы вовсе не предубѣждены въ пользу г. К. Полеваго, но должны сказать, что статья о Дельвигѣ была написана очень умно и деликатно. Напримѣръ, рецензентъ старался смягчить свое справедливое мнѣніе о невозможности въ наше время писать теокритовскія идилліи указаніемъ, что и самому Гёте не удались его античныя стихотворенія. Многіе на мѣстѣ Дельвига были бы благодарны за такое сближеніе. Но авторъ идиллій былъ не таковъ. Самъ Пушкинъ, несмотря на свою задушевную дружбу съ Дельвигомъ, не рѣшался дѣлать ему даже изустныхъ замѣчаній, чтобы не раздражить его литературнаго самолюбія. Въ журнальныхъ пародіяхъ Дельвигъ былъ

извѣстенъ подъ названіемъ «Недотыка». Можно себѣ вообразить, какъ онъ былъ раздраженъ статьею «Телеграфа». Правда, этотъ журналъ былъ такъ деликатенъ и уступчивъ въ этомъ случаѣ, что вслѣдъ за статьею помѣстилъ возраженія на нее, г. Лихонина, старавшагося доказать, что Дельвигъ правъ, подражая Теокриту,—но ничто не помогло. Черезъ три или четыре мѣсяца послѣ появленія зловредной статьи была основана «Литературная Газета», безпощадно и очень неразборчиво разившая издателя «Телеграфа»—смертоносная статья была написана не имъ, но баронъ Дельвигъ и его сподвижники не хотѣли ничего принимать въ соображеніе—они разили, разили ненавистный «Телеграфъ» и смертельнаго врага своего Полеваго, пока сами не были поражены однимъ изъ своихъ ударовъ, слишкомъ нелитературныхъ (см. «Лит. Газ.» 1830 г., 2-е полугодіе, стр. 72). Исчислять сотни язвительныхъ выходокъ и цѣлые десятки статей, явившихся въ этой газетѣ противъ издателя «Телеграфа», было бы утомительно и безполезно.

Вражда Дельвига къ этому человѣку была, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣйшею причиною вражды, которую началъ питать къ нему и Пушкинъ. Это ясно для всякаго, кто припомнитъ безпредѣльную преданность Пушкина своему другу.

Но изъ числа главныхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» и ближайшихъ друзей Пушкина не одинъ Дельвигъ былъ смертельнымъ врагомъ Полеваго. Кн. Вяземскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столь дѣятельно участвовалъ въ «Телеграфѣ» и которому по преимуществу обязана своимъ происхожденіемъ полемика, въ которую тогда вовлекался этотъ журналъ, также поссорился съ Полевымъ. Причинъ ссоры мы не знаемъ; но можемъ быть увѣрены, что во всякомъ случаѣ онѣ не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго для чести Полеваго, потому что иначе его стали бы колоть намеками о томъ; и каковы бы ни были причины распри, достовѣрно то, что бывшій сотрудникъ въ то время весьма неблаговолилъ къ издателю «Телеграфа». Памятниками его вражды остались, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ», нѣсколько эпиграммъ, Письмо къ А. И. Г—ой (въ «Денницѣ» на 1830 г.) и проч. Въ этой послѣдней филиппикѣ была и знаменитая фраза: «съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно, какъ въ перчаткахъ»—на что было замѣ-

чено, что прежде, когда авторъ письма не чуждался ихъ, они были едва ли лучше.

П. А. Катенинъ, чрезвычайно уважаемый Пушкинымъ и какъ поэтъ, и какъ мыслитель, такъ же не могъ благопріятствовать Полевому, который съ самаго начала не раздѣлялъ мнѣній Пушкина о его поэтическихъ произведеніяхъ (и былъ въ этомъ совершенно правъ). Изъ всѣхъ случаевъ оскорбить отзывами о нихъ и самого Катенина, и его геніальнаго поклонника, упомянемъ только объ одномъ: въ 1827 году Полевой разбиралъ очеркъ русской литературы въ Атласѣ Бальби; въ этой статьѣ, наполненной нелѣпостями, была, между тѣмъ, фраза: «Мельпомена русская только на г. Катенина имѣетъ надежды»—«Телеграфъ» посмѣялся надъ этимъ забавнымъ увѣреніемъ (часть 17. стр. 122). Подобныхъ столкновеній было много.

Кромѣ того, мы уже знаемъ, что Орестъ Сомовъ принадлежалъ въ 1829—1831 годахъ къ отъявленнымъ врагамъ Полеваго; а Сомовъ имѣлъ можетъ быть вліяніе на Дельвига, и, конечно, раздувалъ ненависть.

Неудивительно, если Пушкинъ, горою стоявшій за своего друга Дельвига, принимавшій къ сердцу всѣ его жалобы и горести, оскорблявшійся нападеніями на его авторскую славу гораздо болѣе, нежели на свою собственную;—Пушкинъ, любившій и уважавшій кн. Вяземскаго, благоговѣвшій передъ Катенинымъ, былъ увлеченъ въ ихъ вражду съ Полевымъ.

Вотъ по нашему мнѣнію, главнѣйшая причина распри, раздѣлившей великаго поэта съ человѣкомъ, который, не равняясь съ нимъ по таланту, также заслуживаетъ нѣкотораго уваженія и благодарное воспоминаніе о которомъ во многихъ, къ сожалѣнію, еще помрачено опалою, какой подвергся онъ отъ Пушкина. Это объясненіе, оправдывая Полеваго, обнаруживаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самыхъ увлеченіяхъ его великаго противника благородныя побужденія безграничной, безкорыстной преданности друзьямъ.

Этотъ главный мотивъ, безъ всякаго сомнѣнія, усиливается тѣми природными наклонностями Пушкина, которыя прекрасно разъяснены П. В. Анненковымъ—уваженіемъ къ преданіямъ старины, благоговѣніемъ къ памяти Карамзина, и, наконецъ, особеннымъ расположеніемъ къ издателю другаго журнала, «Московскаго Вѣстника», бывшаго во враждѣ съ «Телеграфомъ». Послѣднее обстоя-

тельство не требуетъ подробныхъ доказательствъ. Но выпишемъ нѣсколько вѣрныхъ словъ г. Анненкова о первой изъ причинъ неблаговоленія нашего поэта къ журналу Полеваго.

Всего болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутацій (*незаслуженныхъ, прибавимъ мы*), которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитанныхъ (*и большею частью справедливыхъ*) идей къ явленіямъ отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда (*большею частью*) производились эти опыты, Пушкинъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Притомъ «Московскій Телеграфъ» былъ совершенною противоположностью духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣнилъ, образовавъ новое направленіе въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ (*т. е. превозношеніе похвалами всѣхъ бездарныхъ знакомыхъ*) сдѣлалось тогда достояніемъ исторіи. Пушкинъ сохранялъ убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе (*напротивъ, общественное мнѣніе, которымъ только и поддерживается журналъ, а не пересуды и похвалы тѣснаго кружка пріятелей, какъ прежде*) играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ (*очень часто*) дѣльнаго и существеннаго противниками, и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики (*нѣтъ, довѣріемъ публики пользовались его противники; скорѣе надобно сказать: писателей, составившихъ между собою общество взаимнаго застрахованія отъ критики, какъ это бывало въ старину*)».

«Телеграфъ», защищаясь отъ нападеній «Литературной Газеты», долженъ былъ нападать и самъ. Газета и ея издатель, не были щадимы. Вотъ, напр., нѣсколько пародій на антологическія стихотворенія Дельвига:

СХОДСТВО.

Сшили фракъ; и былъ онъ модный, прекрасный, изящный,
Мода прошла и—на ветошь онъ проданъ: не то ли и съ нами?

Θеокритовъ.

I.

СУДЬБА ЧЕЛОВѢКА.

Трубку я докурилъ, и пепелъ ея выбивая,
Думалъ: „Такъ выбиваетъ изъ свѣта насъ Кронъ безпощадный"!

II.

Роза цвѣла и поля украшала и взоръ веселила;
Буря измяла цвѣтокъ! погибъ онъ для взора. О, смертный!
Жизнь есть цвѣтокъ, и смерть его мнетъ: такъ все на свѣтѣ!

Θеокритовъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ выписывать другихъ пародій, иногда очень удачныхъ, какъ переложенія русскихъ пѣсенъ на чухонскій ладъ, наприм. «русская пѣсня безъ чухонскихъ приправъ»:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла и т. д.

И «русская пѣсня на чухонскій ладъ»:

Въ густомъ лѣсу, въ темномъ бору
Цвѣтетъ, растетъ рябины кустъ, и т. д.

Это, конечно, еще болѣе усиливало вражду, и удары на Полеваго сыпались въ каждомъ нумерѣ «Литературной Газеты».—Его обвиняли въ хвастовствѣ, невѣжествѣ, своекорыстіи, отсутствіи литературной и коммерческой честности; было много и другихъ выходокъ, еще менѣе дозволительныхъ правилами литературной полемики. Мы не можемъ съ достовѣрностью рѣшить, какія изъ этихъ статей принадлежали Пушкину, какія были помѣщены по его совѣту; быть можетъ, многихъ онъ и не одобрялъ; но во всякомъ случаѣ, онъ былъ душою, онъ составлялъ главную силу всей партіи, враждовавшей противъ «Телеграфа»—какіе же отзывы въ то время дѣлалъ журналъ о его произведеніяхъ?

О «Полтавѣ», которую публика приняла холодно, и которая была растерзана въ «Вѣстникѣ Европы», «Телеграфъ» помѣстилъ двѣ статьи. Вотъ главныя мѣста изъ первой, краткой (Телеграфъ 1829 г., часть 26, стр. 337).

„Съ появленіемъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговоръ новому его произведенію. Доселѣ русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должно подписывать: прекрасно! превосходно! Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, а послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о Полтавѣ, мы скажемъ, однакожъ, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое—народность. Въ „Полтавѣ“ сначала до конца, вездѣ русская душа, русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина“

Черезъ полтора мѣсяца явился подробный разборъ поэмы, развивающій тѣ же самыя мысли. («Телегр.» 1829 г., часть 27, стр. 219—236). Здѣсь говорится, что Пушкинъ, сначала писавшій подъ вліяніемъ Шенье, потомъ Байрона, теперь становится самостоятельнымъ, и что его генію суждено еще развиться несравненно могущественнѣе, нежели какимъ онъ являлся въ прежнихъ произведеніяхъ. Равнодушіе публики къ новой поэмѣ, которая въ тысячу разъ выше прежнихъ, объясняется тѣмъ, что публика жаждетъ живаго направленія, касающагося общественныхъ интересовъ, а не Шекспировскаго спокойствія, которое владычествуетъ въ «Полтавѣ», и потомъ доказывается, что Пушкинъ правъ, и неправы, не развиты, тупоумны тѣ, которые не умѣютъ восхищаться его дивною «Полтавою»:—гдѣ въ этихъ словахъ отголосокъ вражды? Разъясняя причину восторженнаго увлеченія прежними произведеніями Пушкина, критикъ говоритъ очень справедливо: «Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ мысль. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ (?), но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ» (стр, 227—8)—фактъ, нынѣ забытый въ свою очередь, но очень важный. Статья оканчивается такъ: «Въ заключеніе мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія. Это очень естественно: досугъ ли читателямъ отставать отъ привычки и вникать въ внутренній смыслъ *(т. е., выражаясь нынѣшнею терминологіею: въ художественность)* поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на самихъ себя, ибо не за-

будемъ, что мы современники байроновскихъ читателей». Критикъ видитъ истинную причину охлажденія публики, но еще покланяется съ прежнимъ энтузіазмомъ великому поэту и клеймитъ, какъ тупоумныхъ людей, тѣхъ, которые покинули его, когда онъ покинулъ область живыхъ стремленій для областей холодной художественности.

Разбирая «Сѣверные Цвѣты» 1830, 1831 и 1832 годовъ, «Телеграфъ» восхищается стихотвореніями Пушкина; постоянно хвалитъ стихи Дельвига, князя Вяземскаго, какъ скоро они хотя сколько нибудь заслуживаютъ вниманія своимъ достоинствомъ, хвалитъ даже повѣсти Порфирія Байскаго (Ореста Сомова)—вообще, въ его сужденіяхъ, мы не видимъ и слѣдовъ полемическаго пристрастія. Что должно осуждать, надъ тѣмъ критикъ смѣется; но все хорошее онъ прямо называетъ хорошимъ безъ оговорокъ и колебаній.

Когда вышла VII глава Евгенія Онѣгина, встрѣченная публикою также холодно, «Телеграфъ» сказалъ (1830 г. ч. 32):

„Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей литературѣ показываютъ, что, мы еще не совсѣмъ оледенѣли для поэзіи. Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ, Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарованіе окружено обстоятельствами, самыми неблагопріятными? Освободиться отъ нихъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно.—Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту и въ поэтическихъ ощущеніяхъ и потому то Пушкинъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, изображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ тоже, что представляетъ намъ Пушкинъ въ „Онѣгинѣ“. „Гостиныя, дѣвы и модники—герои деревень, городовъ и баловъ! Какой подвигъ взглянуть на нихъ сардонически“!—вотъ господствующая мысль въ „Онѣгинѣ“, которую можетъ быть самъ творецъ сего романа худо поясняетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ, утомительно и для него и для читателей. Первая глава „Онѣгина“ и двѣ-три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный опытъ поэтическаго изображенія общественныхъ причудъ. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы и картина все таже. Цѣна новости исчезла и тотъ же „Онѣгинъ“ нравится ужь не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ VII главы „Онѣгина“ онъ даже повторяетъ самъ себя (слѣдуютъ примѣры). Высказавъ все о VII главѣ „Онѣгина“, съ удовольствіемъ замѣтимъ, что прелесть стиховъ въ оной, во многихъ мѣстахъ сила мыслей и поэтическія чувствованія показываютъ неизмѣнность дарованія Пушкина“.

Едва ли теперь можно согласиться съ этимъ отзывомъ, но въ немъ все-таки незамѣтно недоброжелательства критика къ разби-

раемому имъ автору. Когда вышелъ «Борисъ Годуновъ», о немъ былъ напечатанъ слѣдующій отзывъ («Моск. Телегр.» 1831 г., ч. 37 стр. 245).

„Бориса Годунова“ можно обозрѣвать въ двухъ отношеніяхъ. Первое, какъ произведеніе Пушкина, русскаго литератора, русскаго поэта. Съ этой стороны, „Борисъ Годуновъ“ есть великое явленіе нашей словесности, шагъ къ настоящей романтической драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго. Нужно ли прибавлять, что Пушкинъ становится имъ, уже рѣшительно и безспорно, выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ? имя его дѣлается послѣ сего причастно небольшому числу великихъ поэтовъ, до нынѣ бывшихъ въ Россіи и между ими горитъ оно яркою звѣздою.

„Но бывши русскимъ, бывши современнымъ, Пушкинъ принадлежитъ въ то же время вѣкамъ и Европѣ. Вотъ второе отношеніе, въ которомъ должно разсматривать „Бориса Годунова“. Здѣсь получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, но только какъ надежда на будущее, болѣе совершенное. Первый опытъ Пушкина въ семъ отношеніи не удовлетворяетъ насъ: первый шагъ его смѣлъ, отваженъ, великъ для русскаго поэта, но не полонъ, не вѣренъ для поэта нашего вѣка и Европы. Можемъ теперь видѣть, что въ состояніи сдѣлать впослѣдствіи Пушкинъ, этотъ ознаменованный небеснымъ огнемъ истинной поэзіи человѣкъ; но въ „Борисѣ Годуновѣ“ онъ еще не достигъ предѣловъ возможнаго для его дарованія. Языкъ русскій доведенъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства, сущность творенія, напротивъ, близорукая и запоздалая“.

Когда въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1832 г. были напечатаны «Бѣсы», Пушкина, «Телеграфъ» отозвался объ этой пьесѣ съ восторгомъ изумленія; о сценѣ «Моцартъ и Сальери», помѣщенной въ той же книжкѣ, было сказано; «Это несравненное произведеніе можно постигнуть только прочитавъ вполнѣ» (1832 г., часть 43, стр. 112). Сущность отзыва о послѣдней главѣ «Евгенія Онѣгина», вышедшей въ то же время, состоитъ въ томъ, что она удивительно хороша «по полнотѣ и прелести разсказа», и что заключеніе романа есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его (часть 43, стр. 117). Наконецъ (въ той же части, стр. 566) извѣщая о появленіи новаго изданія лирическихъ пьесъ Пушкина, «Телеграфъ» съ негодованіемъ упрекаетъ публику за охлажденіе къ великому поэту:

„Сказавъ, что мелкія стихотворенія Пушкина въ настоящее время не возбуждаютъ восторга, какъ бывало то прежде, мы, кажется, повторимъ извѣстное каждому наблюдателю словесности русской. Еще болѣе: стихотворенія сіи нынѣ встрѣчаютъ холодность, и слава Богу, когда дѣло оканчивается однимъ равнодушіемъ! Такъ нѣтъ! Въ публикѣ нашей замѣтна еще какая то непріязнь

къ нимъ, какое-то желаніе унижать произведенія поэта прежде столь любимаго, недавняго идола всей русской молодежи. Событіе неоспоримо"!

Заключимъ наши выписки общимъ сужденіемъ «Телеграфа» (1829 г., часть 26, стр. 80) о поэмахъ пушкинской эпохи и постепенномъ развитіи самого Пушкина.

«Поэты наши принимали тотъ духъ, тѣ формы мыслей, коими донынѣ ознаменовывались всѣ поэмы Пушкина. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна бы проявляться національность и частность (*т. е. индивидуальность, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ*). Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно, держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отчего поэма бываетъ только рядомъ картинъ, часто дурно связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ или главъ на строфы и куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ; „Цыганы" его были уже весьма чужды ихъ, а „Мазепа", (т. е. «Полтава»), какъ говорятъ, есть твореніе полное жизни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи „Руслана и Людмилы", „Утопленникъ", извѣстныя намъ сцены изъ „Бориса Годунова", показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще нельзя сказать этого.

Черезъ двадцать пять лѣтъ, что мы найдемъ невѣрнаго въ этихъ понятіяхъ? И многимъ ли мы можемъ дополнить ихъ?

Это обозрѣніе, которое многимъ покажется слишкомъ длинно, за то другимъ недостаточно подробно, едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣваться, что отношенія главнаго критическаго журнала 1825—1830 годовъ къ Пушкину были вовсе не таковы, какъ обыкновенно полагаютъ. Мы видимъ, что если мало по малу личная непріязнь къ издателю «Телеграфа» овладѣла великимъ поэтомъ, и если нападеніями другихъ своихъ противниковъ, друзей Пушкина, и отчасти самого Пушкина, Полевой былъ вызываемъ на нѣкоторыя полемическія выходки, обычныя въ то время, то невозможно сказать, чтобы издатель «Телеграфа» былъ виноватъ въ томъ: не онъ началъ полемику; напротивъ, онъ старался избѣжать ея. Еще важнѣе то, что не смотря на свои личныя враждебныя отношенія съ Пушкинымъ, какъ членомъ одной изъ литературныхъ партій, Полевой продолжалъ разсматривать поэтическія произведенія его съ безпристрастіемъ, и отдавать полную справедливость ихъ достоин-

ствамъ. Мы привели много примѣровъ (и каждый, кто потрудится перелистовать «Московскій Телеграфъ» найдетъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ), что критика произведеній Пушкина въ этомъ журналѣ вовсе не состояла въ придиркахъ къ словамъ—напротивъ, она стремилась проникнуть въ существенный смыслъ произведенія, и часто достигала того успѣшно; старалась опредѣлить отношеніе каждаго новаго произведенія къ прежнимъ и прекрасно исполняла это.—Она удачно объясняла и отношенія различныхъ созданій нашего поэта къ публикѣ—однимъ словомъ, была критикою, достойною этого имени. И нельзя не сказать, что всѣ обыкновенныя нареканія о тупоуміи, пустотѣ, и т. д. критики, которую встрѣчали сочиненія Пушкина при его жизни — чистый предразсудокъ, на сколько они касаются «Московскаго Телеграфа» въ цвѣтущее время его существованія, когда онъ имѣлъ сильное вліяніе на мнѣніе публики.

Но начиная съ 1831, особенно съ 1833 года, новый журналъ, «Телескопъ» начиналъ брать первенство надъ «Телеграфомъ» во мнѣніи, если не большинства публики, то людей, мнѣніемъ которыхъ можетъ дорожить писатель. Посмотримъ же, каковы были отношенія «Телескопа» къ Пушкину.

Предшественницами учено-литературной критики, которая одушевляла «Телескопъ», были грозныя статьи «экс-студента Никодима Надоумко», явившіяся въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 и 1829 годовъ... Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о томъ, что говорилъ Надоумко.

«Я сидѣлъ и думалъ о приближающемся новомъ годѣ—говоритъ онъ въ первой изъ своихъ статей (Литературныя опасенія за будущій годъ):—«Слава Богу! вотъ и еще одинъ годъ скоро съ плечъ долой! Вотъ и еще на одинъ шагъ подвинемся мы на поприщѣ жизни! Но подвинули-ль мы съ собою хоть на одинъ дюймъ то, что должно составлять главную цѣль бытія нашего?.. Наше просвѣщеніе, и преимущественно наша литература... Тутъ мрачная тѣнь пробѣжала предъ моими взорами... Давно уже она обернулась назадъ, и въ протекающій годъ едва ли перемѣнила, едва ли даже приготовилась перемѣнить свое направленіе... Мнѣ стало грустно и тяжко».—Въ эту минуту пришелъ къ автору Тлѣнскій, одинъ изъ прославленныхъ поэтовъ новой школы, и услышавъ о его грустномъ раздумьѣ, сталъ доказывать, что наша литература процвѣ-

таетъ, что «литературный горизонтъ нашъ покрывается безпрестанно новыми блестящими созвѣздіями»—Надоумко перерываетъ его.

— «Потрудись указать мнѣ въ толпѣ метеоровъ, возгарающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ которомъ бы открывалось таинственное пареніе генія въ страну вѣчныхъ идеаловъ, о которомъ прожужжали намъ всѣ уши велеумные журналисты? По сю пору близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ,—сквозь обвивающій ихъ чадъ могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную *бездну пустоты*, въ созданный гигантскою фантазіею Байрона страшный хаосъ:

... Бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ,
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой!

«Сіи маленькія желтенькія, синенькія и зелененькія поэмки, составляющія теперь главный піитическій приплодъ нашъ—несмотря на щеголеватую наружность, въ коей онѣ обыкновенно являются—не суть ли только эфемерные призраки, возникающіе изъ ничего и для ничего по прихотямъ зѣвающей отъ бездѣлья фантазіи?.. Это и не удивительно! Льзя ли ожидать чего нибудь дѣльнаго, связнаго и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-какъ на живую нитку, и свѣтящихся насквозь отъ множества—ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ—скважинъ и щелей, нисколько не затыкаемыхъ безчисленными тирэ и точками?—Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеею, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать; а просто пишетъ то, что на умъ взбредетъ?.. Таковы-то едва ли не всѣ нынѣшнія піитическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются открывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ! — Это значитъ, какъ говорятъ французы, chercher midi à quatorze heures!..»

«Богъ судья покойнику Байрону! Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу!—Правда, самого его винить не за что. Онъ былъ то, чѣмъ сотворила его природа и обстоятельства. Невозможно не преклонить колѣнъ предъ величіемъ его генія, но невозможно вмѣстѣ и удержать горестнаго вздоха о томъ, что сія исполинская сила души, для которой рамы дѣйствительности были столь тѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ на вселенную, и не согрѣвалась кроткою теплотою братской любви къ своимъ земнымъ спутникамъ. Это былъ одноокій колоссальный Полифемъ, проливающій окрестъ себя ужасъ и трепетъ!.. Но его мутный взоръ, его мрачное человѣконенавидѣніе, его враж-

дебная апатія ко всѣмъ кроткимъ и мирнымъ наслажденіямъ, представляемымъ намъ благою природою—принадлежали собственно ему самому и составляли оригинальную печать его генія. Посему Байронъ есть и останется навсегда великимъ—хотя и зловѣщимъ—свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго мира.—То бѣда, что сія грозная комета, изумивъ появленіемъ своимъ вселенную, увлекла за собой всѣ безчисленные атомы, вращающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богато-обриѳмованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли *á la Byron*:

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ. кто по дрова,
И у кого что силы стало!

Пошли безпрестанныя рѣзанья, стрѣлянья, душегубства—ни за что, ни про что... для одного *романтическаго* эффекта!..»

Надоумко въ одной изъ послѣдующихъ статей доказываетъ разборомъ «Полтавы», что въ понятіяхъ Пушкина нѣтъ ничего похожаго на байроновское міросозерцаніе. Общее заключеніе его о русской литературѣ 1820—1829 года высказывается такимъ образомъ по поводу замѣчанія, что «Телеграфъ» прилагаетъ къ литературѣ «высшіе взгляды»:

„Это болѣе смѣшно, чѣмъ жалко! Наша литература, въ настоящія времена, такъ мелка, такъ ничтожна, что ее съ высока то и не примѣтно! Напротивъ—надо понагнуться да понагнуться, чтобъ разглядѣть хорошенько, крошечныя крапинки жизни, иногда на ней выступающія! Забавное дѣло! Что подумали бъ мы о чудакѣ, который, собираясь переплыть черезъ Патріаршій прудъ на корытѣ, разложилъ бы предъ собою ландкарту и компасъ и отъ всего сердца принялся бы опредѣлять географическую широту и долготу его по парижскому меридіану? Каковъ кажется намъ „Метафизикъ“ Хемницера, съ философическою важностью взваливающій вину своего паденія на *центральное влеченье и воздушное давленье?* А между тѣмъ въ нашемъ литературномъ *мірѣ* дѣлается чуть ли еще не хуже. Велемудрые наши крикуны, собирающіеся на *Телеграфической* сходкѣ, не стыдятся къ хламу, унавоживающему нашу литературу, прикидывать мѣрку безконечнаго и безусловнаго, по которой нѣмецкіе критики опредѣляютъ величіе „Мессіады“ или „Орлеанской дѣвственницы“. Имъ чудится идеальное пареніе въ „Нулинѣ“; они видятъ развитіе идей человѣчества въ „Выжигинѣ“!!! Одно только можетъ извинить предъ судилищемъ литературнаго правосудія сію хулу на изящество: это—грѣхъ невѣдѣнія!“

Вотъ какъ г. Надоумко разсуждалъ о «Евгеніѣ Онѣгинѣ», въ которомъ—не должно забывать—хотѣли видѣть русскаго Чайльдъ-Гарольда:

«Бывало время, когда каждый стихъ Пушкина считался драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, новымъ перломъ нашей литературы. Какой общій, почти единодушный восторгъ привѣтствовалъ первые свѣжіе плоды его счастливаго таланта! Какія громозвучныя рукоплесканія встрѣтили Евгенія Онѣгина въ колыбели! Можно было по всей справедливости примѣнить къ юному поэту горделивое изреченіе Цезаря: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Всѣ преклонились передъ нимъ до земли; всѣ единогласно поднесли ему вѣнецъ поэтическаго безсмертія. Усумниться въ преждевременномъ апотеозѣ героя считалось литературнымъ святотатствомъ; и нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ исторіи нашей словесности по всѣмъ правамъ можно назвать эпохою Пушкина. Не будемъ оскорблять минувшее безполезными истязаніями: что было, то было! Скажемъ болѣе: имя Пушкина и безъ прихотливаго каприза моды, коей былъ онъ любимымъ временщикомъ, имѣло бы всѣ права на почетное мѣсто въ нашей литературѣ, энтузіазмъ, имъ возбуждаемый, не былъ совершенно не заслуженный. Но теперь—какая удивительная перемѣна! Произведенія Пушкина являются и проходятъ почти непримѣтно. Блистательная жизнь Евгенія Онѣгина, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескокомъ черезъ цѣлую главу — и это не производитъ никакого движенія, не возбуждаетъ никакого участія. Третья часть стихотвореній Пушкина, обогащенная обширною сказкою въ новомъ родѣ, котораго геній его еще не испытывалъ, скромно, почти инкогнито, прокрадывается въ газетныхъ объявленіяхъ, на ряду съ мелкой рухлядью цѣховаго риѳмоплетнаго рукодѣлья; и—(о верхъ униженія!)—между журнальными насѣкомыми, «Сѣверная Пчела», ползавшая нѣкогда передъ любимымъ поэтомъ, чтобы поживиться отъ него хотя росинкой сладкаго меду, теперь осмѣливается жужжать ему въ привѣтствіе, что въ послѣднихъ стихотвореніяхъ своихъ — Пушкинъ отжилъ!. Sic transit gloria mundi.

«Чтожь значитъ сія перемѣна?.. Приписать ли это внезапное охлажденіе той же вѣтротлѣнной прихотливости моды, которая прежде баловала такъ поэта, или видѣть въ немъ добросовѣстное раскаяніе вразумившагося безпристрастія?.. Вопросъ сей должно рѣшить внимательнымъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ произведеній Пушкина».

„Начнемъ съ „Послѣдней Главы Онѣгина“. Признаемся откровенно, сія послѣдняя глава показалась намъ ничѣмъ не хуже первыхъ. Таже прихотливая рѣзвость вольнаго воображенія, порхающаго легкокрылымъ мотылькомъ по узорчатому, но безплодному полю свѣтской бездушной жизни; таже яркая пестрота красокъ и цвѣтовъ, мелькающихъ подвижною калейдоскопическою мозаикой; тоже бѣглое, но цѣпкое остроуміе, вездѣ оставляющее слѣды легкаго, юмористическаго угрызенія; таже чистота и гладкость стиха, всюду льющагося тонкой хрустальной струей. Однимъ словомъ, мы нашли здѣсь продолженіе той же пародіи на жизнь, вѣтренной и легкомысленной, но вмѣстѣ затѣйливой и остроумной, коей мы любовались отъ души въ первыхъ главахъ „Евгенія“. Посему, читая ее, мы не испытали никакого разочарованія, не подверглись никакому непріятному впечатлѣнію; и если иногда приходило намъ въ голову, что поэту, создавшему „Бориса Годунова“, время бъ быть постепеннѣе, то мы

оправдали его необходимостью: надобно жь было кончить, что начато!... Но отдавая искренній отчетъ въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ раздѣляло съ нами общее мнѣніе. Большинство публики, въ минуты перваго упоенія, обмороченное вѣроломными кликами шарлатановъ, спекулировавшихъ на общій энтузіазмъ къ Пушкину, видѣло въ „Онѣгинѣ" какое то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными послѣдствіями. Оно думало читать въ немъ полную исторію современнаго человѣчества, оправленную въ роскошныя поэтическія рамы, ожидало найти въ немъ русскаго „Чайльдъ-Гарольда". И могло ли устоять долго это добродушное ослѣпленіе, когда откровенная искренность поэта сама его разрушала безпрестанно? Каждая новая глава «Онѣгина» яснѣе и яснѣе обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинскій замыселъ, ему приписываемый. Съ каждою новою строкой становилось очевиднѣе, что произведеніе сіе было ничто иное, какъ вольный плодъ досуговъ фантазіи, поэтическій альбомъ живыхъ впечатлѣній таланта, играющаго своимъ богатствомъ. Напрасно самое пристрастное доброжелательство усиливалось отыскать въ немъ черты высшаго „эстетическаго значенія Его воздушная легкость ускользала отъ всѣхъ покушеній пріязненной критики, домогавшейся узаконить его въ рангѣ художественнаго произведенія, имѣющаго извѣстные права и подчиненнаго извѣстнымъ условіямъ. „Евгеній Онѣгинъ" не былъ и не назначался быть въ самомъ дѣлѣ романомъ, хотя имя сіе, подъ которымъ онъ явился первоначально, осталось навсегда въ его заглавіи. Съ самыхъ первыхъ главъ можно было видѣть, что онъ не имѣетъ притязаній ни на единство содержанія, ни на цѣльность состава, ни на стройность изложенія; что онъ освобождаетъ себя отъ всѣхъ искуственныхъ условій, коихъ критика въ правѣ требовать отъ настоящаго романа. Въ такъ-называемомъ романѣ Пушкина, отъ начала до конца, мелькаютъ, говоря его же словами:

Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ. (VIII. 37).

Самое явленіе его, неопредѣленно-періодическими выходами, съ безпрестанными пропусками и скачками, показываетъ, что поэтъ не имѣлъ при немъ ни цѣли, ни плана, а дѣйствовалъ по свободному внушенію играющей фантазіи. Смѣло можно было угадывать, что при первой главѣ „Онѣгина" Пушкинъ и не думалъ, какъ онъ кончится; и вотъ собственное его откровенное признаніе въ послѣдней главѣ.

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ *въ смутномъ снѣ*
Явилися впервые мнѣ—

И даль *свободнаго романа*
Я сквозь магическій кристалъ
Еще *не ясно* различалъ. (VIII. 50).

Но сіе признаніе сдѣлано уже слишкомъ поздно. Оно не спасло откровеннаго поэта отъ мести тѣхъ, кои, думая видѣть въ мыльныхъ пузырькахъ, пускаемыхъ его затѣйливымъ воображеніемъ, роскошные огни высокой поэтической фантасмагоріи, наконецъ должны были признать себя жалко обманувшимися. Раздраженная толпа вымѣщаетъ теперь свое прежнее чрезмѣрное ослѣпленіе несправедливою холодностью. „Послѣдняя Глава Онѣгина“ наказывается незаслуженнымъ пренебреженіемъ, отъ того, что первымъ удалось возбудить восторгъ не совсѣмъ заслуженный. Самъ поэтъ, безъ сомнѣнія это предчувствовалъ: ибо послѣднее прощаніе его съ читателями, коимъ онъ заключаетъ сію послѣднюю главу, растворено юмористическою ѣдкостью, изобличающею тайное недовольство самимъ собою и представляющею разительную противоположность съ тѣмъ разгульнымъ одушевленіемъ веселаго самодовольствія, коимъ проникнуты первыя главы „Онѣгина“:

Ктобъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты со мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль граматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости. (VIII, 48, 49).

Не знаемъ, какъ принято сіе обращеніе другими: чтожь касается до насъ, то мы извлекли изъ него поучительное заключеніе, къ чести поэта, но—не въ добрую примѣту для нашей словесности. Ясно, что Пушкинъ съ благороднымъ самоотверженіемъ, созналъ наконецъ тщету и ничтожность поэтическаго суесловія, коимъ, увлекая другихъ, не могъ конечно и самъ не увлекаться. Его созрѣвшій умъ проникъ глубже и постигъ вѣрнѣе тайну поэзіи: онъ увидѣлъ, что для генія—повторимъ давно сказанную остроту—не довольно создать Евгенія... Но лучше ли отъ того нашей словесности? При ея крайнемъ убожествѣ блестящая игрушка, подобная Онѣгину, все, по крайней мѣрѣ, наполняла собой ужасную ея пустоту. Видѣть эту игрушку разбитою руками, ее устроившими и не имѣть, чѣмъ замѣнить ее—еще грустнѣе, еще безотраднѣе».

Но тотъ же самый «Телескопъ» признаетъ великимъ твореніемъ «Бориса Годунова», который былъ осужденъ другими журналами

и совершенно равнодушно, или даже непріязненно встрѣченъ публикою. Это произведеніе оправдывается критикомъ противъ всѣхъ мелкихъ упрековъ, какіе дѣлались ему въ то время; «превосходно», «прекрасно»—повторяется на каждой страницѣ разбора. Говорятъ, что Надоумко строго судилъ о прежнихъ произведеніяхъ Пушкина потому, что былъ лишенъ эстетическаго вкуса; едва ли это такъ;—людямъ, которые высказываютъ такое мнѣніе, совѣтуемъ прочитать его статью о «Борисѣ Годуновѣ» (Телескопъ, 1831 г. стр. 546—574)—она положительно убѣдитъ ихъ, что ни одинъ изъ нынѣшнихъ записныхъ критиковъ не можетъ похвалиться такимъ вѣрнымъ и проницательнымъ эстетическимъ тактомъ, какой обнаруживается этимъ разборомъ.

Надобно замѣтить, что говоря о Пушкинѣ, «Надоумко» и «Телескопъ» имѣли въ виду не столько отдѣльнаго поэта, сколько представителя русской литературы, и потому высказывали по поводу его произведеній то, что должно было разумѣть о цѣлой литературѣ. Здѣсь дѣло шло, собственно говоря, не объ авторѣ «Евгенія Онѣгина», а объ умственной жизни нашего общества въ ту эпоху о публикѣ, которая произвела Пушкина, которая восхищалась «Русланомъ и Людмилою», какъ народною поэмою, не понимая ея, «Кавказскимъ плѣнникомъ», какъ Байроновскою поэмою, также не понимая его, и которая осталась недовольна «Борисомъ Годуновымъ», также не понимая его.

Но, какъ бы то ни было, хотя въ сужденіяхъ «Телескопа», о Пушкинѣ и много ошибочнаго, — во всякомъ случаѣ для каждаго, кто возьметъ на себя трудъ перечитывать статьи экс-студента Надоумко и разборы «Телескопа», или даже, пробѣжавъ наши выписки, припомнить преувеличенные толки о богатствѣ нашей литературы и т. д.—несомнѣнно убѣдится въ томъ, что въ основаніяхъ этихъ сужденій есть много и дѣльнаго,

Какое же заключеніе извлечемъ мы изъ этихъ припоминаній? Кажется, трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно. Конечно, мы говоримъ только о лучшихъ тогдашнихъ критикахъ. Были въ тоже время между рецензентами люди и другаго разбора, какъ бываютъ они вездѣ и всегда. Нашелся, напримѣръ, человѣкъ (имя его, къ счастію, не выставлено подъ статьею), который не посовѣстился утверждать, что VII глава «Евгенія Онѣгина» заим-

ствована изъ «Ивана Выжигина» (!!!); были другіе рецензенты, болѣе честные, но столь же жалкіе по уму, которые привязывались къ словамъ и другимъ мелочамъ:—но неужели Пушкинъ долженъ былъ обращать вниманіе на этихъ людей, которые служили тогда предметомъ насмѣшекъ и сожалѣнія? Неужели и мы должны имѣть ихъ въ виду, говоря объ отношеніяхъ Пушкина къ современной ему критикѣ? Лучше предать забвенію эти вещи, незаслуживающія ничего, кромѣ забвенія и сожалѣнія...

Въ слѣдующей главѣ, продолжая говорить объ отношеніяхъ критики къ Пушкину, мы разсмотримъ взглядъ на нашего великаго поэта критиковъ ближайшихъ къ нашему времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ранѣе, нежели мы надѣялись, новое изданіе сочиненій Пушкина завершилось выходомъ двухъ послѣднихъ томовъ, благодаря заботливости издателя, сдержавшаго свои обѣщанія публикѣ съ точностью. Хвалить внѣшній видъ изданія, теперь оконченнаго, считаемъ совершенно излишнимъ, потому что между нашими читателями вѣроятно не найдется ни одного, который бы уже не просматривалъ, не перечитывалъ его. Не считаемъ нужнымъ указывать и внутреннія достоинства изданія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, потому что уже говорили объ этомъ въ началѣ нашей статьи. Было бы утомительно для читателей, если бы мы вздумали вдаваться теперь въ мелочныя указанія статей и стихотвореній Пушкина, разсѣянныхъ по журналамъ, и не вошедшихъ въ составъ изданія, сдѣланнаго г. Анненковымъ—важнѣйшіе изъ этихъ пропусковъ были уже указаны критикой по случаю выхода въ свѣтъ изданія 1841 года, и если не были пополнены г. Анненковымъ, то конечно не по забывчивости, а только потому, что планъ новаго изданія не допускалъ помѣщенія этихъ статей, большею частью полемическихъ. Исчисленіе другихъ, совершенно незначительныхъ журнальныхъ замѣтокъ, не есть, по нашему мнѣнію, дѣло критики, которая должна обращать вниманіе только на вещи, имѣющія внутреннее значеніе: длиннымъ и сухимъ спискамъ подобнаго рода мѣсто въ спеціальныхъ библіографическихъ трактатахъ, и въ примѣчаніяхъ къ будущему «*Полному* собранію сочиненій Пушкина» (если когда нибудь русская литература будетъ имѣть такое собраніе)—заглавіе, котораго скромно и благоразумно не далъ г. Анненковъ своему изданію, полному только въ предписанныхъ ему границахъ. Во всякомъ случаѣ, эти статейки едва ли могли бы при-

бавить что нибудь значительное къ тому, что уже дано «матеріалами», столь тщательно собранными изъ бумагъ Пушкина г. Анненковымъ. Прибавленія, какія въ настоящее время могли бы быть сдѣланы къ изданію, были бы совершенно ничтожны въ сравненіи съ массою драгоцѣнныхъ новыхъ данныхъ, представленныхъ «Матеріалами для біографіи Пушкина», примѣчаніями новаго изданія и нѣкоторыми пьесами его, не входившими въ составъ прежняго изданія.

Въ предъидущей главѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ Пушкину современной ему критики; мы видѣли, что если она въ плохихъ или недобросовѣстныхъ журналахъ часто унижалась до тупости и забавной придирчивости, то посредствомъ лучшихъ своихъ органовъ—«Телеграфа» и «Телескопа», успѣла высказать довольно много справедливыхъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина и—что еще важнѣе и труднѣе—даже объ отношеніи слѣдующихъ его произведеній къ предъидущимъ, о постепенномъ развитіи его таланта. Но само собою разумѣется, что оцѣнка дѣятельности поэта, столь полнаго силы, жизни и движенія, какъ Пушкинъ, не могла быть полна, пока значительная часть этой дѣятельности еще скрывалась въ будущемъ; разумѣется также, что писатель, столь важный въ исторіи общаго развитія нашей литературы, какъ Пушкинъ, не могъ быть точно оцѣненъ по своему значенію и вліянію на судьбу литературы, пока это вліяніе не выразилось положительными фактами: мѣрило для оцѣнки воспитателя дается только дѣятельностью его воспитанниковъ. Потому критика, современная Пушкину, вовсе не будучи лишена ни смысла, иногда прекраснаго, ни проницательности, иногда очень мѣткой, и нимало не заслуживая пренебреженія, съ какимъ о ней иногда отзываются, напротивъ, имѣя право на наше вниманіе не менѣе другихъ отраслей тогдашней литературной дѣятельности,—эта критика тѣмъ не менѣе далеко уступаетъ своею глубиною послѣдующей критикѣ, имѣетъ значеніе только какъ приготовленіе къ этой критикѣ, подобно всей тогдашней литературѣ, имѣющей важность преимущественно потому только, что она служила почвою, на которой могла возникнуть дѣятельность послѣдущей литературной эпохи, которая въ свою очередь особенно драгоцѣнна для насъ не какъ нѣчто имѣющее абсолютное значеніе, а какъ зародышъ и залогъ будущаго развитія русской литературы,

приближеніе котораго должно быть завѣтнымъ желаніемъ каждаго образованнаго русскаго. Каково бы ни было безотносительное достоинство произведеній Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя и современныхъ намъ русскихъ писателей, но они еще милѣе для насъ, какъ залогъ будущихъ торжествъ нашего народа на поприщѣ искусства, просвѣщенія и гуманности.

Критика, возникшая вскорѣ по смерти Пушкина—сказали мы—гораздо полнѣе и точнѣе, нежели современная ему критика, опредѣлила значеніе этого великаго писателя въ русской литературѣ. Повидимому, надобно было бы предполагать, что результаты ея изслѣдованіи, еще у всѣхъ свѣжи въ памяти и не должны быть снова подробно пересказываемы, какъ вещи общеизвѣстныя. На самомъ дѣлѣ такое предположеніе, несмотря на всю свою естественность, оказывается несправедливымъ. Если бы воскресли люди, голосъ которыхъ такъ недавно еще былъ выслушиваемъ какъ голосъ самой истины—чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно—если бы воскресли эти люди и посмотрѣли на то, что пишется нынѣ, они воскликнули бы словами одного изъ нынѣшнихъ поэтовъ, который вѣроятно самъ уже позабылъ свои прежнія слова:

Или въ эти годы
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были?.

Но, увлеченныя воспоминаніями, мы удалились отъ нашего предмета—разсмотрѣнія того, какимъ образомъ понимала Пушкина критика, господствовавшая въ нашей литературѣ послѣ паденія современной ему критики. Журналы старыхъ годовъ не всегда можно имѣть въ рукахъ, потому не излишне будетъ въ короткихъ словахъ повторить существенныя мысли многочисленныхъ статей о Пушкинѣ, столь подробно и вѣрно оцѣнившихъ его поэтическую дѣятельность.

Прежде всего надобно замѣтить, что эти статьи сильно возставали противъ ѣдкихъ отзывовъ эксъ-студента Надоумко о «Полтавѣ», «Нулинѣ» и «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и холодныхъ отзывовъ «Телеграфа» о послѣдующихъ произведеніяхъ Пушкина. Онѣ доказывали, что какъ «Борисъ Годуновъ», такъ и «Евгеній Онѣгинъ»—великія созданія. Потому въ смутныхъ воспоминаніяхъ, какія остались у большей части нынѣшнихъ читателей отъ этихъ статей,

едва ли не самымъ положительнымъ осталось мнѣніе, что онѣ были безусловнымъ панегирикомъ Пушкину; что произведенія Пушкина были въ нихъ представлены равно художественными по формѣ и колоссальными по идеѣ; что Пушкинъ былъ поставленъ въ нихъ неизмѣримо выше всѣхъ русскихъ поэтовъ, не исключая никого. Многимъ на основаніи этихъ неточныхъ воспоминаній представляется даже, будто бы критика ставила Пушкина однимъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, равнымъ Шекспиру въ «Борисѣ Годуновѣ», едва ли не выше Шиллера и Байрона. Выписки, которыя мы приведемъ ниже, вѣрнѣе покажутъ понятія критики о поэтическомъ значеніе Пушкина; мы здѣсь не хотимъ излагать ея мысли собственными словами—способъ всегда болѣе или менѣе произвольный, и считаемъ нужнымъ сдѣлать только два или три замѣчанія относительно общаго характера этой критики.

Чтеніе выписокъ, которыя мы представимъ, убѣдитъ каждаго въ томъ, какъ независимы и нелицепріятны были ея сужденія. Быть можетъ даже нынѣ, когда отдаленность времени даетъ намъ полную возможность судить безъ увлеченій, многимъ покажется, что критика говорила о Пушкинѣ не довольно восторженно. Но тѣмъ не менѣе каждый можетъ видѣть, что она была проникнута глубокимъ благоговѣніемъ къ имени Пушкина. На это, кромѣ главной причины—великаго достоинства самыхъ произведеній Пушкина и пламеннаго сочувствія этой критики ко всему, что было прекраснаго въ русской литературѣ, есть и другая причина, зависѣвшая отъ обстоятельствъ. Это указано въ самомъ началѣ статей. Въ концѣ жизни Пушкина, публика охладѣла къ своему любимцу; но «безвременная смерть Пушкина, какъ и должно было ожидать, снова и съ бо́льшею силою обратила къ падшему поэту сочувствіе и любовь общества. Не успѣло еще войдти въ свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, какъ подняла свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго злопамятная посредственность. Она начала, прямо и косвенно, толковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь унизить ихъ... веселое скаканіе водовозныхъ существъ на могилѣ льва возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное, а наглое безстыдство низости имѣетъ свойство выводить изъ терпѣнія. Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себѣ обстоятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пушкина какъ должно, только болѣе

и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ удивленіи къ великому поэту?» Далѣе говорится, что наконецъ эти обстоятельства миновались, и настало время судить о Пушкинѣ совершенно хладнокровно. Но каждый, у кого бьется въ груди сердце, знаетъ по опыту, что человѣкъ энергическій никогда не будетъ говорить совершенно хладнокровно о томъ, отъ чего когда нибудь возмущалось его сердце. Кто былъ современникомъ пошлыхъ выходокъ противъ великаго поэта, кто былъ нѣкогда пораженъ громовою вѣстью о его ранней кончинѣ, тотъ можетъ современемъ судить о немъ безпристрастно, но никогда не будетъ въ состояніи говорить о немъ безъ слѣдовъ прежняго увлеченія. Каждому человѣку изъ позднѣйшаго поколѣнія легко судить о томъ по недавнему горькому опыту. Кто изъ насъ, внезапно пораженныхъ вѣстью о смерти Гоголя, возмущавшихся потомъ недостойными выходками противъ этого великаго таланта, не сохранитъ навсегда въ душѣ слѣдовъ скорби, которой съ такою горечью предавались мы?

Мы упомянули объ этомъ чрезвычайно сильномъ сочувствіи критики къ поэту между прочимъ и потому, что этимъ отношеніемъ объясняется ея стремленіе истолковать сколь возможно выгоднѣе для того или другаго произведенія смыслъ его, иногда въ противорѣчіе тому, чего по своему безпристрастію не можетъ не замѣтить и не высказать сама критика. Примѣровъ можно привесть очень много. Ограничимся двумя или тремя. Въ «Цыганахъ» идея произведенія выражена въ характерѣ и дѣйствіяхъ Алеко, и Алеко есть идеалъ безукоризненный въ глазахъ автора. Но критика не можетъ не видѣть, что понятія, которыми руководствуется Алеко, ложны; что онъ требуетъ отъ другихъ того, чего самъ не хочетъ дѣлать для нихъ. Критика очень жарко изобличаетъ жестокость и несправедливость Алеко—и съ тѣмъ вмѣстѣ старается доказать, что идея поэмы выразилась не въ лицѣ Алеко, а въ кроткихъ воззрѣніяхъ стараго цыгана, хотя очевидно, что по мысли Пушкина цыганъ этотъ, какъ человѣкъ снисходительный только по своему невѣжеству и робости, не имѣющій истиннаго понятія о любви, стоитъ ниже Алеко. Критика готова даже продположить, что Алеко Пушкина очищается страданіемъ, между тѣмъ какъ очевидно, что по мысли Пушкина Алеко невинный страдалецъ, который сокрушенъ незаслуженною потерею, и которому не отъ чего исправляться, не въ чемъ раскаяваться. Другой примѣръ: очевидно, Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за то, что въ деревнѣ онъ не

отвѣчалъ страстною любовью на письмо Татьяны; что и эту его холодность и любовь къ ней, загорѣвшуюся въ немъ послѣ, Пушкинъ совершенно объясняетъ сентенціею:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай;

очевидно также, что Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за эту любовь и представляетъ отвѣтъ ему Татьяны какъ безусловно истинный и правый. Критика не могла согласиться съ этими понятіями, по ея мнѣнію сухими, узкими и фальшивыми. Она жарко и подробно высказываетъ свой взглядъ на Онѣгина и на Татьяну (какъ она является въ послѣдней главѣ), противуположный взгляду самого Пушкина на эти личности и мотивы ихъ дѣйствій—и однако же не хочетъ дойти до вывода, необходимо слѣдующаго изъ этихъ фактовъ; или Онѣгинъ и Татьяна изображены въ романѣ не такими, какъ представлялись мысли самого автора, слѣдовательно Пушкинъ также не могъ понять и очертить ихъ въ полномъ и истинномъ свѣтѣ, какъ и Лермонтовъ своего Печорина, или они изображены дѣйствительно такими, какими представлялись понятіямъ самого автора, и въ такомъ случаѣ о нихъ должно сказать то же, что о людяхъ одного разряда съ Алеко.

Послѣ замѣчанія, нами сдѣланнаго, легко понять эти важныя противорѣчія и недомолвки. Но какъ ни велико было благоговѣніе критики къ Пушкину, ея желаніе окружить имя Пушкина всѣмъ блескомъ безсмертія, но проницательность анализа и пламенная любовь къ истинѣ были въ ней гораздо сильнѣе. Развитіе русской литературы было для нея выше увлеченія самыми милыми именами, горячее желаніе развитія жизни и просвѣщенія въ родной землѣ сильнѣе самой любви къ русской литературѣ, которая была ей драгоцѣнна именно потому, что есть двигательница жизни и просвѣщенія. Потому нѣтъ въ этой критикѣ ни умышленныхъ умолчаній, ни пристрастнаго взгляда на тотъ или другой фактъ литературы. И если она иногда, увлекаемая любовью, какъ въ настоящемъ случаѣ, не дѣлаетъ вывода изъ своихъ понятій, то понятія эти всегда

выражены полно, ясно и сильно, такъ что и заключеніе ясно само собою, и для каждаго мыслящаго читателя оно уже высказано.

Другое замѣчаніе: для истиннаго критика разсматриваемое сочиненіе очень часто бываетъ только поводомъ къ развитію собственнаго взгляда на предметъ, котораго оно касается вскользь или односторонне. Такъ произошли большая часть увлекательныхъ эпизодовъ, которыми богаты статьи о Пушкинѣ. Это не всегда понимаютъ, и не всегда отличаютъ мысли критика отъ понятій, высказанныхъ въ разбираемомъ произведеніи, считая критика только простымъ комментаторомъ автора. Какія удивительныя страницы написаны на русскомъ языкѣ о «Цыганахъ», о характерѣ Онѣгина, о Татьянѣ, о русскомъ обществѣ и русской женщинѣ! Мы очень ошиблись бы, если бы, начавъ яснѣе понимать всѣ эти вещи, о которыхъ онѣ говорятъ, предположили, что узнали ихъ отъ Пушкина, а не отъ его критика.

Критика, о которой мы говоримъ, такъ полно и вѣрно опредѣлила характеръ и значеніе дѣятельности Пушкина, что, по общему согласію, ея сужденія до сихъ поръ остаются справедливыми и совершенно удовлетворительными. Нужно только одно,—предлагать вопросы,—отвѣты уже приготовлены. Жаль только, что иногда забываются важнѣйшіе вопросы, или очень часто забываютъ искать на нихъ отвѣта гдѣ слѣдуетъ, а хлопочутъ объ изготовленіи посильныхъ отвѣтовъ собственнаго издѣлія, не всегда мастерскаго. Во второмъ насъ нельзя будетъ обвинить; остается только намъ желать, чтобы вопросы были избраны нами несовершенно неудачно.

Когда мы захотимъ составить себѣ ясное понятіе о личности Пушкина, какъ поэта, прежде всего является сомнѣніе: можно ли считать этого генія умершаго въ цвѣтѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, вполнѣ совершившимъ свое назначеніе въ русской литературѣ, исполнившимъ для ея раввитія все, что исполнить была въ силахъ его натура? Никому не приходитъ въ голову подобное сомнѣніе, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о Байронѣ, который также умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, объ Андреѣ Шенье, который также погибъ въ цвѣтѣ силъ и таланта, ни,—чтобы привесть примѣръ, болѣе близкій намъ,—о Кольцовѣ, который умеръ моложе Пушкина и началъ развиваться гораздо въ болѣе позднія лѣта. Но о Пушкинѣ мы часто думаемъ почти такъ же, какъ о Лермонтовѣ, который дѣйствительно отнятъ смертью у русской литературы далеко не достиг-

нувъ полнаго развитія своихъ силъ, который въ будущемъ обѣщалъ несравненно болѣе того, что успѣлъ сдѣлать. Но разница между двумя поэтами въ этомъ отношеніи—огромна. Сравните стихотворенія, написанныя Лермонтовымъ въ 1836—1837 годахъ, съ его стихотвореніями, принадлежащими 1840—1841 годамъ, и вы увидите въ послѣднихъ огромное превосходство надъ первыми и по глубинѣ содержанія и по совершенству формы. Но такой разницы не замѣтно, напримѣръ, между стихотвореніями Пушкина 1835—1836 и 1829—1830, даже 1825—1826 годовъ: если въ 1835 году были написаны «Полководецъ», «Туча», «Пиръ Петра Великаго», «Опять на родинѣ»,—то 1830 году принадлежатъ «Къ Вельможѣ», «Поэту», «Для береговъ отчизны дальней», «Бѣсы», «Подражанія Данту», и проч., а 1825 году «Въ крови горитъ огонь желанья», «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», «Сожженное письмо», «Я помню чудное мгновенье», «19-е октября», «Буря мглою небо кроетъ», «Чертогъ сіялъ» и проч. Чтобы найти осязательную разницу между стихотвореніями послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина и его предъидущими стихотвореніями, мы должны отступить до 1822—1823 годовъ. Мы указали на лирическія произведенія, потому что они, по общему согласію, даютъ самое вѣрное средство слѣдить за ходомъ развитія поэта. Почти тотъ же результатъ обнаруживается и большими произведеніями Пушкина. Въ примѣчаніи мы представляемъ два списка ихъ по хронологическому порядку *).

*) Вотъ порядокъ, въ какомъ явились въ печати произведенія Пушкина Годы:

1820. Русланъ и Людмила.
1822. Кавказскій плѣнникъ.
1824. Бахчисарайскій фонтанъ.
1825. Братья разбойники.—Евгеній Онѣгинъ, глава I.
1826. Онѣгинъ, глава 2.
1827. Цыганы.—Онѣгинъ, глава. 3.
1828. Графъ Нулинъ.—Онѣгинъ, главы 4, 5, 6.—Сцена изъ Фауста.
1829. Полтава.
1830. Онѣгинъ, глава 7.
1831. Борисъ Годуновъ.—Повѣсти Бѣлкина.
1832. Онѣгинъ, глава 8. — Моцартъ и Сальери. — Пиръ во время чумы. — Сказка о Гвидонѣ.
1833. Домикъ въ Коломнѣ.
1834. Пиковая дама. — Сказка о мертвой царевнѣ.
1835. Нѣсколько простонародныхъ сказокъ.

Первый изъ этихъ списковъ показываетъ, что съ 1832 года до конца своей жизни Пушкинъ не напечаталъ ни одного значительнаго произведенія въ стихахъ, кромѣ только «Скупаго Рыцаря», явившагося въ 1836 году. Потому становится понятно, какимъ образомъ въ статьѣ «Телескопа» за 1835 г. «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», принадлежащей тому же перу, которое черезъ нѣсколько лѣтъ написало статьи о Пушкинѣ, могло быть сказано: «Я не включаю въ число современныхъ поэтовъ Пушкина, который уже совершилъ кругъ своей художественной дѣятельности». Дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Пушкина нельзя было не думать, что великій писатель совершенно оставилъ прежнее поприще своей славной дѣятельности, и отнынѣ хочетъ сдѣлаться исключительно прозаикомъ, и сосредоточить свои силы преимущественно на историческихъ трудахъ. Явившіяся по смерти его превосходныя поэтическія созданія, сочиненіе которыхъ современники незнавшіе опредѣлительно года, когда они были писаны, естественно должны были относить къ послѣднимъ годамъ жизни поэта (въ чемъ убѣ-

---

1836. Родословная моего героя. — Скупой рыцарь. — Капитанская дочка.

По смерти Пушкина были изданы: Галубъ. — Мѣдный всадникъ.—Каменный гость. — Русалка. — Арапъ Петра Великаго. — Дубровскій. — Египетскія ночи. — Сцены изъ рыцарскихъ временъ.

Мы помѣстили этотъ списокъ для того, чтобы понятны были сужденія о Пушкинѣ, являвшіяся въ послѣднее время его жизни. Но еще интереснѣе обозрѣть хронологическую послѣдовательность, въ которой были написаны важнѣйшія произведенія Пушкина. Этотъ списокъ—самое вѣрное свидѣтельство о развитіи его поэтической дѣятельности.

Годы:

1820. Русланъ и Людмила.
1821. Кавказскій Плѣнникъ.
1823, 1824, 1825. Первыя шесть главъ Онѣгина. — Борисъ Годуновъ.
1825. (Борисъ Годуновъ).
1826. Сцена изъ Фауста.
1827. Арапъ Петра Великаго.
1828. Полтава.
1829. Галубъ.
1830. Скупой рыцарь. —Моцартъ и Сальери.—Каменный гость.—Пиръ во время чумы.
1832. Русалка. — Дубровскій.
1833. Мѣдный всадникъ. — Капитанская дочка. — Пиковая дама — Египетскія ночи.

ждала и неоконченность «Галуба», «Русалки», «Арапа Петра Великаго», «Египетскихъ ночей») — эти посмертныя сочиненія могли тогда заставить оставить прежнее мнѣніе и думать, что смерть пресѣкла дни Пушкина въ эпоху самой сильной его поэтической дѣятельности. Но теперь, благодаря даннымъ, которыя сообщены г. Анненковымъ, мы знаемъ годъ, которому принадлежитъ созданіе каждаго изъ произведеній Пушкина, и не можемъ раздѣлять этого предположенія. Просматривая второй изъ приведенныхъ нами списковъ, видимъ, что съ 1833 года Пушкинъ уже не написалъ ни одного значительнаго художественнаго произведенія. Три послѣдніе года его жизни были посвящены исключительно историческимъ трудамъ; да и три предъидущія года (1831 — 1833) были уже очень скудны поэтическими произведеніями. Г. Анненковъ относитъ къ нимъ только простонародныя сказки — шалость великаго поэта, и «Русалку» и «Мѣднаго всадника». Поэтическая дѣятельность видимо стала для Пушкина второстепенною, начиная съ 1830 года, которому принадлежатъ, по отмѣткамъ г. Анненкова, его драматическія сцены. Кромѣ того, если въ 1820—1825 годахъ мы замѣчаемъ быстрое и неослабное развитіе поэтическаго таланта, то постепенность этого развитія замедляется, если не исчезаетъ впослѣдствіи. Это легко видѣть, обративъ вниманіе на слѣдующія цифры:

1820. «Русланъ и Людмила». 1821. «Кавказскій Плѣнникъ». 1822. «Бахчисарайскій фонтанъ». 1824. «Цыганы». 1825. Шесть главъ «Онѣгина»; «Борисъ Годуновъ».

Невозможно спорить противъ того, что произведеніе каждаго послѣдующаго года въ этомъ ряду гораздо выше прежнихъ произведеній. Но такъ ли очевидно послѣдовательное возвышеніе художественнаго достоинства произведеній въ слѣдующемъ ряду:

1827. «Арапъ Петра Великаго». 1828. «Полтава». 1830. «Драматическія сцены». — «Каменный гость». — «Повѣсти Бѣлкина» 1832. «Русалка». — «Дубровскій». 1833. «Мѣдный Всадникъ». — «Пиковая дама». — «Капитанская дочка». — Египетскія ночи».

Лучшія изъ этихъ произведеній стоятъ совершенно на одной высотѣ, и рядъ ихъ повсюду прерывается произведеніями, имѣющими только второстепенное достоинство. Такъ за «Женихомъ», прекраснымъ созданіемъ изъ народной жизни (1827), слѣдуютъ (до 1833) многія изъ простонародныхъ сказокъ, очень слабыхъ, какъ всѣми признано. Такъ за «Арапомъ Петра Великаго» (1827) слѣ-

дуютъ «Повѣсти Бѣлкина» (1830). Смѣшно было бы думать, какъ думали въ 1831 — 1836 годахъ, что талантъ Пушкина начиналъ ослабѣвать,—потому что въ эти годы онъ создалъ «Каменнаго гостя», «Русалку» и «Мѣднаго Всадника»; но очевидно, съ 1826—1830 онъ достигъ возможной высоты своего развитія (если не достигъ ея еще раньше, около 1825 года, которому принадлежатъ «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ») и что съ этого времени относительное достоинство поэтическихъ его произведеній не возрастаетъ неуклонно съ каждымъ годомъ, зависитъ не отъ болѣе поздняго года, какъ прежде, а просто отъ измѣняющихся обстоятельствъ свободнаго вдохновенія, то на время капризно покидающаго своего любимца, то возвращающагося къ нему съ прежнею силою. Невозможно также не видѣть, что Пушкинъ въ послѣдніе годы менѣе дорожитъ своимъ поэтическимъ талантомъ,—это видимъ и изъ его писемъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, считаетъ важнымъ дѣломъ только исторію Пугачевскаго бунта, а «Капитанскую дочку»—ничтожною бездѣлкою, написанною для развлеченія, для отдыха; еще убѣдительнѣе тоже самое видимъ изъ небрежности, съ которою онъ посвящаетъ свой талантъ прелестнымъ игрушкамъ, которымъ самъ не придаетъ цѣны, каковы «Домикъ въ Коломнѣ» (1830), «Простонародныя сказки», «Родословная моего героя» (1833) и проч. Наконецъ, самое положительное доказательство того, что Пушкинъ въ послѣдніе годы пренебрегаетъ своимъ поэтическимъ талантомъ—измѣнившееся направленіе его занятій: онъ очень мало пишетъ поэтическихъ произведеній, и обольщается славою историка.

Всѣ эти факты не были прежде извѣстны въ такой точности, какъ знаемъ ихъ теперь мы, благодаря новому изданію и приложенной къ нему біографіи. Но проницательность критики, о которой мы говоримъ, не нуждалась въ этихъ мелочныхъ сличеніяхъ цифръ, чтобы найти истинный отвѣтъ на вопросъ: чего могла бы ожидать русская поэзія отъ Пушкина, если бы онъ прожилъ долѣе? Не было ли все, намъ отъ него теперь оставшееся, только первымъ періодомъ его поэтической дѣятельности, вторая эпоха которой дала бы намъ нѣчто новое и гораздо высшее? Не должно ли и о Пушкинѣ сказать, какъ мы говоримъ о Лермонтовѣ, что онъ похищенъ смертью, далеко не совершивъ того, что совершилъ бы? Нѣтъ,—говоритъ критика,—талантъ Пушкина высказался намъ весь, онъ сдѣ-

лалъ для русской литературы все, что призванъ былъ своею натурою сдѣлать.

„Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтическій духъ; но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своей апогеи, и потому обѣщало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданій, но уже не обѣщало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, подъ его вліяніемъ образовавшіеся эстетически, (продолжаетъ критика) уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣлостію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія смѣнившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы... По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія, какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ безусловно великій и для настоящаго и для будущаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, которыя болѣе или менѣе удовлетворяются имъ, а другою большею и значительнѣйшею стороною, вполнѣ удовлетворявшій своему настоящему, которое онъ вполнѣ и выразилъ, и которое для насъ—уже прошедшее».

Противъ первой половины выписаннаго нами мѣста невозможно спорить, имѣя факты, доставленные изданіемъ г. Анненкова. Каждый понимающій ходъ развитія русской литературы, понимающій значеніе Лермонтова, Гоголя и безпристрастно смотрящій на позднѣйшихъ нашихъ писателей, согласится и съ послѣдующими мыслями критика, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но и теперь хотя уже прошло много лѣтъ съ того времени, какъ были сказаны эти слова, очень многіе, даже изъ молодаго поколѣнія не понимаютъ еще, почему же Пушкинъ принадлежитъ уже прошедшей эпохѣ, почему онъ не можетъ быть признанъ корифеемъ и современной русской литературы? Причиною этихъ недоумѣній—то странное обстоятельство, что не для всѣхъ ясно значеніе Пушкина въ русской литературѣ, хотя оно давно объяснено; потому продолжимъ наши выписки: онѣ для нѣкоторыхъ напомнятъ то, что, повидимому, должно было бы нынѣ быть извѣстно каждому:

„Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство... Стихъ Пушкина, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ въ исторіи русской поэзіи, явившій собою что-то небывалое, непохожее ни на что прежнее,—этотъ стихъ былъ представителемъ новой, небывалой поэзіи. Если бы мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтическій, художественный, артистическій стихъ,—и этимъ разгадали бы тайну всей поэзіи Пушкина. Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглащаетъ всего вашего вниманія, не ей исключительно вы удивляетесь: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ... Въ Шекспирѣ, васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій сердцевѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель... Въ поэзіи Байрона, прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей. Въ поэзіи Гёте, передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель... Въ Пушкинѣ, напротивъ того, прежде всего увидите художника, призваннаго для искусства, исполненнаго любви ко всему прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему: отсюда всѣ достоинства и всѣ недостатки его поэзіи. Его назначеніе было усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія. До Пушкина у насъ не было ни одного поэта-художника, Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы «Русланъ и Людмила“, „Братья Разбойники“, „Кавказскій Плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, учениками на школьныхъ лавкахъ, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, его появленіе не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, неслыханный энтузіазмъ,—потому что послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И потому же самому, теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ бы получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ“.

Итакъ существенное значеніе дѣятельности Пушкина состоитъ по опредѣленію критики, въ томъ, что онъ первый познакомилъ

русскую публику съ поэзіею, первый далъ намъ произведенія истинно поэтическія и художественныя. Обыкновенно до сихъ поръ продолжаютъ, по смутнымъ воспоминаніямъ о мнѣніяхъ «Телеграфа» и «Телескопа», толковать, что заслуга Пушкина преимущественно состоитъ въ народномъ элементѣ, который ввелъ онъ въ нашу литературу. Само собою разумѣется, что каждый русскій есть русскій, и что поэтому Пушкинъ, будучи поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи русскимъ, былъ русскимъ поэтомъ, и его поэзія есть русская поэзія, а не нѣмецкая или китайская. Повидимому, теперь давно пора бы забыть о столь важныхъ и удивительныхъ открытіяхъ. Но если глубокая мысль очень долго не бываетъ понимаема большинствомъ, то съ другой стороны фразы, лишенныя существеннаго смысла, фразы, представляющія наборъ словъ, и болѣе ничего, имѣютъ свойство очень упорно держаться въ памяти. Такъ случилось и съ знаменитымъ опредѣленіемъ существенной стороны дѣятельности Пушкина. Надобно было бы, вмѣстѣ съ нашимъ критикомъ, сказать просто, что до Пушкина Россія не имѣла великихъ поэтовъ; что Пушкинъ первый далъ намъ прекрасные стихи, писанные на родномъ языкѣ, а не переведенные съ другого языка; что этимъ увлекъ онъ всю публику, до него столь же мало знакомую съ поэзіею, какъ до построенія московской желѣзной дороги съ желѣзными дорогами;— но это съ одной стороны слишкомъ просто, съ другой стороны слишкомъ неудобно для составленія пышныхъ фразъ. Старая фраза о томъ, что Пушкинъ ввелъ народность въ нашу литературу, представляла передъ этою скромною и вѣрною мыслью большія выгоды— она лишена внутренняго содержанія, потому очень удобна для реторическихъ распространеній; да кромѣ того, къ ней уже успѣли привыкнуть—обстоятельство очень важное для людей, неимѣющихъ охоты думать. Потому-то мы до сихъ поръ и слышимъ разсужденія о Пушкинѣ, не какъ о первомъ нашемъ поэтѣ, а какъ о «народномъ нашемъ поэтѣ». На эти фразы мы находимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ слѣдующій отвѣтъ:

„Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. Намъ кажется это только на половину вѣрнымъ. Народный поэтъ тотъ, котораго весь народъ знаетъ; національный поэтъ—тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько нибудь образованные классы народа, какъ, напримѣръ, нѣмцы знаютъ Гёте и

Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ-себѣ доселѣ: „Не бѣлы-то снѣжки“..., не подозрѣвая даже того, что поетъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны, смѣшно было бъ и говорить объ эпитетѣ „народный“ въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово „національный“ еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ народный. Подъ „народомъ“ всегда разумѣютъ массу народонаселенія. Подъ „націею“ разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ въ своихъ твореніяхъ и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ стихія народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, развившееся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Національный поэтъ—великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ себѣ географически и физіологически народной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, надѣленный отъ природы геніальными силами; однакожь въ томъ, что называютъ народностью, національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно-великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника... Прочтите его чудную драматическую поэму „Каменный гость“—она, и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ, такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его „Египетскія ночи“—вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни, мы могли бы привести много, но довольно и этихъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истиною рисовалъ природу и нравы даже никогда не виданныхъ имъ странъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскихъ не отличались вѣрностью природѣ“?

Дѣлая вслѣдъ за этимъ выписку изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», критика находитъ очень справедливымъ мнѣнія Гоголя, особенно его опредѣленіе національнаго поэта: «Поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами»—но, прибавляетъ критика:

„Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да *какъ* же чувствуютъ

и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй? Вотъ вопросы...

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ толковать о предметахъ, еще неимѣющихъ фактическаго значенія, еще принадлежащихъ области фантазій. Фактъ бываетъ неопровержимъ, недопускаетъ разногласій; потому о немъ нельзя наговорить такъ много и такихъ блестящихъ фразъ, какъ о фантомахъ, созданныхъ досужимъ воображеніемъ.

Но возвратимся къ опредѣленію существеннаго характера поэзіи Пушкина. Согласно съ «Телеграфомъ», до сихъ поръ многіе увѣрены, что натура великаго поэта совершенно измѣнилась въ 1825—1830 годахъ, что безстрастный художникъ 1835 года, былъ рѣшительною противуположностью Пушкину 1823 года, который являлся русскимъ Байрономъ, если не русскимъ Андреемъ Шенье. И относительно этого мнѣнія находимъ слѣдующія, чрезвычайно вѣрныя, замѣчанія:

«Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Это сравненіе болѣе, чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго увлеченія живою могучею мыслью, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ въ самой исторіи, такъ же какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ произведеній... Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, потому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ нежели рефлектирующимъ... Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящною елейностію, кротостію, глубиною и возвышенностію своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и бо̀льшую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы настоящаго".

„Первыми своими произведеніями онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человѣка отрицанія. Но ничего этого небывало: невозможно предположить болѣе анти-байронической натуры, какъ натура Пушкина".

Относительно мнимаго глубокаго разрыва съ дѣйствительностью, который будто бы составлялъ главную характеристику музы Пушкина въ первый періодъ ея развитія, приведемъ еще замѣчаніе о стихотвореніи «Демонъ» и «Сценѣ изъ Фауста», которыя яснѣе другихъ извѣстныхъ произведеній Пушкина выразили сущность разочарованія, производившаго столь сильный эффектъ на тогдашнихъ читателей и критиковъ.

„Сцена изъ Фауста", варьяція, разыгрынная на тему драматической поэмы Гете, многимъ такъ понравилась, что они, не зная Гетева „Фауста", порѣшили будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами; но между ею и Гетевымъ „Фаустомъ" нѣтъ ничего общаго. Она—не что иное, какъ распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ маленькомъ стихотвореніи „Демонъ". Этотъ демонъ былъ „довольно-мелкій", изъ самыхъ нечиновныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей,

Въ тѣ дни, когда имъ были *новы*
Всѣ впечатлѣнья бытія;

поэтому, ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него.

„Знакомое съ демономъ другаго поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка. Его Мефистофель—просто на просто острякъ прошедшаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина—не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ни чего въ горло нейдетъ, un homme blasé".

Правда. нельзя не признать, что первыя произведенія Пушкина очень замѣтно отличаются отъ послѣдующихъ по своему духу, нельзя не видѣть что юноша написавшій «Цыганъ», не написалъ бы такихъ объективно безстрастныхъ произведеній, какъ «Мѣдный Всадникъ» и «Каменный Гость»; знаменитыя стихотворенія «Чернь» и «Поэтъ, не дорожи любовію народной» (1828—1830) не могли явиться въ 1820 или 1821 годахъ. Г. Анненковъ собралъ много матеріаловъ для объясненія обстоятельствъ, имѣвшихъ свою долю вліянія на эту перемѣну въ великомъ поэтѣ. Онъ указываетъ на дружбу съ Катенинымъ, на вліяніе «Московскаго Вѣстника» и проч. Безъ сомнѣнія, впечатлительная натура Пушкина не могла не уступать до нѣкоторой степени мнѣніямъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ тѣхъ сношеніяхъ. Но Катенина зналъ Пушкинъ съ 18 или 19 лѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ подчиниться ему—если могъ подчиниться—еще тогда же, а статьи «Московскаго Вѣстника» были

очень слабы, и Пушкинъ былъ гораздо выше ихъ авторовъ по духу, слѣдовательно не могъ имъ подчиняться. Можно было бы къ этимъ вліяніямъ пріискать еще другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ подобномъ же духѣ, особенно прекращеніе тѣхъ пріятельскихъ отношеній, памятникомъ которыхъ осталось стихотвореніе «Аріонъ»— но очевидно, что всѣ эти факты имѣли только второстепенную важность въ исторіи развитія нашего поэта. Главною причиною перемѣны должно считать именно ту, которая указана критикою—натуру самого Пушкина. Въ первой молодости онъ могъ волноваться,— съ кѣмъ изъ молодыхъ людей этого не случается?

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ;

—но потомъ, когда онъ достигъ зрѣлости, когда его образъ мыслей установился сообразно съ его собственною натурою, порывы, навѣянные молодостью, и такъ называемымъ «духомъ вѣка» исчезли сами собою, какъ исчезаютъ въ зрѣломъ человѣкѣ всѣ молодыя стремленія, если были только увлеченіями молодости, а не глубокими потребностями самой натуры. Ни благодарить, ни упрекать за эту перемѣну рѣшительно не кого, кромѣ самого Пушкина и его природы. Впрочемъ, и перемѣна была вовсе не такъ велика, какъ многіе еще думаютъ, раздѣляя заблужденіе «Телеграфа». Мы теперь очень хорошо видимъ, что всѣ монологи Алеко—фразы, прекрасныя, но лишенныя внутренней правды, и что Алеко вовсе не Бельтовъ, даже не Печоринъ, а развѣ Владиміръ, судьбу котораго нѣкогда разсказалъ намъ г. Майковъ въ своей поэмѣ «Двѣ судьбы». Пушкинъ не измѣнился, онъ только развился; съ его картинъ, по его собственному выраженію, только слетѣли чуждыя краски, и слетѣли, по его же собственному очень справедливому выраженію, отъ самой невинной причины—отъ лѣтъ; сначала, какъ всякій молодой человѣкъ, Пушкинъ увлекался чужими стремленіями—

Но краски чуждыя съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей...
. . . . . .
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей.

Но молодежь двадцатыхъ годовъ обманулась «чуждыми красками», которыя «беззаконнымъ рисункомъ чернили» юношескія поэмы и особенно лирическія стихотворенія Пушкина; молодежь приняла

эти «чуждыя краски» за колоритъ, свойственный генію самого живописца; быть можетъ, нельзя слишкомъ строго упрекать молодежь за эту ошибку, потому что развѣ легко отгадать, какъ со временемъ разовьется юноша, еще находящійся подъ чужимъ вліяніемъ? Да и публика позднѣйшей эпохи, болѣе опытная и требовательная, развѣ мало дѣлала подобныхъ ошибокъ? Но, смѣйтесь или жалѣйте объ этой ошибкѣ, остается тотъ фактъ, что отъ этой ошибки очень много зависѣлъ восторгъ, съ какимъ были встрѣчены первыя произведенія Пушкина. Просимъ читателей припомнить выписанное нами въ предъидущей статьѣ значеніе «Телеграфа» о томъ, какія стихотворенія создали славу Пушкина. Когда потомъ разочаровались въ этихъ надеждахъ, публика охладѣла къ поэту, невиннымъ образомъ обманувшему ее, и поэтъ отплатилъ публикѣ за холодность презрѣніемъ. Онъ рѣзко и горько высказалъ ей, въ знаменитыхъ стихотвореніяхъ «Чернь», и «Поэтъ, не дорожи любовію народной», что не хочетъ имѣть съ нею дѣла. Но въ этихъ отвѣтахъ его, обстоятельствамъ и гнѣву принадлежитъ только тонъ рѣчи, а не сущность мыслей, которая лежала въ душѣ Пушкина и тогда когда онъ былъ превозносимъ единодушнымъ энтузіазмомъ всей читающей Руси. Еще въ 1824 году онъ говорилъ:

Блаженъ, *кто про себя таилъ*
Души высокія созданія...
. . . . . .
Блаженъ, кто *молча былъ поэтъ*
И терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Что слава? Шопотъ ли чтеца,
Гоненье ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Разницы между «презрѣнною чернью» 1824 года и «тупою чернью», «безсмысленнымъ народомъ» 1828 года, очень мало. Теорія, говорящая, что поэтъ творитъ для себя, а не для своихъ читателей, которые не могутъ его понимать, на сужденія и потребности которыхъ не долженъ обращать онъ вниманія,—всегда была теоріею Пушкина, и не только «Каменный Гость» и «Мѣдный Всадникъ», но точно также и главы «Онѣгина» по нѣскольку лѣтъ скрывались въ его портфелѣ отъ «презрѣнной черни». Повторяемъ, разница между 1823 и 1833 годами была не велика, и «Чернь» выразила

всегдашній образъ мыслей великаго поэта. Въ наше время (чего не видимъ въ наше время?) есть люди, думающіе, что «чернь» была въ самомъ дѣлѣ кругомъ виновата и что Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ образѣ мыслей о призваніи поэта—невозможно отвѣчать на это лучше, нежели слѣдующею выпискою:

„Въ стихотвореніи „Чернь» заключается художническое profession de foi Пушкина. Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ, а тѣмъ, чтобы забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ „вдохновеніями и сладкими звуками", но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если бъ толпа не соприсутствовала жертвоприношеніямъ. Поэтъ котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны и карать сатирою порочныхъ: но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія давала ему отвѣты на вопросы времени. Кто поэтъ про себя, и для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно Пушкинъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и разрѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе „Поэтъ", въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни. какъ пробудившійся орелъ, но мысль эта теперь совершенно ложна. Наше время преклоняетъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія—лучшее оправданіе его жизни. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе тѣмъ не менѣе былъ причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили его первыя произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, пьесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ произведеній (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели находила ихъ (и это, конечно, не была ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывался его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастію въ такое время, которое

было очень неблагопріятно для подобного направленія, отъ котораго выигрывало искусство, но мало пріобрѣтало общество".

Одно изъ важнѣйшихъ основаній признавать «презрѣнную толпу», то есть большинство, «безсмысленнымъ народомъ», «тупою чернью» состоитъ въ томъ, что «современники, встрѣтивъ съ восторгомъ первыя незрѣлыя, слабыя въ художественномъ отношеніи произведенія Пушкина, холодно и даже непріязненно отвернулись отъ его позднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ произведеній, и тѣмъ ясно доказали свою неспособность быть судьями въ дѣлѣ искусства, свою тупость и безсмысленность». Въ предъидущей главѣ мы старались показать этотъ фактъ въ его истинныхъ границахъ; теперь приведемъ сужденія позднѣйшей критики, которую никто не откажется обвинить ни въ тупоуміи, ни въ недостаткѣ чрезвычайно тонкаго и вѣрнаго эстетическаго вкуса,—приведемъ сужденія этой позднѣйшей критики о самыхъ характеристическихъ и важныхъ произведеніяхъ двухъ различныхъ эпохъ поэтической дѣятельности Пушкина, и эти сужденія съ достаточною ясностью рѣшатъ вопросъ о томъ, до какой степени былъ основателенъ или неоснователенъ первоначальный восторгъ и послѣдующее охлажденіе публики. Какъ самыя характеристическія произведенія, мы избираемъ, для перваго періода отношеній публики къ Пушкину, «Руслана и Людмилу»—первое и «Онѣгина»—важнѣйшее по достоинству изъ произведеній, возбудившихъ всеобщій энтузіазмъ, для второго—«Бориса Годунова»—первое и важнѣйшее изъ произведеній, встрѣченныхъ холодно. Изъ этихъ сужденій,—справедливость которыхъ никто не захочетъ оспаривать въ настоящее время, если не изъ убѣжденія, то изъ уваженія къ авторитету, противъ котораго возставать не легко—мы выведемъ и общее сужденіе о Пушкинѣ, которое будетъ только повтореніемъ того, что говорилось въ статьяхъ, нами цитируемыхъ,—но которое,—чего добраго—могло бы пожалуй многимъ показаться и ново, и даже парадоксально (вѣдь все, чего мы не знаемъ или что мы забыли,—парадоксъ) безъ этихъ выписокъ, которыя должны совершенно успокоить людей, боящихся мнимыхъ парадоксовъ, на счетъ притязаній нашихъ на оригинальность во мнѣніяхъ: если истина уже сказана другими, не нужно хлопотать о придумываніи оригинальностей; должно только повторять ее, чтобы знали или припомнили ее тѣ, кому не мѣшаетъ ее знать и помнить. Итакъ предлагаемъ наши выписки,—во первыхъ, о «Русланѣ и Людмилѣ».

„Судъ современниковъ бываетъ пристрастенъ; однакожь въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность. Ни одно произведеніе Пушкина не произвело столько шума и криковъ, какъ „Русланъ и Людмила". Для насъ теперь „Русланъ и Людмила" не больше, какъ сказка лишенная колорита мѣстности, времени и народности; и въ наше время не у всякаго даже юноши станетъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Но въ то время, когда явилась эта поэма, она дѣйствительно должна была показаться необыкновенно великимъ созданіемъ: все (въ ней) было такъ ново, такъ оригинально, такъ обольстительно—и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и складъ рѣчи, и смѣлость кисти, и яркость красокъ, и игривое остроуміе. По всему этому, „Русланъ и Людмила"—такая картина, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Юноши двадцатыхъ годовъ были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили „Руслана и Людмилу".

Статьи объ «Онѣгинѣ» принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ въ ряду статей о Пушкинѣ. Жаль, что мѣсто не позволяетъ намъ привесть здѣсь большаго отрывка изъ нихъ,—среди безцвѣтныхъ толковъ о мелочахъ отрадно и здорово перенестись и перенесть читателя къ чему нибудь лучшему—но мы должны ограничиться нѣсколькими строками, заключающими въ себѣ сущность взгляда на «Онѣгина».

„Онѣгинъ" есть самое задушевное произведеніе Пушкина, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ бы личность поэта отразилась съ такою полнотою, такъ свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ" личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его, здѣсь его чувства, понятія, идеалы... Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ „Онѣгина",—эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе... Прежде всего въ „Онѣгинѣ" мы видимъ поэтически-воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія... Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина всѣ произведенія русской поэзіи какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія... Первымъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ „Евгеній Онѣгинъ"... Вмѣстѣ съ современнымъ ему произведеніемъ „Горе отъ Ума", романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. До этихъ двухъ произведеній, русскіе поэты неумѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни... Оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ „Онѣгина" былъ бы невозможенъ „Герой нашего времени", такъ же какъ безъ „Онѣгина" и

„Горе отъ Ума“ Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненное такой глубины и истины“.

„Онѣгина“ можно назвать энциклопедіею русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но за то какимъ великимъ шагомъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ“.

На основаніи этихъ выписокъ сужденіе о правахъ «Бориса Годунова» и другихъ чисто-художественныхъ произведеній Пушкина на значеніе для публики и для исторіи литературы уже готово. Какъ бы ни были прекрасны въ художественномъ отношеніи «Каменный Гость», «Галубъ», «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь» и проч. но можно ли сказать о нихъ, что «все въ нихъ ново, оригинально, и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и смѣлость кисти, и яркость красокъ?» Что «въ нихъ отразилась вся душа, вся любовь поэта, его чувства, идеалы?» Что «они имѣютъ огромное общественное значеніе, служа представителями впервые пробудившагося общественнаго самосознанія?» Что «они имѣли счастіе, подобно «Онѣгину», быть первыми національно-художественными произведеніями?» Что «они имѣли огромное значеніе для общества?» Но каковы и чисто-художественныя достоинства «Бориса Годунова»?

„Борисъ Годуновъ“ былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго... Какъ тогда, такъ и теперь, у «Бориса Годунова» были жаркіе поклонники; но какъ тогда, такъ и теперь, число этихъ поклонниковъ было очень малочисленно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виноваты? Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты; потому что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса была для него истинно-Ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей ширинѣ и глубинѣ, свой геній, и, не смотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобы не погрѣшить противъ „Исторіи Государства Россійскаго». Потому его поэтическій инстинктъ видѣнъ не въ цѣлости, а только въ частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ

одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого, пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ; то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другаго ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти. Отъ этого, за отсутствіемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, „Борисъ Годуновъ" Пушкина является чѣмъ-то неопредѣленнымъ, и не производитъ почти никакого рѣзкаго сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въ правѣ ожидать отъ него читатель, безпрестанно поражаемый его художественными красотами, безпрестанно восхищающійся, его удивительными частностями. И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими недостатками, то, съ другой стороны, она же блистаетъ и необыкновенными достоинствами. Первыя выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя— изъ превосходнаго выполненія со стороны формы.

Обвинять ли публику, спросимъ мы, если она не была увлечена пьесою, въ которой «нѣтъ живой поэтической идеи», нѣтъ «цѣлости и полноты», которая не «производитъ никакого сосредоточеннаго впечатлѣнія», «является чѣмъ-то неопредѣленнымъ» и въ которой «превосходны» только «частности»?

«Каменный Гость», «Галубъ» и другія посмертныя произведенія Пушкина не могутъ подлежать упреку въ эстетическихъ недостаткахъ, которыми страждетъ «Годуновъ»; но всѣ онѣ, за исключеніемъ «Мѣднаго Всадника» имѣютъ мало живой связи съ обществомъ, потому и остались безплодны для общества и литературы.

Читатели вѣроятно уже успѣли утомиться нашими ретроспективными разсужденіями и выписками. Но — мы живемъ въ ретроспективное время. Если не говорить о Пушкинѣ, то о чемъ же говорить нынѣ въ русской литературѣ? Правда, можно очень справедливо возразить на это: да зачѣмъ же говорить о русской литературѣ? Но такое возраженіе было бы очень прискорбно, потому что оно ведетъ къ вопросу: о чемъ же говорить? Оставимъ однако діалогическую форму, и продолжимъ умозаключеніе: говоря о Пушкинѣ, лучшее, что возможно сдѣлать—возвратить вниманіе читателей къ тому, что было уже сказано о немъ, потому что лучше и заранѣе ничего нельзя не только сказать, но и придумать въ настоящее время. Но всему есть мѣра, даже выпискамъ и повтореніямъ, и наша статья близка къ концу; намъ остается только привести общее заключеніе о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы— оно опять будетъ опираться на выпискѣ—иначе невозможно въ настоящее время, когда все должно быть защищено

авторитетами; и какъ благодарны должны быть мы тому счастливому обстоятельству, что многое, нужное для настоящаго времени, уже давно сказано — иначе мы или не могли бы, или неумѣли бы сказать ничего.

Вотъ общее сужденіе о Пушкинѣ.

„Первыя поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическихъ тріумфовъ, Однако же, какъ скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости и субъективное стремленіе начало исчезать въ чисто-художественномъ направленіи,—къ нему начали охладѣвать. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекрасныя созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Съ другой стороны, люди, страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина видѣли только одно невѣжество толпы; смотря на искусство съ точки зрѣнія односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатіи и антипатіи большинства бываютъ часто безсознательны, то рѣдко бываютъ безсмысленны и безосновательны, а напротивъ, часто заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ. Странно же, въ самомъ дѣлѣ, было думать, чтобъ то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, въ первый еще разъ жизни своей откликнулось на голосъ пѣвца и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ поэтомъ,—странно было думать, чтобъ тоже самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту за то только, что онъ созрѣлъ и возмужалъ въ своемъ геніи, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности... Между тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь порождая изъ себя новыя явленія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ ли по силѣ таланта или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ—не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить своею поэзіею несравненно высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, тѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина... Другой поэтъ, вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, подарилъ публику такимъ твореніемъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія (*дѣло идетъ о Гоголѣ и „Мертвыхъ Душахъ“*). Все это было безмолвною, фактическою философіею самой жизни и самого времени, для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ“.

Новаго сказать еще нечего послѣ этого. Потому и мы, перескажемъ «собственными словами» (какъ говорится на ученическомъ языкѣ) то, что такъ превосходно и вѣрно было сказано о Пушкинѣ критикою предъидущаго поколѣнія:

До Пушкина не было въ Россіи истинныхъ поэтовъ; русская публика знала поэзію только по слухамъ, изъ переводовъ, или по

слабымъ опытамъ, въ которыхъ искры поэзіи гасли въ пучинахъ реторики или льдахъ внѣшней холодной отдѣлки. Пушкинъ далъ намъ первыя художественныя произведенія на родномъ языкѣ, познакомилъ насъ съ невѣдомою до него поэзіею. На этомъ былъ главнымъ образомъ основанъ громадный успѣхъ его первыхъ произведеній. Другая причина энтузіазма, ими возбужденнаго, заключалась въ томъ, что, по увлеченію молодости, Пушкинъ согрѣвалъ ихъ теплотою собственной жизни, не чуждой стремленіямъ вѣка, до извѣстной степени заманчивымъ и для нашего тогдашняго общества. Послѣдующія его произведенія, не представляя уже интереса первыхъ даровъ поэзіи русскому обществу, успѣвшему вкусить ея изъ первыхъ произведеній Пушкина, не могли возбуждать энтузіазма, который пробуждается только новымъ. Холодность публики усиливалась холодностью самыхъ произведеній, которыя имѣли передъ прежними то преимущество, что были совершеннѣе въ художественномъ отношеніи, но въ которыхъ общество не находило уже ничего имѣющаго связь съ его жизнью. Торжество художественной формы надъ живымъ содержаніемъ было слѣдствіемъ самой натуры великаго поэта, который былъ по преимуществу художникомъ. Великое дѣло свое — ввести въ русскую литературу поэзію, какъ прекрасную художественную форму, Пушкинъ совершилъ вполнѣ, и узнавъ поэзію, какъ форму, русское общество могло уже идти далѣе и искать въ этой формѣ содержанія. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтовъ и, особенно, Гоголь. Но художническій геній Пушкина такъ великъ и прекрасенъ, что, хотя эпоха безусловнаго удовлетворенія чистою формою для насъ миновалась, мы доселѣ не можемъ не увлекаться дивною художественною красотою его созданій. Онъ истинный отецъ нашей поэзіи, онъ воспитатель эстетическаго чувства и любви къ благороднымъ эстетическимъ наслажденіямъ въ русской публикѣ, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась, благодаря ему—вотъ его права на вѣчную славу въ русской литературѣ.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ.

ИЗДАНІЕ П. А. Кулиша. ШЕСТЬ ТОМОВЪ. СПБ. 1857.

Очень долго наша критика, при каждомъ новомъ изданіи сочиненій того или другаго знаменитаго писателя, должна была жаловаться на неполноту и неудовлетворительность этого изданія. Наконецъ дожили мы до хорошихъ изданій, составленныхъ внимательно людьми знающими. Изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное г. Кулишемъ, конечно, не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Многіе изъ нихъ уже указаны г. Лонгиновымъ, другіе, вѣроятно, будутъ указаны другими нашими библіографами. Но всѣ эти недостатки—опущеніе нѣкоторыхъ, впрочемъ вовсе неважныхъ, мелкихъ статеекъ, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической системы, нѣкоторыя опечатки и т. п.—совершенно незначительны въ сравненіи съ достоинствами изданія, за которое нельзя не благодарить г. Кулиша. Оно уже извѣстно большей части нашихъ читателей и нѣтъ надобности описывать его. Читатель знаетъ, что въ четырехъ первыхъ томахъ собраны сочиненія, бывшія до сихъ поръ разсѣянными въ одинадцати книгахъ (шесть томовъ сочиненій въ изданіи г. Трушковскаго, два тома «Мертвыхъ Душъ», два тома «Арабесковъ» и «Переписка съ друзьми»); два послѣдніе тома составились изъ писемъ Гоголя, и о нихъ то мы преимущественно будемъ говорить въ этой статьѣ, замѣтивъ только, что г. Кулишъ сдѣлалъ очень хорошо, помѣстивъ въ обѣихъ редакціяхъ тѣ сочиненія Гоголя, которыя были въ значительной степени передѣланы авторомъ, именно: «Тараса Бульбу», «Портретъ» и сохранившійся отрывокъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ». «Тарасъ Бульба» и «Портретъ» равно извѣстны публикѣ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ

исправленномъ своемъ видѣ; но отрывокъ «Мертвыхъ Душъ» въ первый разъ является теперь въ двухъ редакціяхъ, сравненіе которыхъ чрезвычайно интересно. Оно показываетъ, какимъ, образомъ Гоголь давалъ все больше и больше развитія тому, что называлъ въ послѣдніе годы своей жизни высокимъ лирическимъ порывомъ и что казалось довольно неловкою напыщенностію людямъ, сожалѣвшимъ о томъ болѣзненномъ направленіи Гоголя изъ котораго возникла «Переписка съ друзьями» и «Развязка Ревизора».

Неумѣстный и неловкій идеализмъ, столь сильно отразившійся на второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» и бывшій главной причиной не только потери Гоголя для искусства, но и преждевременной кончины его, до сихъ поръ составляетъ интереснѣйшій вопросъ въ біографіи нашего великаго поэта. «Записки о жизни Гоголя», изданныя въ прошедшемъ году, доставили людямъ, не знавшимъ лично Гоголя, первые матеріалы для того, чтобы судить о причинахъ и характерѣ этого направленія, столь прискорбнымъ образомъ изумившаго публику при изданіи «Переписки съ друзьями». «Письмами Гоголя», нынѣ изданными, число этихъ матеріаловъ значительно увеличивается, но и въ настоящее время публика далеко еще не имѣетъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, нужныхъ для совершенно точнаго рѣшенія сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ тѣмъ настроеніемъ, какое обнаруживалъ Гоголь въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни. Воспоминаній о Гоголѣ напечатано довольно много, но всѣ они объясняютъ только второстепенныя черты въ многосложномъ и чрезвычайно оригинальномъ характерѣ геніальнаго писателя. Мы знаемъ теперь изъ этихъ воспоминаній, что въ молодости онъ былъ большимъ забавникомъ и балагуромъ; мы знаемъ, что уже и въ молодости, онъ не любилъ говорить о мысляхъ и чувствахъ, наиболѣе занимавшихъ его душу, стараясь шутками придать разговору легкое, смѣшное направленіе, отклонить разговоръ отъ такихъ предметовъ, говорить о которыхъ не могъ бы безъ волненія; мы знаемъ, что въ молодости онъ любилъ франтить и франтилъ очень неудачно; мы знаемъ, что въ молодости онъ два или три раза испытывалъ чувство страстной любви, въ способности къ которому иногда отказывали ему до изданія записокъ о его жизни; мы знаемъ, что болѣзненность его происходила главнымъ образомъ отъ геморроидальнаго расположенія и отъ хроническаго разстройства желудка. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, не совершенно ни-

чтожны, но они совершенно недостаточны для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ наиболѣе важности въ нравственной исторіи Гоголя. «Писемъ Гоголя» напечатано г. Кулишемъ уже очень много. Корреспонденція самого Пушкина, собранная полнѣе, нежели переписка какого бы то ни было другаго русскаго литератора, далеко уступаетъ своимъ объемомъ собранію «Писемъ Гоголя», напечатанному въ нынѣшнемъ изданіи. Но эти письма, во многихъ случаяхъ остаются еще непонятными отчасти потому, что мы все еще очень мало знаемъ факты жизни Гоголя, отчасти потому, что отвѣты его друзей, долженствующіе служить необходимымъ дополненіемъ къ его собственнымъ письмамъ, остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, довольно долго еще останутся ненапечатанными; отчасти, наконецъ, потому что эти письма напечатаны по необходимости очень не полно: въ изданіи пропущены многіе отрывки, изъ которыхъ иные должны быть интереснѣе всего напечатаннаго,—пропущены, кажется, и нѣкоторыя письма. Надобно также прибавить, что о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, кромѣ одного Пушкина, не напечатано до сихъ поръ почти ничего; почти ничего не напечатано до сихъ поръ и объ общемъ характерѣ тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Гоголь, и тѣхъ сословій, среди которыхъ онъ жилъ. Такимъ образомъ матеріалы для біографіи Гоголя, хотя и имѣютъ объемъ очень обширный, далеко недостаточны. Публика до сихъ поръ почти ничего прямымъ образомъ не знаетъ о томъ, какими именно стремленіями руководился Гоголь. «Желаніе изобличать общественныя раны»,—по выраженію, осмѣянному самимъ Гоголемъ, это желаніе слишкомъ неопредѣлительно. Тутъ нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурнымъ въ современномъ обществѣ. «Но, кажется, мы это очень хорошо знаемъ: ему казалось дурно, что у насъ существуетъ взяточничество и неправосудіе, апатія, развлекаемая только сплетнями и преферансомъ и такъ далѣе, и такъ далѣе». Все это такъ но изъ всего этого еще ничего не слѣдуетъ. На взяточничество и тому подобные пороки нападалъ не одинъ Гоголь, нападали чуть ли не всѣ наши писатели отъ Державина (чтобъ не заходить слишкомъ далеко въ древность) до г. Бенедиктова. Щедрину и графу Соллогубу одинаково непріятно, что у насъ существуетъ взяточничество. Оба они нападаютъ на этотъ порокъ, но между тѣмъ какъ Щедрина всѣ прославляютъ, надъ графомъ Соллогубомъ всѣ по-

смѣялись: почему такъ? потому, что вражда противъ взяточничества возникаетъ у этихъ двухъ писателей изъ убѣжденій совершенно различныхъ; потому что порокъ, на который нападаютъ эти писатели, понимаютъ они совершенно различно. Мало того, чтобы знать, что нравится, или что не нравится писателю,—важно также знать, на основаніи какихъ убѣжденій этотъ предметъ ему нравится или не нравится; нужно знать, отъ какихъ причинъ производитъ онъ недостатокъ, на который нападаетъ, какими средствами считаетъ онъ возможнымъ истребить злоупотребленіе и чѣмъ предполагаетъ онъ замѣнить то, что хочетъ искоренить. Нужно знать образъ мыслей писателя. Каждый знаетъ образъ мыслей Пушкина, Жуковскаго; но образъ мыслей Гоголя до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ «Какъ не извѣстенъ? по крайней мѣрѣ, очень хорошо извѣстно то направленіе, какое получила его мысль въ послѣдніе годы. Аскетизмъ подавилъ въ немъ всякія другія начала». Будто и довольно знать это? повторимъ: все это слишкомъ неопредѣлительно; аскетизмъ выраженіе слишкомъ общее; аскетическое направленіе имѣетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому изъ какихъ идей и стремленій вытекаетъ. Аскетизмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Златоустъ, и каждый благомыслящій человѣкъ отдаетъ полную справедливость здравости его проповѣди, возникавшей изъ благороднаго негодованія на развратную и пустую роскошь тѣхъ людей, къ которымъ была обращена она. Этимъ людямъ, губившимъ родину и тиранившимъ свой народъ для удовлетворенія своихъ пошлыхъ страстей, дѣйствительно нужно было напоминаніе о власяницѣ и чорствомъ хлѣбѣ. Аскетизмъ проповѣдывалъ также Массильонъ при дворѣ Людовика XIV. и каждый согласится, что проповѣдь Массильона была благородна и справедлива: дѣйствительно нужно было говорить этимъ развратнымъ и жестокосерднымъ вельможамъ объ огнѣ вѣчномъ и скрежетѣ зубовъ. Такихъ проповѣдниковъ аскетизма нельзя смѣшивать съ какими нибудь іезуитами, у которыхъ цѣль проповѣди объ аскетизмѣ состоитъ въ пріученіи несчастныхъ и голодныхъ къ мысли, что они вѣчно должны быть голодны и должны радоваться тому, что такова ихъ судьба. Вы сказали «аскетизмъ» и думаете, что этимъ уже все рѣшено. Одно слово само по себѣ ничего не значитъ. Скрываются часто самыя пагубныя стремленія подъ самымъ прекраснымъ словомъ. Прочитайте рѣчи южныхъ ораторовъ Сѣверной Америки: они от-

вергали выборъ Фримонта во имя законности, во имя отцовской любви, во имя просвѣщенія. Впрочемъ, къ чему намъ ходить далеко? Такіе случаи бываютъ вездѣ и всегда. Съ другой стороны, еще чаще стремленія благородныя и дѣйствительно полезныя были въ глазахъ многихъ унижаемы тѣми неблаговидными словами, къ которымъ защитники этихъ стремленій прибѣгали, или по одностороннему увлеченію, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ часто говорили объ ожесточенной враждѣ и кровавыхъ распряхъ и насильственныхъ переворотахъ люди, всей цѣлью жизни которыхъ было всеобщее примиреніе, любовь и тишина! Слова еще ничего не значатъ: нужно знать, изъ какихъ стремленій возникаютъ слова.

«Письма Гоголя» и напечатанныя до сихъ поръ воспоминанія о немъ людей къ нему близкихъ не знакомятъ насъ съ его образомъ мыслей на столько, чтобы можно было прямымъ образомъ рѣшить по нимъ, каковъ именно былъ этотъ человѣкъ, одаренный характеромъ, исполненный, повидимому, противорѣчій, какою общею идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взглядъ столь нелогическою, безсвязною и даже нелѣпою. Мы хотимъ попробовать, нельзя ли за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію вопроса о нравственной жизни Гоголя путемъ соображеній.

Догадки и соображенія никогда не должны имѣть притязанія на безусловную основательность. Гипотеза остается гипотезою, пока факты не подтвердятъ ее и, надобно сказать, рѣдко гипотеза подтверждается фактами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ, чтобы не измѣниться при переходѣ въ достовѣрную фактическую истину. Довольно уже и того, если она близка къ истинѣ.

За недостаткомъ прямыхъ свѣдѣній о нравственной жизни Гоголя, мы прежде всего постараемся отгадать, съ какими вліяніями могъ онъ встрѣчаться въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жилъ.

Мы не будемъ много говорить о жизни Гоголя до самаго переселенія въ Петербургъ. Онъ скоро вышелъ изъ-подъ вліяній, которыми окруженъ былъ въ домашнемъ быту и потомъ въ школѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ самаго начала, какъ человѣкъ совершенно темный, не нашелъ близкихъ знакомыхъ ни въ комъ, кромѣ нѣсколькихъ бывшихъ сотоварищей по школѣ и знакомой съ ними вообще молодежи, бѣдной и безвѣстной. Этотъ кружокъ

юношей, оживленныхъ веселостью среди житейскихъ недостатковъ, жившихъ на распашку, былъ безъ сомнѣнія наилучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ кружковъ, къ которымъ впослѣдствіи примыкалъ Гоголь. Но кромѣ веселости, соединенной съ молодостью, едва ли могъ найти что нибудь Гоголь между этими людьми.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, десятью годами позже того, въ петербургской молодежи было одушевленіе такъ называемыми возвышенными идеями. Около 1830 года ничего такого не оказывалось. Молодежь восхищалась Пушкинымъ, да и то безъ прежняго энтузіазма; кромѣ восхищенія Пушкинымъ, едва ли можно было найти въ ней какія нибудь стремленія, переходившія за границу молодыхъ развлеченій. Въ Москвѣ молодежь съ жадностію читала «Телеграфъ», въ Петербургѣ вмѣсто «Телеграфа» были «Сынъ Отечества» и «Отечественныя Записки» Свиньина. Было время, когда и «Сынъ Отечества» имѣлъ въ себѣ живую струю, но это время кончилось задолго до 1829 года и «Сынъ Отечества» былъ пустъ и бездушенъ. «Отечественныя Записки» Свиньина съ самаго начала до самаго конца были бездушны. Таково было чтеніе, болѣе или менѣе удовлетворявшее тогдашнюю петербургскую молодежь. Нельзя было услышать въ кругу ея ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши. Конечно, и тогдашняя молодежь не была бы враждебна къ заоблачнымъ мыслямъ о судьбахъ человѣчества, о міровыхъ вопросахъ, о благѣ Россіи и т. п., еслибъ что̀ нибудь услышала объ этихъ идеяхъ. Но дѣло въ томъ, что не откуда и не о̀тъ кого было ей слышать о подобныхъ предметахъ. Она знала только, что Пушкинъ прежде писалъ превосходныя поэмы въ родѣ «Кавказскаго Плѣнника», а теперь пишетъ поэмы въ родѣ «Графа Нулина», которымъ нельзя такъ восхищаться, но что впрочемъ тотъ, кто не восхищается и теперь Пушкинымъ, есть презрѣнный зоилъ. Она думала также, что Языковъ, Баратынскій Дельвигъ и т. д. и т. д., пишутъ стихи ни чуть не хуже Пушкина, но знала также, что они не должны быть считаемы такими великими поэтами, какъ онъ, хотя и они также великіе поэты. Что хорошаго въ стихахъ Пушкина, кромѣ звучности и легкости, этого никто въ Петербургѣ и не зналъ около 1830 года; прежде находили въ немъ какой-то романтизмъ, который во времена критики Марлинскаго объяснялся какъ что-то живое; но къ 1830 году въ Петербургѣ забыли даже

о критикѣ Марлинскаго и романтизмъ казался чуть ли не просто причудливостію. Если таковы были литературныя понятія тогдашней петербургской молодежи, легко себѣ вообразить, каково было ея отношеніе къ другимъ живымъ идеямъ: она, бѣдная, и не подозрѣвала ихъ существованія.

Скоро Гоголь сдѣлался литераторомъ, и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодаго писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя непріятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни: человѣкомъ современныхъ убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ Аріонѣ,—казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Катенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» съ знаменитыми стихами:

„Не для житейскаго волненья,
„Не для корысти, не для битвъ и т. д.

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость «Вечеровъ на Хуторѣ». Все это пожалуй и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо.

Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени неимѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ

не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей, вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, если бы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. «Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей». Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія; иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ, — людей, изъ которыхъ каждый гораздо образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало по малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьёзному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной

жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточничествѣ и больше ничего; ему не приходили въ голову понятіе безправность, и т. п. Изображая своего городничаго, онъ конечно и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество—прочтите его разсказы: «Неумѣлые» и «Озорники», и вы убѣдитесь, что онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобнаго мыслямъ, проникающимъ эти разсказы. Онъ видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія.

Виноватъ ли онъ въ этой тѣснотѣ своего горизонта? Мы не вздумаемъ оправдывать его избитою фразою, что онъ дескать былъ художникъ, а не мыслитель: не далеко уйдетъ тотъ художникъ, который не получилъ отъ природы ума, достаточнаго для того, чтобы сдѣлаться и мыслителемъ. На одномъ талантѣ въ наше время не далеко уѣдешь; а дѣятельность Гоголя была, кажется, довольно блистательна и, вѣроятно, было у него хотя столько ума, сколько найдется у каждаго изъ насъ, такъ прекрасно разсуждающихъ о вещахъ, на которыхъ запнулся Гоголь. Дѣло въ томъ, что мы съ

вами, читатель, воспитались въ обществѣ гораздо болѣе развитомъ, нежели Гоголь. Вспомните, было ли въ вашей жизни время, когда не знакомо было вамъ, напримѣръ, хотя бы слово «принципъ?» А Гоголь, въ то время, когда писалъ «Ревизора», по всей вѣроятности, и не слыхивалъ этого слова, хотя былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и съ Пушкинымъ и со многими другими знаменитыми людьми тогдашняго времени. Или другой примѣръ: вѣроятно съ незапамятныхъ лѣтъ, вы, читатель, наслышались, что префектъ во Франціи не имѣетъ никакого участія въ судебной власти, а имѣетъ только административную; а Гоголь, когда писалъ «Ревизора», очень можетъ быть, и не слышалъ о существованіи французскихъ префектовъ, а если и слышалъ, то, вѣроятно, предполагалъ, что кругъ власти префекта тотъ же самый, какъ кругъ власти губернатора; а не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что онъ рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной. Слышали ли вы о трудолюбивомъ и почтенномъ нашемъ историкѣ Ертовѣ? Онъ написалъ Всеобщую Исторію во множествѣ томовъ, руководствуясь исключительно русскими источниками, Факты изложены у него точно такъ же, какъ и у всякаго другаго историка. И у него римляне раззоряютъ Карѳагенъ, а не карѳагеняне Римъ, и у него трогательными красками описанъ героическій патріотизмъ карѳагенянъ во время осады. И все это очень подробно и вѣрно. Но есть у него цѣлые періоды, оставшіеся какъ будто бы пробѣломъ—чтожь дѣлать, онъ не виноватъ: не нашлось для этихъ періодовъ матеріаловъ въ русскихъ книгахъ. Но интереснѣе всего его разсужденія о причинахъ и послѣдствіяхъ событій; мало онъ говоритъ объ этомъ, за то чрезвычайно оригинально. Тутъ вы у него найдете такія соображенія, отъ которыхъ не поздоровилось бы ни Маколею, ни Шлоссеру: путаница невообразимая. А между тѣмъ, какъ по всему видно, самъ по себѣ Ертовъ былъ ни чуть не глупѣе многихъ французскихъ или нѣмецкихъ историковъ: но чтожь желать, когда у него подъ руками не было сносныхъ мыслей о причинахъ и послѣдствіяхъ историческихъ событій, и когда начитался онъ въ единственныхъ доступныхъ ему книгахъ такого вздора, котораго не въ состояніи былъ бы распутать и самъ Нибуръ.

«Но какимъ же образомъ Гоголь, при своемъ геніальномъ умѣ, могъ останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ, не возводя ихъ къ

общему устройству жизни? Какимъ образомъ могъ онъ удовлетвориться вздорными и поверхностными объясненіями, какія мимоходомъ удавалось ему слышать? Наконецъ, какимъ образомъ не сошелся онъ съ людьми, серьёзность взгляда которыхъ, по видимому, болѣе гармонировала съ его собственною натурою?»

На послѣдній вопросъ было бъ очень затруднительно отвѣчать, если бъ во время своей молодости Гоголь могъ знать какихъ нибудь людей, имѣвшихъ образъ мыслей, болѣе соотвѣтствовавшій инстинктивному направленію его натуры, нежели взгляды, господствовавшіе въ пушкинскомъ кружкѣ; но въ томъ и дѣло, что около 1827—1834 годовъ (когда Гоголю было 18—25 лѣтъ), никто и не слышалъ въ Петербургѣ о существованіи такихъ людей, да вѣроятно ихъ и не существовало. Въ Москвѣ былъ, правда, Полевой; но Полевой тогда находился въ разладѣ съ Пушкинымъ, и надобно по всему заключать, что въ кругу Пушкина считался онъ человѣкомъ очень дурнымъ и по своимъ личнымъ качествамъ и по образу мыслей, такъ что Гоголь съ самого начала проникся нерасположеніемъ къ нему; правда, былъ тогда въ Москвѣ Надеждинъ, но Надеждинъ выступилъ злымъ критикомъ Пушкина и долго внушалъ негодованіе всему пушкинскому кружку, Если бы Полевой и Надеждинъ жили въ одномъ городѣ съ юношею Гоголемъ, быть можетъ въ личныхъ сношеніяхъ онъ научился бы цѣнить ихъ личности и научился бы сочувствовать ихъ понятіямъ. Но онъ зналъ ихъ въ то время только по статьямъ, которыя каждый день пріучался считать нелѣпыми и отвратительными.

Черезъ много лѣтъ,— въ тѣ годы, когда уже готовъ былъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» (1840 — 1841), сдѣлались извѣстны массѣ публики, — вѣроятно, только теперь сдѣлались извѣстны и Гоголю,—люди другого направленія; но въ то время Гоголю было уже тридцать лѣтъ; въ то время онъ былъ окруженъ ореоломъ собственнаго величія, былъ уже великимъ учителемъ русской публики,— ему поздно было учиться у людей, нѣсколько младшихъ его по лѣтамъ, стоявшихъ въ тысячу разъ ниже его и по общественному положенію и по литературному авторитету. Еслибъ даже Гоголь не примыкалъ къ пушкинскому кружку, онъ не сталъ бы заботиться о сближеніи съ ними; а для человѣка, принадлежавшаго къ пушкинскому кружку, это было рѣшительно невозможно.

Но главное, съ 1836 года, почти постоянно Гоголь жилъ за

границею и конечно могъ только продолжать сношенія съ тѣми людьми въ Россіи, съ которыми былъ уже знакомъ прежде.

Какъ онъ могъ, при сильномъ умѣ, останавливаться на частныхъ явленіяхъ, не отъискивая ихъ связи съ общею системою жизни? Какъ могъ довольствоваться объясненіями, ходившими въ кругу, среди котораго онъ жилъ въ Петербургѣ?» Но вспомнимъ, что когда Гоголь переселился за границу (1836), ему не было еще двадцать-семь лѣтъ, а жилъ онъ въ этомъ кругу съ 20-лѣтняго возраста. Удивительно ли, что какъ ни геніаленъ и проницателенъ юноша, вступающій въ кругъ знаменитыхъ людей, далеко превосходящихъ его образованностью, онъ на нѣкоторое время остается при томъ мнѣніи, что эти люди, признанные всѣмъ образованнымъ обществомъ своей страны за передовыхъ людей вѣка, дѣйствительно передовые люди, и что образъ ихъ мыслей соотвѣтствуетъ требованіямъ современности? Даже люди, получившіе философское образованіе, не въ 20—25 лѣтъ дѣлаются самостоятельными мыслителями; даже люди, наиболѣе расположенные отъ природы пренебрегать частными фактами изъ любви къ общимъ принципамъ, не въ 20—25 лѣтъ самобытно возводятъ къ общимъ принципамъ впечатлѣнія, производимыя на нихъ отдѣльными фактами. Юность— время жизни, а не теорій; потребность теоріи чувствуется уже позднѣе, когда прошло первое, поглащающее всю энергію мысли увлеченіе свѣжими ощущеніями жизни.

Но вотъ Гоголь за границею; вотъ онъ уже близокъ къ тридцатому году жизни, изъ молодаго человѣка онъ становится мужемъ, чувствуетъ потребность не только жить и чувствовать, но и мыслить: ему нужна уже теорія, нужны общія основанія, чтобы привести въ систематическій взглядъ на жизнь тѣ ощущенія, которыя влагаются въ него инстиктивными внушеніями природы и отдѣльными фактами. Каково-то будетъ его сознательное міросозерцаніе?

Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель можетъ считать, пожалуй, гипотезою; но эта гипотеза очень точно сходится съ тѣми свидѣтельствами, которыя оставилъ о себѣ Гоголь въ «Авторской Исповѣди». Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто

«Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ мо-

его болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія...» (Изд. П. А. Кулиша, томъ III, стр. 500).

Гоголь тутъ воображаетъ, что разсказываетъ о себѣ что-то необыкновенное, неправдоподобное; а на самомъ дѣлѣ комическіе писатели большею частью были люди съ грустнымъ настроеніемъ духа; въ примѣръ укажемъ на Мольера. Они прибѣгали къ шуткѣ, къ насмѣшкѣ, чтобы забыться, заглушить тоску, какъ другіе заглушаютъ ее житейскимъ разгуломъ. Чему приписать свою тоску, Гоголь не знаетъ; болѣзнь самъ онъ считаетъ объясненіемъ недостаточнымъ. Не ясно ли ужь изъ одного этого, что онъ не былъ похожъ на людей нынѣшняго времени, очень хорошо понимающихъ причину своей грусти? Онъ, создавшій Чичикова, Сквозника-Дмухановскаго и Акакія Акакіевича, не знаетъ, что грусть на душу благороднаго человѣка навѣвается зрѣлищемъ Чичиковыхъ и Акакіевъ Акакіевичей! Это странно для насъ, привыкшихъ думать о связи отдѣльныхъ фактовъ съ общею обстановкою нашей жизни; но Гоголь не подозрѣвалъ этой связи.

«... выдумывать цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, для чего это и кому отъ этого произойдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала».

Нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ смысла своихъ произведеній,—это нелѣпость, слишкомъ очевидная; но то справедливо, что негодуя на взяточничество и самоуправство провинціальныхъ чиновниковъ въ своемъ «Ревизорѣ», Гоголь не предвидѣлъ, куда поведетъ это негодованіе: ему казалось, что все дѣло ограничивается желаніемъ уничтожить взяточничество; связь этого явленія съ другими явленіями не была ему ясна. Нельзя не вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что испугался, увидѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плутни провинціальныхъ чиновниковъ.

Стройныя и сознательныя убѣжденія развиваются въ человѣкѣ не иначе, какъ или подъ вліяніемъ общества, или при помощи литературы. Кто лишенъ этихъ вспомогательнымъ средствъ, тотъ обы-

кновенно на всю жизнь остается при отрывочныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ фактахъ, не чувствуя потребности придать имъ сознательное единство. Такіе люди до сихъ поръ составляютъ большинство у насъ даже между тѣми, которые получили такъ называемое основательное образованіе. Объ отдѣльныхъ случаяхъ они судятъ болѣе или менѣе справедливо, но вы бываете поражены безсвязностію и внутреннею разладицею ихъ сужденій, какъ скоро рѣчь пойдетъ о какихъ нибудь общихъ и обширныхъ вопросахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ представлялось еще гораздо меньше средствъ и внѣшнихъ побужденій выйти изъ этого состоянія. Литература въ то время представляла гораздо меньше, нежели нынѣ, для развитія стройнаго образа мыслей; мнѣнія лучшихъ писателей оказывались вообще очень шаткими, какъ скоро дѣло доходило до общихъ вопросовъ, о которыхъ говорили вообще на удачу. Читая, наприм., прозаическія статьи Пушкина вы удивляетесь тому, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ на двухъ, трехъ страницахъ соединить такъ много разнорѣчащихъ мыслей. Въ обществѣ тогда было оченъ мало наклонностей къ размышленію: это доказывается уже чрезвычайнымъ успѣхомъ «Библіотеки для Чтенія», неимѣвшей никакого образа мыслей. Очень извинительно было бы Гоголю, если бы онъ остался навсегда на той ступени умственныхъ потребностей, на какой оставались во всю жизнь почти все писатели, бывшіе у насъ двадцать лѣтъ назадъ. Но онъ едва пережилъ первую пору молодости, какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, неудовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высокости его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ науки; для этого нужно также или имѣть научное приготовленіе къ тому, или надежныхъ руководителей. Припомнимъ же теперь, въ какомъ положеніи находился Гоголь, когда былъ застигнутъ потребностію создать себѣ прочный образъ мыслей.

Въ обществѣ, среди котораго онъ жилъ, пока оставался въ Россіи, онъ не находилъ заботы рязмышлять о тѣхъ задачахъ, которыя теперь занимали его. О нихъ говорилось такъ мало, что онъ не имѣлъ даже случая узнать, къ какимъ книгамъ слѣдуетъ ему

обратиться при изслѣдованіи вопросовъ современной жизни; онъ не зналъ даже того, что какъ бы ни были достойны уваженія люди, жившіе за полторы тысячи лѣтъ до насъ, они не могутъ быть руководителями нашими, потому что потребности общества въ ихъ время были совершенно не таковы, какъ нынѣ, ихъ цивилизація была вовсе не похожа на нашу. Общество оставило его подъ вліяніемъ уроковъ и рекомендацій, какіе слышалъ онъ въ дѣтствѣ, потому что это общество никогда не занималось тѣми высокими нравственными вопросами, о которыхъ слышалъ нѣкогда ребенокъ отъ своей матери. И вотъ теперь, когда двадцати-семилѣтній человѣкъ вздумалъ искать въ книгахъ рѣшенія задачъ, его мучившихъ, онъ не зналъ, къ какимъ книгамъ обратиться ему, кромѣ тѣхъ, какія нѣкогда совѣтывали ему читать въ родительскомъ домѣ. Положеніе странное, неправдоподобное, но оно дѣйствительно было такъ. Много лѣтъ спустя, когда случилось Гоголю, по поводу своей «Переписки съ друзьями», вступить въ споръ съ человѣкомъ иного образа мыслей, онъ наивно ссылался на авторитеты, завѣщанные ему дѣтствомъ, никакъ не предполагая, чтобы его противникъ, или кто бы то ни былъ въ мірѣ, могъ иначе думать о нихъ, или идти къ истинѣ не при исключительномъ ихъ руководствѣ. Еще позднѣе, когда онъ писалъ свою «Авторскую Исповѣдь»; онъ столь же наивно оправдывался отъ обвиненій въ заблужденіяхъ опять-таки ссылками на эти авторитеты и воображалъ, что несомнѣнно убѣдитъ всѣхъ въ истинности своего пути, какъ скоро объяснитъ, какими авторитетами онъ руководился: ясно видишь, когда читаешь «Авторскую Исповѣдь», что Гоголю не приходитъ и въ голову мысль о возможности такого возраженія: «Ты читалъ не тѣ книги, какія нужно было тебѣ читать». Онъ воображаетъ, что всѣ будутъ согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ, что нѣтъ иной истины, кромѣ истины, заключающейся въ книгахъ, завѣщанныхъ ему дѣтскими воспоминаніями.

Въ настоящее время такая умственная безпомощность едва ли была бы возможна; но двадцать лѣтъ тому назадъ многое было иначе. Теперь наша литература, какова бы она ни была, проникнута мыслію. Около 1835—37 года этого не было; теперь въ обществѣ вы очень часто слышите разговоры «о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе», тогда это случалось несравненно рѣже. Но кому покажется слишкомъ невѣроятной наивность Гоголя, тотъ можетъ

присмотрѣться къ своимъ знакомымъ, и тогда повѣрить ей: какъ часто и теперь вы встрѣчаете людей которые и русскіе журналы и даже иностранныя газеты читаютъ, а между тѣмъ въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за справкою къ своимъ школьнымъ урокамъ! Разница между ними и Гоголемъ не слишкомъ значительна.

Если бы Гоголь жилъ въ Россіи, вѣроятно, онъ встрѣчалъ бы людей, противорѣчащихъ ему во мнѣніи о методѣ, имъ избранной, хотя и тутъ едва ли могло бы вліяніе этихъ людей устоять противъ громкихъ именъ, одобрявшихъ путь, на который сталъ онъ, Но онъ жилъ за границею въ обществѣ трехъ, четырехъ людей, имѣвшихъ одинакія съ нимъ понятія объ авторитетахъ, которыми вздумалъ онъ руководствоваться. Какъ видно изъ его писемъ, ближайшими его друзьями были Жуковскій и Языковъ. Тонъ писемъ показываетъ, что эти два знаменитые писателя могли только усиливать наклонность, развивавшуюся въ Гоголѣ. Тотъ и другой далеко превосходили Гоголя своею образованностію; тотъ и другой въ частной жизни были людьми, внушавшими къ себѣ уваженіе и довѣріе. Кромѣ того, Языковъ имѣлъ много случаевъ оказывать Гоголю важныя услуги; еще больше добра сдѣлалъ Гоголю Жуковскій; человѣкъ всегда бываетъ расположенъ съ особенною симпатіею принимать мнѣнія людей, которыхъ считаетъ хорошими людьми въ частной жизни.

Изъ друзей, оставшихся въ Россіи, довѣреннѣйшимъ лицомъ Гоголя былъ г. Шевыревъ. Сочиненія этого ученаго доказываютъ, что онъ долженъ былъ ободрять наклонности которыя овладѣвали умственной жизнію Гоголя.

Этимъ знакомствамъ надобно приписывать сильное участіе въ образованіи у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился «Перепискою съ друзьями». По всѣмъ соображеніямъ, особенно сильно должно было быть въ этомъ случаѣ вліяніе Жуковскаго.

Направленіе, принятое мыслями Гоголя, давно охарактеризовано словомъ: «аскетизмъ». Въ благородной душѣ наклонность къ аскетизму развивается скорѣе всего при зрѣлищѣ праздной роскоши. Именно въ этомъ случаѣ получаетъ справедливый смыслъ проповѣдь о воздержаніи, о борьбѣ съ прихотями и страстями. Гоголь за границею былъ именно въ такомъ положеніи. Еще въ Петербургѣ, благодаря посредничеству литературныхъ друзей, началось

его сближеніе съ людьми высшаго общества. За границею онъ почти исключительно встрѣчалъ русскихъ путешественниковъ изъ высшаго круга. Говорить имъ о необходимости отреченія отъ ветхаго человѣка, значило говорить о сочувствіи къ бѣднымъ и страждущимъ, и если мы будемъ помнить, къ какому классу принадлежали люди, которымъ старался внушить Гоголь презрѣніе земныхъ благъ, то многіе изъ его рѣчей пріобрѣтутъ смыслъ болѣе разумный, нежели какъ могло бы показаться, если бы мы забыли, что рѣчи эти порождены были сношеніями съ счастливцами земли. Проповѣдывать умѣренность бѣдняку, и безъ того уже лишенному всякихъ излишествъ—дѣло безсмысленное, внушаемое холоднымъ сердцемъ. Но говорить о смиреніи и состраданіи людямъ знатнымъ и сильнымъ чувствуетъ наклонность каждый, желающій блага обществу.

Гоголя обвиняли за то, что онъ въ послѣдніе годы жизни сближался почти исключительно съ людьми знатными и богатыми. Почти каждому изъ насъ легче упрекать въ этомъ другихъ, нежели оправдать себя. Нелѣпою клеветою было бы думать, что въ характерѣ русскаго человѣка отъ природы лежитъ черта, столько разъ осмѣянная Гоголемъ. Но описавъ Петрушку и Селифана, Гоголь не даромъ замѣчаетъ, что «весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній». Дѣйствительно, эта страсть до того распространена въ обществѣ, что обвинять за нее того или другаго отдѣльнаго человѣка почти также несправедливо, какъ негодовать на даму, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, зато, что она носила корсетъ. Быть можетъ, носить корсеты вредная привычка; быть можетъ, имѣть страсть къ знатнымъ знакомствамъ—дурная привычка. Но какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?

Была въ характерѣ Гоголя другая черта, имѣющая довольно тѣсное отношеніе съ наклонностію къ знатному кругу и также несообразная съ идеаломъ человѣческаго характера. Тѣ, которые говорили о Гоголѣ дурно, называли его человѣкомъ подобострастнымъ, искательнымъ. Безпристрастный судья едва ли согласится

на такой рѣзкій отзывъ. Но то справедливо, что замѣтна въ Гоголѣ какая-то гибкость, какое-то излишнее желаніе избѣгать противорѣчій, говорить съ каждымъ въ его тонѣ, вообще принаровляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы. Но и эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу. Избитая латинская поговорка Saeculi vitia, non hominis,—«пороки эпохи, а не человѣка»,—эта поговорка можетъ быть очень полезна не только для оправданія личностей, но, что гораздо важнѣе, для исправленія нравовъ общества. Совершенно напрасно подражать тому, который, увидѣвъ своего знакомаго, имѣющаго часть любезности и оборотливости Павла Ивановича «толкнетъ (по выраженію Гоголя) подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!» Вмѣсто этого напраснаго глумленія, Гоголь предлагаетъ каждому изъ насъ посмотрѣть на себя съ запросомъ. «А нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова?» Это дѣло, конечно, очень хорошее, но, опять, едва ли не безполезное: пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся кому нибудь изъ насъ, при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души, измѣнить и собственныя привычки: онѣ поддерживаются требованіями общества, обстановкою нашей жизни; отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, точно также трудно, какъ и нарушать хорошія привычки, утвердившіяся въ обществѣ. Никто изъ насъ не рѣшится отравить своего непріятеля, какъ отравляли въ старину; едва ли многіе изъ насъ въ состояніи много превзойти Гоголя стоицизмомъ въ обращеніи съ людьми, пока общество не будетъ требовать благородной прямоты въ обращеніи. И такъ, лучше всего подумать о томъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются въ нашемъ обществѣ пороки, которыми мы недовольны, и какимъ образомъ можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношенія.

Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться или мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество. Съ этой точки

мы должны смотрѣть и на Гоголя. Напрасно было бы отрицать его недостатки: они слишкомъ очевидны: но они были только отраженіемъ русскаго общества. Лично ему принадлежитъ только мучительное недовольство собой и своимъ характеромъ, недовольство, въ искренности котораго невозможно сомнѣваться, перечитавъ его «Авторскую исповѣдь» и письма; это мученіе, ускорившее его кончину, свидѣтельствуетъ, что по натурѣ своей онъ былъ расположенъ къ чему-то гораздо лучшему, нежели то, чѣмъ сдѣлало его наше общество. Лично ему принадлежитъ также чрезвычайное энергическое желаніе пособить общественнымъ недостаткамъ и своимъ собственнымъ слабостямъ. Исполненію этого дѣла онъ посвятилъ всю свою жизнь. Не его вина въ томъ, что онъ схватился за ложныя средства: общество не дало ему возможности узнать во время о существованіи другихъ средствъ.

Мало мы знаемъ о нашихъ геніальныхъ людяхъ прошлыхъ поколѣній, но вообще все, что мы знаемъ о нихъ, наполняетъ насъ какимъ-то неудовольствіемъ. Ни одному изъ нихъ не доставалось счастія, такъ часто замѣчаемаго въ исторіи людей другихъ странъ: соединить безукоризненность частнаго характера съ великими заслугами обществу, и тѣ недостатки, которые прискорбнѣе всего въ характерѣ Гоголя, принадлежали почти всѣмъ другимъ геніальнымъ людямъ прошлыхъ поколѣній. Примѣромъ этого пусть служитъ Суворовъ: въ немъ также слишкомъ много было гибкости характера. Мы не хотимъ приводить другихъ примѣровъ, но ихъ можно набрать десятки. Только въ самое послѣднее время стали являться у насъ между людьми, замѣчательными по уму, такіе, которые не дѣлаютъ уступокъ въ своихъ словахъ, которые говорятъ всегда дѣйствительно то, что думаютъ, безъ всякихъ умолчаній и хитрыхъ оговорокъ. До послѣдняго времени въ устахъ умнаго человѣка «да» значило у насъ не то, что значитъ во всей остальной Европѣ: «Я въ душѣ согласенъ съ вами», эти слова значили только: «Я не считаю приличнымъ, или удобнымъ, противорѣчить вамъ».

Общность этого недостатка прямоты доказываетъ, что были какія-то общія обстоятельства, подчинявшія своему вліянію всѣ личности, за очень немногими исключеніями.

Но мы далеко уклонились отъ рѣчи объ аскетизмѣ, которому предался Гоголь. Людямъ того поколѣнія, которое пріобрѣло господство въ нашей литературѣ послѣ отъѣзда Гоголя за границу,

аскетизмъ этотъ казался такъ несообразенъ съ ихъ понятіемъ о слѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ прежнихъ сочиненій Гоголя, что вообще распространилась мысль, будто Гоголь «Перепиской съ друзьями» отказывается отъ своей прежней дѣятельности и даже долженъ осуждать тотъ огонь негодованія противъ общественныхъ пороковъ, который давалъ жизнь «Ревизору» и первому тому «Мертвыхъ Душъ». Многія неловкія выраженія о прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, со стороны самого Гоголя, подтверждали эту догадку. Но чтеніе писемъ, теперь изданныхъ, заставляетъ насъ согласиться съ увѣреніями Гоголя, что новое направленіе не помѣшало ему сохранить свои прежнія мнѣнія о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался онъ въ «Ревизорѣ» и первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Сущность перемѣны, происшедшей съ Гоголемъ, состояла въ томъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій. При этомъ дѣлѣ человѣкъ обыкновенно сохраняетъ тѣ частныя мнѣнія, какія имѣлъ прежде, и если они логически не подходятъ подъ общій принципъ, имъ вновь принимаемый, онъ скорѣе обманетъ себя, допуститъ логическую непослѣдовательность, допуститъ очевидное противорѣчіе, нежели найдетъ нужнымъ отказаться отъ прежнихъ мнѣній. Съ такъ называемыми нравственными обращеніями почти такая же исторія, что съ промѣномъ одного языка на другой. Эльзасскій нѣмецъ вздумалъ быть французомъ, и дѣйствительно употребляетъ французскія слова, но выговоръ остался у него прежній, весь складъ рѣчи прежній, и по одной фразѣ, по одному слову, вы тотчасъ узнаете, что передъ вами все-таки нѣмецъ, а не французъ. Идолопоклонники—китайцы вздумали быть буддистами, и по общимъ фразамъ ихъ кажется, будто они стали монотеистами; но они сохранили всѣхъ своихъ идоловъ и всѣ свои прежнія понятія.

Съ того времени, какъ Гоголемъ овладѣло аскетическое направленіе, письма его наполнены разсужденіями о такихъ предметахъ, которыми прежде онъ мало занимался. Но если вы, преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ, всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и на оборотъ въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты,

которыя, по видимому, должны были бы принадлежать второму періоду. Это убѣжденіе намъ самимъ долго казалось сомнительно; предполагая, что оно можетъ показаться сомнительно и читателю, мы считаемъ нужнымъ подтвердить его выписками довольно многочисленными. Если читатель найдетъ ихъ излишними, тѣмъ лучше: значитъ онъ уже убѣжденъ, что Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и что если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его.

Одною изъ самыхъ странныхъ особенностей, которыми поразила «Переписка съ друзьями» и предисловіе ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ Душъ», была просьба съ которою обращался Гоголь къ своимъ читателямъ: присылать ему замѣчанія о русскихъ нравахъ. Это желаніе казалось такъ странно, что многіе сомнѣвались въ его искренности. Но послѣ изданія писемъ она не подлежитъ сомнѣнію: всѣхъ своихъ друзей Гоголь заклинаетъ доставлять ему замѣчанія о русской жизни. Иногда предметъ требованій страненъ до невѣроятности; такъ напримѣръ, одну даму, жившую въ провинціи, онъ проситъ составить для него записку о раскольникахъ той губерніи, совершенно забывая, что дама эта совершенно не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которое на нее возлагается. И мы ошиблись бы, если бы приписали только послѣднему періоду жизни Гоголя требованіе матеріаловъ для своихъ сочиненій. Эта привычка была у него съ самаго начала и только развилась въ послѣдствіи. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма къ матери, посланнаго еще въ 1829 году, при самомъ началѣ литературной карьеры Гоголя, когда онъ приготовлялъ «Вечера на Хуторѣ».

1829 г. апрѣля 30.

„Теперь, почтеннѣйшая маменька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу въ свою очередь сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю,

Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ, прозванія не помню), котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно великодушная, добрая моя маменька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Александра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ и въ этомъ случаѣ оказать вамъ очень большую помощь». (Томъ V, стран. 81).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ же патетическій тонъ, какъ и въ просьбахъ о «Мертвыхъ Душахъ», будто бы дѣло идетъ о предметѣ первой необходимости, будто безъ присылки замѣчаній отъ матери Гоголь не въ состояніи описывать малорусскую жизнь. Таже самая странность и въ томъ, что свѣдѣнія, требуемыя Гоголемъ, кажутся иногда излишними не только человѣку, проведшему все дѣтство въ Малороссіи, но прожившему хотя недѣлю въ этой странѣ. Напримѣръ, неужели Гоголь могъ не знать «полнаго наряда сельскаго дьячка»? Наконецъ та же самая обширность обязанностей, налагаемыхъ Гоголемъ: онъ проситъ мать набрать особенныхъ корреспондентовъ по разнымъ мѣстамъ, для доставленія ему свѣдѣній. Разница только въ одномъ: пока Гоголь думаетъ, что достоинство его сочиненій важно только для людей близкихъ къ нему, онъ обращается съ просьбою только къ людямъ близкимъ; потомъ онъ проситъ безъ различія всѣхъ своихъ читателей,—но за то вѣдь онъ уже полагаетъ, что достоинство его сочиненій важно для каждаго читателя.

Странною чертою въ «Перепискѣ съ друзьями» казалось увѣреніе, что нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ и тогда легко будетъ переносить самыя прискорбныя утраты. Это было принято даже за лицемѣріе, по пословицѣ «чужую бѣду по пальцамъ разведу». Но вотъ что̀ пишетъ Гоголь на семнадцатомъ году жизни, получивъ извѣстіе о смерти отца.

1825 г. апрѣля 23 дня.

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ

извѣстіемъ; однакожь не далъ никому замѣтить что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему". (Томъ V, стр. 19).

Затѣмъ Гоголь продолжаетъ разсуждать, что «благословляетъ священную вѣру, въ которой находитъ утоленіе своей горести», такъ что теперь онъ спокоенъ». Неужели въ самомъ дѣлѣ не былъ опечаленъ шестнадцатилѣтній мальчикъ смертію отца? — Странна казалась въ «Перепискѣ» манера утверждать, что самыя тяжелыя потери надобно считать за радостныя событія, потому что ими очищается душа и доказывается благоволеніе Промысла. Но что это не было притворствомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Гоголя, видимъ изъ письма къ матери, по случаю жестокой горести, поразившей одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя.

1838 г. мая 16.

„Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны. Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожь, написалъ ему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери наконецъ, такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный христіанинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслію, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ-то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть, и какое можетъ только внушить одна христіанская религія". (Томъ V, стр. 325).

Въ письмѣ къ матери о постороннемъ человѣкѣ Гоголю не было нужды надѣвать маску; поэтому можно вѣрить искренности его мнѣнія, когда онъ въ письмѣ къ самому А. С. Данилевскому толкуетъ, что «можетъ быть, горесть, постигшая тебя, есть переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души». А надобно замѣтить, что эти письма относятся къ 1838 году, когда Гоголь еще не предавался аскетическому направленію.

Чертою лицемѣрной гордости, подъ маскою смиренія, казались разсужденія Гоголя о томъ, что въ каждомъ событіи своей жизни

видитъ онъ руку Промысла; но вотъ отрывокъ изъ письма его къ матери, оно ни мало не уступитъ «Перепискѣ съ друзьями», хотя относится еще къ 1829 году.

1829 г. іюля 24.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе. Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчто неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностію свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобъ я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали, то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? Не явно ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что жь? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы не получу ли чего. Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостію, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня.. Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронизывающіе душу; но ихъ сіянія жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, если бы вы посмотрѣли на меня тогда!... правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... Я по крайней

мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ—вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначенный путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосозданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній... Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока. (Томъ V, стр. 84—86).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ же самый мистическій тонъ, какъ и въ письмахъ аскетическаго періода,

Высокомѣрнымъ ханжествомъ казались требованія Гоголя, чтобы каждый непремѣнно читалъ его «Переписку съ друзьями» для душевной пользы своей, и предписанія, какъ именно читать ее, и приказанія передавать ее для чтенія другимъ. Каковы бы ни были эти совѣты и требованія, но Гоголь давалъ ихъ отъ чистаго сердца, по твердому убѣжденію въ ихъ великой пользѣ; это доказывается письмами къ матери, изъ которыхъ вотъ отрывокъ одного:

1843 г 1 октября.

„Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получилъ. Сказать по истинѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько изумили, изумили меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе насчетъ моего письма, какъ только одного простаго увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ будто бы я обвинялъ кого нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чемъ либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или передъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Многіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что болѣе забираетъ за живое. Другимъ вообразилось, что я вслѣдствіе неудовольствія написалъ это письмо, На это скажу вамъ, что ни одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставимъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самаго Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста (мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій

день по одному разу, и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то-есть, послѣ говѣнія, если кому нибудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что ни подскажетъ ему душа его.

„Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчанія насчетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный христіанинъ. Прежде всего—это неправда. Я отъ этого имени далѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая нашла въ письмѣ моемъ, какъ направленные собственно на нее, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо вполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, написавши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не понятно. Стало быть я ничего не сдѣлалъ. Но ни слова больше объ этобъ предметѣ, какъ бы ни зашевелился у кого нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте на письмо это: *Просьба насчетъ письма будетъ исполнена*, и ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, и кромѣ этого письма. (Томъ VI, стр. 27—28).

Удивительны распоряженія о томъ, какъ читать письмо; не менѣе удивительно и чрезвычайно высокое мнѣніе о необыкновенномъ благодѣяніи, которое онъ оказываетъ матери и сестрамъ этимъ письмомъ. Для родныхъ своихъ, Гоголь сдѣлалъ, въ самомъ дѣлѣ, много: онъ воспиталъ своихъ сестеръ, онъ уступилъ имъ свое имѣнье, мать хвалитъ его за это. «Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, это все пустяки, а вотъ за письмо это, вы дѣйствительно можете считать меня своимъ благодѣтелемъ, но я не горжусь тѣмъ: не самъ собою, а по внушенію высшей силы написалъ я это, да и не можетъ человѣкъ сотворить такого великаго дѣла безъ помощи высшей силы».

Много у Гоголя во второмъ періодѣ писемъ, производящихъ очень невыгодное впечатлѣніе; но изъ всѣхъ самое тяжелое чувство наводится тѣми, въ которыхъ онъ своей матери проповѣдуетъ правила жизни хозяйственной и даже нравственной. Мы защищаемъ добрую славу великаго писателя, но не будемъ молчать о фактахъ, даже наиболѣе способныхъ поколебать довѣріе къ его сердцу. Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ, передъ которыми очень слабымъ свидѣтельствомъ противъ Гоголя кажутся всѣ остальныя его слова и поступки:

1847 г. января 25.

„Пишу къ вамъ вновь, по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Сначала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это не безъ воли Божіей. Письмо мое нечаяннымъ образомъ послужило пробою вашего состоянія душевнаго и обнаружило предо мною на какой степени любви и вѣры и вообще на какой степени христіанскихъ познаній и добродѣтелей находитесь вы всѣ, тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по пріѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было показалось что сестры мои поняли, что такое христіанство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжкой болѣзни, отъ которой меня Богъ Своею милостію избавилъ,—распоряженіе, которое дѣлаетъ въ такія минуты всякъ,—распоряженіе, которое, по настоящему, всякъ христіанинъ долженъ сдѣлать заблаговременно, и безъ болѣзни, хотя бы надѣялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ днями своими—человѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ,—это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіемъ разсудка; потому что такъ перетолковать строки письма моего можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ. (Томъ VI, стр. 330—331).

1847 г. февраля 16.

„Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно, болѣе, чѣмъ когда либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прійти въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное, то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и наиопытнѣйшій хозяинъ и наиумнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отъискать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ. (Томъ VI, стр. 342).

1847 г. февраля 16.

„Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ улучилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки. Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять

наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, *на попятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предъидущее, еще не получивши отвѣта на прежнія, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе цѣлаго года, вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ извѣщеніемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться, и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года, такъ какъ бы новыя". (Томъ VI, стр. 344).

При чтеніи такихъ писемъ трудно было бы удержаться отъ негодованія, если бы самая неумѣстность и неприличность ихъ не свидѣтельствовала о томъ, что они порождены совершенно особеннымъ настроеніемъ духа: экстазъ тутъ доходитъ до совершеннаго самоослѣпленія, весь проникнутый идеею о томъ, что «всякъ человѣкъ есть ложь», нуждается въ обличеніяхъ и укоризнахъ нравственныхъ, Гоголь забываетъ для идеи, его ослѣпляющей, о естественныхъ отношеніяхъ сына къ матери, о томъ, что какъ бы то ни было, и что бы то ни было, не сыну быть обличителемъ матери... Состояніе ужасное, нечеловѣческое... Но въ чемъ же заключается особенность, которою такъ тяжело дѣйствуютъ эти письма? Въ томъ ли, что сынъ оскорбляетъ мать? Нѣтъ, примѣровъ тому такъ много видимъ мы на свѣтѣ, что они не изумляютъ насъ; если бы Гоголь только оскорблялъ мать, мы сказали бы, что онъ былъ дурной сынъ, и вниманіе наше не остановилось бы на этомъ грустномъ замѣчаніи: мало ли на свѣтѣ дурныхъ сыновей? Ужасно здѣсь то, что Гоголь вовсе не думаетъ нарушать своихъ обязанностей относительно матери; напротивъ, онъ воображаетъ, что исполняетъ ихъ самымъ доблестнымъ образомъ: видите ли, онъ воображаетъ, что заботится о спасеніи души ея, что ведетъ ее къ вратамъ Царства Небеснаго. Слышали ли вы когда нибудь на рынкѣ пѣсню убогихъ слѣпцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во вретище и поселился, какъ незнаемый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и только чрезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, открылся имъ, что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ разсказъ о томъ, какъ

одна мать зарѣзала двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала съ любовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спасеніемъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя вѣетъ тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза,—духъ, побуждавшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ сожигаться добровольно въ домахъ своихъ, съ восторженными гимнами о спасеніи, ими пріобрѣтаемомъ чрезъ муки смертныя? Страшно именно это изувѣрство въ письмахъ, отрывки изъ которыхъ привели мы. Невозможно не удивляться силѣ души этихъ сожигавшихъ себя изувѣровъ, этой несчастной женщины убійцы дѣтей своихъ; но не возможно и не проклинать лжеученія, давшаго такое противоестественное, такое пагубное направленіе энергіи, которая могла бы совершить столько прекраснаго и великаго, если бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ. Эти люди, сожигавшіе себя, имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми прославляли себя и спасали отечество Муцій Сцевола и Децій Мусъ или тѣ страдальцы новой цивилизаціи, которые погибали, прививая къ себѣ чуму для испытанія средствъ спасать людей отъ чумы, которые поражаемы бывали молніею, устроивая громоотводы. И не вздумайте говорить, что Гоголь только другихъ училъ страдать, не прилагая къ себѣ своихъ изувѣрскихъ ученій; послѣ описанія его предсмертной болѣзни, напечатанной докторомъ, его лечившимъ *), невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ уморилъ себя. Въ одномъ человѣкѣ, какія несообразныя крайности! Человѣкъ мучитъ себя и моритъ, какъ дикій изувѣръ Брынскихъ лѣсовъ!—Да, пришли годы, въ которые человѣкъ, вмѣсто инстинкта природы, долженъ принять своимъ руководителемъ разумъ, когда пришло время разуму овладѣть инстинктомъ, когда по настоящему должна была бы начаться плодотворнѣйшая эпоха его дѣятельности,—оказалось, о горе, о стыдъ намъ! — оказалось, что жизнь среди насъ исказила свѣтлый даръ его разума такъ, что онъ послужилъ только на погибель ему! Страшна и нелѣпа эта жизнь!

*) Докторъ этотъ, г. А. Т. Тарасенковъ, находитъ (Моск. Вѣд. № 89), что мы „вывели изъ его разсказа заключенія, чрезвычайно далекія отъ выводовъ, какіе бы должно сдѣлать, когда сказали въ январской книжкѣ нынѣшняго года („Замѣтки о Журналахъ"), что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, слѣдуетъ: „Гоголь уморилъ себя голодомъ". По мнѣнію г. Тарасенкова слѣдуетъ сказать: „причиною смерти Гоголя было пощеніе"—эти слова дѣйствительно гораздо точнѣе, нежели выраженіе нами употребленное.

И не вздумайте сказать, что примѣръ Гоголя—одинокое явленіе; нѣтъ. Правда, ни въ комъ не было столько энергіи какъ въ немъ, потому ничья погибель и не была такъ страшна, какъ его погибель. Но лучшіе люди, такъ или иначе, изнемогали подъ тяжестію жизни, когда пришла имъ пора, опомнившись отъ страстнаго увлеченія свѣжею молодостью, обозрѣть проницательнымъ взглядомъ мужа жизнь. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а на тридцатомъ году, подобно Гоголю, изнемогаетъ онъ нравственно, и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Лермонтовъ?—Лермонтовъ радъ былъ разстаться поскорѣе съ жизнью:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За ложь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Какъ вы думаете, напрашивался ли бы онъ на ссоры и дуэли, если бы легче казалась ему жизнь, нежели смерть? А Кольцовъ?—О, у этого судьба была заботлива, она хотѣла избавить его отъ желанія смерти, предупредивъ всякія желанія: желѣзнаго здоровья былъ человѣкъ, а не хватило его желѣзнаго здоровья больше, чѣмъ на тридцать два года; — заботлива была судьба, хотѣла предупредить его желанія, а все-таки не успѣла:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба... (и т. д.)
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ
Я разбилъ бы тебя!

Не вспомнить ли еще Полежаева, который, по всему видно, былъ не хуже другихъ, но

Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Но долго бы было вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Что же вы, милостивый государь, претендуете на Гоголя за то, что былъ

Жизнью измятъ онъ...

Такова была ужь его натура: не ему одному, всѣмъ была такая участь: нравственное изнеможеніе, ведущее за собою преждевременную, почти умышленную, во всякомъ случаѣ, желанную смерть. Миръ тебѣ, человѣкъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ сильныхъ стремленій.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба!
Ты своею силой палъ...

Но мы уклонились отъ предмета; мы хотѣли сказать, что если нарушалъ Гоголь законы благоразумія и гуманности въ своемъ аскетизмѣ, то и не даромъ обходились ему эти нарушенія. Вотъ, напримѣръ,—едва ли онъ былъ злымъ и безчувственнымъ сыномъ, это по всему видно, даже по тѣмъ изувѣрскимъ письмамъ, въ которыхъ онъ такъ жестоко оскорбляетъ чувство сыновней почтительной любви своими назиданіями матери,—скажите же, легко ли было ему потомъ опомниться, видѣть вдругъ, какую дикую сумятицу надѣлалъ онъ, какъ грубо и неумѣстно онъ проступился,—увидѣть все это изъ жалобъ, которыя ему на него справедливо принесла огорченная имъ мать.

1847 г. 3 мая.

„Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вами виноватъ. Виноватъ также и передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ, и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не замѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки и, находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ (даже и несправедливыхъ), я хотѣлъ попрекнуть васъ, и особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы мать моя, сестрами—что онѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ намъ объ однихъ только нашихъ достоинствахъ и ни

слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ на себя, на время, мнѣ не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ экономическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы означили обстоятельно, на какія именно потребности забираются товары у разносчиковъ и въ лавкахъ. Я имѣлъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощенія, какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ, не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя, наконецъ, эту непріятную и мнѣ не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоитъ благодарный и признательный сынъ вашъ. Вновь повторяю вамъ, если вы думаете, что я увѣренъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе. Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что мнѣ нужно многому учиться, и никогда еще не страдалъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше, исполненное мнѣ выговоровъ, я принялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно, и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчитъ, тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти на душѣ своей...“ (Томъ VI, стран. 387—9).

Иной скажетъ: «Это притворство, Гоголь вовсе не чувствуетъ раскаянія, онъ только притворяется смирившимся?» Положимъ; но если онъ считалъ себя правымъ, тѣмъ тяжеле была ему необходимость принять на себя унизительную роль провинившагося въ нарушеніи самыхъ первыхъ обязанностей; чѣмъ меньше искренности въ просьбѣ о прощеніи, тѣмъ тяжеле просить его. Но читая письма Гоголя изъ аскетическаго періода, мало по малу отвергаешь мысль, что тутъ говоритъ лицемѣръ (какъ ни вѣроятно кажется такое предположеніе сначала), и убѣждаешься, что онъ большею частью писалъ въ состояніи увлеченія, не говоря уже о томъ, что въ самомъ тонѣ слышится часто что-то задушевное, чтобы быть притворнымъ; все свидѣтельствуетъ о томъ, совершенное забвеніе ловкости и условныхъ приличій, о которыхъ никогда не забываетъ лицемѣръ, нелогичность объясненій и оправданій и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное повтореніе одной и той же, не ловкой и не измѣнной мысли въ десяткахъ писемъ къ разнымъ лицамъ: выдумщикъ говорилъ бы связнѣе и правдоподобное, и не оставался бы такъ од-

нообразенъ въ своихъ выдумкахъ, даже самыхъ неловкихъ. Нѣтъ, видно, что въ головѣ Гоголя дѣйствительно слишкомъ упорно засѣли мысли, имъ выражаемыя.

Не относительно родныхъ только нарушалъ онъ въ своемъ аскетическомъ назиданіи всякія условія житейской осмотрительности: всѣмъ писалъ онъ такія вещи, которыми оскорблялся каждый его корреспондентъ; со всѣми своими друзьями ссорился онъ изъ-за назиданій, слишкомъ безцеремонно раздаваемыхъ отъ него всѣмъ и каждому; всѣ его пріятели бывали вынуждаемы или напоминать ему, что онъ нарушаетъ въ своемъ проповѣдничествѣ правила скромности и приличія, или прекращать сношенія съ нимъ,—и каждый разъ онъ скорбѣлъ о малодушныхъ и маловѣрныхъ, и удивлялся, что его нравственныя обличенія принимаются какъ оскорбленія. Вотъ одно небольшое письмо, которое, кажется намъ, внушено уже никакъ не притворствомъ,—въ немъ, дѣйствительно, говоритъ душевная скорбь:

1849 г.

„Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишете, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другъ мой, N. F., еслибъ вы знали, какъ я далекъ отъ того, чтобы съумѣть кому либо дать умный совѣтъ! Я весь изстрадался. Я такъ боленъ и душой и тѣломъ такъ расколебался весь, что одна сострадающая строчка вашего добраго участія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы вмѣсто (того) приказали передать мнѣ такія слова, точно какъ бы въ насмѣшку надо мной. Добрый другъ мой, я боленъ...“ (Томъ VI, стр. 498).

Но какъ же принималъ Гоголь тѣ оскорбленія, которыми подвергался самъ. Конечно, каковы бы ни были его убѣжденія, человѣкъ не можетъ совершенно заглушить въ себѣ самолюбія; особенно невозможно было это Гоголю, справедливо думавшему о себѣ очень высоко. Но очевидно, онъ и самъ старался подчинить свои чувства тѣмъ правиламъ смиренія, которыя внушалъ другимъ, старался принимать оскорбленія какъ справедливыя наказанія или какъ очистительныя страданія; часто ему, кажется, удавалось это. Вотъ напримѣръ, отрывокъ изъ письма его къ Жуковскому, послѣ того, какъ онъ узналъ о строгой критикѣ, которою была встрѣчена его «Переписка съ друзьями»:

1847 г. 6 марта.

«Письмо отъ $^{6}/_{18}$ февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ моей, получено мною только третьяго дня, то есть 4 марта. Появле-

ніе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ". (Томъ VI, стр. 350).

Эта манера рѣзкимъ образомъ отзываться о самомъ себѣ не можетъ быть сочтена ханжествомъ уже и потому, что съ самой молодости Гоголь имѣлъ привычку выражаться о себѣ подобнымъ языкомъ. Свою неудачу на университетской каѳедрѣ онъ излагалъ одному изъ своихъ друзей такъ:

1835 г. декабря 6.

Я разстался съ Университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Не узнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч... Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!" (Томъ V, стр. 246—7).

Тутъ (1835 г.) уже перемѣшаны презрительныя и гордыя выраженія о себѣ точно такимъ же образомъ, какъ въ письмахъ по поводу «безславія» нанесеннаго впослѣдствіи «Перепискою съ друзьями».

Въ «Перепискѣ» изумительно показалось то неуваженіе, съ которымъ Гоголь говоритъ о своихъ сочиненіяхъ—эта черта была вовсе не новостью въ его характерѣ. Изумительно въ «Перепискѣ» показалось и то, что несправедливыя и вовсе неприличныя нападенія нѣкоторыхъ журнальныхъ враговъ, на «Ревизора» и «Мертвыя Души» называетъ онъ не лишенными основательности и т. д.—все это говорилъ онъ и гораздо прежде. Въ 1838 году, за два или три

года до развитія аскетическаго направленія, онъ уже писалъ своей матери:

1838 г. декабря 10.

„Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время не скучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста, вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня, никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: „я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно». И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится и къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть... Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Сѣверной Пчелѣ» о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ». (Томъ V, стр. 350—51).

Странно также показалось въ «Перепискѣ» увѣреніе Гоголя, что его литературныя заслуги достойны гораздо меньшаго уваженія, нежели какого были бы достойны хорошія нравственныя качества, еслибъ имѣлъ ихъ. Но и это говорилъ онъ издавна: такъ, еще въ 1835 году, онъ писалъ матери:

1835 г. апрѣля 12.

„...Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться. И такъ я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня лучшая похвала“. (Томъ V, стр. 239).

Кстати о сочиненіяхъ Гоголя. Есть люди, воображающіе, будто онъ, когда писалъ «Ревизора», вовсе не имѣлъ въ виду нападать на взяточничество,—онъ, будто бы, просто хотѣлъ написать смѣшную комедію. Это нелѣпая выдумка почти не стоитъ того, чтобы и

опровергать ее; приведемъ, однако же, нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, въ которыхъ Гоголь говоритъ о «Ревизорѣ»—изъ нихъ не видно, не только хотѣлъ ли смѣшить или заставить содрогнуться публику «Ревизоромъ», но также и то, что онъ хотѣлъ бы, если бы позволяли ему обстоятельства, брать предметами своихъ горькихъ произведеній предметы болѣе важные, нежели мелкія плутни провинціальныхъ художниковъ:

„Я не написалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени", и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился — что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на-показъ народу не оконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости!" (Томъ V, стр. 173—174).

1836 г. апрѣля 29.

„...Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ либо... Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью". (Томъ V, стр. 254)

1836 г. мая 10.

„Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ

видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай—за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: „Мы не плуты". Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе". (Томъ V, стр. 255—6).

1836 г. мая 15.

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него— — —и кто же говоритъ? Это говорятъ— — —опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русской свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами,—утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскор-

бленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня". (Томъ V, стр. 260—1).

Да, мы видимъ изъ этого, что Гоголь не только понималъ необходимость быть грознымъ сатирикомъ, понималъ также, что слаба еще и мелка та сатира, которою онъ долженъ былъ ограничиться въ «Ревизорѣ». Въ этой, оставшейся неудовлетворенною, потребности расширить границы своей сатиры надобно видѣть одну изъ причинъ недовольства его своими произведеніями. Въ періодъ аскетизма, это недовольство высказывалъ онъ страннымъ языкомъ, объясняя странными источниками; но та причина, которая высказана въ приведенныхъ нами отрывкахъ, обнаруживаетъ въ Гоголѣ то глубокое пониманіе обязанностей и предметовъ сатиры, которое только теперь начинаетъ переходить въ общее убѣжденіе.

Не знаемъ, нужно ли было въ настоящее время доказывать, что Гоголь, каковы ни были его заблужденія въ послѣдній періодъ жизни, никогда не былъ отступникомъ отъ стремленій, внушившихъ ему «Ревизора»; доказывать, что какъ бы ни были странны многія мнѣнія и поступки его съ 1840 г., онъ дѣйствовалъ вообще не по разсчетливому лицемѣрству — если въ этомъ уже были убѣждены всѣ наши читатели, тѣмъ лучше, хотя въ такомъ случаѣ статья наша лишилась бы всякаго значенія. Но взявшись за изложеніе объ этомъ предметѣ мнѣній, давно уже подтверждавшихся «Авторскою Исповѣдью» и отрывками корреспонденціи, помѣщенными въ «Запискахъ о жизни Гоголя», и нынѣ еще болѣе подтверждаемыхъ изданіемъ его писемъ, мы должны привести изъ этихъ писемъ еще нѣсколько отрывковъ, кажущихся намъ интересными.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя, всѣ друзья увидѣли въ немъ меланхолика, между тѣмъ, какъ прежде, этого не думалъ о немъ никто. Мы уже привели изъ «Авторской Исповѣди», свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что всегда, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ былъ человѣкомъ грустнаго характера. Но быть можетъ воспоминаніе обманывало его? Неужели въ самомъ дѣлѣ только судорожною шутливостью его обманывались друзья, принимавшіе его нѣкогда за человѣка съ веселымъ характеромъ? Да, они обманывались. На 18 году, онъ уже былъ задумчивъ и печаленъ; ему уже нужно было увѣрять своихъ родныхъ, что онъ вовсе на такъ печаленъ, какъ кажется; но—среди этихъ увѣреній о веселости своего характера,

онъ самъ выдаетъ себя, замѣчая, что часто думаетъ о томъ, какъ быть веселымъ. Плоха веселость этого юноши, который видитъ уже надобность придумывать, какъ бы ему стать веселымъ.

1827 г. февраля 26.

«... Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ». (Томъ V, стр. 47).

Не надобно дивиться тому, что слишкомъ много было ошибочныхъ сужденій о характерѣ Гоголя—этотъ характеръ былъ такъ многосложенъ, что еще въ ранней молодости уже казался загадочнымъ. По выходѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ писалъ матери:

1828 г. марта 1.

«Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя 6 лѣтъ даромъ; скажу только что нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявили сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія. Если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и старанія имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думами, что я мало обижался, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, началомъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ — болтливъ и докуч-

ливъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня не называйте мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія. Вы увидите что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій». (Томъ V, стр. 70—71).

Многосложенъ былъ характеръ Гоголя. Напримѣръ, неоспоримо то, что въ немъ сильно развилась уклончивость, столь неизбѣжно поселяемая почти въ каждомъ изъ насъ обстановкой нашей жизни; но въ тоже самое время, онъ часто дѣйствовалъ съ прямотою, рѣдкою въ нашемъ обществѣ; изъ множества примѣровъ этого, приведемъ только одинъ. У многихъ ли достало бы прямодушія такъ откровенно объясняться съ друзьями, которые имѣли причину быть недовольными.

1847 г. 28 августа.

«Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳѣевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, — тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ, Константинъ Сергѣевичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, то есть, люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ; какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя въ великодушныхъ мечтахъ своихъ и любезный сынъ вашъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не пойметъ». (Томъ VI, стр. 418—419).

Гоголь предался направленію, которое обыкновенно дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ бѣдности другихъ Но именно въ то время, какъ предался ему, отъ сдѣлался человѣкомъ болѣе заботливымъ и сострадательнымъ, нежели когда нибудь. Не говоримъ ни о его пожертвованіи своимъ наслѣдствомъ, ни о его намѣреніи положить въ банкъ сумму для поддержанія талантливыхъ молодыхъ людей,— эти факты знакомы каждому; приведемъ два случая, изъ менѣе извѣстныхъ. Въ 1847 году, въ эпоху «Переписки съ друзьями», онъ пишетъ одному изъ московскихъ литераторовъ, который былъ его казначеемъ.

1847 г., сентября 2.

«Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили на литературное поприще. Въ ихъ положеніе хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бываютъ весьма часто изъ-за дневнаго пропитанія брать работы не по силамъ, и не по здоровью. Цѣна пять рублей серебромъ за печатный листъ, просто, безчеловѣчная. Сколько ночей онъ долженъ просидѣть, чтобъ выработать себѣ нужныя деньги. Особенно, если онъ при этомъ сколько нибудь совѣстливъ и думаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣніе и безъ того болѣзненно, разстроено нервами и всякими недугами. Придумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто бы не хотѣли сдѣлать это гласно, словомъ—какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добрая душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклоня всякую догадку и подозрѣніе о нашемъ съ тобою тепломъ личномъ участіи въ этихъ дѣлахъ». (Томъ VI, стр. 424).

Вотъ одно изъ его писемъ 1849 года:

1849 г. мая 12.

„Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ нашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолятся обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душею. Много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя. На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ...“ (Томъ VI стр. 585).

Эти факты не нуждаются въ коментаріяхъ. Тотъ, кто, сдѣлавшись аскетомъ, продолжаетъ быть человѣкомъ сострадательнымъ, никогда не только небылъ, но и не могъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Сомнѣвались въ его искренности и намѣреніяхъ, ради странности его заблужденій (возвращаемся въ послѣдній разъ къ этому предмету),—но возможно ли это сомнѣніе послѣ такихъ писемъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

1847 г. 25 мая.

«Статья Павлова говоритъ въ пользу Павлова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезмѣрно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что онъ пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь) сбила, однако же, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго*. Хороше же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ, и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *трехъ послѣднихъ повѣстяхъ*. Пожалуйста, этого явленія не пропусти изъ виду, когда возчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги». (Томъ VI, стр. 401).

Читатель помнитъ превосходныя письма г. Павлова; онъ знаетъ, возможно ли человѣку, хотя сколько нибудь понимающему точку зрѣнія, съ которой разбираетъ «Переписку» критикъ, полагать, что «Переписка» можетъ принести какое нибудь назиданіе г. Павлову? Развѣ не очевидно, что она кажется ему и не можетъ не казаться наборомъ пустыхъ общихъ мѣстъ, лживость которыхъ равняется только ихъ напыщенности? Каждому, сколько нибудь понимающему образъ мыслей критика, очевидно это,—Гоголю это не приходитъ и въ голову, напротивъ, ему воображается, будто «Переписка», которая въ критикѣ вызвала только скорбь о заблужденіяхъ автора, чему-то очень многому, и очень полезному научила этого критика! Наивность этой мечты поразительна; то, что Гоголю могла прійти въ голову, подобная мысль, уже одно можетъ совершенно доказать, что заблужденія Гоголя никакъ не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ дѣтскими уроками. Онъ, какъ видимъ, совершенно не понималъ, что могутъ быть для убѣжденій иныя основанія, кромѣ тѣхъ, которыя были вложены въ него уроками дѣтства.

Часто говорятъ: Гоголь погибъ для искусства, предавшись направленію «Переписки съ друзьями». Если это понимать въ томъ

смыслѣ, что новые умственные и нравственные интересы, выраженные «Перепискою», отвлекали его дѣятельность отъ сочиненія драмъ, повѣстей и т. п., въ этомъ мнѣніи есть часть истины: дѣйствительно, при новыхъ заботахъ у него осталось менѣе времени и силы заниматься художественною дѣятельностью; кромѣ того, и органическое изнеможеніе ускорялось новымъ направленіемъ. Но когда предположеніемъ о несовмѣстности его новаго образа мыслей съ служеніемъ искусству хотятъ сказать, что онъ въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ измѣнилъ бы своей прежней сатирической идеѣ, то совершенно ошибаются. Хотя въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» встрѣчаются попытки на созданіе идеальныхъ лицъ, но общее направленіе этого тома очевидно таково же, какъ и направленіе перваго тома, какъ мы уже имѣли случай замѣтить при появленіи 2-го тома, два года тому назадъ. Кромѣ того, надо вспомнить, что когда явился первый томъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь уже гораздо болѣе года, быть можетъ, года два, былъ преданъ аскетическому направленію—это обнаруживается письмами,—однакожь, оно не помѣшало ему познакомить свѣтъ съ Чичиковымъ и его свитою.

Если этихъ доказательствъ мало, вотъ прямое свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что онъ въ эпоху «Переписки» не видѣлъ возможности измѣнять въ художественныхъ произведеніяхъ своему прежнему направленію. Странныя требованія и ожиданія относительно присылки ему замѣчаній на «Переписку съ друзьями», убѣждаютъ, что эти строки писаны во время самого преувеличеннаго увлеченія ошибочными мечтами «Переписки» и «Завѣщанія»,—и тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ слова Гоголя о невозможности изобразить въ художественномъ произведеніи жизнь съ примирительной точки зрѣнія.

1847 г. 27 апрѣля.

«Появленіе моей книги, не смотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойства пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у меня

долго еще будетъ все не въ-попадъ, хотя бы и возрасла способность творить. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возьметъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ поръ только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ». (Томъ VI, стр. 375—6).

Мы кончили наши извлеченія изъ «Писемъ» Гоголя,—уже слишкомъ много приведено нами выписокъ, большею частію утомительныхъ своею монотонностью и тяжелою странностью мыслей, но показавшихся намъ не лишенными важности для того, чтобы хотя нѣсколько разъяснить вопросъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ. Чтеніе писемъ его съ 1840 года чрезвычайно утомительно и очень непріятно; но мнѣніе, внушаемое ими о Гоголѣ, выгодно, на сколько можетъ быть выгодно мнѣніе о человѣкѣ, вдавшемся въ заблужденія, пагубныя для него самого, грустныя для всѣхъ поклонниковъ его великаго таланта и ума. Мы уже сказали, что свѣдѣнія, до сихъ поръ обнародованныя, слишкомъ еще не полны и вовсе недостаточны для того, чтобы составить о характерѣ и развитіи Гоголя, какъ человѣка, точное понятіе безъ опасности ошибиться. Но насколько мы можемъ судить о Гоголѣ по этимъ недостаточнымъ матеріаламъ, мы думаемъ, что наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе будетъ слѣдующее.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній, дошедшихъ до этого общества по преданію старины и не мало неприлагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ сверстниковъ не получилъ никакого содѣйствія и побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потомъ, проведя свою молодость къ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить

отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической натуры обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, непринадлежавшими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этотъ кружкѣ репутаціею замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время, Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣніе петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли бы имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе: Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго созерцанія жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ большая часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внушенію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ

круга ихъ понятій и чувствъ—они смотрѣли на него довольно индифферентно, не ободряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя «Ревизоромъ» и, быть можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни, посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за границу, начался для молодаго человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность.

Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности. Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственныя вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ, и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій, къ утвержденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ существовать иныя основанія для убѣжденій, могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ.

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ «Переписки съ друзьями», передъ друзьями гораздо ранѣе, до изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ».

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ жилъ теперь Гоголь. Теоретическія основанія были однѣ и тѣ же у нихъ, но результаты, произведенные этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей—учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что оставалось спокойнымъ, ничему не мѣшающимъ, и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все

одолѣвающимъ, неудобнымъ для житейской и литературной дѣятельности, и невыносимымъ для организма. Въ этомъ отношеніи, всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость—вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ, теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, ни мало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя было не то. Многосложенъ его характеръ и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ средины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ, а если нѣтъ ни того, ни другаго—тяжелая тоска.

Такимъ людямъ не всегда опасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступятъ, и не побоятся ни разрыва прежнихъ отношеній, ни потери общественнаго положенія. Тоже бываетъ и въ отношеніи идей.—Человѣкъ «разумной середины» можетъ держаться какихъ угодно теорій, и все-таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по которому безопасно шли эти друзья,—что онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все-таки, что же за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но чего теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что «Переписка съ друзьями» замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или «Переписка» эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акакій Акакіевичъ, ко-

торому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется, что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ «Шинели» и «Ревизора», неспособенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но—кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 года заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Гоголь 1835 года; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія:

„Спасите меня: возьмите меня!... Домъ ли то мой синѣетъ вдали, мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ измучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!“

— То, что у Алжирскаго Дея подъ самымъ носомъ шишка, вы, вѣроятно, знаете; но, быть можетъ, вы еще не читали окончанія «Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ?» Оно помѣщено въ новомъ изданіи. Прочтемъ же эти страницы: согласитесь, не годится кончать грустью воспоминанія о Гоголѣ.

„Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ! „Грубіянъ!“—закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь уже тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ—дантистъ эдакой... Вотъ его раба Божія въ телѣжку, да съ фельдъ-егеремъ. „Ну,—Копейкинъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ, „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; „хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужь какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого не извѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте,

господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копейка, забубенъ вездѣ такой—хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать устремлено на одно только казенное. Если пріѣзжающій по какой-нибудь своей надобности, спросятъ только, за чѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, словомъ—все, что носитъ, такъ сказать, имя казны,—спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужь тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „Подавай, братъ, казенные оброки и подати!“ Ну, мужикъ видитъ — такой безногій чортъ. на воротникѣ-то у него, понимаете жаръ-птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой... „На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только!“ Думаетъ: „Ужь вѣрно, какой нибудь капитанъ—исправникъ, а, можетъ, еще и хуже“. Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги, точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и принялъ вотъ такой-то капитанъ Копейкинъ, еще даже и печать свою приложитъ. Словомъ, судырь мой, грабитъ да и полно. Посылали было нѣсколько ротъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе... Но, наконецъ, можетъ быть, испугавшись самъ, видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него собрался капиталецъ порядочный, онъ, судырь мой, за границу, и за границу-то, сударь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дьячекъ въ сравненіи съ нимъ: „Не подумай, Государь“, говоритъ, „чтобы я того и того... (круглоту періодовъ запустилъ такую)... Необходимость, говоритъ, была причиною моего поступка. Проливая кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй, говоритъ, моихъ сотоварищей, потому что онѣ невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, примѣромъ, за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...“ Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно, его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ, смертнаго наказанія, но видя, такъ сказать, какъ можетъ невинно иногда произойти подобное упущеніе... Да и

невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было возможно вдругъ устроить. Одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, судырь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе, повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть раненыхъ. И вотъ, судырь мой, это была такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ, вотъ кто, судырь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ нибудь попробовать—не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе...“

Да, какъ бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человѣкъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что-бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человѣка жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА. Владиміра Даля. 2 т. Спб. 1861.

Послѣ шума, котораго надѣлалъ г. Даль свою несчастною фантазіею о томъ, что грамота бываетъ гибельна для народной нравственности,—послѣ справедливыхъ уреканій и пристыженій, какія сыпались на него тогда со всѣхъ сторонъ—а въ особенности послѣ его неудачныхъ попытокъ защититься, окончательно испортившихъ его дѣло,—послѣ всей этой неблаговидной исторіи, имъ сочиненной, трудно рѣшиться сказать что нибудь въ похвалу чему нибудь, написанному г. Далемъ. Вы ждете, что за этимъ послѣдуетъ «но» или «однакоже»,—не ждите, иначе ошибетесь; мы и не хотимъ ничего сказать въ похвалу г. Далю.

Странный человѣкъ г. Даль! Всѣ утверждаютъ, что онъ необыкновенно много знаетъ о бытѣ, нравахъ, способѣ разсужденій и образѣ выраженій русскаго народа. О чрезвычайномъ знакомствѣ его съ народностью разсказываютъ удивительныя вещи; говорятъ, напримѣръ, будто бы онъ такъ превосходно знаетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій и поднарѣчій, что по выговору каждаго встрѣчнаго простолюдина отгадываетъ не только губернію, не только уѣздъ, но даже мѣстность уѣзда, откуда этотъ человѣкъ. Мы готовы вѣрить тому, хотя оно—и невозможная вещь. Но достовѣрно то, что г. Даль знаетъ десятки тысячъ анекдотовъ изъ простонародной жизни, собралъ чуть ли не до 50,000 русскихъ пословицъ и чуть ли не полмилліона словъ и оборотовъ простонародной рѣчи. А между тѣмъ,—вѣдь не повѣришь этому, если незнакомъ съ его сочиненіями,—ровно никакой пользы ни ему, ни его читателю не приноситъ все его знаніе. По правдѣ говоря, изъ его разсказовъ ни на волосъ не узнаешь ни-

чего о русскомъ народѣ, да и въ самихъ-то разсказахъ не найдешь ни капли народности. Въ одной страничкѣ очерковъ Успенскаго или разсказовъ изъ простонародной жизни Щедрина и народности собрано больше, и о народѣ сказано больше, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ г. Даля. Онъ знаетъ народную жизнь, какъ опытный петербургскій извощикъ знаетъ Петербургъ. «Гдѣ Усачовъ переулокъ? Гдѣ Орловскій переулокъ? Гдѣ Клавикордная улица?» Никто изъ насъ этого не знаетъ, а извощику все это извѣстно, какъ свои пять пальцевъ. Ну, а попробуй человѣкъ, не знающій Петербурга, узнать что нибудь о Петербургѣ отъ этого извощика,—ничего не узнаетъ, или узнаетъ такую дичь, что и знающій человѣкъ не распутаетъ потомъ.

У г. Даля нѣтъ и никогда не было никакого опредѣленнаго смысла въ понятіяхъ о народѣ,—или, лучше сказать, не въ понятіяхъ (потому что, какое же понятіе безъ всякаго смысла),—а въ грудѣ мелочей, какія запомнились ему изъ народной жизни. Когда-то г. Даль писалъ сказки, а можетъ быть, кромѣ сказокъ, и еще какіе-нибудь разсказы,—для простаго ли народа или для публики, не знаемъ хорошенько,—только знаемъ, что писалъ онъ когда-то и что-то простонародною рѣчью. Простонародная рѣчь эта выходила такая пересоленая, перехищренная, что отъ настоящей простонародной рѣчи была дальше, чѣмъ переводъ Риттерова землевѣдѣнія, дѣлаемый г. Семеновымъ съ сохраненіемъ всего смѣшенія языковъ, какое есть въ подлинникѣ у Риттера. Послѣ того, а можетъ быть и раньше того, а можетъ быть и вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Даль писалъ длинныя повѣсти изъ простонароднаго быта обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ. Повѣсти эти совершенно не достигали своей цѣли. Положимъ, тутъ еще можно было придумать другое объясненіе, кромѣ того, что г. Даль не понимаетъ народнаго быта. Можно было сказать: повѣсти эти написаны съ претензіею на художественность, а художественнаго таланта у г. Даля нѣтъ, потому изъ повѣстей ничего и не выходитъ. Но вотъ г. Даль собралъ теперь цѣлую сотню коротенькихъ разсказовъ. Тутъ дѣло проще, особеннаго литературнаго таланта можетъ и не понадобиться, чтобы разсказать какое нибудь происшествіе въ нѣсколькихъ словахъ. Вѣдь въ каждомъ нумерѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Сѣверной Пчелы» описывается по нѣскольку происшествій разными корреспондентами и обличителями, и на литературный талантъ никто изъ нихъ не пре-

тендуетъ, а разсказы ихъ часто бываютъ любопытны, и въ разсказываемомъ часто бываетъ смыслъ. Посмотримъ, что сообщаетъ намъ г. Даль въ коротенькихъ разсказахъ, въ которыхъ такъ удобно было бы передать все, что угодно было автору передать.

Беремъ, напримѣръ, разсказъ № 1-й. «Повѣрка». Въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, члены и секретарь брали деньги изъ казеннаго сундука на свои коммерческіе обороты или на отдачу въ проценты, и часто имъ случалось выкладывать въ ящикъ ко дню повѣрки суммъ деньги, занятыя лишь на этотъ день у купцовъ, бывшихъ засѣдателями въ томъ же присутственномъ мѣстѣ. Губернаторъ прослышалъ объ этомъ, пріѣхалъ ревизовать, запечаталъ казенный сундукъ и велѣлъ отнести его на храненіе на гауптвахту. Купцы, помогавшіе плутовству, остались въ дуракахъ.—Ну, что же изъ этого? Да ничего. Видно, что губернаторъ перехитрилъ своихъ подчиненныхъ.

Вотъ разсказъ № 2-й. «Бѣглянка». Въ какой-то турецкой деревнѣ встрѣтилъ г. Даль русскую избу, а въ избѣ русскую женщину. Какъ ты попала сюда?—спрашиваетъ онъ женщину. Она отвѣчаетъ: мой мужъ былъ мужикъ зажиточный; какой-то плутъ подговорилъ его бѣжать въ Турцію, на дорогѣ зарѣзалъ, овладѣлъ его деньгами, а меня заставилъ жить съ собою вотъ здѣсь.—Ну, что же изъ этого? Ничего. Видно, что плуты бываютъ иногда очень плутоваты, а мужики поддаются ихъ плутнямъ.

Идемъ далѣе по порядку. Разсказъ № 3-й. «Воръ». Богатый мужикъ, боясь воровъ, ходилъ по ночамъ осматривать клѣти и разъ дѣйствительно, наткнулся на вора. Воръ принялъ его за человѣка также пришедшаго воровать. Они вошли въ клѣть вмѣстѣ, и пока хозяинъ искалъ топора, чтобы пришибить вора, воръ бросился на печеный хлѣбъ, лежавшій въ клѣти,—онъ пошелъ воровать съ голоду и не хотѣлъ ничего взять кромѣ хлѣба. Хозяинъ сжалился и кромѣ печенаго хлѣба подарилъ ему мѣшокъ муки.—Изъ этого разсказа выходитъ, что «воръ-вору рознь и что нельзя безъ суда присуждать всякаго вора на осину».

№ 4-й. «Сухая бѣда». Одинъ чувашинъ побилъ другаго, тотъ пожаловался; обидчика взяли въ полицію и наказали, да вышло такъ, что наказали, вмѣсто одного раза, три раза. Онъ ожесточился на человѣка, подвергнувшаго его этому наказанію и, чтобы отмстить ему по чувашскому обычаю, повѣсился у него на воро-

тахъ. «Такой висѣльникъ извѣстенъ у насъ въ народѣ подъ названіемъ *сухой бѣды*; и, говорятъ, понынѣ еще чуваши, въ злобѣ своей грозятъ иногда другъ другу тѣмъ, что сулятъ на дворъ сухую бѣду, то есть обѣщаютъ одинъ у другаго на дворѣ удавиться».

№ 5-й. «Находка». Козакъ возвращался изъ французскаго похода домой съ добычею: до 30 тыс. р. золотомъ было зашито у него въ сѣдельной подушкѣ. На дорогѣ износились у козака сапоги, а мелочь, бывшая въ карманахъ, уже израсходовалась. Распарывать подушку козаку не хотѣлось, да и привыкъ онъ въ походѣ даромъ брать все, что попадется. Нагналъ онъ въ одинокомъ мѣстѣ мужика, пригрозилъ ему саблей и велѣлъ снимать сапоги; мужикъ снялъ; козакъ слѣзъ съ лошади и сталъ ихъ напяливать. А мужикъ тѣмъ временемъ вскочилъ на лошадь, да и ускакалъ. Козакъ остался безъ денегъ, а мужикъ, ощупавъ золото въ подушкѣ, разбогатѣлъ.

Не довольно ли этого? А то, пожалуй, развернемъ и 2-й томъ, на какомъ случится мѣстѣ, и посмотримъ. Книга развернулась на разсказѣ № 78, «Нога». Карасубазарскій драгунскій полкъ вошелъ въ село Сивый Кутъ. На базарной площади стояла толпа народа и смотрѣла въ землю. Дѣло въ томъ, что на площади рыли колодезь; во время работы земля обвалилась, выломивъ и нѣсколько плохихъ бревенъ сруба, и однимъ изъ этихъ бревенъ прижало работнику ногу такъ, что не было возможности высвободить ее. Полковой докторъ и костоправъ были люди отважные: спустились въ колодезь, произвели тамъ ампутацію; работника вытащили; онъ скоро выздоровѣлъ и теперь на деревянной ногѣ честно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ пилой.

То былъ № 78-й а вотъ № 88, «Подкидышъ». Жена бѣднаго чиновника родила двойни. Потолковала, потолковала она съ мужемъ и рѣшила подкинуть ихъ. Мужъ взялъ сначала одного изъ новорожденныхъ и пошелъ подкидывать къ откупщику. А къ откупщику передъ самымъ этимъ часомъ былъ ужъ подкинутъ другой ребенокъ, и въ домѣ держали ухо востро. Чиновника подстерегли, обыскали, нашли что онъ принесъ подкидывать ребенка и заставили въ прибавокъ къ этому ребенку взять еще и другаго, подкинутаго раньше кѣмъ-то. Такимъ образомъ, бѣдной чиновницѣ вмѣсто двухъ—пришлось кормить троихъ новорожденныхъ. Но на принесенномъ чужомъ ребенкѣ оказалась записочка съ приложеніемъ ста рублей, а начальникъ, услы-

шавъ о такомъ случаѣ, далъ чиновнику мѣсто, на которомъ жалованье было больше прежняго.

Кажется, довольно: семь разсказовъ взяли мы на пробу, во всѣхъ оказалось одно и то же: г. Даль слышалъ анекдотъ, который показался ему интересенъ, взялъ, да и пересказалъ его. Если въ анекдотѣ не было никакого смысла, г. Даль не нашелъ нужнымъ вложить въ него смыслъ; а если анекдотъ имѣлъ какой нибудь смыслъ, то утратилъ его въ пересказываніи г. Даля.

Какъ пофилософствуешь иной разъ,—и пожалѣешь, случается, зачѣмъ это такъ странно разъединены бываютъ по нѣсколькимъ головамъ качества, которымъ хорошо было бы соединяться въ одной головѣ. Напримѣръ, одинъ знаетъ многое, но сообразить ничего не можетъ; другой соображать мастеръ, но ничего не знаетъ. Но это сожалѣніе—вздорная мечта, отвергаемая глубокомысленною наукою. По глубокомысленной наукѣ этому такъ и должно быть; это называется раздѣленіемъ труда. Одинъ пашетъ землю подъ пшеницу, но не ѣстъ пшеницы; другой ничего не дѣлаетъ, за то кушаетъ бѣлый хлѣбъ; и наука доказываетъ, что при этомъ оба дѣла идутъ гораздо успѣшнѣе: одинъ, который не ѣстъ пшеницы, наготовитъ ея для другихъ больше, чѣмъ когда бы и самъ тоже ѣлъ ее; другой который ничего не дѣлаетъ, съѣстъ на гораздо большую сумму, чѣмъ когда бы самъ работалъ. Такъ и тутъ. Г. Вл. Ламанскій, напримѣръ, ровно ничего не знаетъ о русскомъ народѣ, за то разсуждаетъ о немъ; г. Даль очень много знаетъ о русскомъ народѣ, за то разсудить ничего не умѣетъ; и отъ этого у обоихъ гораздо больше успѣха, у каждаго въ его дѣлѣ. Если бы г. Даль искалъ смысла въ своихъ знаніяхъ, онъ не наслушался бы столькихъ анекдотовъ и не запомнилъ бы столько поговорокъ; а г. Ламанскій, если бы зналъ русскій народъ, въ десять разъ меньше сталъ бы разсуждать о немъ,—и почему знать? быть можетъ, даже меньше бранилъ бы нѣмцевъ на своихъ лекціяхъ въ Пассажѣ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА. А. Ѳ. Писемскаго.

Спб. 1856.

Давно извѣстно, что написать хорошее произведеніе можно только тогда, когда пишешь о предметѣ, хорошо извѣстномъ. При отсутствіи же знакомства съ дѣломъ, не спасетъ ни талантъ, ни умъ: произведеніе будетъ имѣть развѣ реторическую красоту, но не будетъ имѣть ни поэтическаго достоинства, если вы поэтъ или беллетристъ, ни ученой цѣны, если вы хотѣли написать что нибудь въ ученомъ родѣ. За примѣрами ходить не далеко. Напримѣръ, г. Писемскій пишетъ прекрасные разсказы изъ простонароднаго русскаго быта—это потому, что онъ хорошо знаетъ простонародный русскій бытъ. А если бы тотъ же г. Писемскій вздумалъ написать повѣсть изъ быта готтентотовъ или бразильцевъ, повѣсть, при всемъ его талантѣ, была бы дурна, потому что бытъ готтентотовъ или бразильцевъ извѣстенъ ему только по чужимъ слухамъ, которые не могутъ замѣнить собственнаго знанія. Впрочемъ, какъ человѣкъ очень умный, г. Писемскій никогда и не вздумаетъ писать разсказы изъ бразильской жизни, въ этомъ, конечно, можно быть увѣрену.

Когда видишь какой нибудь прекрасный примѣръ, невольно думаешь: почему не всѣ подражаютъ ему? Почему, напримѣръ, всѣ не пишутъ только о томъ, что знаютъ? Особенно навязчиво приходитъ на умъ такой вопросъ, когда видишь, что именно прекрасный примѣръ подаетъ кому нибудь случай поступать вовсе не по тому правилу, благодаря которому возникъ этотъ прекрасный примѣръ. Хотя бы вотъ именно «Очерки изъ крестьянскаго быта», написанные съ большимъ знаніемъ дѣла, подаютъ случай къ сочи-

ненію статай, написанныхъ вовсе безъ знанія того дѣла, котораго касаются. Напримѣръ, что хорошаго было бы, если бы вы, читатель, никогда не изучавшій плотничнаго дѣла, вздумали написать по поводу «Плотничьей артели» разсужденіе о плотничномъ дѣлѣ?

О плотничномъ дѣлѣ конечно никому не придетъ въ голову писать, не зная его: предметъ не заманчивый, не блистательный. Но есть предметы болѣе заманчивые—и объ нихъ-то безъ всякаго знанія написаны цѣлыя статьи по поводу книги г. Писемскаго.

Есть на свѣтѣ наука, называемая эстетикою. Хорошія книги по этой наукѣ написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Ни на французскомъ, ни на англійскомъ языкахъ хорошихъ трактатовъ объ этой наукѣ нѣтъ. Предположимъ теперь, что вы не пріобрѣли привычки читать нѣмецкія книги—преступнаго тутъ ничего нѣтъ, но согласитесь сами, что если бы вы захотѣли слѣдовать прекрасному примѣру г. Писемскаго, пишущаго только о томъ, что онъ хорошо знаетъ, вы не стали бы писать объ эстетикѣ, которой не можете знать хорошо, не читавъ нѣмецкихъ трактатовъ объ этой наукѣ.

Предположимъ теперь, что наперекоръ прекрасному правилу, соблюдаемому г. Писемскимъ, вы вздумали именно по поводу его книги разсуждать объ эстетикѣ, съ которой мало знакомы,—что было бы тутъ хорошаго?

Сдѣлаемъ еще другое предположеніе. Чтобы опредѣлить значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы, надобно хорошо знать исторію русской литературы. Предположимъ, что вы ея не совсѣмъ знаете, а между тѣмъ вздумали опредѣлять значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы—опять, вы нарушили бы прекрасное правило, о которомъ говорено выше, и не сдѣлали бы ничего хорошаго.

Не только для васъ, но и для г. Писемскаго, книгою котораго вы пользуетесь для развитія вашихъ соображеній объ эстетикѣ и русской литературѣ, нарушеніе вами прекраснаго правила, упомянутаго выше, имѣло бы неблагопріятныя слѣдствія. Его повѣстями вы оправдываете ваши ошибочныя понятія о вопросахъ искусства —какое заключеніе можетъ иной читатель вывести изъ гармоніи, находимой вами между вашими понятіями и повѣстями г. Писемскаго? «Фактъ, оправдываемый ошибочною теоріею или оправдывающій ее, самъ ошибоченъ». Вы назначаете г. Писемскому въ развитіи литературы мѣсто, которое до него уже занято было дру-

гими—какое заключеніе можетъ вывести изъ этого иной читатель? То, что г. Писемскій вовсе не занимаетъ никакого мѣста въ развитіи нашей литературы. И вотъ, по прочтеніи вашей статьи, у многихъ читателей родятся мысли, неблагопріятныя для произведеній г. Писемскаго.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, вы еще не захотѣли признаться, что эстетика и исторія русской литературы не совсѣмъ хорошо знакомы вамъ. Именно поэтому вы не замѣчаете, что каждое ваше слово о нихъ заключаетъ въ себѣ ошибку. Надобно доказать вамъ это. Мы уже предположили, что вами написана, по поводу книги г. Писемскаго, статья, касающаяся эстетическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ. Просмотримъ эту предполагаемую статью.

Статья говоритъ, напримѣръ, будто въ сороковыхъ годахъ русская критика проповѣдывала, что искусство должно имѣть дидактическую цѣль. Статья ошибается. Критика положительно говорила, что сочиненіе, написанное съ дидактическою цѣлью, никакъ не можетъ назваться произведеніемъ поэзіи. Она всѣми силами гнала изъ искусства дидактику.

Статья говоритъ, далѣе, что критика сороковыхъ годовъ учила художниковъ преднамѣренно чернить дѣйствительность. Статья ошибается. Критика сороковыхъ годовъ положительно говорила: 1) что преднамѣренность губитъ поэзію; 2) что не должно ни чернить, ни бѣлить дѣйствительность, а надобно стараться изображать ее въ истинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой клеветы *).

---

*) Авторъ предлагаемой статьи, вѣроятно, удивится, если мы укажемъ ему, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ статьи Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова:

«Какая цѣль поэзіи? — вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль. Какъ красота, такъ и поэзія, выразительница и жрица красоты, — сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ—это уже не цѣль ея, а дѣйствіе, это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта» и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій внушать поэтамъ какія нибудь дидактическія цѣли.

«Для поэта (продолжаетъ онъ) всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ (въ объясненіе этихъ словъ, безъ сомнѣнія темныхъ человѣку, не

Статья рѣшительно не такъ понимаетъ критику, противъ которой вооружается.

Далѣе, предположимъ, что статья говоритъ, будто критика сороковыхъ годовъ не хотѣла печатать стихотвореній въ тѣхъ журналахъ, которые подчинялись ей, и что едва голосъ этой критики замолкъ, какъ стихотворенія снова появились въ журналахъ. Статья ошибается. Дѣло было какъ разъ наоборотъ: стихи печатались въ журналахъ въ теченіи всего того времени, когда, по мнѣнію статьи, журналы не печатали ихъ; стихи перестали печататься въ журналахъ именно тогда, когда по мнѣнію статьи начали ихъ печатать,— именно въ 1848 году. Пусть авторъ предполагаемой статьи справится въ тогдашними журналами.

До «Питерщика», говоритъ предполагаемая статья, простонародныя лица, выводимыя нашими беллетристами, были однообразны; всѣ они были безсильны передъ житейской случайностью. Статья ошибается. До «Питерщика» было уже выведено множество самыхъ разнообразныхъ типовъ изъ простонародья, между прочимъ, множество мужиковъ, бойкихъ, изворотливыхъ, энергическихъ. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ разсказы изъ простонароднаго быта, написанные гг. Тургеневымъ и Григоровичемъ до 1850 года. Напримѣръ «Записки охотника» начинаются портретомъ Хоря и его

привыкшему къ терминологіи той науки, о которой судитъ и рядитъ, замѣтимъ для автора статьи, что выраженіе «предметъ, существующій самъ по себѣ» на языкѣ науки означаетъ: предметъ, существованіе котораго не имѣетъ какой-либо внѣшней цѣли, который существуетъ только для того, чтобы, такъ сказать, наслаждаться своимъ бытіемъ). Онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности» и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій учить поэтовъ тому, чтобъ они чернили изображаемую ими жизнь.

Мысли, нами выписанныя, г. противникъ Бѣлинскаго найдетъ въ XIV томѣ «Отеч. Зап.»—въ отдѣлѣ «Критика»—на какой страницѣ, мы не скажемъ, чтобы онъ, отъискивая выписанныя нами строки, имѣлъ случай просмотрѣть хотя нѣсколько страницъ, написанныхъ тѣмъ человѣкомъ, на котораго онъ нападаетъ, и такимъ образомъ убѣдиться, что до сихъ поръ имѣлъ самое невѣрное понятіе о духѣ критики Бѣлинскаго.

До сихъ поръ вѣдь онъ и не воображалъ, что Бѣлинскій говорилъ: «поэзія есть сама себѣ цѣль и не имѣетъ внѣшней цѣли» и т. д. А Бѣлинскій никогда не говорилъ ничего иного.

дѣтей;—семейство это все состоитъ изъ людей веселыхъ, бойкихъ и здоровыхъ.

Предполагаемая статья говоритъ, что до появленія «Питерщика» число людей, писавшихъ разсказы изъ простонароднаго быта, было очень велико—напротивъ, тогда ихъ было мало; въ послѣдующіе годы число такихъ людей значительно увеличилось.

Такимъ образомъ, предполагаемая статья не помнитъ самыхъ осязательныхъ фактовъ въ исторіи литературы даже послѣднихъ десяти лѣтъ,—фактовъ, извѣстныхъ каждому.

Предполагаемая статья не только не знаетъ той эстетической теоріи, противъ которой возстаетъ, не только спутываетъ историко-литературные факты, о которыхъ очень легко бы навести справки, если ужь измѣняетъ ей память,—она (вѣроятно преднамѣренно) не даетъ себѣ отчетливаго понятія о смыслѣ тѣхъ самыхъ разсказовъ, по поводу которыхъ входитъ въ теоретическія и историко-литературныя сообщенія. А тутъ, казалось бы, даже и справокъ наводить не нужно—стоитъ только заглянуть въ книгу, которая, конечно, лежала на томъ столѣ, на которыхъ писалась статья о ней.

Въ самомъ дѣлѣ, статья воображаетъ, что существенная особенность разсказовъ г. Писемскаго изъ простонароднаго быта—примирительное, отрадное впечатлѣніе, ими производимое. Посмотримъ, каково на самомъ дѣлѣ это впечатлѣніе.

Раскрываемъ «Питерщика». Питерщикъ возвратился изъ Петербурга, кончивъ ремесленное ученіе—мать хочетъ его женить и отправляется къ барину просить невѣсту для парня.

«— У кого же вы думаете взять? спрашиваетъ помѣщикъ.

«— У кого ваше приказанье будетъ, отвѣчаетъ мать» (стр. 9).

Какъ живутъ питерщики (поселяне, промышляющіе ремеслами въ Питерѣ)? На это отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ:

«—Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное?» спрашиваетъ у своего хозяина авторъ.

«—Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужь, кажись, по жалованью лучше кузнечнаго дѣла! послѣдній работникъ получаетъ четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, а который поискуснѣе, такъ и четыреста на серебро хватитъ—а много ли богачей? Ни одного!

Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникѣ въ харчевнѣ и спустилъ» (стр. 16).

Изъ той деревни, о которой ведется рѣчь въ разсказѣ, всѣ мужики живутъ въ Питерѣ. Дома остались только бабы. Бабы и пашутъ (стр. 26) и даже десятскими служатъ (стр. 11 и 26). Каково ведутъ себя ихъ мужья въ Петербургѣ?—если есть у мужика въ Питерѣ деньги, онъ непремѣнно содержитъ любовницу, «вѣстимо, ужь безъ того не бываетъ», говоритъ десятскій Марья (стр. 28). Зато, если кому изъ мужиковъ случилось по какимъ нибудь обстоятельствамъ жить въ деревнѣ, то эта же самая десятскій Марья, имѣющая мужа въ Питерѣ, заводитъ съ нимъ связь (стр. 29). А вѣдь у мужика этого есть жена,—правда и то, что онъ женатъ на ней безъ собственной воли. «За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья, я и не разсмотрѣлъ хорошенько, наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не разсмотрѣлъ (говоритъ онъ самъ). Опомнился отъ ихъ угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ руками. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ, и черезъ недѣлю же послѣ свадьбы махнулъ въ Питеръ» (стр. 34)—тамъ, конечно, обзавелся любовницею.

Какъ вамъ нравится бытъ, обрисованный первою изъ трехъ повѣстей, находящихся въ книгѣ г. Писемскаго? Отрадное и примирительное дѣйствіе производитъ на васъ онъ,—не правда ли?

Сюжетъ повѣсти—разсказъ о томъ, какъ питерщикъ, убѣжавшій въ Питеръ отъ жены, обзавелся въ Питерѣ любовницею, и какъ эта любовница со своею теткою обобрали его кругомъ. Эти женщины, обирающія мужика, «званіе имѣютъ офицерское» (стр. 40). Тетка насильно принуждала къ этому дѣлу свою племянницу, которая отъ того «здоровье потеряла» (стр. 52); бѣдняжка гибнетъ отъ чахотки, а мужикъ, имѣвшій прежде нѣсколько тысячъ капиталу, дошелъ, какъ самъ говоритъ, до того, что, «какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежда—словно рубище, сапоги только одно званіе. Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ» (стр. 54).

По мнѣнію статьи, этотъ разсказъ составляетъ рѣшительную противоположность «мрачнымъ картинамъ дѣйствительности», тѣмъ же качествомъ отличаются и слѣдующія два разсказа, которые так-

же интересно разсмотрѣть по отношенію ихъ къ предполагаемому статьею отрадному ихъ впечатлѣнію.

«Лѣшій», второй разсказъ, вѣроятно, памятенъ читателямъ нашего журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ три года тому назадъ. Они, конечно, помнятъ, что разсказъ ведется отъ лица кокинскаго исправника, который честенъ, какъ Аристидъ, дѣятеленъ, какъ Цезарь, искусенъ въ веденіи дѣлъ, какъ Чичиковъ. У него въ земскомъ судѣ дѣла идутъ живо и исправно. Какимъ же способомъ поддерживается у него такой порядокъ? Онъ самъ говоритъ: «приказную братью эту запру въ судѣ, да и не выпускаю, пока не приведутъ всего въ порядокъ» (стр. 61). Разсказъ идетъ о продѣлкахъ марковскаго управляющаго, отъявленнаго негодяя, который раззоряетъ мужиковъ и барина, за что и наказывается въ концѣ разсказа. Этотъ Егоръ Парменовъ постоянно мошенничаетъ самымъ наглымъ образомъ, дерзость его доходитъ до того, что даже исправнику осмѣливается онъ давать подводы не изъ отличныхъ барскихъ лошадей, а изъ мужицкихъ, которыя едва ноги таскаютъ (62), и даже не считаетъ нужнымъ выходить изъ своей комнаты къ исправнику, такъ что исправникъ принужденъ былъ послать за нимъ (стр. 69) — наглость необычайная, почти безпримѣрная, особенно когда мы подумаемъ, что исправникъ лично находится въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ съ марковскимъ помѣщикомъ и даже получилъ отъ него довѣрительное письмо, по которому можетъ смѣнить Егора Парменова, какъ только захочетъ (стр. 75)—если такъ нагло поступаетъ Егоръ Парменовъ съ человѣкомъ, въ руки котораго отдана его участь, то какъ же онъ долженъ поступать со всѣми другими? Онъ долженъ быть не мошенникомъ, а, просто, разбойникомъ. И, однако же, Аристидъ-исправникъ, при всей своей ловкости и опытности, цѣлые четыре года ведетъ съ нимъ напрасную войну, цѣлые пять лѣтъ не можетъ ни уличить его въ какомъ нибудь преступленіи, чтобы наказать его по закону, ни обнаружить его продѣлки такъ, чтобы убѣдить помѣщика.—«Игралъ я съ нимъ эту игру года четыре», говоритъ самъ исправникъ (стр 76), «пять лѣтъ я не зналъ его главной продѣлки», продолжаетъ онъ (стр. та же 76). И такъ, самому честному и ловкому надсмотрщику нужно было не менѣе пяти лѣтъ, чтобы поймать и уничтожить наглѣйшаго разбойника. Что же должно происходить въ уѣздахъ, не имѣющихъ такихъ рѣдкихъ исправни-

ковъ? Наконецъ, на пятомъ году, Егоръ Парменовъ уличенъ въ томъ, что погубилъ дѣвушку, обманомъ напоивъ ее до безчувствія (стр. 113)—вѣдь это по закону уголовное преступленіе; чѣмъ же онъ поплатился за него? Его смѣняютъ съ должности управителя, и только,—хорошо наказаніе! Да по закону этого молодца слѣдовало бы въ каторжную работу отправить. А исправникъ и авторъ думаютъ, что наказаніе отрѣшеніемъ отъ должности еще слишкомъ тяжело для него: «Два совершенно противоположныя чувствованія овладѣли мною: я и былъ радъ униженію, которымъ наказанъ Егоръ Парменовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка, жаль его было. Иванъ Семенычъ (исправникъ-Аристидъ) тоже былъ мраченъ. Я откровенно высказалъ ему свои мысли.—Я самъ то же чувствую-съ, отвѣчалъ онъ» (стр. 129). По правдѣ говоря, мы сами замѣчаемъ въ себѣ наклонность раздѣлять съ исправникомъ и авторомъ это преступное состраданіе—такъ пріучены мы, что потворство преступнику, оставшемуся почти безнаказаннымъ, кажется намъ чувствомъ естественнымъ. Но это сочувствіе можетъ ли быть выгоднымъ для нравовъ общества?

Почему же Егоръ Парменовъ попалъ въ управители?—потому что, «бывши камердинеромъ господина, вступилъ въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшею нѣкоторое время при господинѣ должность мадамы» (стр. 64).

Марѳуша, дѣвушка, надъ которою совершилъ Егоръ Парменовъ преступленіе, наказанное столь легко, имѣла къ нему любовь, а между тѣмъ, у этого человѣка, растолстѣвшаго до безобразія, была «скверная сальная рожа» (стр. 110)—бѣдняжка прельстилась его казинетовымъ пальто, жилетомъ пике и часами на золотой цѣпочкѣ (стр. 66)—неужели же самому скверному лицомъ человѣку довольно щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, чтобы побѣждать нашихъ поселянокъ?

Дѣвушка похищена изъ дому; возвратившись, она не смѣетъ открыть своего стыда и, по наущенію Егора Парменова, сваливаетъ вину на лѣшаго — «лѣшій, говоритъ, ее къ себѣ таскалъ»—и вся деревня, весь околотокъ вѣритъ ея разсказу (стр. 80)—неужели наши поселяне такъ просты и тупы? Неужели въ цѣломъ приходѣ не нашлось ни одного такого, который догадался бы, что лихой человѣкъ чаще бѣса бываетъ виноватъ въ нашихъ бѣдахъ?

Можно было бы извлечь сотни такихъ замѣчаній изъ этого раз-

сказа г. Писемскаго; не менѣе богатъ подобными матеріалами и третій разсказъ — «Плотничья артель». Пузичъ, хозяинъ артели, самая отвратительная и зловредная гадина — онъ подлъ, безжалостенъ, льстецъ и наглецъ, не имѣющій понятія ни о чемъ, кромѣ мошенничества. Всѣ работники—въ совершенной, безвыходной зависимости отъ этого плута,—онъ ихъ, просто, въ кабалѣ держитъ; онъ искусно пользуется тѣмъ, когда кому изъ поселянъ понадобились деньги для какой нибудь необходимой уплаты—даетъ нѣсколько цѣлковыхъ въ займы, потомъ беретъ должника къ себѣ въ артель зарабатывать долгъ, и платитъ ему за работу сколько самъ хочетъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Сергѣичъ, одинъ изъ трехъ рабочихъ, поставленныхъ Пузичемъ на постройку риги тому помѣщику, отъ имени котораго ведется разсказъ.

«— Сударь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вотъ хоть бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить» (стр 168). Самъ Сергѣичъ также въ кабалѣ у него, занявъ денегъ на уплату за сына двухъ-сотъ рублей мірскихъ денегъ, которыя сынъ прогулялъ, бывши добросовѣстнымъ при волостной конторѣ (стр. 162)—теперь зато и получаетъ вмѣсто одного цѣлковаго—два съ полтиной ассигнаціями. А пора бы отдохнуть Сергѣичу—ему ужь седьмой десятокъ, и глаза слѣпнуть стали. Но онъ долженъ расплачиваться съ міромъ. Петруха, который всѣмъ мастерствомъ въ артели заправляетъ, и безъ котораго Пузичъ бревна положить не съумѣетъ, тоже работаетъ Пузичу за пол-цѣны, взявъ у него триста рублей, когда два года лежалъ больной (стр. 164). Исторія этого Петра и есть настоящій сюжетъ разсказа; но прежде нежели мы обратимся къ ней, замѣтимъ, какъ хорошо молодымъ бабамъ работать, по словамъ Петра. Старосту Семена называетъ онъ волокитою; Семенъ обидѣлся такимъ намекомъ, сдѣланномъ при баринѣ—«ты молчи, клинья борода, говоритъ Петръ;—не серди меня, а то обличу».—«Не въ чемъ, братъ, обличать меня», проговорилъ кротко, но не совсѣмъ искренно Семенъ».—Не въ чемъ? А ну-ка, сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать, проститъ, а она и помни это: получка послѣ будетъ!» (стр. 173).

Начинается исторія Петра. Его заѣла и загубила мачиха — это еще не диво, мачихѣ натурально быть недоброжелательной къ пасынку, но любопытна причина, за которую она взъѣлась на пасынка — она хотѣла слюбиться съ нимъ, а онъ не хотѣлъ обидѣть отца, да и дѣвушка у него была на примѣтѣ (стр. 179). Неужели исторія Федры свойственна нравамъ нашихъ простолюдиновъ?

Хитрая и развратная женщина сначала старается поссорить Петра съ женою, и хотя Петръ женился на дѣвушкѣ, которую любилъ, однако же, по наговорамъ мачихи, каждый день либо бранилъ свою Катюшку, либо давалъ ей зуботычину (стр. 180). Однажды, крѣпко побивши жену, Петръ пожалѣлъ ее, увидѣвъ, что билъ понапрасну и въ утѣшеніе купилъ ей ситцу на сарафанъ — сестры Петра и мачиха за то обозлились на Катюшку (стр. 181), пожаловались отцу Петра и тотъ, отнявъ у снохи подарки (купленные ей мужемъ не на отцовскія, а на заработанныя сыномъ деньги), отдалъ ихъ своей женѣ и дочерямъ (стр. 181). Свекоръ, по наговору дочерей, совсѣмъ заморилъ работою сноху; между прочимъ, въ послѣднее время беременности, заставлялъ ее взваливать бревна на телѣгу. Сынъ сталъ говорить отцу, что ей теперь такой работы дѣлать нельзя. Отецъ за шиворотъ ст щилъ его къ бурмистру, который побилъ его (стр. 184). Даже ѣсть не давала семья Петру съ женою, хотя онъ своею работою всю семью содержалъ. Наконецъ, сантиментальная барыня упросила барина отдѣлить Петра отъ отца; Петръ отошелъ почти нищимъ, вскорѣ занемогъ, два года былъ боленъ и задолжалъ Пузичу, у котораго теперь работаетъ, будто въ кабалѣ. Пришелъ Успеньевъ день. Народъ весь сошелся въ село, въ церковь. Пузичъ сидитъ въ кабакѣ пьяный; отъ нечего дѣлать, колотитъ одного изъ своихъ работниковъ, безотвѣтнаго парня Митюшку. На крикъ Митюшки пришелъ Петръ, сталъ отымать парня у Пузича. Пузичъ накинулся на него, впился зубами ему въ плечо и поплатился жизнью. Какъ Петруха-то оборанивался, да какъ ухватитъ его за-поперегъ, на аршинъ приподнялъ да и хрясь о землю — только и проохнулъ» (стр. 225) — убилъ Петруха подрядчика на мѣстѣ. Петруху связали и препроводили въ судъ, откуда препроводятъ въ Сибирь. Тѣмъ кончается третій и послѣдній очеркъ изъ крестьянскаго быта.

Мы все разсказывали, по возможности, словами автора, и ни въ одномъ мѣстѣ не употребили ни одного выраженія, болѣе рѣзкаго,

нежели какое стоитъ въ книгѣ; напротивъ, въ большей части мѣстъ смягчали выраженія.

Какъ же нравятся вамъ, читатель, нравы и бытъ, которые изобразилъ г. Писемскій? Производятъ ли на васъ эти картины отрадное, веселое впечатлѣніе? Мы говоримъ пока не о томъ, вѣрны ли дѣйствительности, или не вѣрны эти картины, а только о томъ, каковъ оттѣнокъ колорита, въ нихъ господствующаго?

На основаніи этихъ-то самыхъ очерковъ, предполагаемая статья, о которой мы надолго позабыли для просмотра книги, ею разбираемой,—на основаніи этихъ картинъ беззаконія и разврата, преступленій и плутней,—благодушная эта статья рѣшаетъ, что г. Писемскій «нанесъ смертный ударъ повѣствовательной рутинѣ, явно увлекавшей русское искусство къ узкой и во что бы то ни стало мизантропической дѣятельности»; что разсказы г. Писемскаго существенно противоположны прежнимъ разсказамъ «погрязавшимъ въ темной сторонѣ жизни». Между тѣмъ, кажется, должно быть ясно для всякаго, что дѣло вовсе не таково; что никто изъ русскихъ беллетристовъ не изображалъ простонароднаго быта красками болѣе темными, нежели г. Писемскій; что если о комъ нибудь, то именно о немъ надобно сказать, что изъ-подъ пера его выходятъ «мрачныя картины преднамѣренно зачерненной дѣйствительности», что въ немъ мы имѣемъ самого энергическаго дѣятеля «узкой мизантропической тенденціи».

Предполагаемая статья не хочетъ ничего видѣть. Таково ли признаніе писателя? долженъ ли языкъ писателя быть выразителемъ до такой степени ошибочныхъ мыслей, имѣетъ ли онъ право добровольно закрывать глаза и уши на факты, которые такъ и бросаются въ глаза, такъ и гремятъ въ уши? Такое самоослѣпленіе можетъ быть сравнено только съ самоослѣпленіемъ тѣхъ лицепріятныхъ судей, которымъ говоритъ Державинъ:

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать несильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ;
Покрыты мздою очеса...

Отъ ошибокъ, порожденныхъ въ предполагаемой статьѣ сла-

бымъ знакомствомъ съ эстетикою и сильною самоувѣренностью, могъ бы подвергнуться опасности господинъ Писемскій. По незнакомству съ дѣломъ, статья назначаетъ господину Писемскому такое мѣсто въ развитіи русской литературы, котораго онъ не можетъ занимать. Каждому, знакомому съ ходомъ русской беллетристики, извѣстно, что никакихъ перемѣнъ въ ея направленіи г. Писемскій не производилъ, по очень простой причинѣ—такихъ перемѣнъ во всѣ послѣднія десять лѣтъ не было, и литература болѣе или менѣе успѣшно шла однимъ путемъ,—тѣмъ путемъ, который проложилъ Гоголь; да и надобности въ измѣненіи направленія не было, потому что избранное направленіе хорошо и вѣрно. Послѣ этого, иной читатель, какъ мы сказали, можетъ остановиться на отрицательномъ выводѣ: «такого значенія, какое приписываетъ ему статья, г. Писемскій не имѣлъ; его произведенія своимъ направленіемъ не отличаются отъ произведеній, написанныхъ раньше его другими даровитыми писателями; стало быть, въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего особенно новаго или оригинальнаго».

Но такое отрицательное заключеніе было бы столь же ошибочно какъ и разсужденія предполагаемой статьи, приводящей къ нему своими ошибочными понятіями о развитіи русской литературы. Надобно просто сказать, что, приписавъ г. Писемскому роль, которая вовсе не принадлежала ни ему, ни кому другому изъ современныхъ даровитыхъ писателей,—роль спасителя литературы отъ воображаемыхъ предполагаемою статьею опасностей,—опасностей, никогда не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ,—предполагаемая статья не хотѣла понять и опредѣлить его истинной роли въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, сдѣлать это было очень легко: роль г. Писемскаго на столько блистательна, характеръ его произведеній на столько опредѣлителенъ и оригиналенъ, что при малѣйшемъ знаніи предмета бросаются въ глаза черты, которыми его повѣсти и разсказы отличаются отъ произведеній всѣхъ другихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ.

Мы теперь должны говорить только объ «Очеркахъ изъ крестьянскаго быта», а не о всей дѣятельности г. Писемскаго. Но тѣ особенности, которыя замѣчаются въ его «Очеркахъ» при сравненіи этихъ разсказовъ съ другими лучшими разсказами изъ сельскаго быта, находятся также во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ

г. Писемскаго и отличаютъ его отъ всѣхъ тѣхъ беллетристовъ, которые раздѣляютъ съ авторомъ «Тюфяка» вниманіе публики.

Въ своей критической статьѣ о Гоголѣ, г. Писемскій выражалъ мнѣніе, что талантъ Гоголя чуждъ лиризма. Про Гоголя, какъ намъ кажется, этого сказать нельзя, но, кажется намъ, въ талантѣ самого г. Писемскаго отсутствіе лиризма составляетъ самую рѣзкую черту. Онъ рѣдко говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ, надъ порывами чувства у него постоянно преобладаетъ спокойный, такъ называемый эпическій тонъ. Достоинство это, или недостатокъ, вообще мы не беремся рѣшить; но конечно г. Писемскій не думалъ порицать Гоголя за отсутствіе лиризма, и намъ кажется, что у г. Писемскаго отсутствіе лиризма скорѣе составляетъ достоинство, нежели недостатокъ; намъ кажется, что хладнокровный разсказъ его дѣйствуетъ на читателя очень живо и сильно, и потому полагаемъ, что это спокойствіе есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ, обманываясь этимъ спокойствіемъ, говорили, что г. Писемскій равнодушенъ къ своимъ лицамъ, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, что въ его произведеніяхъ нѣтъ любви и т. д.—но это совершенная ошибка. Любить умѣетъ не только тотъ, кто любитъ кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словомъ и дѣломъ, у иного только дѣломъ, и, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ молчаливѣе. Довольно припомнить хотя бы «Очерки изъ крестьянскаго быта», чтобы убѣдиться въ томъ, что у г. Писемскаго спокойствіе не есть равнодушіе. Онъ очевидно имѣетъ сильное расположеніе къ своему питерщику Клементію, который въ самомъ дѣлѣ стоитъ расположенія; онъ очевидно очарованъ сильною и благородною личностью своего Петра и, если бы могъ, стеръ бы съ лица земли, какъ гнусную гадину, Пузича (въ «Плотничьей Артели») или Егора Парменова (въ «Лѣшемъ»)—какое тутъ равнодушіе, помилуйте!—на чьей сторонѣ горячее сочувствіе автора, вы ни разу не усомнитесь, перечитывая всѣ произведенія г. Писемскаго. Но чувство у него выражается не лирическими отступленіями, а смысломъ цѣлаго произведенія. Онъ излагаетъ дѣло съ видимымъ безстрастіемъ докладчика,—но равнодушный тонъ докладчика вовсе не доказываетъ, чтобы онъ не желалъ рѣшенія въ пользу той или другой стороны, напротивъ, весь докладъ такъ составленъ, что рѣшеніе должно

склониться въ пользу той стороны, которая кажется правою докладчику.

Въ «Очеркахъ изъ крестьянскаго быта» г. Писемскій тѣмъ легче сохраняетъ спокойствіе тона, что переселившись въ эту жизнь, не принесъ съ собой раціональной теоріи о томъ, какимъ бы образомъ должна была устроиться жизнь людей въ этой сферѣ. Его воззрѣніе на этотъ бытъ не подготовлено наукою — ему извѣстна только практика, и онъ такъ сроднился съ нею, что его чувство волнуется только уклоненіями отъ того порядка, который считается обыкновеннымъ въ этой сферѣ жизни, а не самымъ порядкомъ. Если курная изба крѣпка и тепла, для него совершенно довольно; онъ не считаетъ нужнымъ безпокоиться изъ-за того, что она курная. Съ извѣстной точки зрѣнія, онъ въ этомъ ближе къ настоящимъ понятіямъ и желаніямъ исправнаго поселянина, нежели другіе писатели, касавшіеся этого быта. Они готовы спорить съ поселяниномъ, доказывать исправному мужику, что лучше жить въ бѣлой избѣ, нежели въ курной, готовы толковать ему о средствахъ, которыми можетъ его бытъ улучшиться на столько, чтобы вмѣсто печи, сбитой изъ глины, могла у него быть изразцовая. Г. Писемскій не таковъ. Онъ соглашается съ Сидоромъ Пантелеевымъ, что лучше того, чѣмъ живетъ сосѣдъ Сидора, Парамонъ Тимоѳеевъ, и жить мужику не приходится,—желать лучшаго было бы только Бога гнѣвить,—и пожалѣетъ о Сидорѣ только тогда, когда у Сидора не хватаетъ хлѣба на годъ,—согласно тому, что и самъ Сидоръ находитъ свое житье плохимъ только въ этомъ крайнемъ случаѣ. Онъ не хлопочетъ о томъ, чтобы существующая система сельскаго хозяйства замѣнилась другою, приносящею болѣе обильныя жатвы; онъ жалѣетъ только о томъ, когда бываетъ неурожай. Онъ не судитъ существующаго.

Поэтому-то инымъ и могло показаться, что въ его «Очеркахъ изъ крестьянской жизни» должно быть болѣе отраднаго, нежели въ разсказахъ подобнаго рода, написанныхъ людьми, болѣе требовательными,—людьми, которые возмущаются не тѣми только случаями нарушенія существующихъ обычаевъ, но и многими изъ самыхъ обычаевъ какъ слишкомъ грубыми и вредными. Но на дѣлѣ выходитъ едва ли не иначе: онъ былъ бы доволенъ, если бы соблюдался обычай; но обычай нарушается, по его словамъ, такъ часто и такимъ вопіющимъ образомъ, что вы, читая со вниманіемъ его

разсказы, получаете о дѣйствительномъ бытѣ понятіе еще менѣе пріятное, нежели читая разсказы, написанные людьми менѣе уступчивыми. Впрочемъ, для человѣка внимательнаго и мыслящаго, почти всегда такъ бываетъ, если только писатель добросовѣстенъ. Одинъ, положимъ, доказываетъ, что взяточничество есть преступленіе, гибель для народа и т. д.; другой говоритъ: «это бы еще ничего—взяточничество—обычай самъ по себѣ извинительный и безобидный, жаль только, что этимъ обычаемъ слишкомъ часто злоупотребляютъ люди безсовѣстные»;—понятія перваго справедливѣе, но слова втораго показываютъ дѣйствительность въ свѣтѣ, гораздо болѣе темномъ. Тутъ возмущаются даже люди, нимало не возстающіе противъ умѣреннаго взяточничества, признаваемаго обычаемъ.

ТРИ ПОРЫ ЖИЗНИ, романъ **Евгеніи Туръ**. Три части. Москва. 1854.

Полезно ли перелистывать старинные плохіе романы? «Безъ всякаго сомнѣнія безполезно—скажутъ въ отвѣтъ многіе—плохихъ романовъ и новыхъ читать не стоитъ; а старинные плохіе романы, конечно, еще хуже ихъ».—Неопытность говоритъ вашими устами—возразимъ мы людямъ, хулящимъ старые плохіе романы, и тѣмъ, которые покушаются перечитывать эти книжки, маленькія, но многочисленныя—да, неопытность и отсталость отъ вѣка. Каждое слово вашего отвѣта ложно. Во первыхъ, предполагая, что новые плохіе романы не такъ плохи, какъ старые, вы отвергаете прогрессъ: прогрессъ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени хорошее дѣлается еше лучше, плохое еще хуже; слѣдовательно, по закону прогресса нынѣшніе плохіе романы должны быть еще хуже старинныхъ. Si non, non: если нѣтъ, прогресса не существуетъ....» «Позвольте васъ остановить—прерветъ насъ на этомъ мѣстѣ защитникъ новѣйшихъ плохихъ романовъ—ваши умозаключенія несовременны и неосновательны, потому что выведены изъ общихъ отвлеченныхъ понятій, я не изъ фактовъ, опираются на синтезѣ, а не на анализѣ». — «Позвольте возразить вамъ—будетъ нашъ отвѣтъ—что наши заключенія основаны на строжайшемъ анализѣ фактовъ, и общія соображенія о прогрессѣ выставлены нами впередъ только потому, что провѣрены надъ фактами. Если бы вы не прервали ваши слова, вы сами увидѣли бы это».—«Позвольте же потребовать доказательствъ».—Извольте же слушать; вотъ факты:

Прочитавъ нѣсколько главъ романа, заглавіе котораго выставлено въ началѣ нашей статьи, мы узнали, что у Александры Нико-

лаевны Огинской было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Катя, была честолюбивая и любила наряжаться, а младшая, Анюта, была добра, мила, скромна, добропохвальна по нѣжности сердца; узнали потомъ, что старшая начала отъискивать себѣ богатаго и знатнаго жениха и отъискала князя Рамирскаго... виноваты, Границкаго, и такъ какъ вышла за него, не принимая въ соображеніе его характера, то и была несчастна. Прочитавъ это, мы задумались: гдѣ-то мы читали что-то подобное, но гдѣ именно? Боже мой, неужели въ «Семействѣ Холмскихъ» —романѣ, доставившемъ въ 1830 годахъ автору такую громкую извѣстность въ публикѣ (несмотря на насмѣшливые отзывы журналовъ), что на послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто фамиліи, выставлялъ славную фирму «сочиненія автора Семейства Холмскихъ», какъ Вальтеръ-Скоттъ на своихъ романахъ выставлялъ титулъ «автора Уэверли», — неужели въ «Семействѣ Холмскихъ» читали мы подобную исторію? Неужели тамъ у вдовы Холмской точно такъ же старшая дочь, Елизавета, одарена тѣмъ же характеромъ и выходитъ замужъ за князя Рамирскаго точно такъ же, и живетъ несовсѣмъ счастливо точно такъ же, какъ въ «Трехъ порахъ жизни»? Считая необходимостью слѣдить за вѣкомъ, мы поставили себѣ за правило наводить при малѣйшемъ поводѣ библіографическія справки и потому тотчасъ же принялись за «Семейство Холмскихъ», и вы, читатель, не можете себѣ представить, какъ интересенъ, живъ, полонъ наблюдательности и блестящихъ слѣдовъ великаго таланта показался намъ этотъ забытый романъ, въ свое время считавшійся очень плохимъ, послѣ новаго романа г-жи Туръ. «Я очень хорошо помню—говорите вы, читатель—что «Семейство Холмскихъ» романъ очень незавиднаго достоинства; у меня даже остались нѣкоторыя воспоминанія о его содержаніи; докажите же мнѣ, во первыхъ, что, начавъ читать его послѣ «Три поры жизни», всякій найдетъ его превосходнымъ, какъ найдетъ очень гармоничнымъ незатѣйливое чиликанье простодушнаго воробья, наслушавшись итальянскихъ романсовъ иной модной дѣвицы. Кромѣ того должны вы показать мнѣ, какую же положительную пользу принесло вамъ перелистываніе «Семейства Холмскихъ». Съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ ваше второе требованіе, недовѣрчивый приверженецъ новыхъ плохихъ романовъ, удовлетворивъ первому, и съ величайшею готовностью (хоть, можетъ быть, и не съ вели-

чайшимъ удовольствіемъ, потому что «скучно припоминать скучное», говоритъ одинъ изъ неизданныхъ афоризмовъ Кузьмы Пруткова) спѣшимъ разсказать вамъ содержаніе новаго романа г-жи Туръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, можетъ быть въ Россіи, но можетъ быть и въ Бразиліи, можетъ быть и въ Японіи, потому что русскихъ нравовъ и русской жизни въ романѣ столько же, сколько и бразильскихъ,—итакъ въ нѣкоторомъ государствѣ жила была молодая вдова Александра Николаевна Огинская (за Огинскою появится князь Границкій, княгиня Воротынская, Зина, Клодина, Тата—чисто бразильское, какъ видите, имя,—Лина, Валентинъ, Змѣевъ, Силкова, Леонъ Армалевъ, и т. д.; главныя лица Валентинъ, княгиня Зенеида Воротынская и Тата). Вамъ угодно знать, красавица ли была Огинская? Фи! красавица это слишкомъ тривіально! Нѣтъ, въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ отъисканъ и въ тридцати тысячахъ романовъ описанъ другой высшій типъ красоты, которая лучше, нежели ничтожная красота красавицъ; и можетъ ли Александра Николаевна не принадлежать къ этому новому типу идеаловъ? «Тѣ, которые не любятъ или не понимаютъ красоты, такъ сказать, *внутренней*, конечно, могли бы назвать ее дурною; но если бы имъ случилось вглядѣться въ ея глубокіе, сѣрые глаза, сколько привлекательнаго нашли бы они въ нихъ! Она была бѣлокура, волосы ея вились отъ природы, а потому она никогда не могла овладѣть ими; выбиваясь изъ подъ гребня и *щетки* (??), ложились они причудливыми волнами, образуя вокругъ всей головы легкую, едва замѣтную паутинную ткань, блѣдно золотистый цвѣтъ которой, при свѣтѣ лампы, окружалъ ее какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ». О, зачѣмъ судьба не дала мнѣ счастія видѣть Александру Николаевну при свѣтѣ лампы! Я оцѣнилъ бы эти волоса, которые выбивались изъ подъ щетки' Но, увы! я не видѣлъ этой паутинной ткани; а кромѣ меня никто не очаровался фантастичнымъ сіяніемъ, окружавшимъ ея голову, и если вы думали, что г-жа Туръ съ такою любовью описываетъ внутреннюю красоту волосъ Александры Николаевны потому, что нашлись поклонники этой дивной женщины, вы жестоко ошиблись: люди не плѣнились ею, какъ, вѣроятно, не плѣнятся и «Тремя порами жизни»; и г-жа Туръ описываетъ волосы молодой вдовы съ внутреннею красотою такъ подробно не потому, чтобы это было

нужно для романа, а просто изъ любви къ фантастическому сіянію. Александра Николаевна занимается воспитаніемъ дѣтей; изъ нихъ особенно замѣчателенъ Валентинъ, будущій главный герой романа, у котораго «розовая кровь струилась подъ тонкою кожею и нѣжнымъ румянцемъ, а томно зеленые (!!) глаза, опушенные темными рѣсницами, блистали веселостью», которая какъ увидите, угаснетъ отъ страданій любви. Онъ выросъ подъ вліяніемъ доброй, но слабой матери и сотни мамокъ и нянекъ; потому остался жалкимъ на всю жизнь; но г-жа Туръ постоянно рисуетъ его вялую и дрянную фигуру самыми поэтическими красками. Точно также воспитана и младшая сестра его, Анюта. Но старшая сестра, Катя, воспитывается теткою, помѣшанною на знатности и свѣтскости, и потому изъ нея выходитъ бездушная кокетка, которая пріучается заманивать знатныхъ жениховъ «блестящими звуками рояля». Очень длинно расписываетъ «Первая пора жизни», дѣтство Валентина и Анюты, но читатель можетъ судить по приторной аффектаціи выписанныхъ нами фразъ, много ли искренности и теплоты въ описаніи дѣтства: оно холодно и экзальтировано, и мы подражая молодой вдовѣ съ блѣдно золотистымъ сіяніемъ паутинной ткани вокругъ всей головы, которая (вдова) «становилась неумолима и холодна, сталкиваясь съ ложью и экзальтаціей», неумолимо и холодно пройдемъ молчаніемъ все дѣтство нашихъ героевъ, не останавливаясь ни на доброй карлицѣ Ѳенѣ, которая «подноситъ дѣтямъ пѣнки и свѣжій, теплый, мягкій хлѣбъ» (когда же подается къ чаю заплесневѣлый и чорствый?), ни на докторѣ-евреѣ въ черномъ парикѣ, съ огромной тростью въ рукахъ (отчего же нѣтъ на ней обычнаго золотого набалдачника?), ни на Ипполитѣ Ѳедорычѣ, учителѣ дѣтей, у котораго огромная голова, страшныя брови, широкія колѣна (?) и широкія плеча; онъ, конечно, пугаетъ дѣтей наружностью, пугаетъ огромною книгою; но на половинѣ пространства между широкихъ колѣнъ и плечъ его широкое и добрѣйшее сердце, а въ страшной книгѣ—чудные рисунки; и суровый методъ его воспитанія смягчается, потому что онъ обаятельною мягкостью Анны Николаевны, проливавшей на все окружающее доброту, нѣжность и счастье, «мало по малу увлеченъ былъ въ этотъ магическій кругъ, и скоро вошелъ въ него совершенно и составилъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое». Чтобы сносно описать дѣтство, надобно имѣть любовь къ дѣтямъ, а не къ вычур-

нымъ фразамъ. Но вотъ дѣти выросли, Огинскіе переѣхали въ Москву, старшая сестра Валентина, Катя, отъискала себѣ жениха, князя Границкаго—и начинается романъ: родственница Границкаго, княгиня Воротынская, дѣлаетъ балъ; Валентинъ долженъ ѣхать, какъ братъ невѣсты— и влюбляется въ княгиню; это очень естественно, взгляните только на портретъ ея:

«Воротынская была женщина лѣтъ двадцати-шести, довольно полная, съ удивительно красивыми очертаніями плечъ и таліи. Черные глаза ея были живы; ихъ разрѣзъ, продолговатый какъ *миндалина*, придавалъ какую-то томность ея физіономіи» и т. д. Преобладающая черта въ ея характерѣ доброта, доходящая до слабости; и она рѣшительный сколокъ съ самой матери Валентина, хотя, очевидно, авторъ и не думалъ объ этомъ сходствѣ. Она полюбила младшую сестру Валентина, Анюту, и Валентинъ часто ѣздитъ съ сестрою къ ней. Само собою разумѣется, что и княгиня не остается равнодушна къ прекрасному молодому человѣку, хотя онъ держитъ себя съ нею какъ простякъ. Отношенія ихъ становятся короче и короче (какая старая тема! и сколько надобно таланта, чтобы сносно писать на нее! А въ «Трехъ порахъ» ничего, кромѣ экзальтаціи и аффектаціи, читатель, вѣроятно, еще не замѣтилъ). Объясненіямъ влюбленныхъ вѣчно мѣшаютъ: то Силкова, то тетка Воротынской; это еще больше разжигаетъ страсть влюбленныхъ и растягиваетъ скучныя сцены. Но вотъ Воротынская уѣзжаетъ къ другой больной теткѣ, наполовину только объяснившись съ Валентиномъ, и нѣкто г-жа Силкова начинаетъ ловить въ свои сѣти Валентина. И какъ не стараться завлечь? На 113 страницѣ 1 части точно такъ же, какъ на 5 (см. выше): «Тонкая кожа его, подъ которою текла молодая кровь, нѣжнымъ румянцемъ покрывала его бѣлыя щеки» и т. д. Но не въ силки Силковой, а въ объятія наяды, сирены, вакханки, спутникомъ которой избранъ Змѣевъ (о! страшно! за Валентина страшно мнѣ!) попадаетъ юноша, у котораго щеки были не покрыты, а окрашены кожею! Вообразите, у Силковой маскарадъ, нарочно сдѣланный съ цѣлью изловить Валентина; онъ не хотѣлъ ѣхать (бѣдный юноша! чуетъ бѣду вѣщее сердце!) но маменька послала его на балъ (зачѣмъ безъ няньки? Добрая и опытная Ѳедосьевна сохранила бы неопытное дитя!)... вообразите же, входитъ онъ въ залъ—и

„Вдругъ вниманіе его приковалось къ женщинѣ, подходившей все ближе и ближе. Она предстала ему какъ видѣніе, какъ чудный, давно знакомый образъ: объ руку съ мужчиной (уфъ, это вѣрно Змѣевъ!) шла женщина, одѣтая вакханкой, но одѣтая такъ граціозно, *такъ пристойно* (увидимъ, что не совсѣмъ), что никто не могъ бы найти для ней слова порицанья. (Слѣдуетъ описаніе бѣлаго газоваго ея платья, см. „Мода, журналъ для свѣтскихъ людей 1853 года № 15). Тигровая кожа была наброшена на одно плечо ея и спадала съ другого. Золотыя застежки, представлявшія когти тигра, ее придерживали: они впивались въ ея бѣлое матовое плечо, и покрывали его легкимъ розовымъ оттѣнкомъ ...

Нѣтъ, я опасаюсь и за себя и за читателя, если буду продолжать выписку; скажу только, что столь же роскошно и пластично описана «полуоткрытая талья» вакханки, «полная, но небольшая, антично созданная грудь ея» и т. д., все по принадлежности. «Восклицаніе (вѣроятно неудобное для печати, потому что не приведено авторомъ) сорвалось и съ языка Валентина», когда она проходила мимо его. Потомъ она «пронеслась мимо его въ вихрѣ вальса, и *за ней* (дѣло очень понятное, при быстротѣ движеній застежки могли соскользнуть съ плеча) какъ облако, нескромно рисуя станъ, вилось ея легкое платье. Не помня себя, бросился Валентинъ, пробился межъ танцующихъ», но «смутился, оробѣлъ» и попросилъ только ее вальсировать. Описанье трехъ туровъ вальса съ очаровательницею такъ же хорошо, какъ и все предъидущее. Но впереди еще много великолѣпныхъ сценъ, мы должны спѣшить къ нимъ. Вакханка—Ельцова, свѣтская дама довольно легкаго поведенія. Она приглашаетъ Валентина къ себѣ. Онъ бываетъ у нея каждый день и т. д. Но если онъ влюбленъ въ роскошную Ельцову, то въ него влюбляется Тата̀, кузина Ельцовой, на изображеніе которой потрачено еще больше красокъ.

Тата̀ играетъ у Ельцовой роль немногимъ лучше горничной дѣвушки: горе и оскорбленія развили въ ней удивительный умъ, энергическую волю, смуглый цвѣтъ кожи. Можно вообразить, какъ она влюблена въ Валентина и съ какою твердостью (за то и съ какими страданіями!) таитъ она къ своей груди змѣю нераздѣленной любви. Но о ней послѣ, когда Валентинъ обратилъ на нее вниманіе; теперь онъ занятъ одною Ельцовой, съ которою каждый день подъ вечеръ, пока съѣдутся другіе молодые люди, просиживаетъ наединѣ запершись въ ея кабинетѣ по нѣскольку часовъ. Это, конечно, для него очень пріятно, но нравственность, нрав-

ственность страждетъ! Что скажутъ объ этомъ дамы! Притомъ эти платоническія бесѣды непостижимы и для насъ, мы помнимъ, что Ельцова—вакханка. Но вотъ она теряетъ терпѣніе; на подмогу беретъ князя Симанскаго, принимается кокетничать съ нимъ, и тогда происходитъ слѣдующее: Валентинъ сидитъ у Ельцовой; является Симанскій, ему велятъ отказать, и—опишемъ все по порядку... впрочемъ, зачѣмъ описывать? все происходитъ по обыкновенному порядку. «Огонь желаній... жаркое дыханье... онъ задрожалъ...» и наконецъ Валентинъ поскакалъ въ лѣсъ, и «гордо глядѣлъ онъ на восходящее солнце, глядѣлъ прямо»—удивительно крѣпкіе глаза! Если таковъ же былъ весь его организмъ, то Воротынская и Ельцова основательно находили его очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ онъ пріѣхалъ домой и легъ спать: «Какъ сладокъ, какъ живителенъ ты, сонъ юности, *впервые* узнавшей всю сладость жизни!» Да, это совершенно справедливо. Мать замѣчаетъ похожденія сына и предостерегаетъ его; но Валентинъ продолжаетъ ѣздить къ Ельцовой. Конечно, скоро Ельцова чувствуетъ потребность обратить свое вниманіе на Симанскаго, который, по выраженію автора, «колоссъ». Сначала Валентинъ не замѣчаетъ ничего; Тата̀ объясняетъ ему кокетство Ельцовой; начинаются сцены ревности, примиренія, восторговъ и т. д. Но вотъ Воротынская воротилась изъ деревни и требуетъ къ себѣ зашалившагося мальчишку. Она объясняетъ ему—трогательная сцена: вѣдь она втайнѣ любитъ его и должна скрывать свою любовь—что за женщина Ельцова и т. д.; Валентинъ держитъ себя какъ школьникъ уже довольно развязный и разсуждаетъ о непобѣдимости страсти; наконецъ, однако, даетъ слово уѣхать отъ пагубы въ деревню: тамъ его ждетъ больная мать. Но скоро онъ возвращается и опять увлекается прежнею «сладостью» пуще прежняго. Остановимся здѣсь. Почему не разсказывать и подобныхъ эпизодовъ жизни? Но какъ разсказывать ихъ, вотъ въ чемъ дѣло. Неужели глупыя похожденія безхарактернаго и слабаго мальчика надобно описывать, какъ благородный пылъ первой, чистой страсти? раскрашивать его восторги съ сочувствіемъ и увлеченіемъ? Кто пишетъ о нихъ такъ, тотъ не имѣетъ права браться за подобные сюжеты. Надобно стоять выше ихъ, чтобы описанія ихъ были вѣрны и поучительны. Иначе мы напишемъ нѣчто фальшивое и жалкое во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ художественнаго. Возвращаемся къ роману. Къ жалкому,

ничтожному Валентину пріѣзжаетъ изъ Петербурга бойкій пріятель, Армалевъ, и, узнавши положеніе дѣлъ, принимаетъ на себя трудъ спасти бѣднаго мальчика, обративши къ себѣ милости Ельцовой. Достигнувъ своей цѣли, онъ показываетъ Валентину очень недвусмысленную записочку Ельцовой. Валентинъ, конечно, страдаетъ; его страданія, глупыя какъ всѣ прежніе восторги, описываются съ такимъ же участіемъ. Но мы ошиблись, сказавъ, что пріятель спасъ его отъ погибели—нѣтъ, Валентинъ опять впадалъ въ прежніе пароксизмы любви; онъ окончательно бросилъ Ельцову только подслушавъ, какъ она осмѣиваетъ и передразниваетъ его. Фи, какой пустой и мелочной человѣкъ! Ему измѣнили, онъ узналъ, что его всегда обманывали, что о любви къ нему никогда и не думали. Это еще ничего для него: затронули его тщеславіе—и онъ изцѣлился. И усѣивая подобными чертами портретъ своего героя, авторъ думаетъ, что изображаетъ человѣка благороднаго съ великою, возвышенною, страстною душою и т. д., но только несчастнаго въ любви и погибающаго отъ нѣжности сердца! Чтобы спастись отъ такихъ жалкихъ промаховъ, автору необходимо соразмѣрять свой сюжетъ съ своею опытностью и силами, не описывать того, что не испытано имъ или не понято—и слава Богу, конечно, что не испытано.

Но вотъ прошелъ годъ. Ничтожный нашъ герой опять влюбляется и опять въ первый предметъ своей страсти, Воротынскую. Скучно и жалко было бы описывать ихъ воркованья и страданья. Оба они безсильны, оба они смѣшны, и оба описываются съ прежнимъ глубокимъ участіемъ. Тата живетъ уже у Воротынской и мучится ревностью, глядя на ихъ нѣжничанья. Непонимаемъ, какъ она съ умомъ своимъ и энергическимъ характеромъ можетъ находить плаксиваго Валентина достойнымъ чего-нибудь кромѣ жалости, смѣшанной съ пренебреженіемъ. Второй томъ, повѣствующій обо всемъ этомъ, еще аффектированнѣе, экзальтированнѣе перваго. Чтобы дать вамъ понятіе о впечатлѣніи, которое производятъ всѣ притворныя сцены любви и страданій (причиною страданій—жалкая и безсильная тетка Воротынской, напоминающая племянницѣ о приличіяхъ и условіяхъ свѣта) Воротынской и Валентина съ неизбѣжнымъ аккомпаниментомъ сердечныхъ мученій Таты, скажемъ, что такое впечатлѣніе могла бы произвести развѣ картина жеманной влюбленности беззубаго старика (такъ старчески вялъ и безси-

ленъ Валентинъ) и жеманно-стыдливой, нервной, плаксивой 45-тилѣтней дѣвы въ бальномъ платьѣ, съ набѣленными щеками и плечами; прибавьте, что полная жизни молоденькая красавица съ ревностью и завистью плачетъ о томъ, что не она на мѣстѣ счастливой дѣвы. Но пріѣзжаетъ Армалевъ. Ему надобно съискать себѣ богатую жену, потому что онъ живетъ открыто, потому что онъ честолюбивъ, потому что у него много долговъ—онъ избираетъ предметомъ своихъ исканій Воротынскую и, конечно, безъ всякаго труда отбиваетъ ее у Валентина. Не знаемъ, какъ удалось объяснить себѣ этотъ фактъ автору при его понятіяхъ о его любимцѣ и любимицѣ, идеалахъ любви, воркованья и всевозможныхъ нѣжностей. Съ его понятіями о своихъ герояхъ такая измѣна Воротынской, такая вялая (конечно вмѣстѣ и слезливая) уступка со стороны Валентина просто непостижима. Для насъ все это кажется очень естественнымъ: Воротынская—пустая женщина, Валентинъ тряпка, которую оттолкнуть ногою не стоитъ ни малѣйшаго труда. А съ какимъ паѳосомъ выставляетъ ихъ авторъ великими людьми, у которыхъ одна только слабая сторона—нѣжность сердца! Съ какою странною любовью описываетъ онъ ихъ радости и горести! Да если въ нихъ была хоть капля какого-нибудь чувства, кромѣ фальшивѣйшей, натянутѣйшей экзальтаціи, затѣмъ же они не женились? кто имъ мѣшалъ? Нѣтъ, Валентинъ съ своими горестями рѣшительно похожъ на здоровеннаго парня, который горькими слезами плачетъ о томъ, что у него на носу сидитъ муха. «Да ты бы согналъ ее, братецъ!»—«Не смѣю».—«Да что̀ же ты не смѣешь?» —«Она разсердится, меня съѣстъ!» Валентинъ, видите ли, боялся тетки своей возлюбленной, старухи, не имѣвшей никакихъ правъ надъ племянницею, у которой жила она. Разумѣется, такой человѣкъ имѣетъ полное право говорить съ Чайльдъ-Гарольдомъ: «Теперь я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ» и т. д. (Часть II, стр. 278). Жалкій и смѣшной человѣкъ! Нѣтъ, не испыталъ или не понималъ серьезнаго горя такой человѣкъ и неспособенъ былъ онъ живо чувствовать и наслажденій. Тряпка, тряпка и тряпка! И хорошо сдѣлала эта тряпка, что поѣхала отъ насъ подальше, за границу. Но нѣтъ, не принесетъ ему пользы эта поѣздка. Другое дѣло, если бы пришлось ему остаться безъ своего богатства и самому трудиться, тогда бы, можетъ быть, позабылъ онъ о своихъ Ельцовыхъ и Воротынскихъ и сталъ бы хоть сколько-нибудь похожъ на дѣль-

наго человѣка. Но нѣтъ, онъ сѣлъ бы, сложа руки, на улицѣ и плакался бы цѣлый день на судьбу, дожидаясь, пока «жареная утка ему въ ротъ влетитъ».

Наконецъ мы принимаемся и за третью часть. Тутъ являются большею частью новыя лица. Возвратившагося изъ за границы Валентина уже и самъ авторъ, кажется, признаетъ тряпкою; по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей третьей части куда угодно водитъ его за носъ племянница, дочь старшей сестры, вышедшей въ началѣ романа за князя Границкаго. Эта хитрая дѣвушка вознамѣрилась кругомъ обобрать богача-дядю для поправленія разстроенныхъ дѣлъ своего семейства. Но Огинскій еще не потерялъ качества быть всеобщимъ возлюбленнымъ, и если бывшей княгинѣ Воротынской мужъ не позволитъ уже предаваться пустому препровожденію времени съ милымъ Валентиномъ, хотя, можетъ быть, она была бы и непрочь отъ этого, несмотря на Валентиновы 40 съ хвостикомъ, а свои 50 съ хвостикомъ лѣтъ; если Тата (сердечно жалѣемъ, что не могли за недостаткомъ мѣста списать чуднаго ея портрета во весь ростъ) послѣ катастрофы съ Воротынской, или прежде, не припомнимъ хорошенько, пошла въ монастырь, то у Таты была подруга Лина—можетъ ли 45-ти-лѣтній Валентинъ не влюбиться въ нее? можетъ ли она быть избавлена отъ непріятной, но неизбѣжной, обязанности влюбиться въ поэтическаго Валентина? Правда, Лина имѣетъ жениха, который уже 5 лѣтъ состоитъ въ этомъ качествѣ. Правда, ей уже подъ 30 лѣтъ; правда, она очень солидная, скромная, разсудительная дѣвушка, и мы готовы были бы, основываясь на всемъ этомъ, ручаться головою, что она не впадетъ въ такую неосновательную любовь къ ничтожному человѣку, несообразную ни съ лѣтами возлюбленнаго всѣми Валентина и ея собственными, ни съ ея характеромъ; но приказъ отъ автора данъ: «извольте влюбиться, M-lle Lina».—«Слушаю-съ», отвѣчаетъ Лина и влюбляется. Конечно, коварная племянница, чтобы не лишиться дядина наслѣдства, разстроиваетъ любовь, на этотъ разъ рѣшительно уже подходившую къ свадьбѣ, и Лина куда то убѣгаетъ. Огинскій въ третій разъ убитъ. Мы боимся, что все еще не на повалъ: посмотрите, лѣтъ черезъ десять отдохнетъ опять, и опять обзаведется восторгами и муками любви.

Вотъ, подумаешь, счастливые люди! До 45-ти лѣтъ только и

дѣла дѣлаютъ, что влюбляются да влюбляютъ въ себя! За то какіе же фальшиво экзальтированные и пустые люди!

Можетъ быть, благосклонный читатель и согласится теперь, что самые плохіе старинные романы не могутъ выдержать сравненія съ иными нынѣшними. Но слабый и краткій нашъ очеркъ, какъ угадываютъ, конечно, сами читатели, такъ же далеко не могъ передать и сотой доли красотъ романа въ трехъ частяхъ, какъ гравюра не можетъ передать сотой доли красотъ рафаэлевской картины. Чтобы дать возможность хотя нѣсколько познакомиться изъ нашей рецензіи съ блестящими достоинствами романа, мы выпишемъ одну изъ послѣднихъ, но далеко еще не самыхъ поразительныхъ страницъ. Лина уже почти невѣста Огинскаго, предостерегаетъ его отъ хитростей племянницы, которая поетъ ему соловьиныя пѣсни, чтобы выманивать у него деньги. «И вы говорите мнѣ это!» восклицаетъ Огинскій совершенно неправдоподобно, потому что имѣлъ уже милліонъ случаевъ удостовѣриться въ благородствѣ, безкорыстіи, самоотверженности Лины: «Кто скажетъ мнѣ, что слова ваши искренни, что вы, говорящая такъ много о деньгахъ, не любите ихъ сами?»

„Я!“ сказала Лина такъ глухо, что Огинскій взглянулъ на нее наконецъ. Онъ былъ пораженъ ея блѣдностью. Мысль, что Лина поблѣднѣла потому, что онъ угадалъ ее, какъ молнія сверкнула въ умѣ его (какъ это правдоподобно! Что за умница въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ Валентинъ!) и сообщила мрачный видъ всему прошлому любви ихъ и уничтожила ея остатки.

„Да, вы!“ продолжалъ онъ съ холоднымъ, отчаяннымъ порывомъ. „Кто мнѣ поручится за вашу искренность, за ваше простодушіе, за вашу привязанность? Деньги, все деньги! вездѣ! всюду! все можно купить! (нѣтъ! ума, напримѣръ, нельзя и таланта тоже). Блаженъ тотъ, кто вѣритъ, что вы ему отдались, да, отдались (NB если Валентинъ не хвастается небывалымъ, то плохи же ея дѣла!) за груду золота, но это-то и называютъ куплею люди дальновидные! Я проклинаю тотъ часъ, когда увидѣлъ васъ, повѣрилъ вамъ!“

Лина вся дрожала; она оперлась на стулъ машинально, хотѣла говорить— и не могла; хотѣла идти—ноги ея подкашивались. Она задыхалась (воды! воды! спирту! барышнѣ дурно!), въ глазахъ ея потемнѣло. Но сильная воля ея превозмогла это сражающее потрясеніе; громкій вздохъ, будто вопль растерзанной души (а развѣ вздохъ не въ самомъ дѣлѣ вопль растерзанной души?), вырвался изъ сжатыхъ, стиснутыхъ (фигура напряженія дѣйствующая на чувство читателя. См. „Реторика Кошанскаго“ §57), побѣлѣвшихъ губъ ея; она крѣпко прижала руку къ сердцу, приказывая ему молчать и не биться - и, повинуясь силѣ воли, сердце какъ бы замерло въ ея груди (какъ же такая сильная женщина не имѣла достаточно вліянія на слабаго Огинскаго?)

„Богъ съ вами, Огинскій!“ произнесла она едва слышно и пошла къ двери медленно, но твердо.

Онъ бросился за ней стремительно и схватилъ ее за руку.

„Куда вы?“ закричалъ онъ порывисто и повелительно: „отвѣчайте! отвѣчайте же мнѣ!“

Но Лина, задыхаясь, уклонилась отъ него и, указывая на дверь сказала глухо, задыхаясь:

„Гдѣ вы, тамъ меня не будетъ! Идите или пустите меня!“

Онъ отступилъ отъ нея. Она вышла.

Черезъ два часа Огинскій одумался и раскаялся. Онъ бросился въ комнату Лины. Она была пуста.

Такъ же какъ «Три поры жизни? если позволительно предложить вопросъ. Нѣтъ, еще не такъ: въ комнатѣ Лины «на полу валялись бумаги и лоскутья», — однимъ словомъ, хоть что нибудь было. А въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, натянутость и экзальтація, представляющая все въ «какомъ-то фантастическомъ сіяніи» и какъ разъ навыворотъ противъ того, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ владычествуетъ неизмѣримая пустота содержанія. Но вамъ читатель угодно было знать, какую пользу можетъ принести чтеніе плохихъ старинныхъ романовъ? Всякому читателю можетъ принести такую пользу—навести на него гораздо менѣе безотрадной тоски, нежели, напримѣръ, чтеніе новаго романа г-жи Евгеніи Туръ; рецензенту оно можетъ принести еще болѣе выгоды—иногда снять съ него часть работы, доставивъ ему готовый уже отзывъ о книгѣ; послѣднее случается, напримѣръ, вотъ какъ: авторъ «Семейства Холмскихъ», недовольный отзывами журналовъ о его романѣ, написалъ длинное предисловіе, въ которомъ собралъ—и, конечно опровергъ—эти отзывы. Всѣ они чрезвычайно хорошо примѣняются и къ «Тремъ порамъ жизни»; особенно отзывы «Телескопа» и еще одной газеты, почему же намъ и не примѣнить ихъ? вотъ они (см. предисловіе къ третьему изданію «Семейства Холмскихъ», Москва, 1841).

1) «Семейство Холмскихъ« (читай: «Три поры жизни») нисколько не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; излишество безполезнаго прозябанія хуже безплодія.

2) Чтеніе «Семейства Холмскихъ» (читай: «Три поры жизни») можно уподобить путешествію отъ Тобольска до Бѣлостока).

ОБЪ ИСКРЕННОСТИ ВЪ КРИТИКѢ.

I.

Въ статьѣ, написанной по случаю новаго изданія «Сочиненій А. Погорѣльскаго» («Современникъ», № VI, библіографія), мы говорили о безсиліи нынѣшней критики и указали на одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого грустнаго явленія — уступчивость, уклончивость, мягкосердечіе. Вотъ наши слова:

„Причина безсилія современной критики (между прочимъ) то, что она стала слишкомъ уступчива, неразборчива, малотребовательна, удовлетворяется такими произведеніями, которыя рѣшительно жалки, восхищается такими произведеніями, которыя едва сносны. Она стоитъ въ уровень съ тѣми произведеніями, которыми восхищается; какже вы хотите, чтобы она имѣла живое значеніе для публики? Она ниже публики; такою критикою могутъ быть довольны писатели, плохія произведенія которыхъ она восхваляетъ; публика остается ею столько же довольна, сколько тѣми стихами, драмами и романами, которыя рекомендуются вниманію читателей въ ея нѣжныхъ разборахъ“.

И мы заключили статью словами: «нѣтъ, критика должна стать гораздо строже, серьезнѣе, если хочетъ быть достойною имени критики». Мы указывали, какъ на примѣръ того, какова должна быть истинная критика, на критику «Московскаго Телеграфа», и, конечно, не по недостатку лучшихъ примѣровъ. Но мы удерживались отъ всякихъ—не говоримъ указаній, даже отъ всякихъ намековъ на тѣ или другія статьи того или другого журнала, нѣжность, слабость которыхъ ставитъ нынѣ въ необходимость напоминать критикѣ о ея правахъ, о ея обязанностяхъ—и мы не хотѣли приводить примѣровъ на-

вѣрное уже не потому, чтобы трудно было набрать ихъ сотни. Каждый изъ нашихъ журналовъ за послѣдніе годы могъ представить не мало матеріаловъ для такихъ указаній; разница была только въ томъ, что одинъ журналъ могъ представить ихъ больше, другой меньше. Поэтому намъ казалось, что дѣлать выписки изъ статей того или другого журнала значило бы только безъ нужды придавать полемическій характеръ статьѣ, писанной съ намѣреніемъ указать недостатокъ, общій до нѣкоторой степени всѣмъ журналамъ, а вовсе не съ цѣлью попрекать тотъ или другой журналъ. Мы считали излишнимъ указывать примѣры потому, что, желая, чтобы критика вообще вспомнила о своемъ достоинствѣ, мы вовсе не хотѣли ставить тотъ или другой журналъ въ необходимость защищать свои слабыя стороны и черезъ это прилѣпляться къ прежнимъ слабостямъ—извѣстно, что, принужденный спорить, человѣкъ дѣлается склоненъ увлекаться положеніями, которыя сначала защищалъ онъ, можетъ быть, только по необходимости отвѣчать что-нибудь, и которыхъ неосновательность или недостаточность онъ, можетъ быть, готовъ былъ бы признать, если бы его не заставляли признаваться открыто. Однимъ словомъ, принятіе общаго принципа мы не хотѣли дѣлать затруднительнымъ ни для кого, и потому не хотѣли затрогивать ни чьего самолюбія. Но если кто-нибудь самъ, безъ всякаго вызова, провозглашаетъ себя противникомъ общаго начала, кажущагося намъ справедливымъ, то онъ уже ясно выразилъ, что не признаетъ справедливости общаго начала, а напротивъ.

Послѣ всѣхъ этихъ долгихъ оговорокъ и смягченій, очень ясно доказывающихъ, какъ глубоко прониклись духомъ нынѣшней критики и мы, возстающіе противъ ея слишкомъ мягкихъ, мягкихъ до неосязаемости пріемовъ, можемъ приступить къ дѣлу и сказать, что «Отечественныя Записки» недовольны прямотою нѣкоторыхъ нашихъ отзывовъ о слабыхъ, по нашему мнѣнію, беллетристическихъ произведеніяхъ, хотя и украшенныхъ болѣе или менѣе извѣстными именами (ниже мы представимъ этотъ отзывъ вполнѣ), и что мы съ своей стороны также не исключали довольно многихъ критическихъ статей «Отечественныхъ Записокъ» изъ общей массы робкихъ и слабыхъ критикъ, возставать противъ размноженія которыхъ мы считали и считаемъ настоятельною необходимостью. Цѣль нашей статьи вовсе не та, чтобы выставить на видъ чужія

мнѣнія, а та, чтобы яснѣе изложить наши понятія о критикѣ. И если примѣры критики, несогласной, по нашему мнѣнію, съ истинными понятіями о серьезной критикѣ, мы заимствуемъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», то вовсе не потому, чтобы мы желали упрекнуть въ слабости критики исключительно «Отечественныя Записки». Повторяемъ, что мы возстаемъ противъ слабости *критики вообще*: если бы она была слаба только въ томъ или другомъ журналѣ, стоило ли бы такъ много хлопотать? Касаемся же мы преимущественно «Отечественныхъ Записокъ», заимствуя исключительно изъ нихъ примѣры, потому, что онѣ взяли на себя трудъ защищать и хвалить «умѣренную и спокойную критику»—гдѣ же, какъ не у защитника, и надобно искать истинныхъ образцовъ защищаемаго?

Вотъ, напримѣръ, («Отечественныя Записки» 1853, № 10) разборъ романа г. Григоровича «Рыбаки». Здѣсь главный предметъ критики—разсмотрѣніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли можно ловить пискарей одинокому старику *удочкою*, а не бреднемъ (для котораго нужны двое людей) и дѣйствительно ли можно видѣть на Окѣ во время половодья ласточекъ, стрижей, дроздовъ и скворцовъ, или они прилетаютъ не во время половодья, а нѣсколькими днями позже или раньше; однимъ словомъ, тутъ говорится не столько о романѣ, сколько о томъ

Какая птица гдѣ живетъ,
Какія яица несетъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, говорить о недостаткахъ и достоинствахъ романа съ этой точки зрѣнія можно и должно очень хладнокровно.

Вотъ еще разборъ романа г-жи Т. Ч. «Умная Женщина» («Отечественныя Записки» 1853, № 12); сущность отзыва состоитъ въ слѣдующемъ:

„Вотъ сюжетъ «Умной Женщины», одной изъ лучшихъ повѣстей г-жи Т. Ч. Сколько въ этомъ разсказѣ умнаго, новаго и занимательнаго. Мы пропустили въ разсказѣ всю прежнюю жизнь холостяка и умной женщины, жизнь, которая занимаетъ по крайней мѣрѣ три четверти романа. Но эта жизнь до насъ не касается“.

Хорошъ и занимателенъ долженъ быть романъ, въ которомъ *по крайней мѣрѣ три четверти* не стоитъ и читать.

Вотъ отзывъ о другой повѣсти того же автора (г-жи Т. Ч.) «Тѣни прошлаго» («Отечественныя записки» 1854, № 1).

„Лицо, взятое авторомъ, очень интересно; но для полной обрисовки его авторъ *какъ будто пожалѣлъ* красокъ, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка (отчего же лицо блѣдно, если авторъ имѣетъ дарованіе ярко обрисовывать лица?) Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что г-жа Т. Ч. мало заботилась о томъ, какъ воспользоваться сюжетомъ; достаточно прочесть выписанныя нами сцены, чтобы убѣдиться, что она *могла* какъ нельзя лучше выполнить такую задачу“.

Т. е. «авторъ не сладилъ съ сюжетомъ; но не потому, что не могъ сладить», вѣдь нельзя же прямо сказать: авторъ взялъ сюжетъ не по силамъ.

Дѣйствительно, такіе отзывы состоятъ изъ «загадокъ», какъ и называетъ рецензентъ свой разборъ «Умной Женщины», принимаясь за него («отъ разсужденія о литературѣ переходимъ къ диссертаціи о старыхъ холостякахъ, и на ихъ счетъ задаемъ читателю загадку. Пусть отгадаетъ кто можетъ». Но, во первыхъ, никто не можетъ разгадать ее: во вторыхъ, кому же и охота разгадывать критическія разборы? Шарадъ и ребусовъ не требуетъ отъ русскихъ журналовъ ни одинъ читатель).

Таковы же отзывы о стихотвореніяхъ г. Фета, о романѣ «Мелочи Жизни» и т. д. Никто не отгадаетъ, хороши или дурны, превосходны или несносно плохи эти произведенія по мнѣнію рецензентовъ. На каждую похвалу или порицаніе у нихъ всегда готова совершенно равносильная оговорка или намекъ въ противоположномъ смыслѣ. Но намъ нельзя утомлять читателей всѣми этими примѣрами; ограничимся однимъ только отзывомъ о романѣ г-жи Туръ «Три поры жизни».

«Слабыя стороны повѣстей и романовъ г-жи Туръ стали вдругъ ярче и замѣтнѣе» (вы ожидаете, что смыслъ этой фразы: г-жа Туръ стала писать хуже прежняго? нѣтъ), это «обстоятельство, въ которомъ наша романистка должна винить не себя, а своихъ цѣнителей», потому что ее уже слишкомъ много хвалили (вы думаете, что эта фраза значитъ: ее захвалили, она стала писать небрежно, перестала заботиться объ исправленіи своихъ недостатковъ? Нѣтъ, вовсе нѣтъ) журнальныя похвалы и порицанія не могутъ возмущать собственнаго сужденія автора о своемъ талантѣ, потому что «лучшій критикъ для романиста—всегда самъ романистъ» (вы ду-

маете, что это относится къ г-жѣ Туръ? Нѣтъ, потому что) «женщина всегда зависитъ отъ чужого суда» и «въ самой геніальной женщинѣ не отыщется той безпристрастной самостоятельности», которая даетъ мужчинѣ возможность не подчиняться вліянію критики; «на всякую даровитую женщину вредно дѣйствуетъ восторгъ друга, комплиментъ вѣжливаго цѣнителя», вслѣдствіе ихъ «она даетъ своему таланту не самобытное направленіе, сообразное заблужденіямъ своихъ жаркихъ приверженцевъ» (это ведетъ, по вашему предположенію, къ объявленію, что новый романъ г-жи Туръ несамостоятеленъ, что «она сочинила слова на чужой мотивъ?» нѣтъ), «въ послѣднемъ романѣ г-жи Туръ мы видимъ довольно много самостоятельности», «взглядъ романистки на большую часть ея героевъ и героинь принадлежитъ ей собственно»; но эта самостоятельность «затемнена оборотами, очевидно зародившимися подъ чужимъ вліяніемъ». (Вы думаете, что это недостатокъ? Нѣтъ, не въ этомъ онъ). «Въ романѣ г-жи Туръ недостаетъ внѣшняго интереса, сюжета, интриги событій» (итакъ въ немъ нѣтъ интриги событій? Нѣтъ, есть, потому что изъ словъ рецензента) «не слѣдуетъ», чтобы «онъ принадлежалъ къ разряду романовъ, въ которыхъ важнѣйшее событіе—наемъ квартиры или что нибудь въ этомъ родѣ». Романъ г-жи Туръ незанимателенъ не по недостатку интриги, а потому, что «герой его, Огинскій, не можетъ занять читателей» (почему же? потому что онъ безцвѣтенъ? нѣтъ, потому что) «г-жа Туръ не разсказала намъ, какъ онъ служилъ, путешествовалъ, управлялъ своими дѣлами» (но вѣдь это именно и погубило бы интригу, сюжетъ, котораго вы требуете); Огинскій три раза влюбленъ (вотъ цѣлыхъ три интриги, а вы говорили, что нѣтъ ни одной), а «жизнь мужчины состоитъ не изъ одной любви» (потому-то и надобно было разсказать о всѣхъ, ненужныхъ для романа, подробностяхъ службы и путешествій Огинскаго!) Лицо Огинскаго испортило романъ; «онъ принесъ много несчастія произведенію (слѣдовательно это лицо въ романѣ дурно? нѣтъ, хорошо, потому что онъ) могъ бы принести еще болѣе несчастія произведенію, если бы несомнѣнный умъ сочинительницы не исправлялъ дѣла вездѣ, гдѣ можно (хороша похвала! да зачѣмъ же выбранъ такой герой?) Въ исторіи всѣхъ трехъ нѣжныхъ привязанностей Огинскаго «передъ нами дѣйствуетъ слабость, соединенная то съ аффектаціей, то съ экзальтаціей (итакъ романъ испорченъ аффек-

таціею и экзальтаціею? нѣтъ, напротивъ) «сочинительница питаетъ къ нимъ глубокое отвращеніе» (но если онѣ изображены съ отвращеніемъ, въ истинномъ свѣтѣ, то это достоинство, а не недостатокъ). «Разговоръ живъ», хотя «по временамъ испорченъ научными выраженіями»; и *хотя* многіе афоризмы и тирады, влагаемыя даже въ уста молодыхъ дѣвушекъ, кажутся намъ достойными ученаго трактата, а все-таки разговоръ представляетъ квинтэссенцію живой рѣчи.»—«Слогъ г-жи Туръ *можетъ быть* во многомъ *исправленъ* къ лучшему, *если того будетъ угодно* самой сочинительницѣ» (!!)

Вотъ до какихъ противорѣчій, колебаній, доводитъ критику стремленіе къ «умѣренности», то есть къ смягченію всѣхъ легкихъ сомнѣній въ абсолютномъ достоинствѣ романа, какія только позволяетъ себѣ на минуту предложить смиренный рецензентъ. Сначала онъ какъ будто бы хочетъ сказать, что романъ хуже прежнихъ, потомъ прибавляетъ: нѣтъ, я не это хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ сказать, что въ романѣ нѣтъ интриги; но и это я сказалъ не безусловно, напротивъ, въ романѣ есть хорошая интрига; а главный недостатокъ романа тотъ, что неинтересенъ герой; впрочемъ лицо этого героя очерчено превосходно; однако—впрочемъ я не хотѣлъ сказать и «однако», я хотѣлъ сказать «притомъ».... нѣтъ, я не хотѣлъ сказать и «притомъ», а хотѣлъ только замѣтить, что слогъ романа плохъ, хотя языкъ превосходенъ, да и это «можетъ быть исправлено, если того будетъ угодно самому автору».

Какой отзывъ можно сдѣлать о подобныхъ отзывахъ? Развѣ слѣдующій, въ томъ же родѣ: «Они очень подробно исчисляютъ сотни крупныхъ достоинствъ, хотя съ еще болѣе крупными оговорками, впрочемъ, не безъ новыхъ похвальныхъ оговорокъ, и потому хотя въ нихъ сказано обо всемъ, но не сказано ничего; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы они были лишены достоинства, котораго существованіе хотя и не замѣтно, однако не оспоримо». Можно еще выразиться о нихъ словами самихъ «Отечественныхъ Записокъ» такъ: что́ разумѣютъ у насъ подъ словомъ «критика»? «статью, въ которой авторъ много наговорилъ, не сказавъ ничего». Можно еще сказать, что къ подобной критикѣ вполнѣ прилагается начало одного романса:

Не говори ни „да“, ни „нѣтъ“,
Будь равнодушна какъ бывала,

И на рѣшительный отвѣтъ
Накинь сомнѣнья покрывало.

Но что особенно дурного сдѣлаетъ критика, если будетъ прямо, ясно и безъ всякихъ недомолвокъ высказывать свое мнѣніе о достоинствахъ и даже (о, ужасъ!) недостаткахъ литературныхъ произведеній, украшенныхъ болѣе или менѣе извѣстными именами? Вѣдь этого именно и требуютъ отъ нея и читатели, и самая польза литературы? За что ее будетъ можно упрекнуть въ томъ случаѣ? Это скажутъ намъ «Отечественныя Записки»; эпиграфомъ къ выпискѣ мы возьмемъ слова также «Отечественныхъ Записокъ», сказанныя довольно давно:

«*У насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ.*»

„Въ послѣднее время въ отзывахъ нашихъ журналовъ о разныхъ писателяхъ привыкли мы встрѣчать тонъ умѣренный, хладнокровный; если же и читали подъ часъ приговоры несправедливые, по нашему мнѣнію, то самый тонъ статей, чуждый всякой запальчивости, обезоруживалъ насъ. Мы можемъ не соглашаться съ мнѣніемъ автора, но каждый въ правѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Уваженіе къ чужому мнѣнію — порука за уваженіе къ нашему собственному. Всѣ журналы не мало способствовали къ обузданію рецензентовъ, ничего не принимающихъ во вниманіе, кромѣ своихъ личныхъ мнѣній, желаній и часто выгодъ. Но мы должны признаться, что въ послѣднее время нѣкоторыя рецензіи „Современника“ крайне удивили насъ своею опрометчивостью сужденій, ничѣмъ не доказанною. Взглядъ, противорѣчащій тому, что недавно говорилъ еще самъ „Современникъ“ и несправедливость отзыва, обращенная къ такимъ писателямъ, какъ г-жа Евгенія Туръ, г. Островскій, г. Авдѣевъ — придали какой-то странный видъ библіографіи „Современника“ послѣднихъ мѣсяцевъ, поставленной въ рѣшительное противорѣчіе съ самой собою. Что она говорила годъ назадъ, то теперь отвергаетъ положительнѣйшимъ образомъ. Еще другія мысли приходятъ въ голову. Пока, напримѣръ, въ „Современникѣ“ печатались повѣсти г. Авдѣева, журналъ этотъ хвалилъ г. Авдѣева; точно тоже должно сказать и объ отзывахъ его объ Евгеніи Туръ. Или рецензентъ не справился съ мнѣніями прежде высказанными въ этомъ журналѣ? или онъ зналъ ихъ, но хотѣлъ отличиться рѣзкою оригинальностью? Вотъ что, напримѣръ, было сказано въ „Современникѣ“ Новымъ Поэтомъ въ 1853 году, въ апрѣльской книжкѣ по поводу комедіи г. Островскаго „Не въ свои сани не садись“ (*слѣдуетъ выписка; мы ихъ будемъ здѣсь выпускать, потому что сличимъ и объяснимъ ихъ мнимую противоположность ниже*). Однимъ словомъ, комедія расхвалена. Теперь посмотрите, что сказано о той же комедіи и еще о другой новой „Бѣдность не порокъ“ въ библіографіи майской книжки „Современника“ 1854 года, то есть спустя одинъ только годъ (*выписка*). Такіе

отзывы получилъ на свою долю г. Островскій. Вотъ что сказано въ той же книжкѣ о послѣднемъ романѣ г-жи Евгеніи Туръ „Три поры жизни“ (*выписка*). Можно ли такъ выражаться объ авторѣ „Племянницы“, „Ошибки“, „Долга“, еслибъ даже новый романъ г-жи Евгеніи Туръ былъ и неудаченъ? Приговоръ несправедливъ, потому что произведеніе талантливаго писателя, какъ бы оно ни неудалось, никогда не можетъ быть безусловно дурно; но странно встрѣтить этотъ отзывъ въ „Современникѣ“, гдѣ до настоящаго времени о талантѣ г-жи Евгеніи Туръ говорили совсѣмъ другое. Перечтите, напримѣръ, что было сказано г. И. Т. въ 1852 году о произведеніяхъ г-жи Евгеніи Туръ (*выписка*). Какъ кстати послѣ этого приведенный нами выше отзывъ о дарованіи г-жи Туръ, гдѣ нѣтъ даже и слова о талантѣ этой писательницы! Съ какою горькою усмѣшкою должны послѣ этого писатели смотрѣть на журнальныя хвалы и порицанія? Неужели критика игрушка! Но всего болѣе несправедливый отзывъ сдѣланъ въ „Современникѣ“ нынѣшняго же года о г. Авдѣевѣ, одномъ изъ лучшихъ нашихъ разсказчиковъ, котораго прежде (когда г. Авдѣевъ печаталъ свои произведенія въ „Современникѣ“) этотъ журналъ въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ и въ своихъ обозрѣніяхъ литературы всегда ставилъ наряду съ первыми нашими писателями. Доказательствъ этому такъ много, что ихъ трудно и перечислить. Возьмите, напримѣръ, обзоръ литературы за 1850 годъ, гдѣ исчисляются наши лучшіе повѣствователи: тамъ г. Авдѣевъ поставленъ наряду съ Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ, Тургеневымъ. Чтожь говорится въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1854 годъ? (*выписка*). А не угодно ли, мы скажемъ вамъ то, что „Современникъ“ говорилъ въ 1851 году? Но, можетъ быть, рецензенту нѣтъ дѣла до мнѣній „Современника“? Въ такомъ случаѣ рецензенту не мѣшало бы подписать свое имя подъ статьей, опровергающей мнѣніе журнала, въ которомъ онъ пишетъ. Мы ниже приведемъ, что говорилъ „Современникъ“ въ 1851 году, теперь выпишемъ еще одно мѣсто, поражающее своею нецеремонностью, далеко нефешенэбльною (*выписка*: въ ней, какъ самыя нефешенэбльныя выраженія, подчеркнуты слова „Тамаринъ... *показалъ въ немъ способность къ развитію*... Ни одна изъ его повѣстей не можетъ назваться произведеніемъ *человѣка мыслящаго*). Позвольте, г. мыслящій рецензентъ, замѣтить вамъ, что, кажется, вы понимаете мысль только тогда, когда она выражена въ видѣ сентенцій; иначе, какъ бы не видѣть мысли хоть бы и въ „Тамаринѣ“ (тамъ рецензентъ былъ облегченъ „Введеніемъ“, гдѣ изложена мысль произведенія) и въ другихъ повѣстяхъ г. Авдѣева? Но допустимъ, что въ нихъ нѣтъ новой мысли, пусть такъ. А какую особенную мысль рецензентъ найдетъ въ „Обыкновенной исторіи“ или во „Снѣ Обломова“ г. Гончарова, въ „Исторіи моего дѣтства“ г. Л—разсказахъ, увлекательныхъ? И наоборотъ: какую прелесть г. рецензентъ найдетъ въ драмѣ г. Потѣхина „Гувернантка“, гдѣ въ основаніи лежитъ мысль умная, благородная? Отчего жъ такое презрѣніе къ мастерскому разсказу, который видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Авдѣева? Вы, говорите, что г. Авдѣевъ исключительно является подражателемъ въ своемъ „Тамаринѣ“. Но мы замѣтимъ... Впрочемъ зачѣмъ намъ говорить? Объ этомъ уже сказалъ свое мнѣніе „Современникъ“ въ обозрѣніи литературы за 1850 годъ. Вотъ оно (мы извиняемся передъ чи-

тателемъ за длинныя выписки, но полагаемъ, читатель видитъ, какъ важны въ этомъ случаѣ цитаты изъ „Современника", который нѣкогда хвалилъ, а теперь бранитъ тѣхъ же самыхъ писателей) (*выписка*). Что послѣ этого сказать объ отзывахъ рецензента „Современника", рецензента отъ котораго этотъ журналъ сталъ въ такое странное положеніе относительно своихъ собственныхъ мнѣній? Хвалить и отрицать всякое достоинство, говорить въ одно время и *да* и *нѣтъ*, не значитъ ли это—не знать, что сказать о трехъ лучшихъ нашихъ писателяхъ? Хотѣть вычеркнуть изъ списка литераторовъ трехъ такихъ писателей, какъ гг. Островскій, Евгенія Туръ и Авдѣевъ, не значитъ ли брать на свои плеча тяжесть не по силамъ? И за что же такое нападеніе? вопросъ этотъ мы оставляемъ на разрѣшеніе самому читателю.

Для чего мы выписали это длинное мѣсто? Мы желаемъ, чтобы оно послужило образцомъ того, до какой степени нынѣшняя критика позабываетъ иногда о самыхъ элементарныхъ началахъ всякой критики. Наши замѣчанія будутъ говорить только о такихъ понятіяхъ, не сознавая которыхъ рѣшительно невозможно составить понятія о критикѣ. А между тѣмъ, пробѣжавъ наши замѣчанія, пусть потрудится читатель еще разъ прочитать выписку: при всевозможномъ вниманіи не найдетъ онъ никакого слѣда того, что недовольный нами критикъ имѣлъ въ виду эти понятія; они не отразились ни на одной фразѣ, ни на одномъ словѣ.

«Отечественныя Записки» недовольны «Современникомъ» за то, что онъ непослѣдователенъ, противорѣчитъ самъ себѣ. Непослѣдовательность «Современника» состоитъ въ томъ, что прежде онъ хвалилъ произведенія гг. Островскаго, Авдѣева и г-жи Туръ, а теперь позволилъ себѣ сдѣлать очень неблагопріятный отзывъ о произведеніяхъ тѣхъ же самыхъ писателей. Неужели же надобно объяснять, что̀ такое послѣдовательность? Вопросъ дѣйствительно очень мудреный, едва ли не труднѣе примиренія «да» и «нѣтъ» въ одной статьѣ объ одной и той же книгѣ; потому попробуемъ изложить его самымъ важнымъ тономъ.

Послѣдовательность въ сужденіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы о предметахъ одинаковыхъ сужденія были одинаковы. Напримѣръ, въ томъ, чтобы всѣ хорошія произведенія хвалить, всѣ плохія, но полные претензій, одинаково осуждать. Напр., хваля «Героя нашего времени», хвалить и «Пѣсню про Калашникова»; но отозваться о «Маскарадѣ» такъ же какъ о «Героѣ нашего времени» было бы не послѣдовательно, потому что хотя въ заглавіи «Маскарада» выставлено то же имя, какъ на «Героѣ нашего времени», достоинство

этихъ произведеній совершенно различно. Изъ этого осмѣлимся вывести правило: если хочешь быть послѣдовательнымъ, то смотри исключительно только на достоинство произведенія, и не стѣсняйся тѣмъ, хорошими или дурными находилъ ты прежде произведенія того же самаго автора; потому что одинаковы вещи бываютъ по существенному своиму качеству, а не по клейму, наложенному на нихъ.

Отъ сужденій объ отдѣльныхъ произведеніяхъ писателя, мы должны перейти къ общему сужденію о значеніи всей литературной дѣятельности писателя. Послѣдовательность, конечно, будетъ требовать: одинаково хвалить писателей, имѣющихъ право на похвалу, и одинаково не хвалить не имѣющихъ. Съ теченіемъ времени все измѣняется; измѣняется и положеніе писателей въ отношеніи къ понятіямъ публики и критики. Какъ же поступить, если справедливость потребуетъ отъ журнала измѣнить сужденіе о писателѣ? какъ, напримѣръ, поступали «Отечественныя Записки»? Было время, когда онѣ очень высоко ставили Марлинскаго, и проч., и мы не хотимъ упрекать ихъ за то: общее мнѣніе объ этихъ писателяхъ было тогда таково; потомъ общественное мнѣніе о тѣхъ же самыхъ писателяхъ измѣнилось, можетъ быть, оттого что прошелъ первый пылъ, что ближе и хладнокровнѣе всмотрѣлись въ ихъ произведенія; можетъ быть оттого, что они сами стали писать не лучше и лучше, а хуже и хуже; оттого, говоря техническимъ языкомъ, что они «не оправдали надеждъ» (выраженіе, имѣющее въ нашемъ языкѣ почти столь же обширное примѣненіе, какъ занемогъ, умеръ и т. п.); можетъ быть оттого, что другіе писатели затмили ихъ—все равно, отчего бы то ни было, но мнѣніе пришлось измѣнить, и оно было измѣнено. Неужели послѣдовательность требовала продолжать поклоняться Марлинскому и другимъ. Какая же послѣдовательность была бы въ журналѣ, который бы считалъ себя обязаннымъ, сначала бывши ратникомъ за лучшее въ литературѣ, потомъ сдѣлаться ратникомъ за худшее, только изъ привязанности къ именамъ? Такой журналъ измѣнилъ бы себѣ. Не говоримъ уже о томъ, что онъ лишился бы своего почетнаго мѣста въ литературѣ, потерялъ бы всякое право на сочувствіе лучшей части публики, подвергся бы общему осмѣянію наравнѣ съ своими кліентами. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что «Отечественныя Записки» въ 1844 или 1854 году продолжали бы. называть, какъ

называли въ 1839 году лучшими нашими писателями, авторовъ, признанныхъ посредственными, какое мѣсто въ литературѣ и журналистикѣ было бы занимаемо этимъ журналомъ?

Мы осмѣлимся ожидать, что и въ «Современникѣ» безпристрастными судьями будетъ почтено не виною, а—не хотимъ говорить достоинствомъ—по крайней мѣрѣ исполненіемъ обязанности не отставать отъ мнѣнія просвѣщенной части публики и требованій справедливости, измѣняющихся съ теченіемъ времени, если «Современникъ», говоря о г. X или Z въ апрѣлѣ 1854 года, будетъ думать болѣе о томъ, что̀ по справедливости надобно сказать объ этомъ писателѣ теперь, нежели заботиться о томъ, чтобы сколько возможно буквальнѣе переписать тотъ самый отзывъ, который можно и должно было сдѣлать о произведеніяхъ этого писателя въ апрѣлѣ 1853, 1852 или 852 года. «Современникъ» надѣется, что ему не поставятъ въ вину равнымъ образомъ и того, если послѣдовательность понимаетъ онъ какъ вѣрность своимъ эстетическимъ требованіямъ, а не какъ слѣпую привязанность къ стереотипнымъ повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ о писателѣ, отъ самаго его литературнаго отрочества до самой его литературной дряхлости. Что же дѣлать, если писатель «подававшій надежды», заслуживавшій симпатіи лучшей части публики и ободрительныхъ похвалъ критики, «не оправдалъ надеждъ», потерялъ право на симпатію и похвалы? «Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде», и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ, ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось сказать тебѣ «да», а черезъ годъ «нѣтъ». Совершенно другое дѣло, если приговоръ однажды произнесенъ на основаніи однихъ началъ, а въ другой разъ на основаніи другихъ—тогда мы будемъ непослѣдовательны, хотя бы въ оба раза сказали одно и то же (напримѣръ: «одинъ романъ г-жи NN хорошъ, *потому что* въ немъ видна, сквозь экзальтацію, искренняя теплота чувства; стало быть и другой романъ г-жи NN хорошъ, *хотя* въ немъ видна только приторная экзальтація»). Но говорится, какъ мы видимъ, не объ этой измѣнѣ принципамъ, а просто о неодинаковости сужденій, о разныхъ произведеніяхъ однихъ писателей. Такое внѣшнее разнорѣчіе не всегда тяжкая вина; иногда отъ него зависитъ даже самая послѣдовательность и достоинство журнала. Но достоинство или недостатокъ—измѣненіе прежнихъ приговоровъ

сообразно измѣненію въ достоинствѣ предметовъ, о которыхъ произносится приговоръ, во всякомъ случаѣ ни недостатковъ, ни достоинствъ нельзя признавать за собою, не разсмотрѣвъ, до какой степени справедливо они приписываются намъ. Взглянемъ же, какъ велика на самомъ дѣлѣ разница между прежними и нынѣшними мнѣніями «Современника» о гг. Островскомъ, Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ; дѣйствительно ли она ставитъ «Современникъ» въ «рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою». Противорѣчіе отзывовъ «Современника» о комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» заключается въ томъ, что Новый Поэтъ въ апрѣльской книжкѣ 1853 года, говорилъ:

„Комедія г. Островскаго имѣла блистательный и полный заслуженный успѣхъ на двухъ сценахъ: петербургской и московской. Въ ней люди грубые, простые, необразованные, но съ душою и съ прямымъ здравымъ смысломъ поставлены рядомъ съ людьми полуобразованными. Авторъ очень ловко воспользовался этимъ контрастомъ. Какъ прекрасны эти мужики въ своей простотѣ, и какъ жалокъ этотъ промотавшійся Вихоревъ. Все это превосходно и въ высшей степени вѣрно дѣйствительности. Русаковъ и Бородкинъ—это живыя лица, взятыя изъ жизни безъ всякихъ прикрасъ“.

Въ февральской книжкѣ 1854 года сказано:

„Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя“.

Противорѣчіе между этими отдѣльными выписками рѣшительное; но оно совершенно сглаживается, если мы прочитаемъ ихъ въ связи съ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ той и другой статьѣ. Новый Поэтъ разсматриваетъ «Не въ свои сани не садись» въ отношеніи къ другимъ произведеніямъ нашего репертуара, говоритъ о превосходствѣ этой комедіи передъ другими, играющимися на Александринской сценѣ комедіями и драмами. Что касается до существеннаго достоинства «Не въ свои сани не садись», Новый Поэтъ, кажется, довольно ясно высказываетъ свое мнѣніе, прибавляя:

„Но несмотря на это, все-таки въ художественномъ отношеніи эта комедія не можетъ быть поставлена на ряду съ первою его комедіею („Свои люди — сочтемся“). Вообще „Не въ свои сани не садись“ произведеніе, невыходящее изъ ряда обыкновенныхъ талантливыхъ произведеній“.

И такъ какъ статья изъ № II «Современника» нынѣшняго года сравниваетъ эту комедію, «не выходящую изъ ряда обыкновенныхъ

произведеній» съ истинно замѣчательнымъ первымъ произведеніемъ г. Островскаго, то, называя ее «слабою», эта статья, кажется намъ, не впадаетъ въ противорѣчіе съ Новымъ Поэтомъ, говорящимъ, что «Не въ свои сани не садись» не можетъ быть поставлено на ряду съ «Своими людьми». Одна сторона противорѣчія—о художественномъ достоинствѣ комедіи—не существуетъ. Остается другое противорѣчіе: Новый Поэтъ назвалъ Бородкина и Русакова «живыми лицами, взятыми изъ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ»; черезъ годъ «Современникъ» говоритъ, что г. Островскій впалъ (въ комедіяхъ «Не въ свои сани не садись» и въ «Бѣдность не порокъ») «въ приторное прикрашиванье того, что не должно быть прикрашиваемо, и комедіи вышли фальшивыя». Здѣсь мы опять принуждены приняться за изложеніе элементарныхъ началъ, и объяснить, во первыхъ. что въ художественномъ произведеніи, общность котораго проникнута самымъ фальшивымъ воззрѣніемъ и которое поэтому до нестерпимости прикрашиваетъ дѣйствительность, отдѣльныя лица могутъ быть списаны съ дѣйствительности очень вѣрно, и безъ всякихъ прикрасъ. Или не распространяться объ этомъ? Вѣдь всѣ согласны, что напримѣръ, такъ и случилось въ «Бѣдность не порокъ»: Любимъ Торцовъ, безпутный пьяница съ добрымъ, любящимъ сердцемъ—лицо, сходныхъ съ которымъ найдется въ дѣйствительности очень много; а между тѣмъ «Бѣдность не порокъ» въ цѣломъ—произведеніе въ высшей степени фальшивое и прикрашенное; и главнымъ образомъ фальшивость и прикрашенность вносятся въ эту комедію именно лицомъ Любима Торцова, которое, отдѣльно взятое, вѣрно дѣйствительности. Это происходитъ оттого, что, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ художественномъ произведеніи бываетъ общая идея, отъ которой (а не отъ однихъ отдѣльныхъ лицъ) и зависитъ характеръ произведенія. Есть такая идея и въ «Не въ свои сани не садись», но она еще довольно ловко прикрыта искусною обстановкою, и потому не была замѣчена публикою: замѣчавшіе фальшивость идеи въ этой комедіи надѣялись (изъ любви къ прекрасному таланту автора «Своихъ Людей»), что эта идея — мимолетное заблужденіе автора, можетъ быть даже невѣдомо отъ самого художника вкравшееся въ его произведеніе; потому и не хотѣли говорить объ этой прискорбной сторонѣ безъ крайней необходимости; а необходимости не было, потому что идея, искусно спрятанная подъ выгодною обстановкою

(противопоставленіемъ Русакова и Бородкина Вихореву, пустѣйшему негодяю), не была замѣчена почти никѣмъ, не произвела впечатлѣнія и, слѣдовательно, не могла еще имѣть вліянія; изобличать ее, казнить ее не было поэтому никакой еще надобности. Но вотъ явилась «Бѣдность не порокъ»; фальшивая идея смѣло сбросила всякое прикрытіе болѣе или менѣе двусмысленною обстановкою, явилась твердымъ, постояннымъ принципомъ автора, была шумно провозглашена за животворную истину, была замѣчена всѣми, и, если не ошибаемся, произвела очень сильное неудовольствіе во всей здравомыслящей части общества. «Современникъ» почувствовалъ обязанность обратить вниманіе на эту идею и дать, по мѣрѣ возможности, выраженіе общему чувству. Заговоривъ о идеѣ «Бѣдность не порокъ», «Современникъ» считалъ не лишнимъ сказать два-три слова о прежнихъ произведеніяхъ автора, и, само собою разумѣется, долженъ былъ сказать, что «Не въ свои сани не садись», была предшественникомъ «Бѣдность не порокъ», чего, конечно, не будетъ нынѣ отрицать никто; идея «Не въ свои сани не садись», теперь объясненная для всѣхъ читателей послѣднею комедіею г. Островскаго, уже не могла быть пройдена молчаніемъ, какъ это возможно было прежде, когда она не имѣла никакого значенія для публики, и къ прежнему отзыву о вѣрности нѣкоторыхъ лицъ комедіи (чего и не думалъ отрицать разборъ «Бѣдность не порокъ») пришлось прибавить, что идея комедіи фальшива.

Что касается до отзывовъ «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ, то противорѣчіе исчезаетъ даже безъ всякихъ объясненій— стоитъ только сличить мнимо противорѣчащіе отзывы. «Современникъ» находилъ изряднымъ романъ г-жи Туръ «Племянницу» и находитъ дурнымъ черезъ три года написанный ею романъ «Три поры жизни», ни слова не говоря о другихъ произведеніяхъ этой писательницы; гдѣ же тутъ противорѣчіе? Выписки изъ послѣдняго отзыва не представляемъ, по рѣшительной ненужности ея для объясненія дѣла: просмотрѣвъ № V «Современника» за нынѣшній годъ, читатели могутъ убѣдиться, что наша рецензія послѣдняго романа не говоритъ ни одного слова о «Племянницѣ», «Долгѣ», «Ошибкѣ», и потому не можетъ никакимъ образомъ противорѣчить какому бы то ни было отзыву объ этихъ произведеніяхъ. Остается только попросить читателей взглянуть на статью о «Племянницѣ» № 1 «Современника» за 1852 г.); просмотрѣвъ ее, читатели увидятъ, какъ

много и тогда уже «Современникъ» принужденъ былъ говорить о недостаткахъ таланта г-жи Туръ; правда, въ этой статьѣ сказано, что есть сходство между хорошими сторонами таланта г-жи Туръ и талантомъ г-жи Ганъ, и что «блестящія надежды, возбужденныя г-жею Туръ, оправдались на столько, что перестали быть надеждами и сдѣлались достояніемъ нашей литературы», но эти похвалы (болѣе снисходительныя и деликатныя, нежели положительныя, какъ убѣждаетъ весь тонъ статьи) далеко перевѣшиваются мѣстами, подобными слѣдующему:

„У нея (г-жи Туръ), по поводу истинъ всѣмъ извѣстныхъ, является тонъ, полувосторженный, полупоучительный, какъ будто она сама только что ихъ открыла, но и *это можетъ статься*. Но и это можно извинить. *Таланта*, того независимаго таланта, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, въ г-жѣ Туръ или *нѣтъ* или очень мало; ея талантъ лирическій... *неспособный создавать* самостоятельные *характеры* и типы. Слогъ г-жи Туръ небреженъ, рѣчь ея *болтлива*, почти водяниста... Непріятно намъ было встрѣчать на иныхъ страницахъ «Племянницы» слѣды реторики, что-то такое, отъ чего пахло „Собраніемъ образцовыхъ сочиненій“, какія-то претензіи на сочинительство, на литературныя украшенія“. („Современникъ“. 1852 г. № I, критика, статья г. И. Т.)

Спрашиваемъ, что къ этимъ упрекамъ прибавлено новаго въ отзывѣ о «Трехъ порахъ жизни»? Ровно ничего; вмѣсто обвиненія въ противорѣчіи, скорѣе можно было обвинять рецензента этого послѣдняго романа въ томъ, что онъ слишкомъ пропитался статьею г. И. Т. Правда, рецензентъ не могъ повторить тѣхъ похвалъ, которыми смягчены упреки въ статьѣ г. И. Т., но что же дѣлать? достоинства «Племянницы» померкли до незамѣтности, а недостатки развились до крайности въ «Трехъ порахъ жизни».

Но болѣе всего «Отечественныя Записки» недовольны отзывомъ «Современника» о сочиненіяхъ г. Авдѣева («Современникъ» 1854 № 2). Этимъ отзывомъ «Современникъ» сталъ въ «самое странное противорѣчіе съ самимъ собою, потому что (признаемся это «потому что» очень трудно понять) теперь «Современникъ» говоритъ, что у г. Авдѣева замѣчательный талантъ разсказчика, а прежде «причислялъ г. Авдѣева къ нашимъ лучшимъ повѣствователямъ», именно въ 1850 году говорилъ:

„Въ первыхъ произведеніяхъ г. Авдѣева найдемъ явные признаки таланта (*досадная осторожность! почему бы не сказать: „блестящій талантъ?“ нѣтъ, только „признаки“ его*). Лучшимъ доказательствомъ, что г. Авдѣевъ силенъ

не одною подражательною способностью (*а! такъ уже и до 1850 года находили, что г. Авдѣевъ пока силенъ только подражательною способностью!*) послужила идиллія г. Авдѣева „Ясные дни". Эта повѣсть очень мила, въ ней много теплаго, искренняго чувства (*А ясности понятій о мірѣ и людяхъ много? Вѣроятно нѣтъ, если это достоинство не выставлено на видъ—а рецензія которою недовольны „Отеч. Записки", нападаетъ на этотъ недостатокъ*). Прекрасный языкъ, которымъ постоянно пишетъ г. Авдѣевъ вѣроятно замѣченъ своими читателями".

Попросимъ читателя просмотрѣть разборъ, который будто бы противорѣчитъ этому отзыву—и мы не знаемъ, найдутъ ли читатели, не говоримъ, противорѣчія, а хоть какое нибудь разногласіе въ немъ съ этою выпискою изъ прежняго отзыва. Прежде «Современникъ» причислялъ г. Авдѣева къ лучшимъ нашимъ повѣствователямъ—но и послѣдняя рецензія начинается именно словами: «Г. Авдѣевъ милый, пріятный разсказчикъ» и т. д. въ этомъ родѣ; на слѣдующей страницѣ (41-й) опять читаемъ: «Г. Авдѣевъ—полная честь ему за это—хорошій, очень хорошій разсказчикъ»; послѣ многократныхъ повтореній той же фразы, кончается рецензія словами (стр. 53) «онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ разсказчика»... и предположеніемъ что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, «онъ дастъ намъ много истинно прекраснаго» (самыя послѣднія слова рецензіи). Прежній отзывъ говоритъ, что въ «Ясныхъ дняхъ» нѣтъ подражанія—и послѣдняя рецензія не думаетъ подвергать этого сомнѣнію; прежній отзывъ не думаетъ отрицать, что «Тамаринъ» подражаніе; и послѣдняя рецензія доказываетъ это; прежній отзывъ видитъ въ «Ясныхъ дняхъ» теплоту чувства—и послѣдняя рецензія не подвергаетъ это ни малѣйшему сомнѣнію, называя лица этой идилліи «любимцами» г. Авдѣева, людьми ему «милыми». Намъ кажется, что противорѣчія во всемъ этомъ нѣтъ ни капли. Намъ кажется даже, что скорѣе можно обвинить послѣднюю рецензію въ слишкомъ щепетильномъ изученіи прежнихъ отзывовъ, точно также, какъ можно обвинить и разборъ романа г-жи Туръ «Три поры жизни» въ слишкомъ близкомъ сходствѣ съ статьею г. И. Т. о «Племянницѣ».

Однимъ словомъ всякій, кто внимательно сличитъ съ прежними отзывами «Современника» рецензіи, которыми такъ недовольны иные, найдетъ между этими рецензіями и прежними отзывами не противорѣчіе а самую обыкновенную между статьями одного и того же журнала одинаковость во взглядѣ. И хотя очень пріятно было

бы «Современнику» какъ можно чаще давать своимъ читателямъ статьи, отличающіяся новостью взгляда, но онъ долженъ признаться, что этимъ-то именно достоинствомъ всего менѣе отличаются рецензіи, вызвавшія неудовольствіе. И мы свое элементарное изложеніе понятій и послѣдовательности должны заключить отвѣтомъ, какой дѣлали въ свое время сами «Отечественныя Записки» на подобныя неудовольствія противъ нихъ за новизну, будто бы, мнѣній о значеніи разныхъ знаменитостей нашей литературы, именно: «Мнѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, «*не новы и не оригинальны*»,—особенно для читателей «Современника». Чѣмъ же они могли привлечь на себя нерасположеніе»? Неужели тѣмъ, что высказаны прямо, безъ обиняковъ, недомолвокъ и оговорокъ? Не тѣмъ ли, что сказавъ: «Тамаринъ»—подражаніе», мы не прибавили, по обыкновенію, укореняющемуся съ нѣкотораго времени въ нашей критикѣ: «впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что г. Авдѣевъ въ «Тамаринѣ» былъ подражателемъ; мы находимъ въ этомъ романѣ много самостоятельнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ прекраснаго» и т. д.; сказавъ «Три поры жизни»—экзальтированный романъ безъ всякаго содержанія», не прибавили: «впрочемъ, въ немъ очень много свѣтлаго и спокойнаго пониманія жизни, и еще больше многозначительныхъ идей, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторъ не даромъ думалъ о многомъ?» и не тѣмъ ли, что не прибавили къ этому общихъ мѣстъ о «несомнѣнныхъ дарованіяхъ», о томъ, что разбираемыя книги «составляютъ отрадное явленіе въ русской литературѣ» и т. д.? Если такъ, то отвѣтъ на это уже есть готовый въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Въ нашей критикѣ замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонничество живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно, а говорятъ другое». Напомнивъ это мѣсто, мы перейдемъ къ изложенію «самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ понятій» о томъ, что такое критика и до какой степени она должна быть уклончива и можетъ обходиться безъ прямоты,—перейдемъ къ ученію о томъ, до какой степени хорошо дѣлаетъ критика, когда, по выраженію «Отечественныхъ Записокъ», говоритъ «голосомъ обезоруживающимъ» даже при несправедливости, своею смиренностью.

II.

Полемическая форма въ нашей статьѣ—только средство заинтересовать сухимъ и слишкомъ незамысловатымъ предметомъ тѣхъ, которые не любятъ сухихъ предметовъ, какъ бы они важны ни были, и считаютъ ниже своего достоинства обращать хоть отъ времени до времени къ размышленію о простыхъ вещахъ свое вниманіе, постоянно занятое «живыми и важными» вопросами искусства (напримѣръ, о томъ, какъ велико достоинство какого нибудь дюжиннаго романа). Теперь мы можемъ оставить эту форму, потому что читатель, пробѣжавшій болѣе половины статьи, вѣроятно не оставитъ безъ вниманія и ея окончанія. Мы будемъ прямо излагать основныя понятія, напомнить о которыхъ мы считали нужнымъ.

Критика есть сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ какого нибудь литературнаго произведенія. Ея назначеніе—служить выраженіемъ мнѣнія лучшей части публики и содѣйствовать дальнѣйшему распространенію его въ массѣ. Само собою разумѣется, что эта цѣль можетъ быть достигаема сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ только при всевозможной заботѣ о ясности, опредѣленности и прямотѣ. Что за выраженіе общественному мнѣнію выраженіе обоюдное, темное? Какимъ образомъ дастъ критика возможность познакомиться съ этимъ мнѣніемъ, объяснитъ его массѣ, если сама будетъ нуждаться въ поясненіяхъ и будетъ оставлять мѣсто недоразумѣніямъ и вопросамъ: «да что же вы думаете въ самомъ-то дѣлѣ, г. критикъ? да въ какомъ же смыслѣ надобно понимать то, что вы говорите, г. критикъ?» Поэтому критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямотѣ и ясности дѣла. Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фельетоновъ; эта уклончивость и мелочность не во вкусѣ русской публики, нейдетъ къ живымъ и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно справедливо отъ критики наша публика. Слѣдствія уклончивыхъ и позолоченныхъ фразъ всегда были и будутъ у насъ одинаковы: сначала эти фразы вводятъ въ заблужденіе читателей, иногда относительно достоинства произведеній, всегда относительно мнѣній

журнала о литературныхъ произведеніяхъ, потомъ публика теряетъ довѣріе къ мнѣніямъ журнала; и потому всѣ наши журналы, желавшіе, чтобъ ихъ критика имѣла вліяніе и пользовалась довѣріемъ, отличалась прямотою, неуклончивостью, неуступчивостью (въ хорошемъ смыслѣ) своей критики, называвшей всѣ вещи— сколько то было возможно—прямыми ихъ именами, какъ бы жестки ни были имена. Приводить примѣры считаемъ излишнимъ: одни въ памяти у всѣхъ, другіе мы напомнили, говоря о старыхъ разборахъ сочиненій Погорѣльскаго. Но какже надобно судить о рѣзкости тона? Хороша ли она? даже позволительна ли она? Что отвѣчать на это? c'est selon: каковъ случай и какова рѣзкость. Иногда безъ нея не можетъ обойтись критика, если хочетъ быть достойною имени живой критики, которую, какъ извѣстно, можетъ писать только живой человѣкъ, то есть способный проникаться и энтузіазмомъ, и сильнымъ негодованіемъ, — чувства, которыя, какъ тоже всѣмъ извѣстно, изливаются не въ холодной и вялой рѣчи, не такъ, чтобы никому отъ ихъ изліянія не было ни тепло, ни холодно. Примѣры указывать опять считаемъ излишнимъ уже и потому, что у насъ есть пословица: «кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ». А для осязательнаго доказательства, какъ необходима иногда бываетъ въ живой критикѣ рѣзкость тона, предположимъ еще такой случай (еще не изъ самыхъ важныхъ). Та манера писать, которая была изгнана изъ употребленія ѣдкими сарказмами дѣльной критики, начинаетъ опять входить въ моду, вслѣдствіе различныхъ причинъ, между прочимъ и ослабленія критики, быть можетъ, увѣренной, что цвѣтистое пустословіе не можетъ оправиться отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Вотъ опять, какъ во времена Марлинскаго и Полевого, появляются на свѣтъ, читаются большинствомъ, одобряются и ободряются многими литературными судьями произведенія, состоящія изъ набора реторическихъ фразъ, порожденныя «плѣнной мысли раздраженьемъ», ненатуральною экзальтаціею, отличающіяся прежнею приторностью, только съ новымъ еще качествомъ — шаликовскою граціозностью, миловидностью, нѣжностью, мадригальностью; появляются даже какія-то новыя «Марьины рощи» съ Усладами; и эта реторика, оживши въ худшемъ видѣ, опять угрожаетъ наводнить литературу, вредно подѣйствовать на вкусъ большинства публики, заставить большинство писателей опять забыть о содержаніи, о здоровомъ взглядѣ на жизнь, какъ существенныхъ до-

стоинствахъ литературнаго произведенія. Предположивъ такой случай (а бываютъ ещо болѣе горькіе), спрашиваемъ: обязана ли критика вмѣсто изобличеній писать мадригалы этимъ хилымъ, но опаснымъ явленіямъ? или она можетъ поступать въ отношеніи къ новымъ болѣзненнымъ явленіямъ такъ, какъ въ свое время было поступаемо относительно подобныхъ явленій, и безъ околичностей говоритъ, что въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго? Вѣроятно, не можетъ. Почему же? Потому что «талантливый авторъ, не могъ написать дурного сочиненія». Да развѣ Марлинскій былъ талантливъ менѣе нынѣшнихъ эпигоновъ? Развѣ «Марьину рощу» написалъ не Жуковскій? А скажите, что хорошаго въ «Марьиной рощѣ»? И за что можно похвалить произведеніе безъ содержанія, или съ дурнымъ содержаніемъ? «Но оно написано хорошимъ языкомъ». За хорошій языкъ можно было прощать жалкое содержаніе тогда, когда главною потребностью нашей литературы было выучиться писать не тарабарскимъ языкомъ. Восемьдесять лѣтъ тому назадъ было особенною честью для человѣка знаніе орѳографіи; и дѣйствительно, тогда кто умѣлъ ставить на мѣстѣ букву ѣ, тотъ по справедливости могъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Но не совѣстно ли было бы теперь знаніе правописанія ставить въ особенную заслугу кому нибудь, кромѣ Вити, выведеннаго г. Островскимъ? Писать дурнымъ языкомъ — теперь недостатокъ; умѣнье писать недурно теперь не составляетъ особеннаго достоинства. Припомнимъ выписанную нами въ статьѣ о Погорѣльскомъ фразу «Телеграфа»: «Неужели за то прославляютъ «Монастырку». что она гладенько написана?» и оставимъ составителю «Памятнаго листка ошибокъ въ русскомъ языкѣ» пріятную и многотрудную обязанность выдавать похвальные листы за искусство писать удовлетворительнымъ языкомъ. Эта раздача отняла бы слишкомъ много времени у критика, да и вовлекла бы въ слишкомъ большіе расходы на бумагу: сколько стопъ потребовалось бы для похвальныхъ листовъ, если награждать всѣхъ достойныхъ?

Возвратимся однако къ вопросу о рѣзкости отзывовъ. Позволительна ли неподслащенная прямота осужденія, когда дѣло идетъ о произведеніи «извѣстнаго» писателя?—Неужели вы хотите, чтобы позволялось «нападать развѣ уже на самаго круглаго и беззащитнаго сироту»? Развѣ во всеоружіи бранномъ, съ калеными стрѣлами сарказма идти на бой противъ какого нибудь бѣднаго Макара, на ко-

тораго всѣ шишки валятся? Если такъ, отдайте же свое критическое кресло тѣмъ гоголевскимъ господамъ, которые «хвалятъ Пушкина и съ остроумными колкостями говорятъ объ А. А. Орловѣ».— Да, виноваты; мы начали писать неясно и неубѣдительно; мы позабыли о своемъ намѣреніи—всегда начинать съ самаго начала. Пополняемъ опущеніе. Критика достойная своего имени пишется не для того, чтобы господинъ критикъ щеголялъ остроуміемъ, не для того, чтобы доставить критику славу водевильнаго куплетиста, возвеселяющаго публику своими каламбурцами. Остроуміе, ѣдкость, жолчь, если ими владѣетъ критикъ, должны служить ему орудіемъ для достиженія серьезной цѣли критики—развитія и очищенія вкуса въ большинствѣ его читателей, должны только давать ему средство соотвѣтственнымъ образомъ выражать мнѣнія лучшей части общества. А развѣ общественное мнѣніе интересуется вопросами о достоинствѣ писателей, никому неизвѣстныхъ, ни кѣмъ не почитаемыхъ за «прекрасныхъ писателей»? Развѣ лучшая часть общества возмущается тѣмъ, что какой нибудь ученикъ Ѳедота Кузмичева или А. А. Орлова написалъ новый романъ въ четырехъ частяхъ по 15 страничекъ каждая? Развѣ «Любовь и вѣрность» или «Страшное мѣсто» (см. Библіографію этой книжки «Современника») или «Похожденія Георга милорда англійскаго» портятъ вкусъ публики? Если хотите, изощряйте и надъ ними свое остроуміе, но помните, что вы занимаетесь въ такомъ случаѣ «журнальнымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее», а не критикою. «Но строгимъ осужденіемъ можетъ огорчиться авторъ»—это другое дѣло; если вы человѣкъ, нелюбящій огорчать ближняго, то не нападайте уже ни на кого, потому что и малоизвѣстнаго автора, столько же, сколько самого знаменитаго, огорчитъ указаніе недостатковъ его литературнаго дѣтища. Если вы думаете, что говорить кому нибудь непріятное нельзя ни въ какомъ случаѣ, ни для какого блага, то положите на уста ваши палецъ молчанія, или откройте ихъ за тѣмъ, чтобы доказывать, что всякая критика вредна, потому что всякая кого нибудь огорчаетъ. Но не торопитесь осуждать безусловно всякую критику. Каждый согласится, что справедливость и польза литературы выше личныхъ ощущеній писателя. А жаръ нападенія долженъ быть соразмѣренъ степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силѣ вліянія, на которые вы нападаете. Слѣдовательно, если передъ вами два романа, отличающихся фальшивою экзальта-

ціею и сантиментальностью, и одинъ изъ нихъ носитъ имя неизвѣстное, а другой имя, пользующееся вѣсомъ въ литературѣ, то на который вы должны напасть съ большею силою? На тотъ, который болѣе важенъ, т. е. вреденъ для литературы. Перенесемся за шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Вы нѣмецкій критикъ. Передъ вами лежитъ превосходная въ художественномъ отношеніи, но приторная «Herman und Dorothea» Гёте и какая нибудь другая идиллическая поэма какого нибудь посредственнаго писаки, довольно складно написанная, и столько же приторная, какъ «художественно-прекрасное созданіе» великаго поэта. На которую изъ этихъ двухъ поэмъ должны вы напасть со всѣмъ жаромъ, если вы считаете (какъ всякій умный человѣкъ) приторное идеальничанье очень вредною для нѣмцевъ болѣзнью? И которую поэму вы можете разобрать уступчивымъ, мягкимъ и можетъ быть даже ободрительнымъ тономъ? Одна изъ нихъ пройдетъ незамѣченною, безвредною, несмотря на вашъ уступчивый отзывъ; другая вотъ уже 57 лѣтъ восхищаетъ нѣмецкую публику. Очень хорошо поступили бы вы, еслибъ, бывши нѣмецкимъ критикомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, излили всю жолчь негодованія на эту вредную поэму, отказались бы на время слушаться мягкихъ внушеній вашего глубокаго уваженія къ имени того, кто былъ славою нѣмецкаго народа, не побоялись бы упрековъ въ запальчивости, въ опрометчивости, въ неуваженіи къ великому имени, и холодно и коротко сказавъ, что поэма написана очень хорошо (на это найдутся сотни перьевъ и кромѣ вашего), какъ можно яснѣе и рѣзче напали бы на вредную сантиментальность и пустоту ея содержанія, постарались бы на сколько силъ вашихъ достаетъ доказать, что поэма великаго Гёте жалка и вредна по содержанію, по направленію. Говорить о произведеніи Гёте такимъ образомъ было бы, конечно, не легко для васъ: и вамъ самимъ горько возставать на того, кого хотѣли бы вы вѣчно прославлять, и дурно подумаютъ о васъ многіе. Но что же дѣлать? Того требуетъ отъ васъ обязанность.

Какой патетическій тонъ! мы забыли, что Гёте между нашими литераторами давно уже не отъискивалось, слѣдовательно русской современной критикѣ приходится говорить только о такихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе близки къ простымъ смертнымъ, и, вѣроятно, геройской рѣшимости вовсе не нужно для того, чтобы осмѣлиться, когда кто нибудь изъ нихъ напишетъ плохое про-

изведеніе, назвать произведеніе плохимъ безъ всякихъ околичностей и оговорокъ, а когда кто нибудь выскажетъ это мнѣніе, то не огорчаться его ужаснымъ дерзновеніемъ.

Потому намъ кажется, что если находить недостатки напр. въ рецензіи «Современника» о «Трехъ порахъ жизни», то надобно было бы выставлять на видъ не то, что знаменитый авторъ этого романа стоитъ выше критики, а напротивъ, развѣ уже то, что едва ли стоило много толковать о такой книгѣ, которой, по всей вѣроятности, вовсе не суждено надѣлать шуму въ публикѣ. И намъ кажется, что читатели могли быть не совсѣмъ довольны нашею длинною рецензіею за ея длинноту; они могутъ думать, что было бы гораздо лучше и было бы совершенно достаточно ограничиться двумя-тремя словами, напр. хоть только тѣми, которыя выписываютъ «Отечественныя Записки» (въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, представляющая все какъ разъ навыворотъ противъ того, какъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ господствуетъ неизмѣримая пустота содержанія); но «Современникъ» вовсе не потому и распространялся объ этомъ романѣ, что романъ самъ по себѣ стоитъ большого вниманія,—намъ казалось, что онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ одинъ изъ многихъ подобныхъ ему аффектированныхъ романовъ, число которыхъ размножилось въ послѣднее время очень замѣтно. Что́ входитъ въ моду, то должно подвергнуться ближайшему разсмотрѣнію уже по этому обстоятельству, хотя бы и не заслуживало того по своему существенному значенію. И это подаетъ намъ случай пожалѣть о томъ, что въ послѣдніе годы наша литература развивалась слишкомъ медленно; а какъ значительно бывало прежде развитіе ея въ теченіе пяти-шести лѣтъ! Но, скажите, на много ли ушла она впередъ со времени появленія «Племянницы», «Тамарина» и особенно прекраснаго произведенія г. Островскаго «Свои люди—сочтемся»? И по этому-то самому застою литературы сужденія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ въ 1854 году не могли значительно разниться отъ мнѣній его объ этихъ писателяхъ въ 1850 году. Мало измѣнилась литература, мало измѣнилось и положеніе писателей въ литературѣ.

А все-таки застой въ литературѣ былъ не совершенный—нѣкоторые писатели (напримѣръ, г. Григоровичъ, съ которымъ иные про-

должаютъ ставить на ряду г. Авдѣева, какъ ставили прежде) двинулись впередъ, заняли въ литературѣ гораздо болѣе видное мѣсто, нежели въ 1850 году; другіе, напримѣръ г-жа Туръ, еще значительнѣе подвинулись назадъ; третьи, немногіе, какъ г. Авдѣевъ, остались совершенно на прежнемъ мѣстѣ; слѣдовательно прежніе ряды уже разстроились, образовались новые. И теперь для всякаго читателя показалось бы смѣшно, если бы стали ставить на ряду, напримѣръ, съ г. Григоровичемъ г. Авдѣева и тѣмъ болѣе г-жу Туръ. До нѣкоторой степени понятія объ этихъ послѣднихъ измѣнились. И развѣ (будемъ говорить только о г. Авдѣевѣ), развѣ каждый читатель не скажетъ теперь, что при появленіи первыхъ произведеній г. Авдѣева должно было надѣяться отъ него гораздо большаго, нежели до сихъ поръ онъ могъ произвести? Развѣ не всякій говоритъ, что до сихъ поръ онъ «еще не оправдалъ надеждъ»? а прошло уже лѣтъ пять или шесть, онъ написалъ уже пять или шесть повѣстей, пора было бы оправдать эти надежды. И если отъ него надобно дѣйствительно ожидать чего-нибудь лучшаго (надежда, которую мы раздѣляемъ и которую выразили въ своей статьѣ), то не пора ли, не давно ли уже пора обратить вниманіе «дѣйствительно даровитаго» разсказчика на то, что до сихъ поръ онъ еще *ничего* не сдѣлалъ для упроченія своей извѣстности? Когда онъ издаетъ всѣ свои произведенія за пять или за шесть лѣтъ, не должно ли обратить его вниманіе на существенные недостатки всѣхъ его произведеній (отсутствіе мысли и безотчетность, съ какою разливаетъ онъ свое теплое чувство)? Къ счастію, исправить эти недостатки «онъ можетъ, если ему будетъ угодно» (счастливое выраженіе!) потому-то и надобно яснѣе выставить ихъ ему на видъ—это можетъ быть небезполезнымъ. Другое дѣло коренная испорченность (истиннаго или предполагаемаго?) таланта—этому едва ли можно пособить, какъ ни указывай недостатки; потому-то въ одной изъ трехъ рецензій (не о «Тамаринѣ» или «Бѣдность не порокъ»), о которыхъ идетъ рѣчь, «Современникъ» и не высказалъ никакихъ надеждъ. Но недостатки, которыми страждетъ талантъ г. Авдѣева, могутъ исчезнуть, если онъ этого серьезно захочетъ, оттого, что лежатъ не въ сущности его дарованія, а въ отсутствіи тѣхъ необходимыхъ для плодовитаго развитія таланта качествъ, которыя не даются природою, какъ дается талантъ; которыя даются иному тяжелымъ опытомъ жизни, иному наукою, иному обществомъ, въ которомъ онъ

живетъ; на эти условія «Современникъ» старался обратить вниманіе г. Авдѣева всею своею рецензіею и по возможности ясно высказалъ ихъ въ концѣ. Жалѣемъ, что не можемъ начать толковать о нихъ здѣсь, отчасти уже и потому, что это значило бы повторять сказанное очень еще недавно. Но всѣ толки объ этихъ «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о какихъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ», приводятъ насъ къ тому, чтобы сказать два-три слова о томъ, что такое «мысль»—понятіе, приводящее въ недоумѣніе нѣкоторыхъ, конечно, очень немногихъ, и о которомъ поэтому считаемъ достаточнымъ сказать только два-три слова, не распространяясь относительно предмета столь общеизвѣстнаго.

«Что такое «мысль» въ поэтическомъ произведеніи?» Какъ бы это объяснить просто и коротко? Вѣроятно, всякому случалось замѣчать разницу между людьми, разговоръ которыхъ приходилось ему слышать. Просидишь два часа съ инымъ человѣкомъ—и чувствуешь, что провелъ время не даромъ; находишь по окончаніи бесѣды, что или узналъ что-нибудь новое, или сталъ яснѣе смотрѣть на вещи, или сталъ больше сочувствовать хорошему, или живѣе оскорбляться дурнымъ, или чувствуешь побужденіе подумать о чемъ-нибудь. Послѣ иной бесѣды ничего такого не бываетъ. Поговоришь, кажется, столько же времени и, кажется о тѣхъ же самыхъ предметахъ, только съ человѣкомъ другого разбора,—и чувствуешь, что изъ его разсказовъ не вынесъ ровно ничего, все равно, какъ будто бы занимался съ нимъ не разговоромъ, а пусканьемъ мыльныхъ пузырей, все равно, какъ будто бы и не говорилъ. Неужели надобно объяснять, почему это такъ? потому, что одинъ собесѣдникъ либо человѣкъ очень образованный, либо человѣкъ, видавшій многое на своемъ вѣку и видавшій не безъ пользы для себя, «бывалый» человѣкъ, либо человѣкъ призадумывавшійся надъ чѣмъ-нибудь; а другой собеседникъ—то, что называется «пустой» человѣкъ. Неужели должно пускаться въ доказательства и объясненія, что книги раздѣляются на такіе же два разряда, какъ и разговоры? Однѣ бываютъ «пустыя»,—иногда съ этимъ вмѣстѣ и надутыя—другія «непустыя»; и вотъ о непустыхъ-то и говорится, что въ нихъ есть «мысль». Мы думаемъ, что если позволительно смѣяться надъ пустыми людьми, то, вѣроятно, позволительно смѣяться и надъ пустыми книгами; что если позволительно говорить: «не

стоитъ вести и слушать пустыхъ разговоровъ», то, вѣроятно, позволительно и говорить «не стоитъ писать и читать пустыхъ книгъ».

Прежде постоянно требовалось отъ поэтическихъ произведеній «содержаніе»; наши нынѣшнія требованія, къ сожалѣнію, должны быть гораздо умѣреннѣе, и потому мы готовы удовлетвориться даже и «мыслью», т. е. самымъ стремленіемъ къ содержанію, вѣяніемъ въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возникаетъ «содержаніе». Впрочемъ, быть можетъ, надобно объяснять, что такое «содержаніе»? Но мы вѣдь пишемъ о многотрудныхъ вопросахъ, а ученые трактаты не могутъ обходиться безъ цитатъ. Потому напомнимъ слова «Отечественныхъ Записокъ»:

„Иной пожалуй скажетъ, что эти слова употреблялись еще въ „Вѣстникѣ Европы", въ „Мнемозинѣ" въ „Атенеѣ" и проч., были всѣмъ понятны назадъ тому лѣтъ двадцать и не возбуждали ничьего ни удивленія, ни негодованія. Увы! что дѣлать! До сихъ поръ мы жарко вѣрили ходу впередъ, а теперь приходится намъ повѣрить движенію назадъ".

Хуже всего въ этомъ отрывкѣ то, что онъ совершенно справедливъ. Поэтому жалѣемъ, что «Обыкновенная исторія» и «Тамаринъ» или «Ясные дни» явились не за двадцать лѣтъ назадъ: тогда поняли бы, какое огромное различіе между этими произведеніями. Поняли бы, конечно, и то, что въ основаніи драмы г. Потѣхина «Гувернантка» (т. е. «Братъ и сестра»?) лежитъ мысль фальшивая и аффектированная, какъ это, впрочемъ, уже и было доказано «Современникомъ».

Возвратимся, однако, опять къ «рѣзкости» тона. Мы говорили, что во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета и не холодно смотрящей на литературные вопросы. Но мы также сказали, что рѣзкость бываетъ разныхъ родовъ и до сихъ поръ говорили только объ одномъ случаѣ,—томъ, когда рѣзкость тона происходитъ оттого, что мысль справедливая выражается прямо и по возможности сильно безъ оговорокъ. Другое дѣло—неразборчивость въ словахъ; ее, разумѣется, не хорошо позволять себѣ, потому что быть грубымъ значитъ забывать собственное достоинство. Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ могли упрекнуть насъ, потому что вотъ каково самое жестокое изъ выраженій, подчеркнутыхъ за «нецеремонность, далеко не фешенэбльную»:

„Тамаринъ“ заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность къ развитію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ человѣка мыслящаго“.

Едва ли эти слова осудятъ и гоголевскія дамы, говорящія «обойтись посредствомъ платка»; но уже ни въ какомъ случаѣ не долженъ «поражаться» ими тотъ, кто самъ тутъ же позволяетъ себѣ выраженія, гораздо менѣе фешёнэбльныя. Да, не хорошо быть неразборчивымъ на слова; но все еще это гораздо простительнѣе, нежели позволять себѣ темные намеки, заподозривающіе искренность того, кѣмъ вы недовольны. Ихъ мы не совѣтовали бы употреблять никому, оттого, что они, именно по своей темнотѣ, прилагаются ко всему; и если напримѣръ «Отечественныя Записки» намекнутъ, что «Современникъ», несправедливъ къ г. Авдѣеву и г-жѣ Туръ потому, что произведенія этихъ писателей не печатаются болѣе въ «Современникѣ», то какъ легко (удержимся отъ другихъ намековъ) объяснить этотъ намекъ такою фразою: «Отечественнымъ Запискамъ» мнѣнія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ кажутся несправедливыми потому, что эти авторы печатаютъ нынѣ свои произведенія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но лучше оставить всѣ подобныя мелочи, рѣшительно смѣшныя: неужели «Отечественныя Записки» перестали хвалить г. Бенедиктова потому, что произведенія этого поэта, украшавшія первые нумера журнала, потомъ перестали появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Неужели не ясно для всякого, что могло не быть между этими фактами никакой связи, что, наконецъ, дѣло могло быть и наоборотъ? Оставимъ это. Критика не должна быть «журнальною перебранкою»; она должна заняться дѣломъ болѣе серьезнымъ и достойнымъ—преслѣдованіемъ пустыхъ произведеній и, сколько возможно, обличеніемъ внутренней ничтожности и разладицы произведеній съ ложнымъ содержаніемъ.

И въ какомъ бы журналѣ ни встрѣчалъ «Современникъ» критику съ подобнымъ стремленіемъ, онъ всегда радъ встрѣчать ее, потому что потребность въ ней дѣйствительно сильна.

РОМАНЪ И ПОВѢСТИ М. Авдѣева. Два тома. Спб. 1853.

Господинъ Авдѣевъ—милый, пріятный разсказчикъ. Его повѣсти не оставались неразрѣзанными въ книжкахъ журналовъ: это много значитъ. И если бы какой нибудь господинъ, вслѣдствіе мудраго правила не читать ничего въ ужасъ или скуку приводящаго, рѣдко заглядывающій въ русскія книги, спросилъ насъ, раскается ли онъ, прочитавъ «Романъ и Повѣсти» господина Авдѣева, мы поручились бы ему головою, что не раскается, поручились бы даже, что онъ прочитаетъ ихъ съ удовольствіемъ. Но еслибъ онъ былъ такъ неделикатенъ въ выраженіяхъ, что предложилъ бы намъ свой вопросъ въ отрицательной формѣ: «долженъ ли я жалѣть, что не читалъ повѣстей и романа г. Авдѣева, и необходимо ли мнѣ загладить свой поступокъ?» то.... то мы не знаемъ, что бы мы сказали ему.

Отчего же мы не знаемъ навѣрное, что бы мы сказали? оттого, что г. Авдѣевъ—полная честь ему за это—хорошій, очень хорошій разсказчикъ; но.... но мы не знаемъ, можетъ ли найтись въ его «Романѣ и Повѣстяхъ» что нибудь хорошаго, кромѣ того, что разсказаны они хорошо.

Говорятъ, будто бы достоинство платья зависитъ единственно оттого, хорошо ли, изящно ли оно сдѣлано; но говорятъ иногда и то, что какъ бы ни изящно сдѣлано было платье, а все-таки не годится оно, если сдѣлано изъ поношенной матеріи, или сдѣлано не по мѣркѣ. Мы боимся, чтобы послѣднее замѣчаніе не было приложимо къ произведеніямъ г. Авдѣева, которыя субтильнымъ изяществомъ напоминаютъ произведенія моднаго искусства: написаны

они хорошо; но въ романѣ нѣтъ свѣжести, онъ сшитъ изъ поношенныхъ лоскутовъ, а повѣсти не приходятся по мѣркѣ нашего вѣка, готоваго примириться скорѣе съ недостатками формы, нежели съ недостаткомъ содержанія, съ отсутствіемъ мысли. Мы боимся, что строгіе люди скажутъ: въ чемъ нѣтъ мысли, до того намъ нѣтъ и дѣла. Впрочемъ, мало ли что могутъ сказать строгіе люди! ихъ нечего слушать; лучше посмотримъ, что намъ должно сказать о романѣ и повѣстяхъ одного изъ любимыхъ нашихъ беллетристовъ.

Когда явились первыя части «Тамарина» (Варинька и Записки Тамарина), которыми дебютировалъ г. Авдѣевъ, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что это буквальное подражаніе «Герою нашего времени»; многіе сказали еще, что въ этомъ подражаніи, какъ и во всѣхъ буквальныхъ подражаніяхъ, искаженъ духъ, смыслъ подлинника; что Лермонтовъ—мыслитель глубокій для своего времени, мыслитель серьёзный—понимаетъ и представляетъ своего Печорина какъ примѣръ того, какими становятся лучшіе, сильнѣйшіе, благороднѣйшіе люди подъ вліяніемъ общественной обстановки ихъ круга, а что г. Авдѣевъ добродушно выставляетъ своего Тамарина истинно великимъ человѣкомъ и добродушно преклоняется передъ нимъ. Г. Авдѣевъ хочетъ придать своему произведенію другой смыслъ. Въ предисловіи къ своему роману онъ говоритъ: «Авторъ разбора сочиненій Пушкина замѣтилъ, что Онѣгинъ и Печоринъ составляютъ одинъ типъ, измѣнившійся при послѣдовательномъ развитіи. Это замѣчаніе дало мнѣ мысль прослѣдить дальнѣйшее развитіе типа «героевъ своего времени». Вотъ цѣль, съ которой я задумалъ Тамарина. Лермонтовъ увлекся своимъ героемъ, и поставилъ его въ какомъ-то поэтическомъ полусвѣтѣ, который придалъ ему ложную грандіозность. Ослѣпленное яркимъ эффектомъ красокъ и искусной драпировкой героя, большинство увлеклось имъ, и вмѣсто того, чтобы увидать въ немъ образецъ своихъ недостатковъ, стало рядиться въ него, стало ему подражать; онъ породилъ Печориныхъ въ обществѣ. Съ этихъ-то дѣйствительныхъ Печориныхъ писанъ мой Тамаринъ. Показать обществу и человѣку, какъ они обманывались, и показать разоблаченіе этого обмана—вотъ въ чемъ была моя задача». Дѣйствительно, такова цѣль и смыслъ послѣдней изъ повѣстей этого романа—«Ивановъ». Но Ивановъ (о немъ рѣчь впереди) писанъ черезъ два года послѣ «Разсказа Ивана

Васильича», и авторъ могъ измѣниться и измѣнить взглядъ на своего героя въ это время, могъ—при помощи критики—разочароваться въ Тамаринѣ и позабыть, что былъ имъ прежде очарованъ, могъ послѣ увидѣть въ своихъ первыхъ повѣстяхъ не то, что дѣйствительно въ нихъ было. Примѣровъ такой забывчивости о своемъ прежнемъ нравственномъ положеніи — множество, и мы желали бы указать ихъ, если бы не боялись, что и безъ того нашъ разборъ будетъ слишкомъ обширенъ. Однимъ словомъ, мы вѣримъ въ искренность объясненія (или, скорѣе, оправданія): но до какой степени оно справедливо? Нѣтъ, не съ подражателей Печорину писанъ портретъ Тамарина, а черта въ черту, сцена въ сцену переписаны двѣ первыя повѣсти этого романа съ Бэлы и княжны Мери изъ «Героя нашего времени». Копія такъ буквальна, что нѣтъ возможности видѣть въ ней что нибудь кромѣ копіи, нѣтъ возможности видѣть въ первой половинѣ романа хотя тѣнь самостоятельности въ изложеніи, не только самостоятельнаго взгляда. Попробуемъ сдѣлать краткій обзоръ этой первой половины романа.

Въ «Героѣ нашего времени» двѣ главныя повѣсти: «Бэла», разсказываемая простодушнымъ Максимомъ Максимычемъ, и «Княжна Мери», дневникъ Печорина. И у г. Авдѣева двѣ повѣсти: «Варинька», разсказываемая Иваномъ Васильичемъ, и «Я, Тетрадь изъ записокъ Тамарина» (это гордое «Я» исчезло во второмъ, отдѣльномъ изданіи: авторъ лишилъ своего уваженія это «Я» Тамарина, которое прежде величественно красовалось, внушая читателю глубокое уваженіе). Но если Максимъ Максимычъ разсказываетъ своимъ языкомъ и дѣйствительно своими глазами смотритъ на вещи, Иванъ Васильичъ, говоря фразами Максима Максимыча, безпрестанно проговаривается и отдаетъ свой языкъ въ распоряженіе Печорина, Тамарина или самого г. Авдѣева. Примѣровъ перваго не нужно приводить: они составляютъ фонъ разсказа; вотъ примѣры второго, эпизодически прорывающагося тона:

Описаніе на цѣлой страницѣ Джальмы, коня Тамарина; Джальма, чуть проѣдетъ нѣсколько шаговъ, изъ сѣраго въ яблокахъ «дѣлался розовый: такъ тонка была у него кожа!» Кому, кромѣ Печорина, имѣющаго страсть говорить о лошадяхъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о женщинахъ, придетъ въ голову эта «тонкость»? И дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ Иванъ Васильичъ принужденъ дѣлать такое же описаніе Вариньки, у которой былъ «тонко схваченный

станъ», и темно-голубые глаза, спокойно смотрѣвшіе на Божій міръ», какъ будто въ немъ не было ни горя, «ни длиннаго ряда заблужденій и обмановъ, въ концѣ котораго часто стоитъ разочарованіе и могила». Помилуйте, разочарованія и не понимаетъ, несмотря на всѣ объясненія Тамарина, Иванъ Васильичъ, а о могилѣ не думаетъ онъ, глядя и на старушку Мавру Савишну, не только на свѣженькую, полную здоровья дочку ея. Никто, кромѣ разочарованнаго, не можетъ заключить описаніе этою фразою. Потомъ Иванъ Васильичъ, имѣющій понятіе только о томъ, что дочь должна быть доброй, послушной дочерью, говоритъ, что мать «не имѣла на нее никакого *моральнаго* вліянія»—ну гдѣ же ему думать о моральныхъ вліяніяхъ? Опять объ этомъ толкуетъ (и очень подробно) Тамаринъ (смотри его объясненія съ Варинькою). Въ угодность княжнѣ Мери и артистическимъ вкусамъ Тамарина, Иванъ Васильичъ даже украшаетъ *виртовскимъ* роялемъ комнаты простодушной помѣщицы средней руки, между тѣмъ какъ выписные изъ Петербурга рояли и теперь попадаются еще только въ самыхъ аристократическихъ провинціальныхъ домахъ. Онъ замѣчаетъ перемѣну въ пѣніи Вариньки, когда она влюбилась въ Тамарина: въ ея голосѣ была такая полнота звуковъ, такая сила, такой грустный и вырвавшійся изъ души плачъ», что, очевидно, недаромъ Иванъ Васильичъ (читай: Тамаринъ), умѣвшій оцѣнить и описать это, былъ постояннымъ посѣтителемъ итальянской оперы. Дурно только то: мы знаемъ, по какому поводу и кому разсказываетъ «Бѣлу» Максимъ Максимычъ, и рѣшительно не знаемъ, съ какой стати Иванъ Васильичъ даритъ насъ разсказомъ своимъ, изъ котораго видно, что недаромъ онъ бывалъ въ оперѣ и читалъ Гоголя. Лирическихъ заимствованій изъ Гоголя у него бездна:

«Какъ вздумается ему (Тамарину) окрестить тебя такъ, шутки ради, какимъ нибудь словцомъ, холодно, мимоходомъ, какъ онъ иногда это дѣлаетъ, а огорошитъ имъ тебя хуже пули, и насмѣется надъ тобою всякой, и дуракъ, и умный, и пойдетъ это словцо изъ устъ въ уста...» и т. д. Сравнить съ этимъ можно еще воспоминанія Ивана Васильича о мѣткости школьныхъ прозвищъ. Или «И странна показалась ей (Маврѣ Савишнѣ, матери Вариньки) эта перемѣна въ голосѣ дочери, безотчетно забилось сильнѣе обыкновеннаго ея любящее, материнское сердце, и опустила она чулокъ,

и не окончила фразы, и задумалась Мавра Савишна, слушая пѣсню своей Вариньки...» и т. д.

Однимъ словомъ, если Максимъ Максимычъ умѣетъ разсказывать какъ Максимъ Максимычъ, то Иванъ Васильичъ умѣетъ разсказывать какъ Иванъ Васильичъ и г. Авдѣевъ вмѣстѣ. Ясно, что похожіе то на себя, то на другихъ разсказчики могутъ быть только подражателями. О томъ, что Тамаринъ въ своихъ запискахъ переписываетъ всѣ размышленія Печорина, нечего и говорить. Но это сходство преднамѣренное? Въ томъ и дѣло, что сходства нѣтъ, а есть только буквальная, но непохожая на оригиналъ, по своей неудачности, копировка. У Лермонтова видно, что Печоринъ страдалъ и высохъ и дѣйствительно утомился жизнью; изъ записокъ Тамарина этого ничего не видно: онъ хочетъ, по очевидному желанію автора, выставить себя Печоринымъ, но выставляетъ себя рѣшительно Грушницкимъ.

Но, можетъ быть, этого и хотѣлось автору? Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ «разоблачить» своего героя? Нѣтъ, онъ не разоблачилъ: онъ просто не съумѣлъ одѣть его; а ему хотѣлось, очень хотѣлось одѣть его въ самый патетическій нарядъ. Вотъ одинъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ поклоненія автора разукрашаемому имъ въ герои лицу:

Тамаринъ (въ нашемъ избитомъ экземплярѣ чья-то досужая рука, зачеркнувъ «Тамаринъ», приписала: *Наполеонъ)* сидѣлъ и думалъ. О чемъ онъ думалъ, Богъ вѣдаетъ: это лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной (та же рука, зачеркнувъ «въ гостиной», приписала: *въ битвахъ*), оно было, по привычкѣ, холодно, спокойно и безмолвно. Только въ большихъ темныхъ глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, сознавшаго собственную силу (на поляхъ тою же рукою приписано: *се левъ, а не собака)*, что-то похожее на торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость. Свѣтло и гордо смотрѣли эти темные глаза, и странно было ихъ выраженіе, полное жизни, на холодномъ, спокойномъ лицѣ, въ пустой, полуосвѣщенной комнатѣ».

Увы! никакіе потоки оправданій не смоютъ блестящаго лака. не докажутъ, что есть хоть малѣйшая возможность видѣть въ этомъ не апоѳеозу, не простодушное поклоненіе; увы! ясно, что авторъ

рисуетъ льва, и вина кисти, а не живописца, если вмѣсто льва нарисовалась собака! Слушайте дальше:

«Передъ его внутренними очами рисовалась картина его прошедшей, невѣдомой намъ жизни, дожно быть бурной и обильной происшествіями жизни, въ которой выработался этотъ твердый, холодный характеръ, выдержался мощный умъ (котораго однако не замѣтно), жизни, которая должна была разбить его, и изъ которой онъ вынесъ новыя силы».

Если это писано безъ поклоненія своему герою и своимъ фразамъ, то мы вправѣ предполагать, что и г. Котляревскій написалъ своихъ «Крымскихъ цыганъ» для разоблаченія Муллы Нура и Аммалатъ-Бека, а г. Бенедиктовъ пишетъ свои стихи для того, чтобы показать суетность исковерканно-напыщенныхъ фразъ. Нѣтъ, не критику, а восторженный панегирикъ Тамарину писалъ г. Авдѣевъ, руководствуясь не дѣйствительностью, а ложно понятымъ романомъ Лермонтова.

Лица у него взяты цѣликомъ изъ Лермонтова: кромѣ Печорина и Максима Максимыча въ «Героѣ нашего времени» есть Вѣра — она стала баронессою Б., мужъ Вѣры—барономъ Б., Бэла и княжна Мери слились въ Вариньку; даже докторъ Вернеръ нашелъ себѣ буквальную копію въ Ѳедорѣ Ѳедорычѣ (тоже очевидно русскій нѣмецъ Фридрихъ Фридриховичъ); Грушницкаго брать было уже нельзя: онъ, невѣдомо отъ автора, отождествился съ Тамаринымъ, который также толкуетъ Варинькѣ: «Да что́ я вамъ? Поймете ли вы меня? Моя судьба—тайна между небомъ и мною...» и т. п., какъ толковалъ это, по предложеніямъ Печорина, Грушницкій какой нибудь деревенской барышнѣ передъ своимъ поступленіемъ въ юнкера. Да, мы и многіе другіе ошибались, думая, что Тамаринъ—Печоринъ: это—Грушницкій, явившійся г. Авдѣеву во образѣ Печорина.

Да, г. Авдѣевъ написалъ пародію, но не на типъ Печорина, а на Лермонтова, какъ Козловъ написалъ въ своемъ «Чернецѣ» пародію на Байрона: оба они не вѣдали, что творили. Но г. Авдѣевъ имѣлъ передъ Козловымъ ту выгоду, что критики его были проницательнѣе критиковъ пушкинскаго времени и показали ему истинное значеніе его Тамарина.

И, надобно отдать полную справедливость прекрасной способности г. Авдѣева замѣтить недостатки, на которые укажутъ ему,—

прекрасной способности, доказывающей, что его развитіе еще впереди. Онъ совершенно измѣнилъ понятіе о своемъ героѣ, когда ему показали, что за пѣтухъ этотъ лже-Печоринъ-Тамаринъ-Грушницкій; онъ постарался придать по возможности другой смыслъ своему роману и приписалъ къ прежнимъ разсказамъ—окончаніе записокъ Тамарина и «Иванова».

Въ «окончаніи записокъ Тамарина» (сцены послѣ замужества Вариньки) вмѣсто прежняго Печорина и княжны Мери являются Онѣгинъ и Татьяна, вмѣсто сценъ изъ «Героя нашего времени»—послѣдняя глава «Евгенія Онѣгина». Положенія, оправданія и мольбы, раскаяніе и возродившаяся любовь Тамарина, гордый въ страданіи отвѣтъ Вариньки,—все слово въ слово взято изъ «Онѣгина», Тамаринъ говоритъ:

«Послушайте, я прежде не умѣлъ васъ понимать; я не могъ васъ понять; я не былъ къ этому подготовленъ; но теперь я васъ люблю, Варинька. Я васъ такъ люблю, что заставлю васъ забыть прошлое и простить меня... Вы простите меня?»

Варинька отвѣчаетъ:

«Что мнѣ въ этомъ? развѣ я кокетничала съ вами, чтобы возбудить вашу любовь? Напротивъ она глубоко огорчаетъ меня, потому что больше заставляетъ жалѣть невозвратимое. И вы думаете, легко мнѣ теперь? Знаете ли, что я дѣлала сейчасъ до вашего прихода? я мечтала о деревенской дѣвочкѣ, которая увидѣла одно загадочное, интересное для нея существо? Какъ она была счастлива!.. Прошло полгода, и въ этой неопытной, наивной дѣвочкѣ я не узнала себя!..» и т. д.

Хотѣли было мы замѣтить, что въ Татьянѣ дѣйствительно могло измѣниться все, потому что она переѣхала изъ деревни въ высшее петербургское общество и прожила въ немъ нѣсколько лѣтъ, а между Варинькою до замужества и черезъ полгода послѣ замужества такой огромной разницы быть не могло, потому что ничто въ ея обстановкѣ не измѣнилось... Но если бы стали мы говорить объ этомъ, то могли бы позабыть похвалить точность и близость, полноту перевода. Хотѣли было мы сказать, что переписывать и Пушкина, какъ Лермонтова, трудно, не испортивъ стройности и смысла картины; но лучше замѣтить, что гораздо легче браться за передѣлку, правда не колоссальныхъ, а просто очень хорошихъ произведеній, напр., хоть за передѣлку «Полиньки Саксъ», превосходный снимокъ съ которой заканчиваетъ Тамарина.

Эпилогъ этотъ называется «Ивановъ». Тутъ подъ именемъ Иванова является въ своемъ мундирномъ фракѣ подлинный Саксъ, человѣкъ новаго направленія, передъ которымъ окончательно стушовывается Тамаринъ, представленный уже рѣшительно пасквилемъ на прежняго Тамарина. Точно такъ же, какъ Саксъ Ивановъ энергическій защитникъ правды на поприщѣ служебной дѣятельности, безстрашно, неутомимо борется съ лицепріятіемъ и т. д., также спокойно и возвышенно говоритъ, также ставитъ правду и дѣло выше личнаго счастія и любви, точно также ѣдетъ въ командировку на слѣдствіе,—точно также все, кромѣ того, что, сколько намъ извѣстны провинціальныя служебныя отношенія, Ивановъ не умѣетъ выдерживать ихъ въ подвигахъ своего служебнаго рвенія.

Однимъ словомъ, романъ г. Авдѣева съ начала до конца—чистая, кажется, безсознательно переписанная копія сперва съ «Героя нашего времени», потомъ «Героя нашего времени» и «Онѣгина», потомъ «Героя нашего времени» и «Полиньки Саксъ». Въ немъ воскресла передъ нашими глазами русская литература XVIII вѣка съ трагедіями Княжнина, о которыхъ еще Мерзляковъ говорилъ, что въ нихъ нѣтъ ни слова своего.

Мы говорили о «Тамаринѣ» подробнѣе, нежели будемъ говорить объ остальныхъ произведеніяхъ г. Авдѣева, потому, что на «Тамаринѣ» основана извѣстность г. Авдѣева, и потому, что хоть въ наше время совѣстно объявлять себя защитникомъ подражательнаго рода, но во всѣ времена говорили: давайте намъ лучше хорошее чужое, нежели.... не то, чтобы дурное,—напротивъ, очень милое, но незаключающее въ себѣ ровно ничего своего. «Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность къ развитію, стремленіе принять въ себя мысль, стремленіе къ содержанію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ человѣка мыслящаго. Намъ кажется, что если о господинѣ Авдѣевѣ будутъ говорить, какъ о замѣчательномъ писателѣ, то уже никакъ не упоминая о его доселѣ изданныхъ повѣстяхъ; а если придется говорить только о нихъ то о немъ ничего не будутъ говорить. Потому и мы теперь можемъ быть кратки. Послѣ «Тамарина» г. Авдѣевъ написалъ шесть повѣстей и разсказовъ: «Ясные Дни», «Горы», «Деревенскій Визитъ», «Нынѣшняя Любовь», «Поѣздка на кумысъ», «Огненный Змій». Мы обратимъ вниманіе толь-

ко на двѣ лучшія повѣсти: «Ясные Дни» и «Нынѣшняя Любовь», потому что изъ остальныхъ заслуживала бы разбора только одна— «Огненный Змій»; но мнѣніе о ней найдутъ читатели въ другой статьѣ, въ слѣдующей книжкѣ «Современника», и здѣсь только для полноты обзора мы повторимъ отзывъ объ «Огненномъ Змiѣ», слышанный намъ отъ одного изъ людей очень любящихъ изящество во всемъ и рѣшительно не думающихъ поставлять народность или даже простонародность разсказа въ дубоватости языка: «отъ Огненнаго Змія пахнетъ лоделавандомъ». А что касается до другихъ трехъ разсказовъ, они едва ли были и замѣчены кѣмъ нибудь. «Горы» ровно на половину состоятъ изъ длиннѣйшаго, но легко-читающагося приступа, въ которомъ сначала объясняется, почему авторъ любилъ пріѣзжать въ гости съ Локтевымъ и почему Локтевъ достоинъ любви: потому, что онъ никогда не сдѣлаетъ неловкости, никогда не заставитъ васъ покраснѣть за то, что вы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ гостиную—какъ будто бы нынѣ въ порядочномъ обществѣ, не только петербургскомъ, но и провинціальномъ, много наберется такихъ невыполированныхъ молодыхъ людей, которые могутъ своими неловкостями заставить покраснѣть вошедшаго вмѣстѣ съ вами въ гостинную или на вечеръ? Галантерейныя разсужденія этого начала напоминаютъ «Тамарина». Потомъ въ приступѣ очень подробно, мило и легко пересказывается двухъ-часовая causerie втроемъ (разсказывающій, Локтевъ и хозяйка) у М-me К. Наконецъ начинается повѣсть: Локтевъ разсказываетъ, какъ онъ имѣлъ въ башкирской деревнѣ rendez-vous съ хорошенькой башкиркой Изикэй, и какъ мужъ ея, подстерегши измѣну, не показалъ и виду, что знаетъ всѣ шашни, а потомъ, когда при переѣздѣ черезъ горы, представился удобный случай, столкнулъ жену съ лошадью, на которой она сидѣла, въ оврагъ, на днѣ котораго отыскиваютъ ее раздробленнымъ трупомъ. М-me К. приходитъ въ ужасъ отъ кроваваго описанія; тогда Локтевъ говоритъ съ улыбкою: «вы непремѣнно хотѣли, чтобы я вамъ разсказалъ ужаснѣйшій случай моей жизни; ужаснаго ничего со мной не случилось, и я придумалъ для васъ этотъ разсказъ». Но «умыселъ другой тутъ былъ» у Локтева: онъ хотѣлъ пощекотать ревность М-me К., потому что они забавляются, строя другъ другу куры. М-me К. дивится живымъ подробностямъ импровизаціи; готовы дивится и мы, если только «Горы» дѣйствительно импрови-

зація, и это избавитъ насъ отъ необходимости замѣтить, что хитрый башкирецъ не выдерживаетъ своего лицемѣрства въ рѣшительную минуту и не отправляется отъискивать жену, упавшую, по его словамъ случайно. Не изъявляя участія къ ея судьбѣ, онъ можетъ возбудить противъ себя подозрѣніе. И зеленѣетъ онъ, столкнувъ жену, совершенно безъ причины: вѣдь по башкирскимъ понятіямъ онъ поступилъ недурно. «Деревенскій визитъ» и разсказанъ дурно, кромѣ анекдота о томъ, какъ Иванъ Игнатьичъ видѣлъ русалку. Это—неудачнѣйшее изъ произведеній г. Авдѣева. «Поѣздка на Кумысъ»—Письма съ дороги, въ родѣ «Писемъ Русскаго Путешественника»; они занимаютъ сто страницъ, не наполняя ихъ. Мы не говоримъ, чтобъ ихъ не стоило писать; но едва ли стоило ихъ перепечатывать. Такого же мнѣнія мы держимся и относительно «Деревенскаго Визита». Но и самъ г. Авдѣевъ, конечно, не придаетъ большей важности ни этимъ двумъ своимъ произведеніямъ, ни «Горамъ». Потому перейдемъ отъ нихъ поскорѣе къ его граціозной идилліи «Ясные Дни». Это дѣйствительно свѣтлая, радужная идиллія, вполнѣ оправдывающая свое заглавіе; это дѣйствительно милая, привлекательная картина, писанная съ любовью, и много чувства потратилъ авторъ на ея созданіе, много розовыхъ тѣней—на ея иллюминовку: все въ ней освѣщено розовымъ колоритомъ, все должно дѣйствовать на васъ отрадно, примирительно, освѣжительно, оживительно—можетъ быть, и подѣйствовало, если вы читали эту повѣсть въ сладкій часъ лѣнивой полу-дремоты: прелестна показалась вамъ въ этомъ счастливомъ случаѣ повѣсть, и приснились вамъ ясные сны. Но.... гадкое, неотвязное «но»! не должно бы тебѣ быть мѣста, когда мы говоримъ о «Ясныхъ Дняхъ».... но если вы читали ее не въ сладкій часъ лѣнивой полу-дремоты, то вы сказали, закрывая книгу: «Что за странность! Все это мило, но все это будто бы не правда, будто бы не клеится, будто бы не такъ». И если не хотите погубить прекрасной, свѣтлой идилліи, постарайтесь не думать о ней, потому что въ самомъ дѣлѣ все въ ней не такъ, все не клеится, все не ладится.

Что же не клеится? отчего не ладится? Отвѣта искать не далеко: но мы сначала украсимъ свой разборъ граціознымъ стихотвореніемъ:

О домовитая совушка,
О милосизая птичка!
Грудь красно бѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка.... и т. д.

Что за странность? Что-то не такъ! Граціозная пѣсенка оказывается нескладицею! Виноваты, виноваты! мы вздумали про сову пропѣть то, что можно пропѣть только о ласточкѣ!

Г. Авдѣевъ хотѣлъ въ «Ясныхъ Дняхъ» опоэтизировать, идеализировать все и всѣхъ въ избранномъ имъ для идилліи кругу. Но дѣло извѣстное, что не всякій кружокъ, не всякій образъ жизни можетъ быть идеализированъ въ свой истинѣ. Трудно идеализировать безсмысліе и дрязги. Спору нѣтъ, въ самомъ пошломъ человѣкѣ, въ самомъ отталкивающемъ тунеядцѣ есть что нибудь человѣческое, и въ жизни его есть или были свѣтлыя, человѣческія отношенія, есть или были поэтическія минуты. Идеализируйте ихъ, если у васъ идеализирующій, примиряющій взглядъ; и ваше дѣло будетъ правдивое, благородное дѣло, потому что въ пошломъ или ничтожномъ человѣкѣ будете учить насъ любить человѣка. Но говорить намъ: люби въ этомъ человѣкѣ все,—нѣтъ! это не дѣло истины и поэзіи: это—дѣло поверхностей, апатической, антипоэтической непроницательности.

А г. Авдѣевъ говоритъ намъ: полюбуйтесь на всѣхъ выводимыхъ мною людей всецѣло, во всей обстановкѣ, полюбите ихъ жизнь: посмотрите, какая свѣтлая, чистая, славная эта жизнь! Посмотримъ же, что это за люди и какова ихъ жизнь! Идутъ ли къ ней розовыя краски? Не будемъ даже разсматривать, прикрашиваетъ или нѣтъ онъ своихъ милыхъ идиллическихъ любимцевъ; возьмемъ ихъ такими, какими онъ ихъ выводитъ намъ на аркадскій лужокъ, и посмотримъ, каковы они—хоть другъ съ другомъ. Можетъ быть, эти голуби въ сущности вовсе не голуби, а просто на просто осовѣвшіе подъ розовыми красками коршуны и сороки; можетъ быть, отъ этихъ совъ плохо приходится очень многимъ, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объѣдать... Но теперь намъ некогда говорить объ этомъ, и мы посмотримъ только, по голубиному ли живутъ хоть между собою эти голуби. Театръ—деревня.

Начнемте съ почтеннаго Василья Сергѣича. Это—олухъ и пентюхъ въ полной формѣ, тупой, лежебокій и оглупѣвшій до нельзя.

Такихъ мужей и желаютъ и образуютъ себѣ дамы, подобныя его домовитой хозяюшкѣ. Много ли достается такимъ мужьямъ (вѣдь немногіе же родятся пентюхами: людьми родятся, олухами дѣлаются, скажемъ въ подражаніе изрѣченію о поэтахъ и ораторахъ), много ли достается имъ отъ учительницы, пока они пройдутъ курсъ ученія. Нашъ домохозяинъ, по увѣренію г. Авдѣева, «спокойно отдалъ и себя и хозяйство въ управленіе распорядительной супруги»: счастливецъ! онъ избѣжалъ ужасовъ междоусобной войны за власть въ домѣ. Но, какъ вы думаете, кисло или сладко ему жить подъ крылышкомъ голубицы своей? Вѣдь и крылышкомъ можетъ довольно изрядно похлыстать бойкая птичка. Какъ вы думаете, вѣдь у него есть же какія-нибудь свои желанія? Позволяется ли ему исполнять ихъ? Дадутъ ли ему теперь, напримѣръ, 170 рублей на покупку хорошаго ружья, какое удалось ему купить въ старину? Воля ваша, ходить по струночкѣ—плохая жизнь. А какъ вы думаете, по скольку разъ въ день колятъ ему глаза тѣмъ, что онъ «ни во что не вступается, потакаетъ людямъ, даетъ людямъ жену въ обиду» и т. д.? Можетъ быть, и мягкій у него диванъ, да много въ этомъ диванѣ натыкано булавокъ.

О его распорядительной супругѣ нечего распространяться. Вы знаете, что если сердце у распорядительныхъ хозяекъ часто бываетъ мягкое, то рукавицы у нихъ всегда ежевыя. Она, конечно, счастливѣе всѣхъ; но довольна ли она своимъ положеніемъ? Какъ вы думаете, только бранитъ она мужа, или въ самомъ дѣлѣ негодуетъ на него, презираетъ его? И отъ чистаго ли сердца она жалуется на него своимъ прихлебательницамъ? Повѣрьте, что часто отъ чистаго сердца, потому что ея положеніе выгодно, но неестественно и очень тяжело. Въ самомъ дѣлѣ, ей приходится надсажать себѣ горло и отбивать ноги. Деревнею править—возъ везти: тяжело.

А хорошій ли человѣкъ этотъ идеалъ смиренства и глупости, Иванъ Иванычъ, надъ которымъ всѣ хохочутъ, которымъ помыкаетъ даже Василій Сергѣичъ? вѣроятно, потому, что онъ не взялъ къ себѣ своей тетки, хоть она ходитъ пѣшкомъ изъ своей усадьбы въ деревню къ Марьѣ Степановнѣ, хоть у нея парадное платье—холстинковое, а у него, холостого байбака, 80 душъ. Родственныя-то чувства процвѣтаютъ въ Аркадіи г. Авдѣева, и глупцамъ въ ней

счету нѣтъ; но глупость глупостью, а копѣйки изъ рукъ никто не выпуститъ.

Прекрасныя соображенія о счастіи и душевномъ благорасположеніи ко всѣмъ близкимъ и остальныхъ членовъ кружка также легко сдѣлать.

Вотъ въ этотъ кружокъ пріѣзжаютъ двое мальчиковъ, или юношей: сынъ Марьи Степановны и его товарищъ, въ отпускъ на 28 дней, и въ немъ-то растетъ Лиза, дочь Марьи Степановны, и въ немъ-то разыгрывается идиллія. Не сомнѣваемся, что можно и должно было освѣтить розовыми лучами хорошенькія личики этой веселой, пока еще доброй, пока еще не оглупѣвшей и не совсѣмъ опошлившейся молодежи; но если г. Авдѣевъ хотѣлъ нарисовать картину однѣми розовыми красками, то надобно было для этихъ полу-дѣтей выбрать другую обстановку или, по мѣрѣ возможности, оставить въ таинственномъ полу-свѣтѣ все ихъ окружающее. Но г. Авдѣевъ до того любитъ розовыя фигуры, что вывелъ въ полномъ розовомъ освѣщеніи всѣхъ, кто попался ему подъ перо: и мужиковатую, полную претензій и неуступчивости бой-бабу Татьяну Терентьевну, и дебело-плотную фигуру распорядительной хозяйки Марьи Степановны, и отсырѣвшаго, лѣниваго байбака Василья Сергѣевича, и ничтожнаго олуха Ивана Иваныча. Все это Тирсисы и Хлои.

И сахару класть въ чай слишкомъ много не годится, а онъ угощаетъ насъ патокою.

Хотите ли, мы разскажемъ, какъ на самомъ дѣлѣ проходили его слишкомъ «Ясные Дни»? Пріѣзжимъ обрадовались, это правда— минута пріѣзда дѣйствительно была идиллическою; потомъ молодежь любезничала и веселилась, и это правда. А остальныя лица грызлись, сплетничали, скучали при нихъ, какъ безъ нихъ.

Да и молодежь такъ ли идиллически веселилась, какъ рисуетъ г. Авдѣевъ? едва ли. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ осьмнадцати-лѣтній юноша, выпившій, подобно его, Волжину, не одну бутылку «редерера», не будетъ, какъ Волжинъ, самъ не знать, какое чувство влечетъ его къ Лизѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что нынѣ дѣвушки или дѣвочки болтаютъ о любви гораздо раньше его Лизы. А его Волжинъ и Лиза не влюбились другъ въ друга—нѣтъ! они просто находили «неизъяснимую для нихъ

самихъ прелесть быть вмѣстѣ»; нѣтъ, идиллія г. Авдѣева слишкомъ уже эѳирна; она слишкомъ хитро идеализируетъ.

Дезульеровскіе пастушки — просто забубенныя головы въ сравненіи съ его пастушками.

«Бѣдная Лиза» — гоголевская повѣсть по естественности въ сравненіи съ «Ясными Днями».

И какъ жаль, что эта приторная до странности сантиментальность уживается вмѣстѣ съ прекраснымъ умѣньемъ разсказывать!

Лучшая изъ повѣстей г. Авдѣева, по нашему мнѣнію, «Нынѣшняя Любовь». Она такъ же хорошо разсказана, какъ и «Ясные Дни»; но въ ней болѣе содержанія и менѣе увлеченія тѣмъ, что не заслуживаетъ любви. Въ ней найдется много справедливо подмѣченнаго, Не такъ нынѣ любятъ, какъ должно любить—вотъ тема автора: слишкомъ осторожно, слишкомъ разсчетливо приступаютъ къ любви: выбираютъ предметъ страсти осматриваясь, будутъ ли этимъ выборомъ соблюдены всѣ условія свѣта, и т. д.—тема, видите, которую развивалъ еще Рахманный въ своей великолѣпной повѣсти: «Любовь Петербургской Барышни», изъ чего и надобно заключить, что и въ былыя времена нашей литературы любили свѣтскіе люди точно также и были осуждаемы поэтами съ возвышеннымъ взглядомъ на любовь точно также. А когда же, смѣемъ спросить, не такъ любили? Развѣ въ средніе вѣка, въ классическое время любви, рыцарь избиралъ въ дамы своего сердца горожанку? Развѣ не старался онъ отъискать какую-нибудь графиню или герцогиню? А красавицы развѣ обращали взоры на оруженосцевъ или бюргеровъ? Справиться объ этомъ можно не далѣе, какъ въ X томѣ полнаго собранія сочиненій А. Пушкина, въ которомъ помѣщены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». Увы, всегда люди старались, по возможности, не нарушать того, что́ въ ихъ время считалось «условіями свѣта». Всегда они искали не достойнѣйшихъ своего сердца, а достойнѣйшихъ своей руки. Можетъ быть, это и дурно; но если дурно теперь, то еще хуже было прежде, и нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Но нынѣ холоднѣе прежняго любятъ, осмотрительнѣе предлагаютъ и принимаютъ руку? А прежде развѣ женились на тѣхъ, кто понравился, не справляясь о средствахъ къ жизни? Многое можно сказать противъ нынѣшней любви, но не то, что говоритъ г. Авдѣевъ, который говоритъ, впрочемъ, такъ, что и нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ: «что́ же

онъ говоритъ? и за что̀ нападаетъ на нынѣшнихъ людей? Да полно и представители ли нынѣшняго времени тѣ лица, о которыхъ онъ говоритъ? По крайней мѣрѣ, если молодые люди теперь читаютъ *Débats*, то не съ любовью, а съ отвращеніемъ, только потому, что у нихъ подъ руками нѣтъ менѣе пошлыхъ газетъ. Да и не газеты читаютъ они, а книги, о содержаніи которыхъ, кажется не имѣетъ и понятія Черковъ. Намъ кажется, что Черковъ виноватъ только тѣмъ, что, подобно очень многимъ изъ нашихъ молодыхъ людей, не получилъ направленія и такъ поверхностенъ, что не съумѣлъ самъ образовать себя. Не такъ любятъ истинные представители и представительницы нашего времени, какъ Черковъ и Сашенька. Развѣ думаете вы, что Печоринъ, уже не говоря о Бельтовѣ, будетъ спрашивать у своей избранной, сколько за нею душъ, если вздумаетъ жениться? Нѣтъ, онъ просто скажетъ ей: «у меня вотъ какія средства къ жизни; за вами приданаго столько-то: слѣдовательно, мы будемъ должны вести вотъ какой и вотъ какой образъ жизни. Подумайте хорошенько, будете ли вы имъ довольны при нашей любви? Я думаю, что вы будете довольны, иначе и не вздумалъ бы говорить вамъ объ этомъ; а впрочемъ, подумайте хорошенько». Нѣтъ, Черковъ, колеблющійся между возможностью тратить деньги на «Дебаты» и между любовью, человѣкъ не нашего времени. Человѣкъ нашего времени думаетъ проще и благороднѣе, нежели эти отсталые, недопеченые умники; онъ думаетъ: «я буду съ нею счастливъ; надобно теперь подумать о томъ, будетъ ли она со мною счастлива». Намъ кажется, что никогда умные люди не любили такъ благородно, такъ безкорыстно, какъ въ наше время, никогда не любили такъ независимо отъ пошлостей, противъ которыхъ еще долго будетъ надобно бороться любви.

Но довольно. Скажемъ же свое общее мнѣніе о литературной дѣятельности г. Авдѣева.

Онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ повѣствователя,—обнаружилъ въ замѣненіи Тамарина Ивановымъ и способность къ принятію лучшаго, серьезнѣйшаго взгляда. Но мы еще не читали его произведеній, въ которыхъ бы отразилась своя, не избитая и не отсталая мысль. Можетъ ли онъ современемъ дать намъ свое и такое, что̀ дѣйствительно принадлежало бы современной жизни по развитію мысли? Можетъ, если серьезно подумаетъ о томъ, какіе люди,

съ какими понятіями о жизни истинно современные люди, истинно современные писатели; если увидитъ различіе между элегантною отсталостью или выполированною causerie и серьезнымъ пониманіемъ жизни, если убѣдится, что мысль и содержаніе даются не безотчетною сантиментальностью, а мышленіемъ.

И тогда онъ, можетъ быть, дастъ намъ много истинно прекраснаго.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА RENDEZ-VOUS.

Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася».

«Разсказы, въ дѣловомъ, изобличительномъ родѣ, оставляютъ въ читателѣ очень тяжелое впечатлѣніе; потому я, признавая ихъ пользу и благородство, не совсѣмъ доволенъ, что наша литература приняла исключительно такое мрачное направленіе». Такъ говорятъ довольно многіе изъ людей, повидимому, неглупыхъ, или лучше сказать, говорили, до той поры, пока крестьянскій вопросъ не сдѣлался единственнымъ предметомъ всѣхъ мыслей, всѣхъ разговоровъ. Справедливы или несправедливы ихъ слова, не знаю; но мнѣ случилось быть подъ вліяніемъ такихъ мыслей, когда началъ я читать едва ли не единственную хорошую новую повѣсть, отъ которой по первымъ страницамъ можно уже было ожидать совершенно инаго содержанія, инаго паѳоса, нежели отъ дѣловыхъ разсказовъ. Тутъ нѣтъ ни крючкотворства съ насиліемъ и взяточничествомъ, ни грязныхъ плутовъ, ни оффиціальныхъ злодѣевъ, объясняющихъ изящнымъ языкомъ, что они благодѣтели общества, ни мѣщанъ, мужиковъ и маленькихъ чиновниковъ, мучимыхъ всѣми этими ужасными и гадкими людьми. Дѣйствіе за-границей, вдали отъ всей дурной обстановки нашего домашняго быта. Всѣ лица повѣсти—люди изъ лучшихъ между нами, очень образованные, чрезвычайно гуманные, проникнутые благороднѣйшимъ образомъ мыслей. Повѣсть имѣетъ направленіе чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной изъ такъ называемыхъ черныхъ сторонъ жизни. Вотъ, думалъ я, отдохнетъ и освѣжится душа. И дѣйствительно освѣжи-

лась она этими поэтическими идеалами, пока дошелъ разсказъ до рѣшительной минуты. Но послѣднія страницы разсказа не похожи на первыя, и по прочтеніи повѣсти, остается отъ нея впечатлѣніе еще болѣе безотрадное, нежели отъ разсказовъ о гадкихъ взяточникахъ съ ихъ циническимъ грабежемъ. Они дѣлаютъ дурно, но они каждымъ изъ насъ признаются за дурныхъ людей; не отъ нихъ ждемъ мы улучшенія нашей жизни. Есть, думаемъ мы, въ обществѣ силы, которыя положатъ преграду ихъ вредному вліянію, которыя измѣнятъ своимъ благородствомъ характеръ нашей жизни. Эта иллюзія самымъ горькимъ образомъ отвергается въ повѣсти, которая пробуждаетъ своею первой половиной самыя свѣтлыя ожиданія.

Вотъ человѣкъ, сердце котораго открыто всѣмъ высокимъ чувствамъ, честность котораго непоколебима, мысль котораго приняла въ себя все, за что́ нашъ вѣкъ называется вѣкомъ благородныхъ стремленій. И что́ же дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ дѣлаетъ сцену, какой устыдился бы послѣдній взяточникъ. Онъ чувствуетъ самую сильную и чистую симпатію къ дѣвушкѣ, которая любитъ его; онъ часа не можетъ прожить, не видя этой дѣвушки; его мысль весь день, всю ночь рисуетъ ему ея прекрасный образъ; настало для него, думаете вы, то время любви, когда сердце утопаетъ въ блаженствѣ. Мы видимъ Ромео, мы видимъ Джульетту, счастью которыхъ ничто не мѣшаетъ, и приближается минута, когда на вѣки рѣшится ихъ судьба, — для этого Ромео долженъ только сказать: «Я люблю тебя, любишь ли ты меня?» и Джульетта прошепчетъ: «Да...» И что же дѣлаетъ нашъ Ромео (такъ мы будемъ называть героя повѣсти, фамилія котораго не сообщена намъ авторомъ разсказа), явившись на свиданіе съ Джульеттой? Съ трепетомъ любви ожидаетъ Джульетта своего Ромео; она должна узнать отъ него, что онъ любитъ ее,—это слово не было произнесено между ними, оно теперь будетъ произнесено имъ, на вѣки соединятся они; блаженство ждетъ ихъ, такое высокое и чистое блаженство, энтузіазмъ котораго дѣлаетъ едва выносимой для земнаго организма торжественную минуту рѣшенія. Отъ меньшей радости умирали люди. Она сидитъ какъ испуганная птичка, закрывъ лицо отъ сіянія являющагося передъ ней солнца любви; быстро дышетъ она, вся дрожитъ; она еще трепетнѣе потупляетъ глаза, когда входитъ онъ, называетъ ея имя; она хочетъ взглянуть на него, и не можетъ; онъ беретъ ея руку,—эта рука холодна, лежитъ какъ мертвая въ его рукѣ; она хочетъ улыб-

нуться; но блѣдныя губы ея не могутъ улыбнуться. Она хочетъ заговоритъ съ нимъ, и голосъ ея прерывается. Долго молчатъ они оба, — и въ немъ, какъ самъ онъ говоритъ, растаяло сердце, — и вотъ Ромео говоритъ своей Джульеттѣ... и что же онъ говоритъ ей? «Вы предо мною виноваты, говоритъ онъ ей: — вы меня запутали въ непріятности, я вами недоволенъ, вы компрометируете меня, и я долженъ прекратить мои отношенія къ вамъ; для меня очень непріятно съ вами разставаться, но вы извольте отправляться отсюда подальше». Что это такое? Чѣмъ она виновата? Развѣ тѣмъ, что считала его порядочнымъ человѣкомъ? компрометировала его репутацію тѣмъ, что пришла на свиданіе съ нимъ? Это изумительно! Каждая черта въ ея блѣдномъ лицѣ говоритъ, что она ждетъ рѣшенія своей судьбы отъ его слова, что она всю свою душу безвозвратно отдала ему и ожидаетъ теперь только того, чтобы онъ сказалъ, что принимаетъ ея душу, ея жизнь, и онъ ей дѣлаетъ выговоры за то, что она его компрометируетъ! Что это за нелѣпая жестокость? что это за низкая грубость? И этотъ человѣкъ поступающій такъ подло, выставлялся благороднымъ до сихъ поръ! Онъ обманулъ насъ, обманулъ автора. Да, поэтъ сдѣлалъ слишкомъ грубую ошибку, вообразивъ, что разсказываетъ намъ о человѣкѣ порядочномъ. Этотъ человѣкъ дряннѣе отъявленнаго негодяя.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на многихъ совершенно неожиданнымъ оборотомъ отношеній нашего Ромео къ его Джульеттѣ. Отъ многихъ мы слышали, что повѣсть вся испорчена этою возмутительною сценой, что характеръ главнаго лица не выдержанъ, что если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ представляется въ первой половинѣ повѣсти, то не могъ поступить онъ съ такою пошлой грубостью, а если могъ такъ поступить, то онъ съ самаго начала долженъ былъ представиться намъ совершенно дряннымъ человѣкомъ.

Очень утѣшительно было бы думать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ ошибся, но въ томъ и состоитъ грустное достоинство его повѣсти, что характеръ героя вѣренъ нашему обществу. Быть можетъ, если, характеръ этотъ былъ таковъ, какимъ желали бы видѣть его люди, недовольные грубостью его на свиданіи, если бы онъ не побоялся отдать себя любви, имъ овладѣвавшей, повѣсть выиграла бы въ идеально-поэтическомъ смыслѣ. За энтузіазмомъ сцены перваго свиданія послѣдовало бы нѣсколько другихъ высоко-поэтическихъ ми-

нутъ, тихая прелесть первой половины повѣсти возвысилась бы до патетической очаровательности во второй половинѣ, и вмѣсто перваго акта изъ Ромео и Джульетты, съ окончаніемъ во вкусѣ Печорина, мы имѣли бы нѣчто дѣйствительно похожее на Ромео и Джульетту, или по крайней мѣрѣ на одинъ изъ романовъ Жоржа-Занда. Кто ищетъ въ повѣсти поэтически-цѣльнаго впечатлѣнія, дѣйствительно долженъ осудить автора, который, заманивъ его возвышенно сладкими ожиданіями, вдругъ показалъ ему какую-то пошло-нелѣпую суетность мелочно-робкаго эгоизма въ человѣкѣ, начавшемъ въ родѣ Макса Пикколомини и кончившемъ въ родѣ какого-нибудь Захара Сидорыча, играющаго въ копѣечный преферансъ.

Но точно ли ошибся авторъ въ своемъ героѣ?—Если ошибся, то не въ первый разъ дѣлаетъ эту ошибку. Сколько ни было у него разсказовъ, приводившихъ къ подобному положенію, каждый разъ его герои выходили изъ этихъ положеній не иначе, какъ совершенно оконфузившись передъ нами. Въ «Фаустѣ» герой старается ободрить себя тѣмъ, что ни онъ, ни Вѣра не имѣютъ другъ къ другу серьезнаго чувства; сидѣть съ ней, мечтать о ней,—это его дѣло, но по части рѣшительности, даже въ словахъ, онъ держитъ себя такъ, что Вѣра сама должна сказать ему, что любитъ его; рѣчь нѣсколько минутъ шла уже такъ, что ему слѣдовало непремѣнно сказать это, но онъ, видите ли, не догадался и не посмѣлъ сказать ей этого; а когда женщина, которая должна принимать объясненіе, вынуждена наконецъ сама сдѣлать объясненіе, онъ, видите ли «замеръ», но почувствовалъ, что «блаженство волною пробѣгаетъ по его сердцу», только впрочемъ «по временамъ», а собственно говоря, онъ «совершенно потерялъ голову»,—жаль только, что не упалъ въ обморокъ, да и то было бы, если бы не попалось кстати дерево, къ которому можно было прислониться. Едва успѣлъ оправиться человѣкъ, подходитъ къ нему женщина, которую онъ любитъ, которая высказала ему свою любовь, и спрашиваетъ, что́ онъ теперь намѣренъ дѣлать? Онъ... онъ «смутился». Не удивительно, что послѣ такого поведенія любимаго человѣка (иначе какъ «поведеніемъ» нельзя назвать образъ поступковъ этого господина), у бѣдной женщины сдѣлалась нервическая горячка; еще натуральнѣе, что потомъ онъ сталъ плакаться на свою судьбу. Это въ «Фаустѣ»; почти то же и въ «Рудинѣ». Рудинъ въ началѣ дер-

житъ себя нѣсколько приличнѣе для мужчины, нежели прежніе герои: онъ такъ рѣшителенъ, что самъ говоритъ Натальѣ о своей любви (хоть говоритъ не по доброй волѣ, а потому, что вынужденъ къ этому разговору); онъ самъ проситъ у ней свиданія. Но когда Наталья на этомъ свиданіи говоритъ ему, что выйдетъ за него, съ согласія или безъ согласія матери все равно, лишь бы онъ только любилъ ее, когда произноситъ слова: «Знайте же, я буду ваша», — Рудинъ только и находитъ въ отвѣтъ восклицаніе: «О Боже!»—восклицаніе больше конфузное, чѣмъ восторженное,— а потомъ дѣйствуетъ такъ хорошо, то есть до такой степени трусливъ и вялъ, что Наталья принуждена сама пригласить его на свиданіе для рѣшенія, что̀ же имъ дѣлать. Получивши записку, «онъ видѣлъ, что развязка приближается и втайнѣ смущался духомъ». Наталья говоритъ, что мать объявила ей, что скорѣе согласится видѣть дочь мертвой, чѣмъ женой Рудина, и вновь спрашиваетъ Рудина, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Рудинъ отвѣчаетъ по прежнему «Боже мой, Боже мой», и прибавляетъ еще наивнѣе:—«такъ скоро! что̀ я намѣренъ дѣлать? у меня голова кругомъ идетъ, я ничего сообразить не могу». Но потомъ соображаетъ, что слѣдуетъ «покориться». Названный трусомъ, онъ начинаетъ упрекать Наталью, потомъ читать ей лекцію о своей честности, и на замѣчаніе, что не это должна она услышать теперь отъ него, отвѣчаетъ, что онъ не ожидалъ такой рѣшительности. Дѣло кончается тѣмъ, что оскорбленная дѣвушка отворачивается отъ него, едва ли не стыдясь своей любви къ трусу.

Но можетъ быть эта жалкая черта въ характерѣ героевъ—особенность повѣстей г. Тургенева? Быть можетъ характеръ именно его таланта склоняетъ его къ изображенію подобныхъ лицъ? Вовсе нѣтъ; характеръ таланта, намъ кажется, тутъ ничего не значитъ. Вспомните любой хорошій, вѣрный жизни разсказъ какого угодно изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, и если въ разсказѣ есть идеальная сторона, будьте увѣрены, что представитель этой идеальной стороны поступаетъ точно такъ же, какъ лица г. Тургенева. Напримѣръ характеръ таланта г. Некрасова вовсе не таковъ какъ г. Тургенева; какія угодно недостатки можете находить въ немъ, но никто не скажетъ, чтобы недоставало въ талантѣ г. Некрасова энергіи и твердости. Что жь дѣлаетъ герой въ его поэмѣ «Саша»? Натолковалъ онъ Сашѣ, что, говоритъ, «не слѣдуетъ слабѣть ду-

шою», потому что «солнышко правды взойдетъ надъ землею», и что надобно дѣйствовать для осуществленія своихъ стремленій; а потомъ, когда Саша принимается за дѣло, онъ говоритъ, что все это напрасно и ни къ чему не поведетъ, что онъ «болталъ пустое». Припомнимъ какъ поступаетъ Бельтовъ, и онъ точно также предпочитаетъ всякому рѣшительному шагу отступленіе. Подобныхъ примѣровъ набрать можно было бы очень много. Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у другихъ поэтовъ: пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія,— большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Не многіе, самые храбрѣйшіе, коекакъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: «Вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ»,—при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что «какъ же можно такъ скоро», и «при томъ же они честные люди», и не только честные, но очень смирные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говориться отъ нечего дѣлать, и что лучше всего—ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они «никакъ не ждали и не ожидали» и проч.

Таковы-то наши «лучшіе люди»—всѣ они похожи на нашего Ромео. Много ли бѣды для Аси въ томъ, что г. N. никакъ не зналъ, что̀ ему съ нею дѣлать и рѣшительно прогнѣвался, когда отъ него потребовалась отважная рѣшимость; много ли бѣды въ этомъ для Аси, мы не знаемъ. Первою мыслью приходитъ, что

бѣды отъ этого ей очень мало; напротивъ, и слава Богу, что дрянное безсиліе характера въ нашемъ Ромео оттолкнуло отъ него дѣвушку еще тогда, когда не было поздно. Ася погруститъ нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ и забудетъ все, и можетъ отдаться новому чувству, предметъ котораго будетъ болѣе достоинъ ея. Такъ, но въ томъ-то и бѣда, что едва ли встрѣтится ей человѣкъ болѣе достойный; въ томъ и стоитъ грустный комизмъ отношеній нашего Ромео къ Асѣ, что нашъ Ромео дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ людей нашего общества, что лучше его почти и не бываетъ людей у насъ. Только тогда будетъ довольна Ася своими отношеніями къ людямъ, когда, подобно другимъ, станетъ ограничиваться прекрасными разсужденіями, пока не представляется случая приняться за исполненіе рѣчей, а чуть представится случай, прикуситъ язычекъ и сложитъ руки, какъ дѣлаютъ всѣ. Только тогда и другіе будутъ ею довольны; а теперь, сначала, конечно, всякій скажетъ, что эта дѣвушка очень милая, съ благородной душой, съ удивительною силой характера, вообще дѣвушка, которую нельзя не полюбить, передъ которой нельзя не благоговѣть; но все это будетъ говориться лишь до той поры, пока характеръ Аси выказывается одними словами, пока только предполагается, что она способна на благородный и рѣшительный поступокъ; а едва сдѣлаетъ она шагъ, сколько-нибудь оправдывающій ожиданія, внушаемыя ея характеромъ, тотчасъ сотни голосовъ закричатъ: «Помилуйте, какъ это можно, вѣдь это безуміе! Назначать rendez-vous молодому человѣку! Вѣдь она губитъ себя, губитъ совершенно безполезно! Вѣдь изъ этого ничего не можетъ выйти, рѣшительно ничего, кромѣ того, что она потеряетъ свою репутацію. Можно ли такъ безумно рисковать собою?» — «Рисковать собою? это бы еще ничего, прибавятъ другіе: пусть она дѣлала бы съ собой, что́ хочетъ, но къ чему подвергать непріятностямъ другихъ. Въ какое положеніе поставила она этого бѣднаго молодаго человѣка? Развѣ онъ думалъ, что она захочетъ повести его такъ далеко? Что теперь ему дѣлать при ея безразсудствѣ? Если онъ пойдетъ за нею, онъ погубитъ себя; если онъ откажется, его назовутъ трусомъ и самъ онъ будетъ презирать себя. Я не знаю, благородно ли ставить въ подобныя непріятныя положенія людей, не подавшихъ, кажется, никакого особеннаго повода къ такимъ несообразнымъ поступкамъ. Нѣтъ, это не совсѣмъ благородно. А бѣдный братъ? Какова его

роль? Какую горькую пилюлю поднесла ему сестра? Цѣлую жизнь ему не переварить этой пилюли. Нечего сказать, одолжила милая сестрица! Я не спорю, все это очень хорошо на словахъ,—и благородныя стремленія и самопожертвованіе, и Богъ знаетъ какія прекрасныя вещи, но я скажу одно: я бы не желалъ быть братомъ Аси. Скажу болѣе, еслибъ я былъ на мѣстѣ ея брата,—я заперъ бы ее на полгода въ ея комнатѣ. Для ея собственной пользы надобно запереть ее. Она, видите ли, изволитъ увлекаться высокими чувствами; но каково разхлебывать другимъ то, что́ она изволила наварить? Нѣтъ, я не назову ея поступокъ, не назову ея характеръ благороднымъ, потому что я не называю благородными тѣхъ, которые легкомысленно и дерзко вредятъ другимъ». Такъ пояснится общій крикъ разсужденіями разсудительныхъ людей. Намъ отчасти совѣстно признаться, но все-таки приходится признаться, что эти разсужденія кажутся намъ основательными. Въ самомъ дѣлѣ Ася вредитъ не только себѣ, но и всѣмъ, имѣвшимъ несчастіе по родству или по случаю быть близкими къ ней; а тѣхъ, которые для собственнаго удовольствія вредятъ всѣмъ близкимъ своимъ, мы не можемъ не осуждать.

Осуждая Асю, мы оправдываемъ нашего Ромео. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ виновать? развѣ онъ подалъ ей поводъ дѣйствовать безразсудно? развѣ онъ подстрекалъ ее къ поступку, котораго нельзя одобрить? развѣ онъ не имѣлъ права сказать ей, что напрасно она запутала его въ непріятныя отношенія? Вы возмущаетесь тѣмъ, что его слова суровы, называете ихъ грубыми. Но правда всегда бываетъ сурова, и кто осудитъ меня, если вырвется у меня даже грубое слово, когда меня, ни въ чемъ не виноватаго, запутаютъ въ непріятное дѣло, да еще пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я радовался бѣдѣ, въ которую меня втянули?

Я знаю, отчего вы такъ несправедливо восхитились было неблагороднымъ поступкомъ Аси и осудили было нашего Ромео. Я знаю это потому, что самъ на минуту поддался неосновательному впечатлѣнію, сохранившемуся въ васъ. Вы начитались о томъ, какъ поступали и поступаютъ люди въ другихъ странахъ. Но сообразите, что вѣдь то другія страны. Мало ли что дѣлается на свѣтѣ въ другихъ мѣстахъ, но вѣдь не всегда и не вездѣ возможно то, что́ очень удобно при извѣстной обстановкѣ. Въ Англіи, напримѣръ, въ разговорномъ языкѣ не существуетъ слова «ты»: фабрикантъ своему работнику, землевладѣлецъ нанятому имъ землекопу, господинъ своему лакею

говорятъ непремѣнно «вы», и гдѣ случится, вставляютъ въ разговорѣ съ ними sir, то еeть все равно, что французское monsieur, а по-русски и слова такого нѣтъ, а выходитъ учтивость въ томъ родѣ, какъ если бы баринъ своему мужику говорилъ: «Вы, Сидоръ Карпычъ, сдѣлайте одолженіе зайдите ко мнѣ на чашку чаю, а потомъ поправьте дорожки у меня въ саду». Осудите ли вы меня, если я говорю съ Сидоромъ безъ такихъ субтильностей? Вѣдь я былъ бы смѣшонъ, если бы приняль языкъ англичанина. Вообще, какъ скоро вы начинаете осуждать то, что не нравится вамъ, вы становитесь идеологомъ, то есть самымъ забавнымъ и, сказать вамъ на ушко, самымъ опаснымъ человѣкомъ на свѣтѣ, теряете изъ-подъ вашихъ ногъ твердую опору практичной дѣйствительности. Опасайтесь этого, старайтесь сдѣлаться человѣкомъ практическимъ въ своихъ мнѣніяхъ, и на первый разъ постарайтесь примириться хоть съ нашимъ Ромео, кстати ужь зашла о немъ рѣчь. Я вамъ готовъ разсказать путь, которымъ я дошелъ до этого результата не только относительно сцены съ Асей, но и относительно всего въ мірѣ, то есть сталъ доволенъ всѣмъ, что ни вижу около себя, ни на что не сержусь, ничѣмъ не огорчаюсь (кромѣ неудачъ въ дѣлахъ, лично для меня выгодныхъ) ничего и никого въ мірѣ не осуждаю (кромѣ людей, нарушающихъ мои личныя выгоды), ничего не желаю (кромѣ собственной пользы),—словомъ сказать, я разскажу вамъ, какъ я сдѣлался изъ желчнаго меланхолика человѣкомъ до того практическимъ и благонамѣреннымъ, что даже не удивлюсь, если получу награду за свою благонамѣренность.

Я началъ съ того замѣчанія, что не слѣдуетъ порицать людей ни за что и ни въ чемъ, потому что, сколько я видѣлъ, въ самомъ умномъ человѣкѣ есть своя доля ограниченности, достаточная для того, чтобы онъ въ своемъ образѣ мыслей не могъ далеко уйти отъ общества, въ которомъ воспитался и живетъ, и въ самомъ энергическомъ человѣкѣ есть своя доза апатіи, достаточная для того, чтобъ онъ въ своихъ поступкахъ не удалялся много отъ рутины и, какъ говорится, плылъ по теченію рѣки, куда несетъ вода. Въ среднемъ кругу принято красить яйца къ Пасхѣ, на Масляницѣ ѣсть блины,—и всѣ такъ дѣлаютъ, хотя иной крашеныхъ яицъ вовсе не ѣстъ, а на тяжесть блиновъ почти каждый жалуется. Такъ не въ однихъ пустякахъ,—и во всемъ такъ. Принято, напримѣръ, что мальчиковъ слѣдуетъ держать свободнѣе, не-

жели дѣвочекъ, и каждый отецъ, каждая мать, какъ бы ни были убѣждены въ неразумности такого различія, воспитываютъ дѣтей по этому правилу. Принято, что богатство—вещь хорошая и каждый бываетъ доволенъ, если вмѣсто десяти тысячъ рублей въ годъ начнетъ получать, благодаря счастливому обороту дѣлъ, двадцать тысячъ, хотя здраво разсуждая, каждый умный человѣкъ знаетъ, что тѣ вещи, которыя, будучи недоступны при первомъ доходѣ, становятся доступны при второмъ, не могутъ приносить никакого существеннаго удовольствія. Напримѣръ, если съ десятью тысячами дохода можно сдѣлать балъ въ 500 рублей, то съ двадцатью можно сдѣлать балъ въ 1000 рублей; послѣдній будетъ нѣсколько лучше перваго, но все-таки особеннаго великолѣпія въ немъ не будетъ, его назовутъ не болѣе какъ довольно порядочнымъ баломъ, а порядочнымъ баломъ будетъ и первый. Такимъ образомъ даже чувство тщеславія при 20 тысячахъ дохода удовлетворяется очень немногимъ болѣе того какъ при 10 тысячахъ; что же касается до удовольствій, которыя можно назвать положительными, въ нихъ разница совершенно незамѣтна. Лично для себя человѣкъ съ 10 тысячами дохода имѣетъ точно такой же столъ, точно такое же вино и кресло того же ряда въ оперѣ, какъ и человѣкъ съ 20 тысячами. Первый называется человѣкомъ довольно богатымъ, и второй точно такъ же не считается чрезвычайнымъ богачемъ—существенной разницы въ ихъ положеніи нѣтъ; и однако же каждый, по рутинѣ, принятой въ обществѣ, будетъ радоваться при увеличеніи своихъ доходовъ съ 10 на 20 тысячъ, хотя фактически не будетъ замѣчать почти никакого увеличенія въ своихъ удовольствіяхъ. Люди вообще страшные рутинёры: стоитъ только всмотрѣться поглубже въ ихъ мысли, чтобъ открыть это. Иной господинъ чрезвычайно озадачитъ васъ на первый разъ независимостью своего образа мыслей отъ общества, къ которому принадлежитъ, покажется вамъ, напримѣръ, космополитомъ, человѣкомъ безъ сословныхъ предубѣжденій и т. п., и самъ подобно своимъ знакомымъ воображаетъ себя такимъ отъ чистой души. Но наблюдайте точнѣе за космополитомъ, и онъ окажется французомъ или русскимъ, со всѣми особенностями понятій и привычекъ, принадлежащими той націи, къ которой причисляется по своему паспорту, окажется помѣщикомъ или чиновникомъ, купцомъ или профессоромъ, со всѣми оттѣнками образа мыслей, принадлежащими его

сословію. Я увѣренъ, что многочисленность людей, имѣющихъ привычку другъ на друга сердиться, другъ друга обвинять, зависитъ единственно отъ того, что слишкомъ немногіе занимаются наблюденіями подобнаго рода; а попробуйте только начать всматриваться въ людей съ цѣлью провѣрки, дѣйствительно ли отличается чѣмъ нибудь важнымъ отъ другихъ людей одного съ нимъ положенія тотъ или другой человѣкъ, кажущійся на первый разъ не похожимъ на другихъ,—попробуйте только заняться такими наблюденіями, и этотъ анализъ такъ завлечетъ васъ, такъ заинтересуетъ вашъ умъ, будетъ постоянно доставлять такія успокоительныя впечатлѣнія вашему духу, что вы не отстанете отъ него уже никогда и очень скоро придете къ выводу: «каждый человѣкъ какъ всѣ люди, въ каждомъ точно тоже, что и въ другихъ». И чѣмъ дальше, тѣмъ тверже вы станете убѣждаться въ этой аксіомѣ. Различія только потому кажутся важны, что лежатъ на поверхности и бросаются въ глаза, а подъ видимымъ, кажущимся различіемъ скрывается совершенное тождество. Да и съ какой стати въ самомъ дѣлѣ человѣкъ былъ бы противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы? Вѣдь въ природѣ кедръ и иссопъ питаются и цвѣтутъ, слонъ и мышь движутся и ѣдятъ, радуются и сердятся по однимъ и тѣмъ же законамъ; подъ внѣшнимъ различіемъ формъ лежитъ внутреннее тождество организма обезьяны и кита, орла и курицы; стоитъ только вникнуть въ дѣло еще внимательнѣе, и увидимъ, что не только различныя существа одного класса, но и различные классы существъ устроены и живутъ по однимъ и тѣмъ же началамъ, что организмъ млекопитающаго, птицы и рыбы одинаковы, что и червякъ дышитъ подобно млекопитающему, хотя нѣтъ у него ни ноздрей, ни дыхательнаго горла, ни легкихъ. Не только аналогія съ другими существами нарушалась бы непризнаваніемъ одинаковотси основныхъ правилъ и пружинъ въ нравственной жизни каждаго человѣка, — нарушалась бы и аналогія съ его физической жизнью. Изъ двухъ здоровыхъ людей одинаковыхъ лѣтъ, въ одинаковомъ расположеніи духа, у одного пульсъ бьется, конечно, нѣсколько сильнѣе и чаще, нежели у другого; но велико ли это различіе? Оно такъ ничтожно, что наука даже не обращаетъ на него вниманія. Другое дѣло, когда вы сравните людей разныхъ лѣтъ, или въ разныхъ обстоятельствахъ: у дитяти пульсъ бьется вдвое скорѣе, нежели у старика, у больнаго гораздо чаще или рѣже, не-

жели у здороваго, у того, кто выпилъ стаканъ шампанскаго, чаще, нежели у того, кто выпилъ стаканъ воды. Но и тутъ понятно всякому, что разница не въ устройствѣ организма, а въ обстоятельствахъ, при которыхъ наблюдается организмъ. И у старика, когда онъ былъ ребенкомъ, пульсъ бился также часто, какъ у ребенка, съ которымъ вы его сравниваете; и у здороваго ослабѣлъ бы пульсъ, какъ у больнаго, если бы онъ занемогъ тою же болѣзнью; и у Петра, еслибъ онъ выпилъ стаканъ шампанскаго, точно такъ же усилилось бы біеніе пульса, какъ у Ивана.

Вы почти достигли границъ человѣческой мудрости, когда утвердились въ этой простой истинѣ, что каждый человѣкъ—такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Не говорю уже объ отрадныхъ слѣдствіяхъ этого убѣжденія для вашего житейскаго счастія: вы перестанете сердиться и огорчаться, перестанете негодовать и обвинять, будете кротко смотрѣть на то, за что прежде готовы были вы сердиться или жаловаться на человѣка за такой поступокъ, какой каждымъ былъ бы сдѣланъ на его мѣстѣ? Въ вашу душу поселяется ни чѣмъ не возмутимая кроткая тишина, сладостнѣе которой можетъ быть только браминское созерцаніе кончина носа, съ тихимъ неумолчнымъ повтореніемъ словъ «Омъ-мани-падъ-ме-хумъ». Я не говорю уже объ этой неоцѣненной душевно-практической выгодѣ, не говорю даже и о томъ, сколько денежныхъ выгодъ доставитъ вамъ мудрая снисходительность къ людямъ: вы совершенно радушно будете встрѣчать негодяя, котораго прогнали бы отъ себя прежде; а этотъ негодяй быть можетъ, человѣкъ съ вѣсомъ въ обществѣ, и хорошими отношеніями съ нимъ поправятся ваши собственныя дѣла. Не говорю и о томъ, что вы сами тогда менѣе будете стѣсняться ложными сомнѣніями совѣстливости въ пользованіи тѣми выгодами, какія будутъ подвертываться вамъ подъ руку: къ чему будетъ вамъ стѣсняться излишней щекотливостью, если вы убѣждены, что каждый поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ точно такъ же, какъ и вы? Всѣхъ этихъ выгодъ я не выставляю на видъ, имѣя цѣлью указать только чисто научную, теоретическую важность убѣжденія въ одинаковости человѣческой натуры во всѣхъ людяхъ. Если всѣ люди существенно одинаковы, то откуда же возникаетъ разница въ ихъ поступкахъ? Стремясь къ достиженію главной истины, мы уже нашли мимоходомъ и тотъ выводъ изъ нея,

который служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.—Для насъ теперь ясно, что все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ и отъ обстоятельствъ, то есть въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка,—всмотритесь прежде, онъ ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества,—всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его. Разсуждая о другихъ мы слишкомъ склонны всякую бѣду считать виною,—въ этомъ истинная бѣда для практической жизни, потому что вина и бѣда вещи совершенно различныя и требуютъ обращенія съ собою одна вовсе не такого, какъ другая. Вина вызываетъ порицаніе или даже наказаніе противъ лица. Бѣда требуетъ помощи лицу черезъ устраненіе обстоятельствъ болѣе сильныхъ, нежели его воля. Я зналъ одного портного, который раскаленнымъ утюгомъ тыкалъ въ зубы своимъ ученикамъ. Его, пожалуй, можно назвать виноватымъ, можно и наказать его; но за то не каждый портной тычетъ горячимъ утюгомъ въ зубы, примѣры такого неистовства очень рѣдки. Но почти каждому мастеровому случается, выпивши въ праздникъ, подраться—это ужь не вина, а просто бѣда. Тутъ нужно не наказаніе отдѣльнаго лица, а измѣненіе въ условіяхъ быта для цѣлаго сословія. Тѣмъ грустнѣе вредное смѣшиваніе вины и бѣды, что различать эти двѣ вещи очень легко; одинъ признакъ различія мы уже видѣли: вина—это рѣдкость, это исключеніе изъ правила; бѣда—это эпидемія. Умышленный поджогъ—это вина; за то изъ милліоновъ людей находится одинъ, который рѣшается на такое дѣло. Есть другой признакъ, нужный для дополненія къ первому. Бѣда обрушивается на томъ самомъ человѣкѣ, который исполняетъ условіе, ведущее къ бѣдѣ; вина обрушивается на другихъ, принося виноватому пользу. Этотъ послѣдній признакъ чрезвычайно точенъ. Разбойникъ зарѣзалъ человѣка, чтобы ограбить его, и находитъ въ томъ пользу себѣ,—это вина. Неосторожный охотникъ нечаянно ранилъ человѣка и самъ первый мучится несчастіемъ, которое сдѣлалъ,—это ужь не вина, а просто бѣда.

Признакъ вѣренъ, но если примѣнять его съ нѣкоторой проницательностью, съ внимательнымъ разборомъ фактовъ, то окажется, что вины почти никогда не бываетъ на свѣтѣ, а бываетъ

только бѣда. Сейчасъ мы упомянули о разбойникѣ. Сладко ли ему жить? Если бы не особенныя, очень тяжелыя для него обстоятельства, взялся ли бы онъ за свое ремесло? Гдѣ вы найдете человѣка которому пріятнѣе было бы въ морозъ и въ непогоду, прятаться въ берлогахъ и шататься по пустынямъ, часто терпѣть голодъ и постоянно дрожать за свою спину, ожидающую плети,—которому это было бы пріятнѣе, нежели комфортабельно курить сигару въ спокойныхъ креслахъ, или играть въ ералашъ въ Англійскомъ клубѣ, какъ дѣлаютъ порядочные люди?

Нашему Ромео также было бы гораздо пріятнѣе наслаждаться взаимными пріятностями счастливой любви, нежели остаться въ дуракахъ и жестоко бранить себя за пошлую грубость съ Асей. Изъ того, что жестокая непріятность, которой подвергается Ася, приноситъ ему самому не пользу или удовольствіе, а стыдъ передъ самимъ собой, то есть самое мучительное изъ всѣхъ нравственныхъ огорченій, мы видимъ, что онъ попалъ не въ вину, а въ бѣду. Пошлость, которую онъ сдѣлалъ, была бы сдѣлана очень многими другими, такъ называемыми порядочными людьми, или лучшими людьми нашего общества; стало быть это не иное что, какъ симптомъ эпидемической болѣзни, укоренившейся въ нашемъ обществѣ.

Симптомъ болѣзни не есть самая болѣзнь. И если бы дѣло состояло только въ томъ, что нѣкоторые, или лучше сказать, почти всѣ «лучшіе» люди обижаютъ дѣвушку, когда въ ней больше благородства, или меньше опытности, нежели въ нихъ,—это дѣло, признаемся, мало интересовало бы насъ. Богъ съ ними съ эротическими вопросами,—не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ. Но сцена, сдѣланная нашимъ Ромео Асѣ, какъ мы замѣтили, только симптомъ болѣзни, которая точно такимъ же пошлымъ образомъ портитъ всѣ наши дѣла, и только нужно намъ всмотрѣться, отчего попалъ въ бѣду нашъ Ромео, мы увидимъ чего намъ всѣмъ, похожимъ на него ожидать отъ себя и ожидать для себя и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

Начнемъ съ того, что бѣдный молодой человѣкъ совершенно не понимаетъ того дѣла, участіе въ которомъ принимаетъ, Дѣло ясно, но онъ одержимъ такимъ тупоуміемъ, котораго не въ силахъ образумить очевиднѣйшіе факты. Чему уподобить такое слѣпое тупоуміе, мы рѣшительно не знаемъ. Дѣвушка, не способная ни къ ка-

кому притворству, не знающая никакой хитрости, говоритъ ему: «Сама не знаю, что со мною дѣлается. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь. Вы не должны судить меня... потому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ? Вѣдь это ея скала виднѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка».—Кажется ясно, какое чувство пробудилось въ ней. Черезъ двѣ минуты она съ волненіемъ, отражающимся даже блѣдностью на ея лицѣ, спрашиваетъ, нравилась ли ему та дама, о которой, какъ-то шутя, упомянуто было въ разговорѣ много дней тому назадъ; потомъ спрашиваетъ, что ему нравится въ женщинѣ; когда онъ замѣчаетъ, какъ хорошо сіяющее небо, она говоритъ: — Да, хорошо! Если-бъ мы съ вами были птицы — какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли!.. Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... но мы не птицы. — А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я. — Какъ такъ? — Поживете — узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.— А у васъ были?— Какъ вамъ сказать»... кажется до сихъ поръ я еще не леталъ. — На другой день, когда онъ вошелъ, Ася покраснѣла; хотѣла было убѣжать изъ комнаты; была грустна, и наконецъ, припоминая вчерашній разговоръ, сказала ему: «Помните, вы вчера говорили о крыльяхъ? Крылья у меня выросли».

Слова эти были такъ ясны, что даже недогадливый Ромео, возвращаясь домой, не могъ не дойти до мысли: неужели она меня любитъ? Съ этою мыслью заснулъ, и проснувшись на другое утро, спрашивалъ себя: «неужели она меня любитъ»?

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не понять этого, и однакожь, онъ не понялъ. Понималъ ли онъ по крайней мѣрѣ то, что дѣлалось въ его собственномъ сердцѣ? И тутъ примѣты были не менѣе ясны. Послѣ первыхъ же двухъ встрѣчъ съ Асей, онъ чувствуетъ ревность, при видѣ ея нѣжнаго обращенія съ братомъ, и отъ ревности не хочетъ вѣрить, что Гагинъ дѣйствительно братъ ей. Ревность въ немъ такъ сильна, что онъ не можетъ видѣть Асю, но не могъ бы и удержаться отъ того, чтобы видѣть ее, потому онъ будто 18-ти-лѣтній юноша убѣгаетъ отъ деревеньки, въ которой живетъ она, нѣсколько дней скитается по окрестнымъ полямъ. Убѣдившись наконецъ, что Ася въ самомъ дѣлѣ только сестра Гагину, онъ счастливъ, какъ ребенокъ, и возвращаясь отъ нихъ чувствуетъ

даже, что «слезы закипаютъ у него на глазахъ отъ восторга», чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ восторгъ весь сосредоточивается на мысли объ Асѣ и, наконецъ, доходитъ до того, что не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ нея. Кажется, человѣкъ, любившій нѣсколько разъ, долженъ былъ бы понимать, какое чувство высказывается въ немъ самомъ этими признаками. Кажется человѣкъ хорошо знавшій женщинъ, могъ бы понимать, что дѣлается въ сердцѣ Аси. Но когда она пишетъ ему, что любитъ его, эта записка совершенно изумляетъ его: онъ, видите ли, никакъ этого не предугадывалъ. Прекрасно; но какъ бы то ни было, предугадывалъ онъ, или не предугадывалъ, что Ася любитъ его, все равно: теперь ему извѣстно положительно: Ася любитъ его, онъ теперь видитъ это; ну, что же онъ чувствуетъ къ Асѣ? Рѣшительно самъ онъ не знаетъ, какъ ему отвѣчать на этотъ вопросъ. Бѣдняжка! на тридцатомъ году, ему, по молодости лѣтъ, нужно было бы имѣть дядьку, который говорилъ бы ему, когда слѣдуетъ утереть носикъ, когда нужно ложиться почивать и сколько чашечекъ чайку надобно ему кушать. При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, вамъ можетъ казаться, что передъ вами или дитя, или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій, какъ мы замѣтили, подъ-тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что все сводится къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живаго, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе—онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки серебр.; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ которой выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей, и вы увидите, что онъ совершенно переконфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство; онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ не съумѣетъ и картъ держать въ рукахъ.—Онъ похожъ на моряка, который всю свою жизнь дѣ-

лалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію вѣхъ между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ; что, если вдругъ этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя въ океанѣ?

Боже мой! За что мы такъ сурово анализируемъ нашего героя? Чѣмъ онъ хуже насъ всѣхъ? Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиной или шесть, а иные и больше футовъ роста; они отращиваютъ или брѣютъ волосы на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображаемъ, что мы видимъ передъ собой мужчинъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участію въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенокъ мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола среднихъ, а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мужчиною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мужчиною благороднаго характера. Лучше не развиваться человѣку, нежели развиваться безъ вліянія мысли объ общественныхъ дѣлахъ, безъ вліянія чувствъ, пробуждаемыхъ участіемъ въ нихъ. Если изъ круга моихъ наблюденій, изъ сферы дѣйствій, въ которой вращаюсь я, исключены идеи и побужденія, имѣющія предметомъ общую пользу, т. е. исключены гражданскіе мотивы, что остается наблюдать мнѣ? въ чемъ остается участвовать мнѣ? Остается хлопотливая сумятица отдѣльныхъ личностей съ личными узенькими заботами о своемъ карманѣ, о своемъ брюшкѣ или о своихъ забавахъ. Если я стану наблюдать людей въ томъ видѣ, какъ они представляются мнѣ при отдаленіи отъ нихъ участія въ гражданской дѣятельности, какое понятіе о людяхъ и жизни образуется во мнѣ? Когда-то любили у насъ Гофмана, и была когда-то переведена его повѣсть о томъ, какъ по странному случаю глаза господина Перигринуса Тисса получили силу микроскопа и о томъ, каковы были для его понятій о людяхъ результаты этого качества его глазъ. Красота, благородство, добродѣтель, любовь, дружба, все прекрасное и великое исчезло для него изъ міра. На кого ни взглянетъ онъ, каждый мужчина представляется ему подлымъ трусомъ, или коварнымъ интригантомъ, каждая женщина кокеткою, всѣ люди лжецами и эгоистами, мелочными и низкими до послѣдней степени. Эта страшная повѣсть

могла создаться только въ головѣ человѣка, насмотрѣвшагося на то, что называется въ Германіи Kleinstädterei, насмотрѣвшагося на жизнь людей, лишенныхъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, ограниченныхъ тѣсно размѣреннымъ кружкомъ своихъ частныхъ интересовъ, потерявшихъ всякую мысль о чемъ нибудь высшемъ копѣечнаго преферанса, (котораго впрочемъ еще не было извѣстно во времена Гофмана). Припомните, чѣмъ становится разговоръ въ какомъ бы то ни было обществѣ, какъ скоро рѣчь перестаетъ идти объ общественныхъ дѣлахъ? Какъ бы ни были умны и благородны собесѣдники, если они не говорятъ о дѣлахъ общественнаго интереса, они начинаютъ сплетничать или пустословить; злоязычная пошлость или безпутная пошлость, въ томъ и другомъ случаѣ безсмысленная пошлость—вотъ характеръ, неизбѣжно принимаемый бесѣдой, удаляющеюся отъ общественныхъ интересовъ. По характеру бесѣды можно судить о бесѣдующихъ. Если даже высшіе по развитію своихъ понятій люди впадаютъ въ пустую и грязную пошлость, когда ихъ мысль уклоняется отъ общественныхъ интересовъ, то легко сообразить, каково должно быть общество, живущее въ совершенномъ отчужденіи отъ этихъ интересовъ. Представьте же себѣ человѣка, который воспитался жизнью въ такомъ обществѣ: каковы будутъ выводы изъ его опытовъ? каковы результаты его наблюденій надъ людьми? Все пошлое и мелочное онъ понимаетъ превосходно, но кромѣ этого не понимаетъ ничего, потому что ничего не видалъ и не испыталъ. Онъ могъ, Богъ знаетъ, какихъ прекрасныхъ вещей начитаться въ книгахъ, онъ можетъ находить удовольствіе въ размышленіяхъ объ этихъ прекрасныхъ вещахъ; быть можетъ онъ даже вѣритъ тому, что онѣ существуютъ или должны существовать и на землѣ, а не въ однѣхъ книгахъ. Но какъ вы хотите, чтобъ онъ понялъ и угадалъ ихъ, когда онѣ вдругъ встрѣтятся его неприготовленному взгляду, опытному только въ классификаціи вздора и пошлости? Какъ вы хотите, чтобы я, которому подъ именемъ шампанскаго подавали вино, никогда и не видавшее виноградниковъ Шампани, но впрочемъ очень хорошее шипучее вино,—какъ вы хотите, чтобъ я, когда мнѣ вдругъ подадутъ дѣйствительно шампанское вино, могъ сказать навѣрное: да, это дѣйствительно уже не поддѣлка? Если я скажу это, я буду фатъ. Мой вкусъ чувствуетъ только, что это вино хорошо,—но мало ли я пилъ хорошаго поддѣльнаго вина? Почему я

знаю, что и на этотъ разъ мнѣ поднесли не поддѣльное вино? Нѣтъ, нѣтъ, въ поддѣлкахъ я знатокъ, умѣю отличить хорошую отъ дурной; но неподдѣльнаго вина оцѣнить я не могу.

Счастливы мы были бы, благородны мы были бы, если бы только неприготовленность взгляда, неопытность мысли мѣшала намъ угадывать и цѣнить высокое и великое, когда оно попадется намъ въ жизни. Но нѣтъ, и наша воля участвуетъ въ этомъ грубомъ непониманіи. Не одни понятія съузились во мнѣ отъ пошлой ограниченности, въ суетѣ которой я живу; этотъ характеръ перешелъ и въ мою волю: какова широта взгляда, такова широта и рѣшеній; и кромѣ того, невозможно не привыкнуть наконецъ поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ. Заразительность смѣха, заразительность зѣвоты не исключительные случаи въ общественной физіологія,—та же заразительность принадлежитъ всѣмъ явленіямъ, обнаруживающимся въ массахъ. Есть чья-то басня о томъ, какъ какой то здоровый человѣкъ попалъ въ царство хромыхъ и кривыхъ. Басня говоритъ, будто бы всѣ на него нападали, зачѣмъ у него оба глаза и обѣ ноги цѣлы; басня солгала, потому что не договорила всего: на пришельца нападали только сначала, а когда онъ обжился на новомъ мѣстѣ, онъ самъ прищурилъ одинъ глазъ и сталъ прихрамывать,—ему казалось уже, что такъ удобнѣе, или по крайней мѣрѣ приличнѣе смотрѣть и ходить, и скоро онъ даже забылъ, что собственно говоря, онъ не хромъ и не кривъ. Если вы охотникъ до грустныхъ эффектовъ, можете прибавить, что когда наконецъ пришла нашему заѣзжему надобность пойти твердымъ шагомъ и зорко смотрѣть обоими глазами, уже не могъ этого онъ сдѣлать: оказалось, что закрытый глазъ уже не открывался, искривленная нога уже не распрямлялась; отъ долгаго принужденія нервы и мускулы бѣдныхъ искаженныхъ суставовъ утратили силу дѣйствовать правильнымъ образомъ.

Прикасающійся къ смолѣ зачернится,—наказаніе себѣ, если прикасался добровольно, на бѣду себѣ, если не добровольно. Нельзя не пропитаться пьянымъ запахомъ тому, кто живетъ въ кабакѣ, хотя бы самъ онъ не выпилъ ни одной рюмки; нельзя не проникнуться мелочностью воли тому, кто живетъ въ обществѣ, не имѣющемъ никакихъ стремленій, кромѣ мелкихъ житейскихъ разсчетовъ. Невольно вкрадывается въ сердце робость отъ мысли, что вотъ, можетъ быть, придется мнѣ принять высокое рѣшеніе, смѣло сдѣ-

лать отважный шагъ не по пробитой тропинкѣ ежедневнаго моціона. Потому-то стараешься увѣрять себя, что нѣтъ, не пришла еще надобность ни въ чемъ такомъ необыкновенномъ, до послѣдней роковой минуты, нарочно убѣждаешь себя, что все кажущееся выходящимъ изъ привычной мелочности, не болѣе какъ обольщеніе. Ребенокъ, который боится буки, зажмуриваетъ глаза и кричитъ какъ можно громче, что буки нѣтъ, что бука вздоръ,—этимъ, видите ли, онъ ободряетъ себя. Мы такъ умны, что стараемся увѣрить себя будто все, чего трусимъ мы, трусимъ единственно отъ того, что нѣтъ въ насъ силы ни на что высокое,—стараемся увѣрить себя, что все это вздоръ, что насъ только пугаютъ этимъ какъ ребенка букою, а въ сущности ничего такого нѣтъ и не будетъ.

А если будетъ? Ну тогда выйдетъ съ нами то же, что вышло въ повѣсти г. Тургенева съ нашимъ Ромео. Онъ то же ничего не предвидѣлъ и не хотѣлъ предвидѣть; онъ также зажмуривалъ себѣ глаза и пятился, а прошло время—пришлось ему кусать локти, да ужь не достанетъ.

И какъ не продолжительно было время, въ которое рѣшалась и его судьба, и судьба Аси,—всего только нѣсколько минутъ, и отъ нихъ зависѣла цѣлая жизнь, и пропустивъ ихъ, уже ничѣмъ нельзя было исправить ошибку. Едва онъ вошелъ въ комнату, едва успѣлъ произнесть нѣсколько необдуманныхъ, почти безсознательныхъ безразсудныхъ словъ, и уже все было рѣшено: разрывъ на вѣки, и нѣтъ возврата. Мы ни мало не жалѣемъ объ Асѣ; тяжело было ей слышать суровыя слова отказа, но вѣроятно къ лучшему для нея было, что довелъ ее до разрыва безразсудный человѣкъ. Еслибъ она осталась связана съ нимъ, для него, конечно, было бы то великимъ счастьемъ, но мы не думаемъ, чтобъ ей было хорошо жить въ близкихъ отношеніяхъ къ такому господину. Кто сочувствуетъ Асѣ, тотъ долженъ радоваться тяжелой, возмутительной сценѣ. Сочувствующій Асѣ совершенно правъ: онъ избралъ предметомъ своихъ симпатій существо зависимое, существо оскорбляемое. Но хотя и со стыдомъ, должны мы признаться, что принимаемъ участіе въ судьбѣ нашего героя. Мы не имѣемъ чести быть его родственниками; между нашими семьями существовала даже не любовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ. Но мы не можемъ еще оторваться отъ предубѣжденій, набившихся въ нашу голову изъ ложныхъ книгъ и уроковъ, которыми воспитана

и загублена наша молодость, не можемъ оторваться отъ мелочныхъ понятій, внушенныхъ намъ окружающимъ обществомъ; намъ все кажется (пустая мечта, но все еще неотразимая для насъ мечта), будто онъ оказалъ какія-то услуги нашему обществу, будто онъ представитель нашего просвѣщенія, будто онъ лучшій между нами, будто бы безъ него было бы намъ хуже. Все сильнѣй и сильнѣй развивается въ насъ мысль, что это мнѣніе о немъ пустая мечта, мы чувствуемъ, что не долго уже остается намъ находиться подъ ея вліяніемъ; что есть люди лучше его, именно тѣ, которыхъ онъ обижаетъ; что безъ него намъ было бы лучше жить,—но въ настоящую минуту мы все еще не достаточно свыклись съ этою мыслью, не совсѣмъ оторвались отъ мечты, на которой воспитаны; потому мы все еще желаемъ добра нашему герою и его собратамъ. Находя, что приближается въ дѣйствительности для нихъ рѣшительная минута, которою опредѣлится на вѣки ихъ судьба, мы все еще не хотимъ сказать себѣ: въ настоящее время не способны они понять свое положеніе; не способны поступить благоразумно и вмѣстѣ великодушно,—только ихъ дѣти и внуки, воспитанные въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, будутъ умѣть дѣйствовать какъ честные и благоразумные граждане, а сами они теперь не пригодны къ роли, которая дается имъ; мы не хотимъ еще обратить на нихъ слова пророка: «Будутъ видѣть они, и не увидятъ, будутъ слышать, и не услышатъ, потому что загрубѣлъ смыслъ въ этихъ людяхъ, и оглохли ихъ уши, и закрыли они свои глаза, чтобъ не видѣть»,—нѣтъ, мы все еще хотимъ полагать ихъ способными къ пониманію совершающагося вокругъ нихъ и надъ ними, хотимъ думать, что они способны послѣдовать мудрому увѣщанію голоса, желавшаго спасти ихъ, и потому мы хотимъ дать имъ указаніе, какъ имъ избавиться отъ бѣдъ, неизбѣжныхъ для людей: не умѣющимъ во-время сообразить своего положенія и воспользоваться выгодами, которыя представляетъ мимолетный часъ. Противъ желанія, нашего, ослабѣваетъ въ насъ съ каждымъ днемъ надежда на проницательность и энергію людей, которыхъ мы упрашиваемъ понять важность настоящихъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно здравому смыслу,—но пусть по крайней мѣрѣ не говорятъ они, что не слышали благоразумныхъ совѣтовъ, что не было имъ объясняемо ихъ положеніе.

Между вами господа (обратимся мы съ рѣчью къ этимъ досто-

почтеннымъ людямъ), есть довольно много людей грамотныхъ; они знаютъ какъ изображалось счастье по древней миѳологіи:—оно представлялось какъ женщина съ длинной косой, развѣваемою впереди ея вѣтромъ, несущимъ эту женщину; легко поймать ее, пока она подлетаетъ къ вамъ, но пропустите одинъ мигъ—она пролетитъ, и напрасно погнались бы вы ловить ее: нельзя схватить ее, оставшись позади. Невозвратенъ счастливый мигъ. Не дождаться вамъ будетъ, пока повторится благопріятное сочетаніе обстоятельствъ, какъ не повторится то соединеніе небесныхъ свѣтилъ, которое совпадаетъ съ настоящимъ часомъ. Не пропустить благопріятную минуту—вотъ высочайшее условіе житейскаго благоразумія. Счастливыя обстоятельства бываютъ для каждаго изъ насъ, но не каждый умѣетъ имъ пользоваться, и въ этомъ искусствѣ почти единственно состоитъ различіе между людьми, жизнь которыхъ устраивается хорошо или дурно. И для васъ, хотя быть можетъ и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, такъ счастливо, что единственно отъ вашей воли зависитъ ваша судьба въ рѣшительный мигъ. Поймете ли вы требованіе времени, сумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь,—вотъ въ чемъ теперь для васъ вопросъ о счастіи или несчастіи на вѣки.

Въ чемъ же способы и правила для того, чтобъ не упустить счастья, предлагаемаго обстоятельствами? Какъ въ чемъ? Развѣ трудно бываетъ сказать чего требуетъ благоразуміе въ каждомъ данномъ случаѣ? Положимъ, напримѣръ, что у меня есть тяжба, въ которой я кругомъ виноватъ. Предположимъ также, что мой противникъ, совершенно правый, такъ привыкъ къ несправедливостямъ судьбы, что съ трудомъ уже вѣритъ въ возможность дождаться рѣшенія нашей тяжбы: она тянулась уже нѣсколько десятковъ лѣтъ; много разъ спрашивалъ онъ въ судѣ; когда будетъ докладъ и много разъ ему отвѣчали «завтра или послѣ завтра», и каждый разъ проходили мѣсяцы и мѣсяцы, годы и годы, и дѣло все не рѣшалось. Почему оно такъ тянулось, я не знаю, знаю только, что предсѣдатель суда почему-то благопріятельствовалъ мнѣ (онъ, кажется, полагалъ, что я преданъ ему всей душой). Но вотъ онъ получилъ приказаніе неотлагательно рѣшить дѣло. По своей дружбѣ ко мнѣ, онъ призвалъ меня и сказалъ «Не могу медлить рѣшеніемъ вашего процесса; судебнымъ порядкомъ не можетъ онъ

кончится въ вашу пользу,—законы слишкомъ ясны; вы проиграете все; потерею имущества не кончится для васъ дѣло: приговоромъ нашего гражданскаго суда обнаружатся обстоятельства, за которыя вы будете подлежать отвѣтственности по уголовнымъ законамъ, а вы знаете, какъ они строги; каково будетъ рѣшеніе уголовной палаты—я не знаю, но думаю, что вы отдѣлаетесь отъ нея слишкомъ легко, если будете приговорены только къ лишенію правъ состоянія,—между нами будь сказано, можно ждать вамъ еще гораздо худшаго. Нынѣ суббота; въ понедѣльникъ ваша тяжба будетъ доложена и рѣшена;—долѣе отлагать ее не имѣю я силы, при всемъ расположеніи моемъ къ вамъ. Знаете ли что я посовѣтовалъ бы вамъ? воспользуйтесь остающимся у васъ днемъ: предложите мировую вашему противнику; онъ еще не знаетъ, какъ безотлагательна необходимость, въ которую я поставленъ полученнымъ мною предписаніемъ; онъ слышалъ, что тяжба рѣшается въ понедѣльникъ, но онъ слышалъ о близкомъ ея рѣшеніи столько разъ, что извѣрился своимъ надеждамъ; теперь онъ еще согласится на полюбовную сдѣлку, которая будетъ очень выгодна для васъ и въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что ею избавитесь вы отъ уголовнаго процесса, пріобрѣтете имя человѣка снисходительнаго, великодушнаго, который какъ будто бы самъ почувствовалъ голосъ совѣсти и человѣчности. Постарайтесь кончить тяжбу полюбовною сдѣлкой. Я прошу васъ объ этомъ, какъ другъ вашъ».

Что мнѣ теперь дѣлать, пусть скажетъ каждый изъ васъ: умно ли будетъ мнѣ поспѣшить къ моему противнику для заключенія мировой? Или умно будетъ пролежать на своемъ диванѣ единственный остающійся мнѣ день? Или умно будетъ накинуться съ грубыми ругательствами на благопріятствующаго мнѣ судью, дружеское предувѣдомленіе котораго давало мнѣ возможность съ честью и выгодою для себя покончить мою тяжбу?

Изъ этого примѣра читатель видитъ, какъ легко въ данномъ случаѣ рѣшить, чего требуетъ благоразуміе.

«Старайся примириться съ твоимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ нимъ до суда; а иначе отдастъ тебя противникъ судьѣ, а судья отдастъ тебя исполнителю приговоровъ, и будешь ты ввергнутъ въ темницу и не выйдешь изъ нея, пока не расплатишься за все до послѣдней мелочи». Матѳ. глава V, стих. 25 и 26.

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ. Комедія А. Островскаго. Москва. 1854.

Первая комедія г. Островскаго, «Свои люди—сочтемся», была принята читателями съ единодушнымъ одобреніемъ. Мы встрѣчали даже такихъ, которые въ порывѣ увлеченія, ставили эту комедію выше «Недоросля» и «Горе отъ ума», наравнѣ съ «Ревизоромъ». И такое увлеченіе не сердило тѣхъ, которыя не раздѣляли его—такъ оно было естественно. Черезъ два года явилась «Бѣдная невѣста», не уронившая извѣстности автора, но и не поддержавшая ее. Третья комедія его «Не въ свои сани не садись» заставила нѣкоторыхъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей перваго произведенія г. Островскаго опасаться, что онъ уже не въ силахъ создать что нибудь, достойное автора «Своихъ людей». Но большая часть публики не раздѣляла еще этихъ опасеній; многіе оставались такъ увлечены «Своими людьми», что все, выходившее изъ подъ пера ихъ автора, считали равно замѣчательнымъ. Явилась «Бѣдность не порокъ», и большинство публики убѣдилось въ основательности опасенія за талантъ г. Островскаго; и если мы скажемъ, что, по нашему убѣжденію, г. Островскій еще можетъ имѣть силы—если только будетъ имѣть желаніе—создать послѣ «Бѣдность не порокъ» что нибудь замѣчательное, то большинство читателей, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ въ дѣлѣ искусства, едва ли не назоветъ насъ людьми, которые все еще не хотятъ отказаться отъ надеждъ и тогда, когда уже невозможно надѣяться. Мы не можемъ надѣяться. Мы не можемъ найти эпитета, который бы достаточно выражалъ всю фальшивость и слабость новой комедіи; не можемъ найти потому, что воспоминаніе о «Своихъ людяхъ» не позволяетъ намъ прибѣг-

нуть къ эпитетамъ, которыми характеризуются произведенія кичливой бездарности. Потому скажемъ только: новая комедія г. Островскаго слаба до невѣроятности. А между тѣмъ находятся люди, которые продолжаютъ называть ее «цѣннымъ и долговѣчнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской литературы». Этого мало; находятся люди, которые рѣшаются говорить такъ: мы видѣли «Гамлета», «Отелло», «Ричарда III», «Короля Лира»; эти геніальныя созданія сильны тѣмъ, что въ нихъ правдиво изображается человѣкъ, и могущественно ихъ «правда» дѣйствовала на нашу душу, но пришло время, и мы увидали произведеніе еще высшаго достоинства (т. е. «Бѣдность не порокъ»):

„И вотъ пришла пора другая,
Опять въ театрѣ стонъ стоитъ;
Полусмѣясь, полурыдая,
На сцену вновь толпа глядитъ,
И съ нею истина иная
Со сцены снова говоритъ.

Но эта правда не похожа
На правду прежнюю ни чуть:
Она *простье*, *но дороже*,
Здоровѣй дѣйствуетъ на грудь.
Дай ей самой здоровья, Боже,
Пошли и впредь счастливый путь!
Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ оглушилъ,
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.

Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Восторгомъ вновь затрепетала:
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поникшей головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой.... и проч., и проч.

(См. „Москвитянинъ“, 1854, № 5.)

Для нечитавшихъ «Бѣдность не порокъ» прибавимъ, что Любимъ Торцовъ—лицо изъ этой комедіи. Насъ нисколько не удивляетъ, что есть люди, не умѣющіе отличать посредственныхъ или плохихъ пьесъ отъ геніальныхъ и добродушно ставящіе «Бѣдность

не порокъ» выше шекспировскихъ произведеній: вѣдь есть же люди думающіе, что Основьяненко (или Гребенка) выше Гоголя, что «Панъ Халявскій» лучше «Мертвыхъ Душъ» и т. д.; но тѣмъ не менѣе удивительно, что подобные люди рѣшаются печатно высказывать, что «Бѣдность не порокъ» выше «Гамлета» и «Отелло». Примѣровъ такой забавной рѣшительности не бывало въ русской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ С. Глинка говорилъ, что въ «Димитріѣ Самозванцѣ» Сумароковъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходнѣе того, что Шекспиръ *предъявлялъ* въ своемъ «Макбетѣ» (Очерки жизни А. П. Сумарокова, изданные С. Глинкою, часть 3, стр. 120). Что могло придать этимъ неосторожнымъ поклонникамъ слабой комедіи такую смѣшную смѣлость? Только имя г. Островскаго, какъ автора «Своихъ людей». Блескъ его такъ ослѣпилъ ихъ, что они не могутъ видѣть прискорбнаго различія между первою комедіею г. Островскаго и его послѣдними произведеніями. А различіе до того велико, что автора «Бѣдность не порокъ», не будь выставлено его имени на этой комедіи, невозможно было бы признать авторомъ «Своихъ людей»: онъ кажется только его подражателемъ, усвоившимъ себѣ до нѣкоторой (только до нѣкоторой) степени его манеру, но не имѣющимъ и тѣни его таланта. Только подпись одного имени на обоихъ произведеніяхъ убѣждаетъ насъ, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ.

Но мало того, что успѣхъ «Свои люди—сочтемся» доставилъ автору извѣстность; у него явились подражатели, но какіе?

Въ каррикатурныхъ подражаніяхъ «Своимъ людямъ»,—мы говоримъ о недавно появившихся пьесахъ: г. Потѣхина «Братъ и сестра» (Москвитянинъ, №№ 3 и 4) и г. Красовскаго «Женихъ изъ Ножевой Линіи» (Отечественныя Записки, № 3)—нѣтъ и тѣни того, что составляетъ достоинство «Своихъ людей», въ нихъ только развиты до крайности всѣ слабыя стороны «Своихъ людей» въ художественномъ отношеніи и утрированъ до совершеннаго искаженія оригинальный языкъ этой комедіи. Какъ же могло отъ «Своихъ людей» произойти такое потомство, какъ «Не въ свои сани не садись», «Женихъ изъ ножевой линіи», «Братъ и сестра», и особенно «Бѣдность не порокъ»? Общій отвѣтъ на это ясенъ для всякаго, знающаго, что такое значитъ «подражать». «Подражать» значитъ: не понимая существенныхъ доотоинствъ, не понимая смысла

произведенія, ослѣпившаго насъ своимъ успѣхомъ, механически воспроизводитъ его внѣшнюю сторону и, не имѣя силъ передать его красоты, со всею силою безвкусія скопировать въ громадныхъ размѣрахъ его недостатки, принимая ихъ за красоты.

Послѣ «Своихъ людей» авторъ ихъ написалъ «Бѣдную невѣсту». Комедія была очень хороша; ее всѣ похвалили, но въ восторгъ не привела она никого. Почему же такъ? Потому что она дѣйствительно не имѣла ни одного изъ блестящихъ достоинствъ первой комедіи г. Островскаго. Идея въ ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. Милая, достойная всего лучшаго, дѣвушка должна—потому, что у нея нѣтъ приданаго, для того, чтобы спасти себя и мать отъ нищеты—выйти замужъ за человѣка, который не пара ей ни по образованію, ни по чистотѣ сердца, ни даже по лѣтамъ: это человѣкъ пошлый, необтесанный, довольно пожилой, котораго она будетъ стараться, но не успѣетъ, облагородить, котораго она будетъ усиливаться полюбить, но не будетъ въ состояніи любить; ея жизнь погибнетъ невозвратно (все это сама она чувствуетъ), погибнетъ ея красота и молодость: сотни хорошихъ, если не геніальныхъ произведеній были писаны уже на эту тему, и если она всегда останется прекрасна, то свѣжесть и эффектность можетъ придать ей только колоссальный талантъ. А г. Островскій написалъ прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполненію произведеніе. Мало того, что идея не имѣла достоинства новизны: она принадлежала слишкомъ тѣсному кругу частной жизни.

Недовольный сомнительнымъ успѣхомъ этой комедіи, г. Островскій написалъ новую «Не въ свои сани не садись». Въ этой комедіи ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невѣжества*, но не прибавлено, что лучше и той и другаго: *истинная образованность*. Вообще эта комедія какъ бы служила переходнымъ звеномъ между «Своими людьми» и «Бѣдность не порокъ», къ которой мы теперь и обратимся, такъ какъ то, что было несовсѣмъ опредѣлено въ «Не въ свои сани не садись», совершенно выяснилось въ «Бѣдность не порокъ». Эта комедія явилась всего три мѣсяца назадъ; потому большей части нашихъ читателей содержаніе ея, можетъ быть, еще неизвѣстно, и мы должны разсказать его довольно подробно.

Но прежде, нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ

объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не въ свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности стариннымъ обычаямъ—Бородкинымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства—Вихоревымъ. Такое блистательное нововведеніе, заимствованное изъ комедій стараго времени, понравилось г. Островскому; въ «Бѣдность не порокъ» всѣ фамиліи лицъ «заимствованы» отъ ихъ качествъ: Коршуновъ (фабрикантъ свирѣпаго нрава), Гуслинъ (русскій виртуозъ), Разлюляевъ (т. е. гуляка и весельчакъ). И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедіи г. Островскаго, столь же неумѣренной въ неудачной идеализаціи, столь же наивно написанной, какъ и самыя плохія комедіи стараго времени. Въ нашихъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ скромнаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ остальныхъ лицъ (Звонскихъ, Греминыхъ, Блестовыхъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался просто Владиміръ или Александръ; такъ и у г. Островскаго герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша титуловались юродивые). Дѣйствіе комедіи опять въ уѣздномъ городѣ.

Егорушка, мальчикъ, племянникъ богатаго купца Гордѣя Карпыча Торцова читаетъ сказку о «Бовѣ Королевичѣ», перерывая свое чтеніе отвѣтами на вопросы Мити, приказчика Торцова; чтеніе «Бовы Королевича» рѣшительно не связано съ пьесою и введено только въ качествѣ народнаго элемента для украшенія сцены. Между прочимъ, и это главное, Егорушка разсказываетъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ Гордѣй Карпычъ прогналъ изъ дому своего промотавшагося брата Любима за то, что Любимъ началъ при гостяхъ за столомъ «разныя колѣна выкидывать»—Митѣ, живущему въ домѣ, очень естественно было цѣлую недѣлю, если не больше, не слыхать о такомъ шумномъ и скандальномъ происшествіи. Оставшись одинъ, Митя объясняется въ любви къ Любови Гордѣевнѣ, дочери Гордѣя Карпыча, и объявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать, потому что «все бы думалъ о ней»—Митя человѣкъ очень бѣдный, и поэтому, намъ кажется, могъ бы уже давно привыкнуть поступать такъ, какъ всѣ бѣдные люди, обязанные каждый аккуратно работать, чтобы не терпѣть нужды: тоска сама по себѣ, а работа все-таки идетъ у нихъ какъ слѣдуетъ. Итакъ вотъ вамъ

элементы комедіи во вкусѣ трагедіи Корнеля и Расина: сначала рѣшительно неумѣстный (по положенію лицъ) прологъ для объясненія публикѣ предшествующихъ событій; потомъ лирическій монологъ, въ которомъ изливаетъ свою сантиментальную любовь герой. Потомъ входитъ Пелагея Егоровна (лицо безцвѣтное, по видимому, добрая старуха) и продолжая прологъ, начатый Егорушкою, объясняетъ публикѣ положеніе дѣлъ, разсказывая Митѣ, который уже пятьсотъ разъ все это знаетъ, что Гордѣй Карпычъ совсѣмъ испортился и помутился отъ знакомства съ богатымъ фабрикантомъ Коршуновымъ, отъ котораго перенялъ манеру стыдиться старыхъ простыхъ обычаевъ и гоняться за нынѣшнимъ свѣтомъ. Чтобы ободрить къ продолженію объясненій для публики Пелагею Егоровну, которая сама должна чувствовать, что совершенно неумѣстно объясняетъ Митѣ давно извѣстныя ему дѣла, Митя подталкиваетъ ея разсказы разспросами и предположеніями. Тотчасъ послѣ ухода Пелагеи Егоровны является третье лицо съ ролью корнелевскихъ наперсниковъ—Гуслинъ, которому Митя открывается въ любви своей къ Любови Гордѣевнѣ: прибавляя:

Что на свѣтѣ прежестоко?
Прежестока есть любовь.

Намъ кажется, что человѣкъ, восхищающійся подобными стихами, еще не въ состояніи находить Кольцова порядочнымъ поэтомъ; но по волѣ г. Островскаго Митя (юродивый или нѣтъ?) восхищается Кольцовымъ и самъ пишетъ пѣсни à la Koltzoff—нельзя не согласиться съ отзывомъ объ этомъ Гордѣя Карпыча: «Какія нѣжности при нашей бѣдности»! Но не удивляйтесь. Дальше будетъ еще лучше. Входитъ Разлюляевъ, сынъ богатаго фабриканта, веселый, удалый малый—и съ чѣмъ бы, вы думали, входитъ онъ? съ гармоніею! сколько извѣстно читателямъ, на «гармоніи» играютъ одни только дворовые люди и бѣднѣйшій классъ мѣщанъ; но Разлюляевъ купилъ ее конечно по приказанію автора, потому не осуждаемъ его за это. Безъ особенной воли своего прихотливаго повелителя, Разлюляевъ, конечно, нанялъ бы музыкантовъ, какъ всегда дѣлаютъ богатые гуляки изъ купеческаго класса. Какъ онъ входитъ, начинается пѣніе различныхъ пѣсенъ, ни къ чему не ведущее въ пьесѣ; между прочимъ Гуслинъ, успѣвшій въ нѣсколько

минутъ положить на музыку пѣсню Мити á la Koltzoff, разумѣется, довольно плохую, поетъ ее и «во все это время (по точнымъ словамъ г. Островскаго) Разлюляевъ стоитъ какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ. По окончаніи пѣнія всѣ молчатъ»—отъ глубокаго чувства, по мнѣнію г. Островскаго, а по нашему мнѣнію оттого, что пѣсня плоха, и хвалить ее совѣстно, хоть на это и рѣшается, наконецъ, Разлюляевъ; потомъ опять поэтическое тріо принимается пѣть—за этимъ застаетъ ихъ Гордѣй Карпычъ и бранитъ (по нашему мнѣнію совершенно справедливо) Митю зато, что онъ не занимается своимъ дѣломъ. Но Разлюляевъ по уходѣ Гордѣя Карпыча соглашается съ Митею, что его жизнь очень горька. Входитъ съ подругами Любовь Гордѣевна, предметъ страсти поэтическаго Мити, и опять начинается ни къ чему не ведущее пустословіе и пѣнье пѣсенъ. Наконецъ «начинается нить завязки романа», какъ говоритъ Гоголь. Митя остается наединѣ съ Любовью Гордѣевною и объясняется ей въ любви — какимъ бы вы думали способомъ? Читая ей «собственно для нея сочиненные стихи», о томъ, что

Понапрасну свое сердце парень губитъ,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ.

Намъ казалось бы еще правдоподобнѣе объясненіе полу-грамотнаго русскаго парня съ безграмотною дѣвушкою, если бы они принялись (по примѣру Шатобріана, см. его «Замогильныя Записки») читать Аріосто, и на какомъ нибудь патетическомъ мѣстѣ ихъ уста слились бы въ поцалуй. Тогда Митя, разсказывая объ этомъ Гуслину, могъ бы выказать пониманіе не только Кольцова, но и Данте воскликнувъ:

Quel giorno vi non leggemo avante!

На что Гуслинъ могъ бы ему отвѣчать: «Эхъ, братъ, тогда былъ счастливъ, а теперь еще больше сталъ тосковать! Правду, Митя, говоритъ Данте

Nessun' maggior' dolore, и т. д.

Разумѣется, Любовь Гордѣевна *пишетъ* Митѣ отвѣтъ и уходитъ, вручивъ его.

Конечно, скажете вы, пламенный Митя сейчасъ же прочиталъ

рѣшеніе своей судьбы? Г. Островскій не считаетъ этого нужнымъ. Къ Митѣ приходитъ Любимъ Торцовъ, братъ хозяина, и на восьми страницахъ повѣствуетъ Митѣ свои приключенія (какъ будто бы Митя, столько времени жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, не слышалъ уже ихъ отъ него тысячу разъ, но въ «Бѣдность не порокъ» все разсказывается, ни одно лицо не знаетъ ничего изъ того, что давно должно знать) и Митя, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ своей милой въ карманѣ, имѣетъ терпѣніе, непостижимое ни для кого, кромѣ героевъ г. Островскаго, слушать битыхъ полчаса его разсказы, не догадываясь даже отвернуться въ сторону, чтобы взглянуть «да» или «нѣтъ» написала ему Любовь Гордѣевна. Надобно отдать справедливость Любиму Торцову, что разсказываетъ онъ превосходно; но разсказъ его—ненужный для пьесы эпизодъ, какъ три четверти всѣхъ разговоровъ, разсказовъ и пѣсенъ. Намъ необходимо послушать вмѣстѣ съ Митею, что такое за человѣкъ Любимъ Торцовъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

„Душѣ такъ прямо кажетъ путь“ (Москва, 1854, № 5)

надобно посмотрѣть, что это за путь, по которому предлагается идти вслѣдъ за Любимомъ.

По смерти отца, раздѣлившись съ братомъ, поѣхалъ онъ повеселиться въ Москву и повеселился такъ, что пропилъ всѣ деньги.

«Какъ же вы жили Любимъ Карпычъ»? спрашиваетъ Митя, дослушавши похожденія его до того времени, пока не осталось у него ни копѣйки денегъ.

„Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни сверху нѣтъ ничего.... Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная - воровать. Да не гожусь я на это дѣло: совѣсть есть; опять же и страшно: никто этой коммерціи не одобряетъ. Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру плотятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотятъ. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Эта штука стара, ее бросить пора... Да вѣдь голодъ-то не тетка, надобно что нибудь дѣлать! Сталъ по городу скоморохомъ ходить, по копѣечкѣ собирать, шута изъ себя разъигрывать, прибаутки разсказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ нибудь за угломъ отъ людей хоронишься, да дожидаешься купцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно—ну и дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ и существуешь.“

Если подражать Любиму Торцову совѣтуютъ въ томъ, чтобы

не заниматься коммерціею, которой никто не одобряетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ полезный, хотя нѣсколько обидный образецъ для читателей. Ну, а если нѣкоторые читатели подумаютъ, что имъ предлагаютъ идти къ нравственной высотѣ путемъ Любима Торцова, т. е., пропившись сдѣлаться скоморохами и выкидывать артикулы по улицамъ? Воля ваша, они могутъ обидѣться еще сильнѣе. Наконецъ нашъ идеалъ—не трезвый, какъ всегда—засыпаетъ, и Митя можетъ прочитать записку, полчаса лежавшую у него въ карманѣ.

„Читаетъ: „*И я тебя люблю. Любовь Торцова*". Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ."

Мы такъ подробно разсказывали первое дѣйствіе, что, вѣроятно, читатели, утомленные даже сокращенною передачею всѣхъ этихъ неклеящихся съ настоящимъ содержаніемъ пьесы нескладицъ и несообразностей, утомленные всѣми этими наперсниками, прологами, монологами, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни драматизма, попросятъ насъ сократить разсказъ о двухъ остальныхъ дѣйствіяхъ. Съ величайшею радостью исполняемъ ихъ желаніе.

Двѣ трети второго дѣйствія заняты святочнымъ вечеромъ, справляемымъ матерью Любови Гордѣевны въ отсутствіе мужа. Всѣ эти сцены съ плясками, играми, пѣснями и такъ далѣе, рѣшительно лишнія и не связаны съ пьесою ничѣмъ, кромѣ воли автора. Наконецъ пріѣзжаетъ Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, прогоняетъ наряженныхъ, называя такія увеселенія «мужичествомъ» и объявляетъ, что просваталъ дочь за Коршунова. Та умоляетъ отца не губить ее. Отецъ не хочетъ слушать, и простой святочный вечеръ обращается въ помолвку. Но Любимъ Карпычъ не дремлетъ: онъ въ домѣ брата оскорбляетъ Коршунова, высчитывая въ глаза ему всѣ его мошенничества. Раздраженный Коршуновъ требуетъ чтобы Гордѣй Карпычъ извинился передъ нимъ, что позволилъ обидѣть его въ своемъ домѣ. «Попросить прощенья—говоритъ онъ нареченному тестю—потому что другого жениха здѣсь твоей дочери нѣтъ».— «Врешь—говоритъ Гордѣй Карпычъ (замѣтьте, какъ натурально подведена развязка)—съ деньгами, которыя я за нею дамъ, всякій человѣкъ будетъ...» Въ эту самую минуту, неизвѣстно зачѣмъ, въ дверяхъ показывается Митя, который давно уже простился, чтобы уѣхать домой отъ горести по разлукѣ съ Любовью Гордѣевною...

«Вотъ за Митьку отдамъ». Митя валится ему въ ноги, жена (знающая о любви между Митею и дочерью) умоляетъ мужа исполнить свое слово; Гордѣй въ нерѣшимости; тогда опять является идеалъ человѣка, Любимъ, и въ монологѣ, достойномъ автора шекспировской пьесы «Раздумье артиста» (см. Ералашъ при II нумерѣ Современника), проситъ брата сжалиться надъ нимъ, отдать дочь за Митю, который дастъ ему пріютъ и кусокъ хлѣба. По обыкновенному порядку вещей вмѣшательство, даже одно появленіе Любима, который такъ жестоко уязвилъ гордость Гордѣя, осрамивъ его передъ всѣми и разстроивъ свадьбу, должно было бы безвозвратно испортить дѣло; но у г. Островскаго выходитъ не такъ: выслушавъ монологъ брата, Гордѣй «утираетъ слезу» и говоритъ ему: «Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ!» и благословляетъ Митю и Любовь Гордѣевну (какъ это правдоподобно!). Читатели теперь видятъ, что почти вся пьеса состоитъ изъ ряда несвязныхъ и ненужныхъ эпизодовъ, монологовъ и повѣствованій; собственно для развитія дѣйствія нужна развѣ только третья доля всего вставленнаго въ пьесу. Чѣмъ это объяснить? Во-первыхъ пренебреженіемъ автора къ требованіямъ искусства—онъ, по видимому, считаетъ каждую написанную имъ строку драгоцѣнностью, которая будетъ пріятна читателямъ и въ томъ случаѣ, когда рѣшительно ненужна и неумѣстна; во вторыхъ—и это едва ли не главное—авторъ дѣйствительно правъ до нѣкоторой степени съ своей точки зрѣнія, вставляя въ свою пьесу по всевозможнымъ поводамъ пѣсни, пляски, игры: онъ пишетъ апотеозу стариннаго быта, какимъ представляется ему современный бытъ нѣкоторой части купеческаго общества; потому онъ старается выставить на видъ всѣ поэтическія черты его; для этой цѣли онъ вставилъ въ свою небольшую пьесу 16 или 17 пѣсенъ (не считая того, что Разлюляевъ нѣсколько разъ поетъ «Ахъ какъ гусара не любить», и нѣсколько же разъ поетъ «Одна гора высока»), выставилъ на сценѣ цѣлый святочный вечеръ съ переодѣваньями, загадками, гаданьями и т. д., заставилъ дѣйствующихъ лицъ разъ десять плясать, и т. д., и т. д. Почему же спроситъ насъ авторъ, недовольны вы такимъ намѣреніемъ? Не объ намѣреніи теперь мы говоримъ, а объ исполненіи. А исполняли вы свое намѣреніе, нисколько не заботясь о цѣлости и стройности вашего произведенія, и написали не «комедію», не художественное цѣлое, а что-то сшитое изъ разныхъ лоскутковъ на живую нитку. «Бѣд-

ность не порокъ» относится къ тому же роду произведеній, какъ «Мельникъ» Аблесимова—она сборникъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ; разница только та, что у Аблесимова народные мотивы ловко введены въ самое дѣйствіе пьесы, а у васъ приставлены къ пьесѣ очень неловко и большею частью не имѣютъ съ нею никакой связи. Не говоримъ уже о томъ, что «Мельникъ» былъ первою пьесою, въ которой услышала публика народные мотивы, а ваша пьеса вовсе не новость въ своемъ родѣ, когда мы видѣли на сценѣ весь рядъ свадебныхъ обрядовъ, а пѣсни со сцены слушали уже десятки разъ.

Недовольны будутъ читатели пьесою г. Островскаго еще по другой причинѣ гораздо важнѣйшей

Въ ней правды нѣтъ, въ ней жизни нѣтъ,
Въ ней фальшь, не вѣчное искусство.

говоря словами одного изъ восторженныхъ ея поклонниковъ. Коршуновъ мелодраматическій злодѣй—это дурно; но еще хуже то, что всѣ остальныя лица (подъ конецъ пьесы даже злочинствующій сначала Гордѣй Карпычъ) облиты тою патокою, съ которою Егорушка пляшетъ на святочномъ вечерѣ, припѣвая:

Ай патока, пат'ка,
Вареная, сладка!

Въ особенномъ изобиліи пролита она на Любима Торцова, который, по собственнымъ словамъ, (истинная скромность!) «пьяница, но лучше всѣхъ», и на Митю, подслащенныхъ до совершеннаго искаженія дѣйствительности.

Мы должны были бы сказать еще очень многое по поводу «Бѣность не порокъ», но наша статья и безъ того слишкомъ длинна. Отложимъ до другого случая то, что еще остается намъ высказать о ложной идеализаціи устарѣлыхъ формъ. Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя. Но, по нашему мнѣнію, онъ, повредивъ этимъ своей литературной репутаціи, не погубилъ еще своего прекраснаго дарованія: оно еще можетъ явиться по прежнему свѣжимъ и сильнымъ, если г. Островскій оставитъ ту тини-

стую тропу, которая привела его къ «Бѣдность не порокъ». Пусть онъ не слушаетъ восторженныхъ и безотчетныхъ похвалъ, пусть не увлекается стихотворными диоирамбами, въ которыхъ провозглашаютъ его героемъ «Искусства и Правды», но пусть лучше строго подумаетъ о томъ, что такое правда въ созданіяхъ искусства. Въ правдѣ сила таланта; ошибочное направленіе губитъ самый сильный талантъ. Ложныя по основной мысли произведенія бываютъ слабы даже и въ чисто художественномъ отношеніи.

ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО Соч. графа Л. Н. Толстаго. Спб. 1856.

ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ Графа Л. Н. Толстаго. Спб. 1856.

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкій анализъ душевныхъ движеній, отчетливость и поэзія въ картинахъ природы, изящная простота—отличительныя черты таланта графа Толстаго». Такой отзывъ вы услышите отъ каждаго, кто только слѣдитъ за литературою. Критика повторяла эту характеристику, внушенную общимъ голосомъ, и, повторяя ее, была совершенно вѣрна правдѣ дѣла.

Но неужели ограничиться этимъ сужденіемъ, которое, правда, замѣтило въ талантѣ графа Толстаго черты, дѣйствительно ему принадлежащія, но еще не показало тѣхъ особенныхъ оттѣнковъ, какими отличаются эти качества въ произведеніяхъ автора «Дѣтства», «Отрочества», «Записокъ Маркера», «Метели», «Двухъ Гусаровъ» и «Военныхъ Разсказовъ»? Наблюдательность, тонкость психологическаго анализа, поэзія въ картинахъ природы, простота и изящество,—все что вы найдете и у Пушкина, и у Лермонтова и у г. Тургенева,—опредѣлить талантъ каждаго изъ этихъ писателей только этими эпитетами было бы справедливо, но вовсе недостаточно для того, чтобы отличить другъ отъ друга; и повторить то же самое о графѣ Толстомъ еще не значитъ уловить отличительную физіономію его таланта, не значитъ показать, чѣмъ этотъ прекрасный талантъ отличается отъ многихъ другихъ столь же прекрасныхъ талантовъ. Надобно было охарактеризовать его точнѣе.

Нельзя сказать, чтобы попытки сдѣлать это были очень удачны. Причина не удовлетворительности ихъ отчасти заключается въ томъ,

что талантъ графа Толстаго быстро развивается, и почти каждое новое произведеніе обнаруживаетъ въ немъ новыя черты. Конечно, все, что сказалъ бы кто нибудь о Гоголѣ послѣ «Миргорода», оказалось бы недостаточнымъ послѣ «Ревизора», и сужденія, высказавшіяся о г. Тургеневѣ, какъ авторѣ «Андрея Колосова и «Хоря и Калиныча», надобно было во многомъ измѣнять и дополнять, когда явились его «Записки Охотника», какъ и эти сужденія оказались недостаточными, когда онъ написалъ новыя повѣсти, отличающіяся новыми достоинствами. Но если прежняя оцѣнка развивающагося таланта непремѣнно оказывается недостаточною при каждомъ новомъ шагѣ его впередъ, то, по крайней мѣрѣ, для той минуты, какъ является, она должна быть вѣрна и основательна. Мы увѣрены, что не дальше, какъ послѣ появленія «Юности», то, что мы скажемъ теперь, будетъ уже нуждаться въ значительныхъ пополненіяхъ: талантъ графа Толстаго обнаружитъ передъ нами новыя качества, какъ обнаружилъ онъ севастопольскими разсказами стороны, которымъ не было случая обнаружиться въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ», какъ потомъ въ «Запискахъ Маркера» и «Двухъ Гусарахъ» онъ снова сдѣлалъ шагъ впередъ. Но талантъ этотъ, вовсякомъ случаѣ, уже довольно блистателенъ для того, чтобы каждый періодъ его развитія заслуживалъ быть отмѣченъ съ величайшею внимательностью. Посмотримъ же, какія особенныя черты онъ уже имѣлъ случай обнаружить въ произведеніяхъ, которыя извѣстны читателямъ нашего журнала.

Наблюдательность у иныхъ талантовъ имѣетъ въ себѣ нѣчто холодное, безстрастное. У насъ замѣчательнѣйшимъ представителемъ этой особенности былъ Пушкинъ. Трудно найти въ русской литературѣ болѣе точную и живую картину, какъ описаніе быта и привычекъ большаго барина старыхъ временъ въ началѣ его повѣсти «Дубровскій». Но трудно рѣшить, какъ думаетъ объ изображаемыхъ имъ чертахъ самъ Пушкинъ. Кажется, онъ готовъ былъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ: «можно думать различно; мнѣ какое дѣло, симпатію или антипатію возбудитъ въ васъ этотъ бытъ? я и самъ не могу рѣшить, удивленія или негодованія онъ заслуживаетъ». Эта наблюдательность—просто, зоркость глаза и памятливость. У новыхъ нашихъ писателей такого равнодушія вы не найдете; ихъ чувства болѣе возбуждены, ихъ умъ болѣе точенъ въ своихъ сужденіяхъ. Не съ равною охотою наполняютъ они свою

фантазію всѣми образами, какія только встрѣчаются на ихъ пути; ихъ глазъ съ особеннымъ вниманіемъ всматривается въ черты, которыя принадлежатъ сферѣ жизни, наиболѣе ихъ занимающей. Такъ, напримѣръ, г. Тургенева особенно привлекаютъ явленія, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ относящіяся къ тому, что называется поэзіею жизни, и къ вопросу о гуманности. Вниманіе графа Толстаго болѣе всего обращено на то, какъ однѣ чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Психологическій анализъ можетъ принимать различныя направленія: одного поэта занимаютъ всего болѣе очертанія характеровъ; другаго—вліяніе общественныхъ отношеній и житейскихъ столкновеній на характеры; третьяго—связь чувствъ съ дѣйствіями; четвертаго—анализъ страстей; графа Толстаго всего болѣе—самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ.

Изъ другихъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ болѣе развита эта сторона психологическаго анализа у Лермонтова; но и у него она все-таки играетъ слишкомъ второстепенную роль, обнаруживается рѣдко, да и то почти въ совершенномъ подчиненіи анализу чувства. Изъ тѣхъ страницъ, гдѣ она выступаетъ замѣтнѣе, едва ли не самая замѣчательная — памятныя всѣмъ размышленія Печорина о своихъ отношеніяхъ къ княжнѣ Мери, когда онъ замѣчаетъ, что она совершенно увлеклась имъ, бросивъ кокетничанье съ Грушницкимъ для серьезной страсти.

„Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь“ и т. д.—„Изъ чего же я хлопочу? Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

„—Мой другъ, со мною было тоже самое, и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ...“ и т. д.

Тутъ яснѣе, нежели гдѣ нибудь у Лермонтова, уловленъ психическій процессъ возникновенія мыслей,—и, однакожь, это все-таки не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми изображеніями хода чувствъ и мыслей въ головѣ человѣка, которыя такъ любимы графомъ Толстымъ. Это вовсе не то, что полумечтательныя, полурефлективныя сцѣпленія понятій и чувствъ, которыя ростутъ, движутся, измѣняются передъ нашими глазами, когда мы читаемъ повѣсть графа Толстаго,—это не имѣетъ не малѣйшаго сходства съ его изображеніями картинъ и сценъ, ожиданій и опасеній, проносящихся въ мысли его дѣйствующихъ лицъ; размышленія Печорина наблюдены вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ различныя минуты душевной жизни лицъ, выводимыхъ графомъ Толстымъ,—хотя бы, напримѣръ, это изображеніе того, что проживаетъ человѣкъ въ минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потомъ въ минуту послѣдняго сотрясенія нервовъ отъ этого удара:

«Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошолся съ Калугинымъ и, подходя къ менѣе опасному мѣсту, начиналъ уже оживать немного, какъ онъ увидѣлъ молнію, ярко блеснувшую сзади себя, услыхалъ крикъ часоваго: «маркела!» и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: „какъ разъ на бастіонъ прилетитъ!“

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казалось, остановилась на своемъ зенитѣ—въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направленіе. Но это продолжалось только мгновеніе: бомба быстрѣе и быстрѣе ближе и ближе, такъ что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистываніе, опускалась прямо въ средину батальона.

— Ложись! крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ—бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ? можетъ быть бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтящейся трубкой въ аршинѣ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ—холодный, исключающій всѣ другія мысли и чувства, ужасъ—объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда,—секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи.

«Кого убьетъ—меня или Михайлова? или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ и я попрошу, чтобы непремѣнно съ хлороформомъ,—и я могу еще живъ остаться. А, можетъ быть, одного Михайлова убьетъ: тогда я буду разсказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ ко мнѣ ближе... меня!»

Тутъ онъ вспомнилъ про двѣнадцать рублей, которые былъ долженъ Михайлову, вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришелъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами, человѣкъ, которымъ онъ былъ оскорбленъ пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатилъ за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ нераздѣльно съ этими и тысячами другихъ воспоминаній чувство настоящаго—ожиданія смерти—ни на мгновеніе не покидало его. «Впрочемъ, можетъ быть, не лопнетъ», подумалъ онъ и съ отчаянной рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновеніе, еще сквозь закрытыя вѣки, глаза его поразилъ красный огонь, съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди: онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только контуженъ», было его первою мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди, но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ ихъ: „одинъ, два, три солдата; а вотъ, въ подвернутой шинели, офицеръ“, думалъ онъ. Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно быть изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили; а вотъ еще солдаты—пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, чѣмъ это было мокро. «Вѣрно, я въ кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ, и, все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавятъ его. онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: „возьмите меня!“ но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди».

Это изображеніе внутренняго монолога надобно, безъ преувеличенія, назвать удивительныхъ. Ни у кого другаго изъ нашихъ писателей не найдете вы психическихъ сценъ, подмѣченныхъ съ этой точки зрѣнія. И, по нашему мнѣнію, та сторона таланта графа Толстаго, которая даетъ ему возможность уловлять эти психическіе

монологи, составляетъ въ его талантѣ особенную, только ему свойственную силу. Мы не то хотимъ сказать, что графъ Толстой непремѣнно и всегда будетъ давать намъ такія картины: это совершенно зависитъ отъ положеній, имъ изображаемыхъ, и наконецъ просто отъ воли его. Однажды написавъ «Метель», которая вся состоитъ изъ ряда подобныхъ внутреннихъ сценъ, онъ въ другой разъ написалъ «Записки Маркера», въ которыхъ нѣтъ ни одной такой сцены, потому что ихъ не требовалось по идеѣ разсказа. Выражаясь фигуральнымъ языкомъ, онъ умѣетъ играть не одной этой струной, можетъ играть или не играть на ней, но самая способность играть на ней придаетъ уже его таланту особенность, которая видна во всемъ постоянно. Такъ, пѣвецъ, обладающій въ своемъ діапазонѣ необыкновенно высокими нотами, можетъ не брать ихъ, если то не требуется его партіей,—и все-таки, какую бы ноту онъ ни бралъ, хотя бы такую, которая равно доступна всѣмъ голосамъ, каждая его нота будетъ имѣть совершенно особенную звучность, зависящую собственно отъ способности его брать высокую ноту, и въ каждой нотѣ его будетъ обнаруживаться для знатока весь размѣръ его діапазона.

Особенная черта въ талантѣ графа Толстаго, о которой мы говорили, такъ оригинальна, что нужно съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ нее, и тогда только мы поймемъ всю ея важность для художественнаго достоинства его произведеній. Психологическій анализъ есть едва ли не самое существенное изъ качествъ, дающихъ силу творческому таланту. Но обыкновенно онъ имѣетъ, если такъ можно выразиться, описательный характеръ, — беретъ опредѣленное, неподвижное чувство и разлагаетъ его на составныя части,—даетъ намъ, если такъ можно выразиться, анатомическую таблицу. Въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ мы, кромѣ этой стороны его, замѣчаемъ и другое направленіе, проявленіе котораго дѣйствуютъ на читателя или зрителя чрезвычайно поразительно: это—уловленіе драматическихъ переходовъ одного чувства въ другое, одной мысли въ другую. Но обыкновенно намъ представляются только два крайніе звена этой цѣпи, только начало и конецъ психическаго процесса,—это потому, что большинство поэтовъ, имѣющихъ драматическій элементъ въ своемъ талантѣ, заботятся преимущественно о результатахъ, проявленіяхъ внутренней жизни, о столкновеніяхъ между людьми, о дѣйствіяхъ, а не о таинственномъ

процессѣ, посредствомъ котораго вырабатывается мысль или чувство; даже въ монологахъ, которые повидимому чаще всего должны бы служить выраженіемъ этого процесса, почти всегда выражается борьба чувствъ, и шумъ этой борьбы отвлекаетъ наше вниманіе отъ законовъ и переходовъ, по которымъ совершается ассоціація представленій,—мы заняты ихъ контрастомъ, а не формами ихъ возникновенія,—почти всегда монологи, если содержатъ не простое анатомированіе неподвижнаго чувства, только внѣшностью отличаются отъ діалоговъ: въ знаменитыхъ своихъ рефлексіяхъ, Гамлетъ какъ бы раздвояется и споритъ самъ съ собою; его монологи въ сущности принадлежатъ къ тому же роду сценъ, какъ и діалоги Фауста съ Мефистофелемъ, или споры маркиза Позы съ Донъ-Карлосомъ. Особенность таланта графа Толстаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничивается изображеніемъ результатовъ психическаго процесса: его интересуетъ самый процессъ,—и едва уловимыя явленія этой внутренней жизни, смѣняющіяся одно другимъ съ чрезвычайною быстротою и неистощимымъ разнообразіемъ, мастерски изображаются графомъ Толстымъ. Есть живописцы, которые знамениты искусствомъ уловлять мерцающее отраженіе луча на быстро катящихся волнахъ, трепетаніе свѣта на шелестящихъ листьяхъ, переливы его на измѣнчивыхъ очертаніяхъ облаковъ: о нихъ по преимуществу говорятъ, что они умѣютъ уловлять жизнь природы. Нѣчто подобное дѣлаетъ графъ Толстой относительно таинственнѣйшихъ движеній психической жизни. Въ этомъ состоитъ, как намъ кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это дѣло.

Конечно, эта способность должна быть врождена отъ природы, какъ и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этомъ слишкомъ общемъ объясненіи: только самостоятельною дѣятельностью развивается талантъ, и въ той дѣятельности, о чрезвычайной энергіи которой свидѣтельствуетъ замѣченная нами особенность произведеній графа Толстаго, надобно видѣть основаніе силы, пріобрѣтенной его талантомъ. Мы говоримъ о самоуглубленіи, о стремленіи къ неутомимому наблюденію надъ самимъ собою. Законы человѣческаго дѣйствія, игру страстей, сцѣпленіе событій, сліяніе обстоятельствъ и отношеній мы можемъ изучать, внимательно наблюдая другихъ людей; но все знаніе, пріобрѣтае-

мое этимъ путемъ, не будетъ имѣть ни глубины, ни точности, если мы не изучимъ сокровеннѣйшихъ законовъ психической жизни, игра которыхъ открыта передъ нами только въ нашемъ общественномъ сомосознаніи. Кто не изучилъ человѣка въ самомъ себѣ, никогда не достигнетъ глубокаго знанія людей. Та особенность таланта графа Толстаго, о которой говорили мы выше, доказываетъ, что онъ чрезвычайно внимательно изучалъ тайны жизни человѣческаго духа въ самомъ себѣ; это знаніе драгоцѣнно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутреннихъ движеній человѣческой мысли, на которыя мы обратили вниманіе читателя, но еще, быть можетъ, больше потому, что дало ему прочную основу для изученія человѣческой жизни вообще, для разгадыванія характеровъ и пружинъ дѣйствія, борьбы страстей и впечатлѣній. Мы не ошибемся, сказавъ что самонаблюденіе должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, пріучить его смотрѣть на людей проницательнымъ взглядомъ.

Драгоцѣнно въ талантѣ это качество, едва ли не самое прочное изъ всѣхъ правъ на славу истинно замѣчательнаго писателя. Знаніе человѣческаго сердца, способность раскрывать передъ нами его тайны— вѣдь это первое слово въ характеристикѣ каждаго изъ тѣхъ писателей, творенія которыхъ съ удивленіемъ перечитываются нами. И, чтобы говорить о графѣ Толстомъ, глубокое изученіе человѣческаго сердца будетъ неизмѣнно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написалъ онъ и въ какомъ бы духѣ ни написалъ. Вѣроятно, онъ напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами, глубиною идеи, интересомъ концепцій, сильными очертаніями характеровъ, яркими картинами быта—и въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя уже извѣстны публикѣ, этими достоинствами постоянно возвышался интересъ,— но для истиннаго знатока всегда будетъ видно—какъ очевидно и теперь—что знаніе человѣческаго сердца основная сила его таланта. Писатель можетъ увлекать сторонами болѣе блистательными; но истинно силенъ и проченъ его талантъ только тогда, кагда обладаетъ этимъ качествомъ.

Есть въ талантѣ г. Толстаго еще другая сила, сообщающая его произведеніямъ совершенно особенное достойнство своею чрезвычайно замѣчательной свѣжестью—чистота нравственнаго чувства. Мы не проповѣдники пуританизма; напротивъ, мы опасаемся его:

самый чистый пуританизмъ вреденъ уже тѣмъ, что дѣлаетъ сердце суровымъ, жесткимъ; самый искренній и правдивый моралистъ вреденъ тѣмъ, что ведетъ за собою десятки лицемѣровъ, прикрывающихся его именемъ. Съ другой стороны, мы не такъ слѣпы, чтобы не видѣть чистаго свѣта высокой нравственной идеи во всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы нашего вѣка. Никогда общественная нравственность не достигала такого высокаго уровня, какъ въ наше благородное время, —благородное и прекрасное, несмотря на всѣ остатки ветхой грязи, потому что всѣ силы свои напрягаетъ оно, чтобы омыться и очиститься отъ наслѣдныхъ грѣховъ. И литература нашего времени, во всѣхъ замѣчательныхъ своихъ произведеніяхъ, безъ исключенія, есть благородное проявленіе чистѣйшаго нравственнаго чувства. Не то мы хотимъ сказать, что въ произведеніяхъ графа Толстаго чувство это сильнѣе, нежели въ произведеніяхъ другаго какого изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей: въ этомъ отношеніи, всѣ они равно высоки и благородны, но у него это чувство имѣетъ особенный оттѣнокъ. У иныхъ оно очищено страданіемъ, отрицаніемъ, просвѣтлено сознательнымъ убѣжденіемъ, является уже только какъ плодъ долгихъ испытаній, мучительной борьбы, быть можетъ, цѣлаго ряда паденій. Не то у графа Толстаго: у него нравственное чувство не возстановлено только рефлексіею и опытомъ жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести. Мы не будемъ сравнивать того и другаго оттѣнка въ гуманическомъ отношеніи, не будетъ говорить, который изъ нихъ выше по абсолютному значенію—это дѣло философскаго или соціальнаго трактата, а не рецензіи—мы здѣсь говоримъ только объ отношеніи нравственнаго чувства къ достоинствамъ художественнаго произведенія, и должны признаться, что въ этомъ случаѣ непосредственная, какъ бы сохранившаяся во всей непорочности отъ чистой поры юношества, свѣжесть нравственнаго чувства придаетъ поэзіи особенную—трогательную и граціозную — очаровательность. Отъ этого качества, по нашему мнѣнію, во многомъ зависитъ прелесть разсказовъ графа Толстаго. Не будемъ доказывать, что только при этой непосредственной свѣжести сердца можно было разсказать «Дѣтство» и «Отрочество» съ тѣмъ чрезвычайно вѣрнымъ колоритомъ, съ тою нѣжною граціозностью, которыя даютъ истинную жизнь этимъ повѣстямъ. Относительно «Дѣтства» и «Отрочества»

очевидно каждому, что безъ непорочности нравственнаго чувства невозможно было бы не только исполнить эти повѣсти, но и задумать ихъ. Укажемъ другой примѣръ—въ «Запискахъ Маркера»: исторію паденія души, созданной съ благороднымъ направленіемъ, могъ такъ поразительно и вѣрно задумать и исполнить только талантъ, сохранившій первобытную чистоту.

Благотворное вліяніе этой черты таланта не ограничивается тѣми разсказами или эпизодами, въ которыхъ онъ выступаетъ замѣтнымъ образомъ на первый планъ: постоянно служитъ она оживительницею, освѣжительницею таланта. Что въ мірѣ поэтичнѣе, прелестнѣе чистой юношеской души, съ радостною любовью откликающейся на все, что представляется ей возвышеннымъ и благороднымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ сама она? Кто не испытывалъ, какъ освѣжается его духъ, просвѣтляется его мысль, облагораживается все существо присутствіемъ дѣвственнаго душою существа, подобнаго Корделіи, Офеліи или Дездемонѣ? Кто не чувствовалъ, что присутствіе такого существа навѣваетъ поэзію на его душу, и не повторялъ вмѣстѣ съ героемъ г. Тургенева (въ «Фаустѣ»):

Своимъ крыломъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будетъ сѣнь
Для очарованной души...

Такова же сила нравственной чистоты и въ поэзіи. Произведеніе, въ которомъ вѣетъ ея дыханіе, дѣйствуетъ на насъ освѣжительно, миротворно, какъ природа, — вѣдь и тайна поэтическаго вліянія природы едва ли не заключается въ ея непорочности. Много зависитъ отъ того же вѣянія нравственной чистоты и граціозная прелесть произведеній графа Толстаго.

Эти двѣ черты — глубокое знаніе тайныхъ движеній психической жизни и непосредственная чистота нравственнаго чувства, придающія теперь особенную физіономію произведеніямъ графа Толстаго, останутся существенными чертами его таланта, какія бы новыя стороны ни выказались въ немъ при дальнѣйшемъ его развитіи.

Само собою разумѣется, что всегда останется при немъ и его художественность. Объясняя отличительныя качества произведеній графа Толстаго, мы до сихъ поръ не упоминали объ этомъ достоинствѣ, потому что оно составляетъ принадлежность, или лучше

сказать, сущность поэтическаго таланта вообще, будучи собственно только собирательнымъ именемъ для обозначенія всей совокупности качествъ, свойственныхъ произведеніямъ талантливыхъ писателей. Но стоитъ вниманія то, что люди, особенно много толкующіе о художественности, наименѣе понимаютъ, въ чемъ состоятъ ея условія. Мы гдѣ-то читали недоумѣніе относительно того, почему въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ» нѣтъ на первомъ планѣ какой нибудь прекрасной дѣвушки лѣтъ восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась въ какого нибудь также прекраснаго юношу... Удивительныя понятія о художественности! Да вѣдь авторъ хотѣлъ изобразить дѣтскій и отроческій возрастъ, а не картину пылкой страсти, и развѣ вы не чувствуете, что еслибъ онъ ввелъ въ свой разсказъ эти фигуры и этотъ патетизмъ, дѣти, на которыхъ онъ хотѣлъ обратить ваше вниманіе, были бы заслонены, ихъ милыя чувства перестали бы занимать васъ, когда въ разсказѣ явилась бы страстная любовь,—словомъ, развѣ вы не чувствуете, что единство разсказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условія художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условія, авторъ не могъ выводить въ своихъ разсказахъ о дѣтской жизни ничего такого, что заставило бы насъ забыть о дѣтяхъ, отвернуться отъ нихъ. Далѣе, тамъ же мы нашли нѣчто въ родѣ намека на то, что графъ Толстой ошибся, не выставивъ картинъ общественной жизни въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ»; да мало ли и другого чего онъ не выставилъ въ этихъ повѣстяхъ? въ нихъ нѣтъ ни военныхъ сценъ, ни картинъ итальянской природы, ни историческихъ воспоминаній, нѣтъ вообще многаго такого, что можно было бы, но не умѣстно и не должно было бы разсказывать: вѣдь авторъ хочетъ перенесть насъ въ жизнь ребенка,—а развѣ ребенокъ понимаетъ общественные вопросы, развѣ онъ имѣетъ понятіе о жизни общества? Весь этотъ элементъ столь же чуждъ дѣтской жизни, какъ лагерная жизнь, и условія художественности были бы точно такъ же нарушены, если бы въ «Дѣтствѣ» была изображена общественная жизнь, какъ и тогда, еслибъ изображена была въ этой повѣсти военная или историческая жизнь. Мы любимъ не меньше кого другаго, чтобы въ повѣстяхъ изображалась общественная жизнь; но вѣдь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускаетъ внесеніе общественныхъ вопросовъ въ произведеніе; не должно забывать, что первый законъ

художественности—единство произведенія, и что потому, изображая «Дѣтство», надобно изображать именно дѣтство, а не что либо другое, не общественные вопросы, не военныя сцены, не Петра Великаго и не Фауста, не Индіану и не Рудина, а дитя съ его чувствами и понятіями. И люди, предъявляющіе столь узкія требованія, говорятъ о свободѣ творчества! Удивительно, какъ не ищутъ они въ «Иліадѣ»—Макбета, въ Вальтерѣ Скоттѣ—Диккенса, въ Пушкинѣ—Гоголя! Надобно понять, что поэтическая идея нарушается, когда въ произведеніе вносятся элементы, ей чуждые, и что если бы, напримѣръ, Пушкинъ въ «Каменномъ Гостѣ» вздумалъ изображать русскихъ помѣщиковъ или выражать свое сочувствіе къ Петру Великому, «Каменный Гость» вышелъ бы произведеніемъ нелѣпымъ въ художественномъ отношеніи. Всему свое мѣсто: картинамъ южной любви въ «Каменномъ Гостѣ», картинамъ русской жизни въ «Онѣгинѣ», Петру Великому въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Такъ и въ «Дѣтствѣ» или «Отрочествѣ» умѣстны только тѣ элементы, которые свойственны тому возрасту,—а патріотизму, геройству, военной жизни будетъ свое мѣсто въ «Военныхъ Разсказахъ», страшной нравственной драмѣ—въ «Запискахъ Маркера», изображенію женщины въ «Двухъ Гусарахъ». Помните ли вы эту чудную фигуру дѣвушки, сидящей у окна ночью, помните ли, какъ бьется ея сердце, какъ сладко томится ея грудь, предчувствіемъ любви?

„Простясь съ матерью, Лиза одна пошла въ бывшую дядину комнату Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногами сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ, теперь уже весь блестѣвшій серебрянымъ сіяньемъ.

„Всѣ ея привычные занятія и интересы вдругъ явились передъ ней совершенно въ новомъ свѣтѣ: старая, капризная мать, несудящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые, мужики, обожающіе барышню, дойныя коровы и телки, — вся эта все та же, сколько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой съ любовью къ другимъ и отъ другихъ она выросла, все, что давало ей такой легкій, пріятный душевный отдыхъ,—все это вдругъ показалось не *то*, все это показалось *скучно*, *не нужно*. Какъ будто кто нибудь сказалъ ей: „дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому-то зачѣмъ-то и не знала, что такое жизнь и счастье!“ Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? нисколько не внезапная любовь къ графу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился.

Корнетъ могъ бы скорѣе занимать; но онъ дуренъ, бѣдный, и молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его и съ злобой и съ досадой вызывала въ воображеніи образъ графа. „Нѣтъ, не то", говорила она сама себѣ. Идеалъ ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеалъ, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ быть любимымъ, — идеалъ, ни разу не обрѣзанный, для того, чтобы слить его съ какой нибудь грубой дѣйствительностью.

„Сначала уединеніе и отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ вложило Провидѣніе, была еще цѣла и невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же уже слишкомъ долго она жила грустнымъ счастіемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то и, изрѣдка открывая таинственный сердечный сосудъ, наслаждаться созерцаніемъ его богатствъ, чтобы необдуманно излить на кого нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобы она до гроба наслаждалась этимъ скупымъ счастіемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно? и не одно ли оно истинно и возможно?

„Господи Боже мой!—думала она — неужели я даромъ потеряла счастіе и молодость и ужь не будетъ... никогда не будетъ? неужели это правда? и она вглядывалась въ высокое свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. „Если захватитъ мѣсяцъ это верхнее бѣлое облачко, значитъ правда", подумала она. Туманная, дымчатая полоса пробѣжала по нижней половинѣ свѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ сталъ слабѣть на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ, черныя тѣни деревъ стали менѣе замѣтны. И какъ будто вторя мрачной тѣни осѣнившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна росистый запахъ листьевъ, влажной земли и цвѣтущей сирени.

„Нѣтъ, это неправда — утѣшала она себя — а вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значитъ вздоръ все, что я думаю, и не надо отчаяваться„ подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все освѣтилось и ожило и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки и все померкло. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частой трелью, раздававшейся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслажденіемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соединеніемъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облокотилась на обѣ руки. Какое-то томительно сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворенія, хорошія, утѣшительныя слезы, налились въ глаза ея. Она сложила руки на подоконникъ и на нихъ положила голову. Любимая ея молитва какъ-то сама пришла ей въ душу, и она такъ и задремала съ мокрыми глазами.

„Прикосновеніе чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновеніе это было легко и пріятно. Рука сжимала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила и, сама себя увѣряя, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ, выбѣжала изъ комнаты..."

Графъ Толстой обладаетъ истиннымъ талантомъ. Это значитъ, что его произведенія художественны, то есть въ каждомъ изъ нихъ очень полно осуществляется именно та идея, которую онъ хотѣлъ осуществить въ этомъ произведеніи. Никогда не говоритъ онъ ничего лишняго, потому что это было бы противно условіямъ художественности, никогда не безобразитъ онъ свои произведенія примѣсью сценъ и фигуръ, чуждыхъ идеѣ произведенія. Именно въ этомъ и состоитъ одно изъ главныхъ требованій художественности. Нужно имѣть много вкуса, чтобы оцѣнить красоту произведеній графа Толстаго; но зато человѣкъ, умѣющій понимать истинную красоту, истинную поэзію, видитъ въ графѣ Толстомъ настоящаго художника, то есть поэта съ замѣчательнымъ талантомъ.

Этотъ талантъ принадлежитъ человѣку молодому, съ свѣжими жизненными силами, имѣющему передъ собою еще долгій путь— многое новое встрѣтится ему на этомъ пути, много новыхъ чувствъ будетъ еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль,—какая прекрасная надежда для нашей литературы, какіе богатые новые матеріалы жизнь даетъ его поэзіи! Мы предсказываемъ, что все, данное донынѣ графомъ Толстымъ нашей литературѣ, только залоги того, что совершитъ онъ впослѣдствіи; но какъ богаты и прекрасны эти залоги.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый **Гр. Л. Н. Толстымъ.** Москва, 1862.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. Книжки для дѣтей. Книжка 1 и 2-я.

Этотъ педагогическій журналъ и эти книжки для народныхъ школъ издаются при школѣ, устроенной графомъ Л. Н. Толстымъ въ селѣ или деревнѣ Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, Ясной Полянѣ Въ первой же книжкѣ журнала помѣщено описаніе школы —Часовъ въ 8 поутру звонятъ въ школѣ, сзывая учениковъ изъ деревни. Они идутъ—и посмотрите на нихъ, вы увидите замѣчательную черту:

„Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучитъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы, другой разъ, задержатъ дома какою нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу“.

Что жь, это очень хорошо, что дѣти идутъ въ школу съ легкимъ сердцемъ, безъ всякихъ тревогъ. Въ ожиданіи учителя ученики и ученицы болтаютъ, играютъ, шалятъ, какъ бываетъ впрочемъ во всѣхъ школахъ. Но вотъ уже не во всѣхъ школахъ видитъ учитель при входѣ въ классъ то, что находитъ въ классной комнатѣ яснополянской школы. Въ нашихъ форменныхъ учили-

щахъ дѣти обыкновенно сторожатъ приходъ учителя и, завидѣвъ вдалекѣ своего наставника, торопливо разсаживаются по мѣстамъ, принимаютъ натянутый, чинный видъ,—словомъ сказать, пріучаются скрывать, лицемѣрить и подобострастничать. Въ яснополянской школѣ этого нѣтъ.

„Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: „мала куча!“ или „задавили ребята!“ или „будетъ! брось виски-то“ и т. д. „Петръ Михайловичъ!“ кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю „вели имъ бросить“. „Здравствуй Петръ Михайловичъ!“ кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу—верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: и мнѣ и мнѣ. „Дай мнѣ вчерашнюю“;— „а мнѣ *кольцовую*“ (*) и т. п. Ежели останутся еще какіе нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: „что вы тутъ замѣшались?—ничего не слышно. Будетъ“. Уличенные—покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія воцаряется въ комнатѣ“.

Садятся по мѣстамъ дѣти, гдѣ кто попалъ, кому гдѣ вздумалось: начальственнаго распредѣленія мѣстъ нѣтъ. Зато, принимаясь учиться безъ всякаго принужденія и стѣсненія, дѣти учатся съ такимъ же полнымъ усердіемъ, съ какимъ до начала класса шалили. «Во время класса» (говоритъ авторъ статьи, вѣроятно гр. Толстой, а впрочемъ не знаемъ: статья не подписана) «я никогда не видѣлъ, чтобы шептались, щипались, смѣялись потихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю». Оно и натурально, потому что учатся не по принужденію, а по охотѣ: кому показалось скучно, можетъ уйдти изъ класса, никто ему не мѣшаетъ. Иногда случается въ яснополянской школѣ, особенно по вечерамъ передъ праздникомъ, когда дома топятся бани, дѣти расходятся не досидѣвъ класса, но не отъ скуки, а потому, что вспомнили, что дома ихъ ждутъ.

„На второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. „Что вы?“ — Домой — „А учиться? вѣдь пѣніе.“—А ребята говорятъ домой! отвѣчаетъ онъ, ускользая съ своей шапкой.—„Да кто говоритъ?“ Ребята пошли!—„Какъ же такъ?“ спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ—„останься!“ Но въ

(*) Такъ дѣти называютъ стихотворенія Кольцова.

комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. „Что стоишь?“ сердито нападаетъ онъ па удержавшаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку — „ребята ужь во-онъ гдѣ, у кузни ужь небось“.—Пошли?—„Пошли“. И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: „Прощайте, Иванъ Иванычъ!“ И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили?—Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ, вздумали ребята домой. „Ребята идутъ!“—и застучали ноженки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней и, подрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, обѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя—кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая, на сколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ можно быть увѣрену, что преподаванье, хотя и недостаточное и одностороннее не совсѣмъ дурно и не вредно. Ежели бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше—чтобы въ продолженіи года не было ни одного такого случая, или чтобы случаи эти повторялись больше чѣмъ на половину уроковъ,—мы бы выбрали послѣднее. Я, по крайней мѣрѣ, въ яснополянской школѣ былъ радъ этимъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся, случаямъ. Не смотря на частыя повторенія ребятамъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется,—вліяніе учителя такъ сильно, что я боялся, послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, росписаній и отмѣтокъ, незамѣтно для нихъ не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобы они совсѣмъ не покорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобы это доказывало особенныя качества яснополянской школы, я думаю, что въ большей части школъ тоже самое бы повторилось и что желаніе учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчинятся многимъ труднымъ условіямъ и простятъ много недостатковъ. Возможность такихъ убѣганій полезна и необходима только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій“.

Превосходно, превосходно. Дай Богъ, чтобы все въ большемъ числѣ школъ заводился такой добрый и полезный «безпорядокъ»,—такъ называетъ его въ видѣ уступки предполагаемымъ возражателямъ авторъ статьи, его панегиристъ,—а по нашему, слѣдуетъ сказать просто: «порядокъ», потому что какой же тутъ безпорядокъ, когда всѣ учатся очень прилежно, на сколько у нихъ хватитъ силъ, а когда сила покидаетъ ихъ, или надобно имъ отлучиться изъ школы по домашнимъ дѣламъ, то перестаютъ учиться? Такъ и слѣ-

дуетъ быть во всѣхъ школахъ, гдѣ это можетъ быть,—во всѣхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ.

Такое живое пониманіе пользы предоставлять дѣтямъ полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкупаетъ насъ въ пользу редакціи журнала, издаваемаго основателемъ яснополянской школы. Въ предисловіи къ журналу гр. Л. Н. Толстой говоритъ, что готовъ выслушать возраженія противъ мыслей, кажущихся ему истинными и что боится онъ только одного,—чтобы мнѣнія, противныя его мыслямъ, «не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогаго и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, личности, въ журнальную полемику», которая отвлекла бы отъ сущности дѣла къ спорамъ и горячности изъ-за мелочей. Потому издатель «Ясной Поляны» проситъ «будущихъ противниковъ» его мнѣній «выражать свои мысли» спокойнымъ и безобиднымъ тономъ. Изъ уваженія къ порядку, установленному имъ въ яснополянской школѣ и къ его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполнимъ его желаніе; и безъ этого обстоятельства,—т. е. если бы не знали мы, какъ свободно и легко устроено для дѣтей ученіе въ яснополянской школѣ,—мы вѣроятно не удержались бы отъ колкостей при разборѣ теоретическихъ статей «Ясной Поляны», потому что есть въ нихъ вещи, напоминающія о знаменитыхъ статьяхъ г. Даля и г. Белюстина.

Вотъ напримѣръ, первая статья 1-й книжки, содержащая profession de foi редакціи. На первой же страницѣ авторъ высказываетъ недоумѣніе, очень странное. «Отчего это», говоритъ онъ, «народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство?» —Это, говоритъ онъ, «явленіе, непонятное для меня». Оно стало непонятнымъ только потому, что исключительные случаи возведены авторомъ въ общее положеніе. Мало ли чему можетъ иногда противодѣйствовать народъ! При Іосифѣ II въ Бельгіи и Венгріи онъ противодѣйствовалъ разрушенію феодальнаго порядка; при Арандѣ и Флоридѣ Бланкѣ въ Испаніи онъ противодѣйствовалъ отмѣненію инквизиціи; у насъ онъ противодѣйствовалъ попыткамъ ознакомить его съ воздѣлываніемъ картофеля. Если я изъ этихъ исключительныхъ случаевъ выведу общее заключеніе, будто бы народъ «постоянно» противодѣйствовалъ уничтоженію привилегій, преслѣдованій, улуч-

шенію пищи, то оно дѣйствительно выйдетъ вещь непонятная. Только эта вещь,—т. е. постоянство народнаго сопротивленія всему полезному,—вовсе не будетъ «явленіе», черта исторической жизни; эта вещь просто будетъ моя мечта, моя ошибка въ построеніи силлогизма. Въ нѣкоторыхъ,—пожалуй въ довольно многихъ случаяхъ,—народъ довольно упорно противился заботамъ объ его образованіи. Что жь тутъ удивительнаго? Развѣ народъ—собраніе римскихъ папъ, существъ непогрѣшительныхъ? Вѣдь и онъ можетъ ошибаться, если справедливо, что онъ состоитъ изъ обыкновенныхъ людей. А почему трудно предположить и то, что въ этихъ случаяхъ виновата была какая нибудь ошибка или какая нибудь недобросовѣстность людей, принимавшихъ на себя заботу о народномъ образованіи? Вѣдь они тоже были люди; значитъ, могли ошибаться или могли дѣйствовать по эгоистическимъ разсчетамъ, не соотвѣтствовавшимъ народной потребности. Ни въ той, ни въ другой альтернативѣ нѣтъ ничего не понятнаго.

Кромѣ того, что иногда (очень рѣдко) случается упорное сопротивленіе со стороны народа образованію, по какой нибудь случайной ошибкѣ народа или его просвѣтителей, есть еще одинъ фактъ, который могъ ввести редакцію «Ясной Поляны» въ заблужденіе на счетъ существенныхъ отношеній народа къ образованію. Этотъ фактъ уже не исключительный, а общій, и проходитъ черезъ всю исторію просвѣщенія. Онъ состоитъ въ томъ, что когда кто бы то ни былъ,—самъ ли народъ, — то есть большинство простолюдиновъ, — образованное ли общество, правительство ли задумаетъ какую нибудь реформу въ народномъ образованіи, реформа на первыхъ порахъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе сильную оппозицію,—но не исключительно въ народѣ, а точно такъ же и въ образованномъ обществѣ (если ею занимается оно) и въ нѣкоторыхъ членахъ самого правительства (если реформу задумываетъ правительство). Но тутъ нѣтъ никакой спеціальной черты, относящейся именно только къ частному дѣлу народнаго оброзованія или только къ народу. Это общая принадлежность реформъ или перемѣнъ въ чемъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, что онѣ не совершаются безъ нѣкоторой оппозиціи,—проще сказать, не совершаются безъ хлопотъ, безъ надобности толковать, разсуждать, убѣждать. Возьмите самое простое дѣло,—напримѣръ хоть въ какой-нибудь деревнѣ починку моста, который сталъ плохъ и который всѣмъ въ деревнѣ одина-

ково нуженъ: все-таки сначала потолкуютъ и поспорятъ—кто же?—сами же мужики между собой. Мужики, которые посообразительнѣе или порѣшительнѣе, раньше другихъ увидятъ, что надобно чинить мостъ, а другіе думаютъ, что можно еще погодить этимъ дѣломъ; вотъ вамъ и неизбѣжность спора. Да развѣ въ одномъ народѣ такъ? Во всякомъ классѣ то-же самое. Помните, напримѣръ, какъ шли дѣла о томъ, нужны или ненужны желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы и пр.—и въ англійскихъ и во французскихъ парламентахъ, палатахъ, въ парижскомъ институтѣ были споры: однимъ казалось, что эти вещи нужны, полезны, другимъ что онѣ неудобны, вредны.

Штука состоитъ въ томъ, что вездѣ по всякому дѣлу обнаруживается существованіе двухъ партій, консервативной и прогрессивной, вѣчныхъ партій, соотвѣтствующихъ двумъ сторонамъ человѣческой природы: силѣ привычки и желанію улучшеній. Натурально, что эти двѣ партіи являются и въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ въ нѣдрахъ общества, такъ и въ самомъ народѣ. Есть мужики и мѣщане (какъ есть купцы, чиновники, дворяне), говорящіе: будемъ жить по старому и воспитывать дѣтей по старому; есть другіе мужики и другіе мѣщане, подобно другимъ купцамъ, чиновникамъ и дворянамъ, говорящіе: постараемся устроить жизнь получше прежняго и станемъ воспитывать дѣтей лучше, чѣмъ воспитывались сами.

Ну, что же тутъ особеннаго? Отчего тутъ смущаться, терять «пониманіе?»

Есть еще одинъ фактъ, тоже проходящій черезъ всю исторію,—его замѣтила даже редакція «Ясной Поляны»: мужики стѣсняются посылать своихъ дѣтей въ школы потому, что сынъ или дочь помогали бы въ чемъ нибудь по хозяйству, оставаясь дома, или заработывали бы нѣсколько денегъ на фабрикѣ, или въ какомъ нибудь мастерствѣ. Это обстоятельство ужь дѣйствительно прискорбное, когда дѣла родителей такъ стѣснены, что мысль о пользѣ дѣтей подавляется необходимостью какъ можно скорѣе извлекать изъ дѣтей что нибудь на подмогу хозяйству. Но и это развѣ у однихъ простолюдиновъ бываетъ? Сколько есть небогатыхъ чиновниковъ и дворянъ, которые принуждены не давать дѣтямъ учиться, а какъ можно раньше опредѣлять ихъ на гражданскую службу или въ юнкера. Очень жаль, что это такъ; но развѣ это можно назвать

упорствомъ противъ образованія? Вовсе нѣтъ,—очень многіе изъ родителей, принужденныхъ такъ поступать, самые горячіе приверженцы образованія. Плачутъ, что не могутъ дать дѣтямъ такого образованія, какъ желали бы, но чтожь дѣлать, когда нѣтъ средствъ?— Ну, разумѣется, относительно этого факта недостаточно успокоивать себя психологическими соображеніями о врожденной силѣ консерватизма въ человѣческой натурѣ или о неизбѣжности ошибокъ, недоразумѣній и эгоистическихъ цѣлей, о чемъ разсуждали мы выше. Тутъ дѣло не въ человѣческой натурѣ, а въ недостаткѣ денегъ; значитъ дѣятели народнаго образованія должны заботиться о томъ, какъ бы улучшить матеріальное положеніе народа. Но и это опять не какая нибудь спеціальная черта только простонароднаго образованія,—и во всякомъ сословіи будетъ учиться большее количество дѣтей и будутъ учиться они дольше, будутъ образовываться они лучше, если сословіе будетъ пользоваться лучшимъ благосостояніемъ. Ни непонятнаго, ни особеннаго—тутъ ровно ничего нѣтъ.

Такъ что же оказалось у насъ? Большою помѣхою ученью дѣтей простолюдиновъ служитъ бѣдность простолюдиновъ; иногда заботы о народномъ образованіи могутъ оставаться неудачны по какой нибудь случайной ошибкѣ или недобросовѣстности заботящихся иногда по какому нибудь случайному недоразумѣнію самихъ простолюдиновъ, а во всякомъ случаѣ, и при успѣшномъ и при неуспѣшномъ ходѣ, улучшеніе народнаго образованія, какъ и всякое другое улучшеніе, имѣетъ противъ себя людей, въ которыхъ консерватизмъ слишкомъ силенъ и которые составляютъ и въ простомъ народѣ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи, довольно значительную долю (впрочемъ все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдиновъ (какъ и людей всякаго другаго сословія) будетъ очень горячо стоять за улучшеніе; впрочемъ и эта доля, состоящая изъ людей, въ которыхъ прогрессивность рѣшительно преобладаетъ надъ консерватизмомъ, также только меньшинство въ простомъ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи; а главная масса простонародья, какъ и всякаго другаго сословія, будетъ держать себя нерѣшительно, выжидать, приглядываться, какъ идетъ дѣло: пойдетъ оно хорошо, вся эта масса примкнетъ къ прогрессистамъ; пойдетъ оно неудачно, вся она примкнетъ къ консерваторамъ. Что тутъ особеннаго и непонятнаго? Неужели сама редакція «Ясной Поляны» не видѣла передъ своими глазами всего,

о чемъ мы говоримъ? Навѣрное, встрѣчала она между мужиками такихъ непоколебимыхъ прогрессистовъ, которые ломятъ себѣ все одно: «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма», и которыхъ никакія ошибки или неудачи народныхъ просвѣтителей не могутъ сбить съ этого пункта; и навѣрное видѣла она, что масса выжидаетъ и говоритъ: «а посмотримъ, что выйдетъ изъ начинающихся попытокъ».

Человѣкъ вообще,—не то что въ частности простолюдинъ, а человѣкъ, genus homo, или по другимъ натуралистамъ species homo, двуногое млекопитающее, довольно тяжелое на подъемъ,—довольно склоненъ отлагать дѣло, если на первый разъ видитъ неудачу или хоть не видитъ большой удачи съ перваго раза; но эти свойства онъ обнаруживаетъ по всякимъ улучшеніямъ, не въ одномъ дѣлѣ образованія; а все-таки, разсуждая хладнокровно, надобно сказать, что онъ всегда расположенъ улучшать свое положеніе по всякимъ дѣламъ; значитъ онъ скорѣе наклоненъ къ образованію, чѣмъ упоренъ противъ него.

Но редакція «Ясной Поляны», предполагая въ мужикѣ какія-то особенныя свойства, которыхъ нѣтъ въ человѣкѣ,—т. е. просто въ человѣкѣ, какого бы тамъ званія онъ ни былъ,—думаетъ, что народъ «постоянно противодѣйствуетъ» заботамъ помочь его образованію. Ну что, если бы въ самомъ дѣлѣ было такъ? Вѣдь тогда всѣмъ намъ слѣдовало бы бросить всякія заботы о народномъ образованіи; между прочимъ графу Л. Н. Толстому не слѣдовало бы основывать школу, издавать ни его журнала, ни его книжекъ. Вѣдь насильно милъ не будешь; а навязывать какое нибудь дѣло людямъ, которые вѣчно должны упорствовать противъ него по своей натурѣ, значитъ напрасно мучить ихъ, напрасно утруждать себя.

Нѣтъ, редакція «Ясной Поляны» дѣлаетъ не такой выводъ; оно и точно, не слѣдуетъ ей дѣлать такого вывода, потому что она не думаетъ, что народъ враждебенъ образованію: на второй же строкѣ первой страницы первой статьи своей она говоритъ, что «народъ хочетъ образованія», и мы напрасно опровергали противное мнѣніе: она сама его отвергаетъ, какъ видно изъ этой второй строки. Но если такъ, какими же судьбами на 9-й строкѣ той же страницы очутились слова, противъ которыхъ мы спорили, что будто бы «народъ постоянно противодѣйствуетъ» и т. д.? А вотъ какимъ способомъ улаживаются эти двѣ мысли, мало идущія одна къ другой: если народъ, желающій образованія, постоянно противодѣй

ствуетъ всѣмъ заботамъ о его образованіи, это значитъ, по мнѣнію «Ясной Поляны», что мы, образованные люди, не знаемъ, чему его учить и какъ его учить, и никакъ не можемъ узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупаго человѣка какого хотите сословія, сведите его съ неглупымъ человѣкомъ какого хотите другаго сословія, и они могутъ растолковать другъ другу, что̀ кому изъ нихъ нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никакъ не могли намъ растолковать неглупые люди изъ простолюдиновъ, чему нужно учить и какъ нужно учить ихъ, простолюдиновъ. Сяду я на постояломъ дворѣ, стану распрашивать проѣзжихъ мужиковъ о чемъ хотите изъ ихъ быта,—всѣ ихъ потребности и желанія по всякому дѣлу я могу узнать и понять, только будтобыпо одному дѣлу образованія не могу. Это что-то неправдоподобно.

Но если это такое непостижимое дѣло, то, почемъ знать, не нужно ли нашимъ простолюдинамъ учиться, напримѣръ, латинскому языку? Редакція «Ясной Поляны» хохочетъ: «ну этого ужь имъ навѣрное не нужно»! отвѣчаетъ она. (Или она не въ состояніи отвѣчать даже этого?). А если вы хотя объ одномъ предметѣ знаете, что его не нужно преподавать въ народныхъ школахъ, такъ вы, значитъ, уже имѣете нѣкоторое понятіе о томъ, что нужно народу. Вѣдь судить о томъ, что не нужно, можно только на основаніи знанія о нужномъ. Вѣдь отрицательные отвѣты основываются же на чемъ нибудь положительномъ.

Или вы ничего не знаете не то-что о предметахъ ученія, а только о методахъ ученія? Полноте, и объ этомъ у васъ есть вѣрныя понятія. Если бы кто-нибудь захотѣлъ поступить въ яснополянскую школу преподавателемъ и объяснилъ, что учить мальчишекъ нельзя иначе, какъ таская ихъ за волосы, кормя оплеухами и т. д., вѣдь вы не приняли бы такого преподавателя? (Или приняли бы?) Нѣтъ, у васъ положенъ принципъ: учить не только безъ всякихъ наказаній, даже безъ всякихъ наградъ, и совершенно никакого принужденія не употреблять. Методъ прекрасный, за твердость въ которомъ нельзя не сочувствовать вамъ; но пока дѣло не въ томъ, что вашъ методъ хорошъ, а въ томъ, что у васъ есть методъ. Зачѣмъ же вы говорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не методъ преподаванія, это лишь система обращенія съ учениками». Положимъ, но изъ этой системы ужь не-

премѣнно происходитъ и методъ преподаванія и притомъ очень опредѣленный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать такъ, чтобы ученье было интересно и легко. Вы такъ и стараетесь дѣлать. «Да нѣтъ, это все еще не методъ». Какъ не методъ? Ну вотъ если кто нибудь вамъ скажетъ: преподавать русскую исторію надобно, заставляя дѣтей зубрить наизусть руководство г. Устрялова,—что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значитъ, вы знаете, какъ не слѣдуетъ преподавать русскую исторію, а изъ этого обнаруживается, что вы знаете, какъ слѣдуетъ ее преподавать.

Быть можетъ напрасно мы говоримъ такимъ тономъ съ редакціею «Ясной Поляны». Быть можетъ она найдетъ его обиднымъ. Но воля ваша, вѣдь досадно слушать, когда люди, основавшіе школу и преподающіе въ ней и даже утверждающіе, что устроили свою школу очень хорошо и преподаютъ въ ней не дурно,—когда эти люди говорятъ, что не знаютъ, чему учить и какъ учить народъ и не знаютъ даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такіе пустяки.

А вѣдь нѣтъ, они говорятъ про себя не пустяки; они дѣйствительно не знаютъ, чему и какъ учить, и есть въ ихъ программѣ, въ передовой статьѣ, которую мы разбираемъ, такія мѣста, что даже ослабляютъ надежду на возможность имъ когда нибудь узнать и понять это. Слушайте, читатель.

Стр. 8. Въ Россіи «народъ большею частію озлобленъ противъ мысли о школѣ». Гдѣ же озлобленъ противъ школы? противъ дурныхъ школъ, въ которыхъ ничему не выучиваютъ, въ которыхъ только бьютъ, терзаютъ дѣтей, притупляютъ ихъ, развращаютъ ихъ, противъ такихъ школъ народъ точно озлобленъ; но вѣдь противъ нихъ озлоблены и мы съ вами. Это значитъ только, что и мы съ вами думаемъ, и народъ думаетъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ думать порядочнымъ и неглупымъ людямъ.

Стр. 8. Въ той же Россіи «всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу». Это было съ грѣхомъ пополамъ правдою лѣтъ 20 тому назадъ или побольше. А теперь развѣ то? Изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нынѣшнихъ университетскихъ студентовъ вы навѣрное не найдете даже одного десятка человѣкъ, которые были бы силою заставлены

пойти въ университетъ. Гдѣ вы видѣли такихъ студентовъ? Богъ съ вами, вы говорите Богъ-знаетъ-что. А что касается до чина, даваемаго за ученье, то изъ людей небогатыхъ, которымъ надобно будетъ жить жалованьемъ, конечно, многіе интересуются полученіемъ чина по праву ученой степени, но и то мало; повѣрьте, никто изъ нихъ не учится собственно для чина; но не давать имъ его,—было бы несправедливостью, потому что вѣдь получаютъ его на службѣ ихъ сверстники, которыя прямо изъ гимназіи пошли служить. Неужели справедливо было бы, чтобы молодой человѣкъ проигрывалъ по службѣ тѣмъ, что посвятилъ нѣсколько лѣтъ на лучшее приготовленіе себя къ ней университетскимъ образованіемъ?

Стр. 11. «Образованіе, имѣющее своею основой религію, т. е. божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, насиліе въ этомъ случаѣ законно».

Стр. 15. Въ Германіи девять десятыхъ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они впослѣдствіи уже не берутъ книгъ въ руки». Въ противоположность этому можно привести ходячій въ низшихъ слояхъ нашего средняго класса разсказъ о томъ, какъ «нѣмецъ землю пашетъ, а самъ въ рукѣ книжку держитъ, читаетъ».—Надобно быть слишкомъ легковѣрну, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22. Въ народныхъ школахъ Марсели преподается «счетоводство», т. е. бухгалтерія. «Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ». Это очень странно. Чего тутъ не понимать? Марсель—городъ торговый, и бухгалтерія можетъ пригодиться всякому простолюдину. А что она можетъ быть предметомъ преподаванія, это доказываютъ всѣ коммерческія училища, въ которыхъ читается курсъ бухгалтеріи. Нѣтъ, по мнѣнію автора статьи, дѣлать бухгалтерію предметомъ преподаванія не стоитъ потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариѳметики». Нѣтъ, бухгалтеромъ сдѣлаться не такъ легко; иначе порядочные бухгалтеры не были бы такъ рѣдки и не получали бы такой большой платы въ торговыхъ конторахъ. Авторъ статьи не

потрудился познакомиться съ дѣломъ, иначе не порицалъ бы марсельскія школы за преподаваніе бухгалтеріи.

Стр. 26. «Хорошо нѣмцамъ на основаніи 200-лѣтняго существованія школы исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ»? Что такое? что такое? Глазамъ не вѣримъ. Неужели редакція «Ясной Поляны» думаетъ, что это только нѣмцамъ нужны народныя школы а намъ не нужны? Да, повидимому такъ,—въ этомъ духѣ тянется разсужденіе на всей 26-й страницѣ. Не нужно, дескать, намъ народныхъ школъ, потому что «мы русскіе живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія». На слѣдующей страницѣ сначала какъ будто не то, что не нужно намъ школъ, а только то, что наши народныя школы не должны быть рабскимъ сколкомъ съ западныхъ; но дальше опять то же, что въ школахъ нѣтъ надобности у насъ, потому что уже и «въ Европѣ образованіе избрало себѣ другой путь, обошло школу», не нуждается въ ней (стр. 28). Удивительно.

Тутъ же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «народъ подчиняется образованію только при насиліи»,—ей-богу такъ и написано на строкѣ 24-й этой 27-й страницы.—Тутъ же 5-ю строками ниже третья удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить». Неужели? Чѣмъ больше пріобрѣталось людьми опытности въ дѣлѣ образованія, тѣмъ менѣе могли они судить объ этомъ дѣлѣ? Неужели такъ? Это противорѣчило бы тѣмъ законамъ разсудка и жизни, по которымъ всегда бываетъ, что чѣмъ больше знакомишься съ предметомъ, тѣмъ больше знаешь его.

Стр. 29. «Основаніемъ нашей дѣятельности служитъ убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія—педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, безполезно и вредно». Повторяемъ: если не знаете, то нельзя еще вамъ быть основателями школъ, наставниками въ нихъ, издателями педагогическихъ журналовъ; вамъ надобно еще учиться самимъ,—отправляй-

тесь въ университетъ, тамъ узнаете.—Но вы думаете, что даже и не можете узнать,—очень жаль, если такъ,—но это свидѣтельствовало бы только о несчастной организаціи вашей нервной системы: если вы не можете понять такой простой вещи, какъ вопросъ о кругѣ предметовъ народнаго преподаванія, то значитъ природа лишила васъ способности пріобрѣтать какія бы то ни было знанія.

Беремъ 2-ю книжку «Ясной Поляны» и просматриваемъ въ ней руководящую статью, которая называется: «О методахъ обученія грамотѣ». Общій смыслъ статьи—развитіе мысли, что всѣ методы обученія грамотѣ одинаково хороши или одинаково дурны, такъ что по какой ни учить, все равно. Съ такой точки зрѣнія пришлось бы говорить точно то же обо всемъ на свѣтѣ. Напримѣръ: какой способъ добывать огонь самый удобный: треніе двухъ кусковъ дерева другъ о друга, или кремень и огниво, или фосфорныя спички?—все равно, каждымъ изъ этихъ способовъ можно достичь огня. Какая бритва самая хорошая: наша ли доморощенная изъ обломка косы, или плохая англійская, или хорошая англійская?—все равно, всякой можно обрить бороду. Какое дѣлопроизводство самое лучшее: бухарское ли, или наше, или французское?—все равно, по каждому можно рѣшать дѣла. Вѣдь подобные отвѣты свидѣтельствуютъ только, что у человѣка, ихъ дающаго, не установились понятія о предметѣ. Я, напримѣръ, о многихъ предметахъ принужденъ давать такіе отвѣты: наприм., спросите меня, какой методъ, интегрированья лучше: лейбницевскій или ньютоновскій,—я рѣшительно не знаю, но слыхивалъ, что по тому и другому выучивались интегрированью; вотъ я и отвѣчаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плугъ лучше: Бойлевъ или Фаулеровъ? Я не могу судить ни о томъ, ни о другомъ, но слыхивалъ, что можно тѣмъ и другимъ пахать; вотъ я и долженъ отвѣчать: оба хороши. Эти отвѣты показываютъ только, что я не гожусь быть ни преподавателемъ высшей математики, ни управляющимъ завода земледѣльческихъ машинъ, ни англійскимъ фермеромъ; ими только прикрывается мое незнаніе. Помилуйте, какъ скоро есть два способа дѣлать что нибудь, то непремѣнно одинъ изъ этихъ способовъ вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительныя обстоятельства, въ которыхъ удобнѣе примѣняется менѣе совершенный способъ, то знающій человѣкъ умѣетъ въ точности опредѣлить и перечислить эти исключительные случаи. А

кого эти исключительные случаи смущаютъ такъ, что онъ не можетъ разобрать разницу между ихъ особенностями и общимъ правиломъ, тотъ мало знакомъ съ дѣломъ. Такое впечатлѣніе и производитъ общій смыслъ статьи: «о методахъ обученія грамотѣ». Но кромѣ общаго смысла всей статьи изумляютъ въ ней многія отдѣльныя мѣста; напримѣръ:

Стр. 9. «Народъ не хочетъ учиться грамотѣ». Это напечатано на строкѣ 16-й.

Стр. 10. «Фактъ противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты существуетъ во всей Европѣ».

Стр. 11. «Споръ въ нашей литературѣ о спорѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію есть весьма серьезный споръ». Неужели? Неужели можетъ казаться не лишеннымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе основательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности,—таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы. Защитники грамотности — теоретики, противники грамотности — наблюдатели фактовъ и «тѣ и другіе совершенно правы» (стран. 11, строка 20),—т. е. по теоріи грамотность полезна, а на практикѣ оказывается вредной. Но это еще пока только колебаніе между двумя мнѣніями, а въ началѣ стран. 12-й авторъ уже склоняется на сторону противниковъ грамотности. Онъ говоритъ: если ближе всмотрѣться въ дѣйствительные результаты нынѣшняго обученія грамотѣ, то «я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности (стр. 12-я, строка 1-я).

Далѣе слѣдуетъ на той же стр. 12-й очень неосторожныя колкости противъ людей, занимающихся преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Это ужь рѣшительно не хорошо. Каковы бы тамъ ни были эти люди, умны ли они по вашему или глупы, но они честные люди, любящіе народъ, дѣлающіе для него все, что могутъ. Если вы поднимаете на нихъ руку, отъ васъ должны отвернуться всѣ порядочные люди.

На стран. 23-й находятся такія же колкости противъ людей университетскаго образованія, занимающихся обученіемъ народа, съ поясненіемъ, что «пономари учатъ лучше ихъ».

Редакція «Ясной Поляны» можетъ оскорбиться тѣмъ, какъ мы обозрѣвали передовыя статьи ея педагогическаго журнала, можетъ

сказать: зачѣмъ же вы брали изъ нашихъ статей только эти мѣста, а не брали другихъ, имѣющихъ совершенно противоположный смыслъ? Дѣйствительно, мы были бы несправедливы, если бы подбирали дурныя мѣста съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ выводъ, что редакція «Ясной Поляны» проникнута духомъ мракобѣсія. Но мы этого вовсе не хотимъ сказать, а хотимъ только указать ей, какія странныя вещи попадаются въ ея мысляхъ по отсутствію надлежащаго знакомства съ предметами, о которыхъ она разсуждаетъ. Мы говоримъ ей: прежде, чѣмъ станете поучать Россію своей педагогической мудрости, сами поучитесь, подумайте, постарайтесь пріобрѣсти болѣе опредѣленный и связный взглядъ на дѣло народнаго образованія. Ваши чувства благородны, ваши стремленія прекрасны; это можетъ быть достаточно для вашей собственной практической дѣятельности: въ вашей школѣ вы не деретесь, не ругаетесь, напротивъ, вы ласковы съ дѣтьми,—это хорошо. Но установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ кромѣ прекрасныхъ чувствъ еще иной вещи: нужно стать въ уровень съ наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ статеекъ. Развѣ не можетъ, напр., какой нибудь полуграмотный засѣдатель уѣзднаго суда быть человѣкомъ очень добрымъ и честнымъ, обращаться съ просителями ласково, стараться по справедливости рѣшать дѣла, попадающія ему въ руки. Если онъ таковъ, онъ очень хорошій засѣдатель уѣзднаго суда и его практическая дѣятельность очень полезна. Но способенъ ли онъ при всей своей опытности и благонамѣренности быть законодателемъ, если онъ не имѣетъ ни юридическаго образованія, ни знакомства съ общимъ характеромъ современныхъ убѣжденій? Чѣмъ-то очень похожимъ на него являетесь вы: рѣшитесь или перестать писать теоретическія статьи, или учиться, чтобы стать способными писать ихъ.

Редакція «Ясной Поляны» извинитъ намъ жестокость этого приговора, если пойметъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дурны многія изъ вещей, отысканныхъ нами въ ея статьяхъ. Она убѣдится тогда, что мы говоримъ непріятную ей правду собственно изъ желанія, чтобы она увидѣла опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которыхъ не замѣчала прежде, конечно, только по непривычкѣ къ теоретическому анализу мыслей, къ выводу послѣдствій и отыскиванію принциповъ. Просимъ ее не сер-

диться, но если она и разсердится, все равно: мы обязаны передъ публикой не селадонничать съ «Ясною Поляною», а прямо указать недостатки теоретическаго взгляда редакціи этого журнала, потому что хорошія стремленія его могли бы иначе подкупить многихъ на неразборчивое согласіе со всѣмъ, что наговорено въ «Ясной Полянѣ». А наговорено въ ней все безъ разбора: и хорошее и дурное. Сущность дѣла состоитъ вотъ въ чемъ:

За изданіе педагогическаго журнала принялись люди, считающіе себя очень умными, наклонные считать всѣхъ остальныхъ людей.— напримѣръ, и Руссо и Песталоцци,—глупцами; люди, имѣющіе нѣкоторую личную опытность, но не имѣющіе ни опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, ни научнаго образованія. Съ этими качествами принялись они читать педагогическія книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считаютъ нужнымъ,—это, дескать, все глупости написаны, до насъ никто ничего не смыслилъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Но въ прочтенныхъ ими отрывкахъ книгъ и статей излагаются взгляды, очень различные: у одного автора рекомендуется одинъ методъ преподаванія, у другаго — другой, у третьяго — третій; у одного автора одинъ взглядъ на потребности народа, у другаго—другой, и т. д.; по одному автору кругъ предметовъ преподаванія для народа одинъ, у другаго—другой, и т. д. Чтобы разобрать, кто правъ въ этой разноголосицѣ, нужно тяжелое изученіе, нужна привычка къ логическому мышленію, нужны опредѣленныя убѣжденія. А эти люди не постарались пріобрѣсти ни одного изъ этихъ условій, и потому не въ силахъ ничего разобрать. Вотъ и явился у нихъ выводъ, что ничего нельзя разобрать, что все вздоръ и все правда, и всѣ системы никуда негодятся и всѣ системы справедливы, и науки нѣтъ, и предмета нельзя знать, и методовъ нельзя опредѣлить. И осталось имъ руководиться только своими случайными впечатлѣніями, да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и—обрывки чужихъ мыслей, попавшіе въ ихъ память, летятъ у нихъ съ языка какъ попало, въ какой попало связи другъ съ другомъ и съ ихъ личными впечатлѣніями. Изъ этого, натурально, выходитъ хаосъ.

Лучшая часть «Ясной Поляны»—издающіяся при ней маленькія книжки для простонароднаго чтенія, и хороша въ нихъ собственно та сторона, для выполненія которой не нужно имѣть и убѣжденій въ мысляхъ, а достататочно имѣть нѣкоторую личную опытность и

нѣкоторый талантъ: хорошо въ нихъ изложеніе. Оно совершенно просто; языкъ безъискуственъ и понятенъ. Какъ, напримѣръ, не похвалить манеру разсказа въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„Жилъ былъ во Франціи столяръ, звали его Николай. Жена у него померла, а сынъ остался. Сыну было 4 года. Николай не былъ богатъ: у него былъ домъ и было земли немного,—сажалъ онъ на ней виноградъ. Съ земли Николаю прожить нельзя было, а ходилъ онъ по людямъ работать. Его мальчикъ одинъ оставался дома. Матери не было, никто не обшивалъ его; отецъ жалѣлъ мальчика, а жениться другой разъ не хотѣлъ.

„Разъ идетъ Николай съ работы домой и слышитъ: кто-то плачетъ. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ дѣвку. Дѣвку звали Марья. Сидитъ она подлѣ канавы и плачетъ.

„Николай ее спросилъ:—объ чемъ ты плачешь, Марья?

„А она говоритъ: Николай, жила я у Михайлы мужика, задолжала ему десять франковъ за уголъ (по нашему десять четвертаковъ). А Михайла мнѣ за долгъ сундукъ не отдаетъ, мнѣ теперь нечѣмъ сундука выкупить и жить негдѣ. И она заплакала еще пуще. Николай говоритъ: подожди здѣсь, я снесу свой инструментъ, да мальчика Матюшку посмотрю, а тогда подумаемъ, какъ быть.

„Николай пошелъ домой, отнесъ свой инструментъ, пообѣдалъ съ сыномъ, досталъ десять франковъ и вошелъ на дорогу, гдѣ Марья сидѣла. Ему въ умъ взошло ее къ себѣ взять. Онъ пришелъ на дорогу и говоритъ: пойдемъ, Марья, къ твоему Михайлѣ, отдадимъ ему десять франковъ и возьмемъ твой сундукъ. А Марья говоритъ: кто мнѣ дастъ 10 франковъ? А онъ говоритъ: пойдемъ.

„Они пошли къ мужику къ Михайлѣ, взошли въ домъ; Николай и говоритъ: „здравствуй, Михайла!"—Здравствуй, чего тебѣ?—А Николай говоритъ: „за что ты обидѣлъ дѣвку?"—А за то, что не твое дѣло.—А Николай говоритъ: „возьми десять франковъ, а ей отдай сундукъ."

„Марья взяла свой сундукъ, забрала все имѣніе и говоритъ:—какъ я тебѣ, Николай, отдамъ деньги? А онъ говоритъ: „отдашь",—и позвалъ ее жить къ себѣ.—„Пойду на работу, а ты за Матюшкой ходить будешь".

„Она заплакала и стала за него молиться Богу. Марья была дѣвка немолодая, ростомъ большая и здоровая, какъ мужикъ. Лицо у нея было дурное конопатое (рябое), оттого ея и замужъ никто не взялъ. Она тѣмъ жила, что на поденную работу ходила, за ребятами смотрѣла, когда хозяева на работу уходили. Она за больными ходить хорошо умѣла. Дѣвка она была смирная: когда ей за работу ничего не давали, она не спрашивала. Всѣ ребята ее на деревнѣ знали, всѣ любили и нянькой прозвали. Николай взялъ ее къ себѣ въ домъ; Марья и стала у него жить, какъ хозяйка: обѣдъ варила, виноградъ поливала и землю копала. Во Франціи землю больше скребкой, чѣмъ сохой работаютъ, оттого, что ее мало. Обѣдъ всегда Марья собирала къ тому времени, когда придти Николаю съ работы, а за Матюшкой такъ ходить стала, что Николай не нарадуется. У нихъ въ домѣ лучше стало.

„Вздумалось Марьѣ, чтобы Николай купилъ корову и козу. Во Франціи

козье молоко пьютъ. Она и говоритъ:—Николай, купи корову и козу, намъ лучше жить будетъ.—А Николай говоритъ: я куплю, а кто стеречь будетъ?"—Ты купи, стеречь я сама буду. Матюшка услышалъ, да и говоритъ: я съ ребятами буду стеречь; сшей только мнѣ сумочку хлѣбъ класть. Я устерегу Они купили. Марья сшила Матюшкѣ сумку, положила ему хлѣба и сыру и послала его съ ребятами. Во Франціи хлѣбъ бѣлый. Ѣдятъ его съ сыромъ, а сыръ изъ козьяго молока дѣлаютъ.

„Надѣлъ Матюшка сумочку на спину, перекрестилъ веревочки на груди и погналъ корову и козу. И каждому свое дѣло было. По воскресеньямъ Марья съ Матюшкой въ церковь ходила. Уберетъ его, обмоетъ и пойдутъ вмѣстѣ, какъ сынъ съ матерью. Во Франціи въ церковь ходятъ съ книжками. Придутъ въ церковь, сядутъ на стулья и читаютъ по книжкамъ, и въ церкви всѣ запоютъ когда надо. Священникъ, также какъ у насъ, передъ алтаремъ обѣдню служитъ, только онъ бритый и въ бѣлой ризѣ. А народъ на стульяхъ сидитъ и за стулья деньги берутъ. У кого есть деньги, тотъ платитъ по 5 сантимовъ (по нашему 5 коп. ассигнаціями), а у кого нѣтъ, тотъ стоитъ.

„Марья стула не брала, а стаивала съ Матюшкой либо на ногахъ, либо бирала Матюшку на руки и ему, какъ съ горы, все видно было что въ церкви дѣлалось: какъ священникъ въ алтарѣ служилъ и какъ народъ въ церковь приходилъ и вонъ выходилъ. И стали они жить лучше прежняго.

„Стало Матюшкѣ ужь семь лѣтъ. Николай и говоритъ Марьѣ:—Марья, надобно Матюшку отдать въ училище.—А она ему говоритъ: „зачѣмъ его отдавать въ училище, онъ будетъ и безъ твоего ученія хорошо работать. Онъ и такъ мальчикъ хорошій. Ты грамотѣ не знаешь, а развѣ хуже работаешь." А Николай говоритъ: не правда твоя, Марья! Если бъ я зналъ грамоту, я бы самъ записать могъ, кто мнѣ что долженъ, а то не знаю и долги забываю—другой разъ и пропадаютъ. Я и самъ жалѣю.

Матюшка услыхалъ, что тетка съ отцомъ говорила, да и говоритъ: кто же безъ меня козу стеречь станетъ?

„А отецъ говоритъ: устережемъ безъ тебя, только ужь учись хорошенько, чтобъ мои деньги не пропали. Николай не послушался Марьи и отдалъ своего Матюшку въ училище. И Матюшка сталъ учиться очень хорошо. Учитель хвалилъ его. А корову и козу Марья стеречь стала. Когда Матюшкѣ время бывало, онъ за отцомъ вечеромъ инструментъ нашивалъ, а по праздникамъ съ теткой Марьей въ огородѣ копалъ, и всѣ говорили, что мальчикъ хорошій. Такъ они жили очень хорошо."

Это—первая глава повѣсти «Матвѣй», которою начинается 2-я книжка. Все остальное написано точно также, т. е. очень хорошо.

Но въ содержаніи вещей, разсказанныхъ такъ хорошо, отразился недостатокъ опредѣленныхъ убѣжденій, недостатокъ сознанія о томъ, что нужно народу, что полезно и что вредно для него. Напримѣръ, въ 1-й же книжкѣ послѣ разсказа «Матвѣй», который

по содержанію такъ себѣ, помѣщена суевѣрная сказка о томъ, какъ чортъ соблазнялъ монаха Ѳеодора, принимая на себя видъ его друга, монаха Василія; и разсказано это такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вотъ сейчасъ же можетъ въ мою комнату подъ видомъ моего пріятеля войдти чортъ, то есть настоящій чортъ, какъ есть настоящій. Во 2-й книжкѣ помѣщенъ Робинзонъ, обратившійся въ сказку, лишенную всякаго смысла. За Робинзономъ напечатана арабская сказка о горѣ Сезамѣ и 40 разбойникахъ, передѣланная на русскіе нравы. Въ ней дѣйствуютъ Дуняшка, Евдокимъ, Петръ Ивановичъ, Пахомъ Сидорычъ и т. д. Зачѣмъ сдѣлана эта передѣлка и зачѣмъ вынутъ смыслъ изъ Робинзона,—это, конечно, никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и самой редакціи «Ясной Поляны»: вѣдь нельзя знать, что и какъ разсказывать народу. А языкъ разсказовъ очень хорошъ.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника **Щедрина**. Собралъ и издалъ **М. Е. Салтыковъ**. Два тома. Москва. 1857.

Давно уже не являлось въ русской литературѣ разсказовъ, которые возбуждали бы такой общій интересъ, какъ «Губернскіе очерки» Щедрина, изданные г. Салтыковымъ. Главная причина громаднаго успѣха этихъ разсказовъ очевидна каждому. Въ нихъ очень много правды,—очень живой и очень важной.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ много чести приноситъ русскому обществу то, что правда принята имъ съ такимъ одобреніемъ и участіемъ. Не будемъ говорить и о томъ, какъ отрадно каждому, любящему свое отечество, это общее чувство, служащее свидѣтельствомъ господства честной мысли въ нашемъ обществѣ. Это понимается каждымъ.

Не будемъ много говорить и о томъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, что правда, высказываемая надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, правда, часто очень горькая, не вызвала со стороны не многихъ, которымъ она должна быть непріятна, тѣхъ ожесточенныхъ нападеній, какими двадцать и пятнадцать лѣтъ тому назадъ встрѣчены были «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Значитъ, не даромъ прошелъ для насъ опытъ жизни; значитъ, или исчезли, или чувствуютъ себя нынѣ безсильными люди, которые осмѣливались говорить, что правда можетъ быть вредна. Это ослабленіе голосовъ, враждебныхъ правдѣ, не есть обстоятельство случайное, обнаружившееся только въ послѣдніе годы, не есть явленіе непрочное по

своей случайности: годъ за годомъ можно слѣдить, какъ уменьшалась сила и самодѣятельность литературныхъ аристарховъ, находившихъ выгоднѣйшимъ для себя поддерживать незнаніе. Кромѣ друзей Пушкина, представителемъ которыхъ въ критикѣ былъ князь Вяземскій, и нѣсколькихъ молодыхъ людей, писавшихъ въ «Телескопѣ», всѣ журналы негодовали на «Ревизора». Черезъ пять лѣтъ пользовался уже безспорнымъ превосходствомъ въ мнѣніи публики тотъ журналъ, который съ восторгомъ встрѣтилъ «Мертвыя Души». Но большинство нашей журналистики снова осудили Гоголя. Прошло еще пять лѣтъ, и не только большинство публики, но уже и большинство литераторовъ крѣпко стояло за г. Тургенева, когда онъ печаталъ «Бурмистра», «Контору», «Малиновую воду», «Бирюка» и проч. Но все еще очень многіе и очень громкіе голоса возставали противъ разсказовъ г. Тургенева. Теперь, если кто хотѣлъ, то никто не рѣшился сказать что нибудь противъ духа правды, оживляющаго «Очерки» г. Щедрина. Когда десять лѣтъ тому назадъ была напечатана «Деревня» г. Григоровича, сколькимъ упрекамъ подвергся авторъ! Но уже очень не многіе рѣшились выразить свое недовольство его «Рыбаками», которые явились черезъ семь лѣтъ послѣ того, а когда еще черезъ три года, въ прошедшемъ году, онъ написалъ «Переселенцевъ», никто не отважился и сказать, что не слѣдуетъ писать о переселенцахъ или можно писать иначе. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы засвидѣтельствовать постепенное усиліе той стороны въ нашемъ обществѣ и между нашими писателями, которая хочетъ правды, и постепенное изнеможеніе тѣхъ людей, которымъ противна правда. Кому интересно, тотъ можетъ, припоминая сужденія публики журналовъ о каждомъ замѣчательномъ явленіи нашей беллетристики, прослѣдить, какъ съ каждымъ новымъ годомъ возрастало убѣжденіе въ необходимости истины.

Мы только упоминаемъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ, но не останавливаемся на немъ, потому что въ настоящее время онъ очевиденъ для каждаго. Безполезно доказывать то, въ чемъ никто не сомнѣвается.

Но если для всѣхъ уже очевидно теперь, что необходимо для насъ знать о себѣ правду, если большинство, одобряющее писателей, выказывающихъ ее, такъ огромно, что бывшіе противники ея или сознаются въ томъ, что прежняя вражда ихъ была несправед-

лива, или лишились отважности защищать свое несправедливое дѣло, то далеко еще не всѣ согласны въ томъ, какой существенный смыслъ имѣютъ сочиненія, одобряемыя всѣми за правдивость. Всѣ согласны въ томъ, что факты, изображаемыя Гоголемъ, г. Тургеневымъ, г. Григоровичемъ, Щедринымъ, изображаются ими вѣрно и для пользы нашего общества должны быть приводимы передъ судъ общественнаго мнѣнія. Но сущность беллетристической формы, чуждой силлогическаго построенія, чуждой выводовъ въ видѣ опредѣлительныхъ моральныхъ сентенцій, оставляетъ въ умѣ многихъ читателей сомнѣніе о томъ, съ какимъ чувствомъ надобно смотрѣть на лица, представляемыя нашему изученію произведеніями писателей, идущихъ по пути, проложенному Гоголемъ; сомнѣніе о томъ, должно ли ненавидѣть или жалѣть этихъ Порфиріевъ Петровичей, Ивановъ Петровичей, Фейеровъ, Пересѣчкиныхъ, Ижбурдиныхъ и т. д.; надобно ли считать ихъ людьми дурными по своей натурѣ, или полагать, что дурныя ихъ качества развились вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, независимо отъ ихъ воли. Сколько можно заключать изъ журнальныхъ отзывовъ и изъ разговоровъ, которые каждый изъ насъ много разъ имѣлъ случай слышать въ обществѣ по поводу произведеній, подобныхъ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина, надобно думать, что очень значительная часть,— быть можетъ, большинство публики склоняется на сторону перваго мнѣнія. Подъячій, разсказывающій надворному совѣтнику Щедрину о «прошлыхъ временахъ», восхищается тѣмъ, что въ эти «прошлыя времена» все было шито и крыто, взяточники не опасались никакихъ преслѣдованій и наживались очень спокойнымъ образомъ; онъ восхищается безсовѣстными продѣлками Ивана Петровича и съ нѣкоторою гордостью вспоминаетъ, что самъ былъ не послѣднимъ сподвижникомъ этого удивительно изобрѣтательнаго взяточника. Продѣлки, отчасти одобряемыя, отчасти совершенныя подъячимъ-разсказчикомъ, каждому образованному и честному человѣку кажутся вредными для общества, гнусными, преступными; чувство негодованія, ими возбуждаемое, очень легко переходитъ въ чувство нравственнаго безпощаднаго осужденія человѣку, совершившему или одобряющему эти дѣла, и очень многіе изъ людей, восхищающихся «Губернскими очерками», объявляютъ его человѣкомъ очень дурнымъ, совершенно безсовѣстнымъ. Иные, пожалуй, скажутъ, что этотъ подъячій даже находитъ положительное удовольствіе въ со-

вершеніи мошенническихъ продѣлокъ и низкихъ преступленій; что онъ влечется къ нимъ не одною только выгодою, но и душевнымъ расположеніемъ. Онъ самъ подаетъ основаніе къ такому понятію о себѣ; онъ прямо говоритъ, что въ его времена люди, которыхъ онъ хвалитъ, главное удовольствіе свое находили не просто въ томъ, что много получаютъ денегъ, а въ томъ, что получаютъ ихъ хитрымъ мошенничествомъ. «Вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, говоритъ онъ:—это не то, что грубые взяточники или съ большой дороги грабители; нѣтъ, все народъ—аматёръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, ненадобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай, да прожектъ составь, а потомъ и пользуйся, пожалуй». Одного изъ своихъ сослуживцевъ, который не былъ аматёромъ мошенничества а просто изъ любви къ деньгамъ бралъ взятки, подъячій этотъ просто осуждалъ, какъ профана, не понимающаго высшихъ наслажденій мошенничества. «Мы, чиновники, этого Фейера не любили, говоритъ онъ: — у него все это какъ-то ужь больно просто выходило,—такъ, ломитъ нахрапомъ съ-плеча, да и все. Что жь и за удовольствіе этакъ-то служить!» Не правда ли, онъ самъ выставляетъ себя бѣсомъ, любящимъ зло не только изъ выгодъ, доставляемыхъ зломъ, но и для самого зла? Возьмемъ другой примѣръ: Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ, коммерческіе люди, разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ. Они прямо говорятъ, что коммерческій разсчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. Они жалуются на медленность и расходы, соединенные съ доставкою хлѣба въ Петербургъ водянымъ путемъ; но на замѣчаніе, что желѣзныя дороги избавятъ нашу торговлю отъ этихъ тяжелыхъ затрудненій, они прямо отвѣчаютъ: «для насъ чугунки все равно, что раззореніе. Это (устроивать желѣзныя дороги) для насъ было бы все единственно, что въ петлю лѣзть. Это все враги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ ни-на-есть, съ колеи сбить. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить». Почему же такъ? Потому что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ нѣтъ возможности ни обсчитывать рабочихъ въ разсчетѣ, ни нарушать контракты на поставку товаровъ, сваливая вину на Волгу, потопившую или задержавшую суда. Торговлѣ будетъ придано гораздо болѣе живости и обширности, она будетъ доставлять болѣе выгодъ,—нужды нѣтъ; все-таки

желѣзныя дороги не нравятся Ижбурдину и его товарищамъ, потому что прекращаютъ возможность мошенничества. Не ясно ли, что это люди не просто корыстолюбивые, а любящіе зло для самого зла,—любящіе зло, хотя бы оно было даже вредно для нихъ самихъ? Почти такія же черты можно отъискать почти во всѣхъ другихъ людяхъ, изображаемыхъ Щедринымъ. Почти всѣ они могутъ представляться, и дѣйствительно представляются многимъ изъ читателей, изъѣденными нравственною порчею до глубины души, не сохранившими въ себѣ никакого человѣческаго чувства.

Такой взглядъ на людей, изображаемыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, внушается негодованіемъ, источникъ котораго, конечно, благороденъ. Но тѣмъ неменѣе надобно сказать, что подобный взглядъ поверхностенъ, что если мы внимательнѣе всмотримся въ большинство людей, выводимыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, то должны будемъ отказаться отъ слишкомъ строгаго приговора противъ этихъ людей. Мы не найдемъ возможности называть ихъ людьми добродѣтельными: въ самомъ дѣлѣ, они совершаютъ очень много дурныхъ поступковъ, имѣютъ много дурныхъ привычекъ, держатся многихъ дурныхъ правилъ, но все-таки нельзя сказать, чтобы большинство этихъ людей не имѣло въ себѣ также многихъ хорошихъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, попробуемъ внимательнѣе посмотрѣть на людей, встрѣчающихся намъ въ разсказахъ Щедрина. Мы беремъ его «Губернскіе очерки» для этого испытанія, потому что ни у кого изъ предшествовавшихъ Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками, болѣе мрачными. Никто (если употреблять громкія выраженія) не каралъ нашихъ общественныхъ пороковъ словомъ, болѣе горькимъ, не выставлялъ передъ нами нашихъ общественныхъ язвъ съ бо́льшею безпощадностію. У него нѣтъ ни одного веселаго или легкаго выраженія, не только цѣлаго очерка,—у него нѣтъ не только цѣлаго разсказа, похожаго на «Коляску», или на «Тяжбу», или на «Лакейскую» Гоголя,—нѣтъ двухъ строкъ, которыя бы ни были пропитаны грустнымъ чувствомъ. Онъ писатель, по преимуществу грустный и негодующій. Если кто изъ нашихъ беллетристовъ, то, конечно, онъ приводитъ васъ къ самымъ тяжелымъ мыслямъ, къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ. Посмотримъ же, однако, каковы будутъ выводы о большинствѣ людей, имъ изображаемыхъ, если мы пристальнѣе всмотримся въ жизнь этихъ людей.

Въ каждомъ обществѣ есть люди съ дурнымъ сердцемъ, съ душою рѣшительно низкою. И въ древнемъ Римѣ, отечествѣ героевъ, были трусы, и въ Германіи, классической странѣ честности, есть люди коварные, недоброжелательные. Есть они и во Франціи, и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Есть такіе люди и въ нашемъ обществѣ. Попадаются они и въ числѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ. Таковъ, напримѣръ, Порфирій Петровичъ, принадлежащій къ семейству Чичиковыхъ, но отличающійся отъ Павла Ивановича Чичикова тѣмъ, что не имѣетъ его мягкихъ и добропорядочныхъ формъ, и болѣе Павла Ивановича покрытъ грязью всякаго рода; такова, напримѣръ, мать пріятнаго семейства, Марья Ивановна Размановская; таковы два-три изъ числа преступниковъ, находимыхъ Щедринымъ въ городской тюрьмѣ; таковъ особенно безъименный господинъ, элегантный и просвѣщенный, монологъ котораго мы читаемъ въ очеркѣ, имѣющемъ заглавіе «Озорники»,— гнуснѣе этого человѣка читатель не находитъ во всей книгѣ Щедрина. Этихъ людей защищать нельзя. Они дѣйствительно злы и ненавистны. Но въ толпѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ, они составляютъ очень малочисленное меньшинство, какъ дѣйствительно составляютъ меньшинство довольно малочисленное и въ нашемъ обществѣ. Другіе люди не таковы: въ нихъ вы откроете подлѣ дурныхъ качествъ и нѣкоторыя черты, примиряющія васъ съ ихъ личностью. Дурные поступки и привычки ихъ извиняются обстоятельствами ихъ жизни и нравственною близорукостью, навѣянною на нихъ туманной средой, въ которой развились и живутъ они. Они часто не замѣчаютъ разницу между хорошимъ и дурнымъ, не умѣютъ понимать дурноты многаго дурнаго; но тѣхъ-то дѣлъ, дурноту которыхъ они понимаютъ, они стараются не дѣлать; они отвращаются отъ такихъ дѣлъ, гнушаются ими; если же, по слабости характера или по ошибкѣ, или по тяжелому стеченію обстоятельствъ, случится имъ сдѣлать поступокъ, дурныя стороны котораго они понимаютъ, то они осуждаютъ себя за этотъ поступокъ и осуждаютъ искренно. Такихъ людей нельзя назвать дурными по сердцу. Кромѣ того, они даже не лишены нѣкоторыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ стремленій. «Какъ? въ подъячемъ, разсказывающемъ о прошлыхъ временахъ, или въ Ижбурдинѣ съ товарищами, вы находите, вмѣстѣ съ дурными чертами, и нѣкоторыя качества, заслуживающія извиненія?» замѣтитъ иной читатель, безусловно ихъ

осудившій:—«вы находите, что эти люди могутъ дѣлаться людьми честными и, чего добраго,—вы пожалуй скажете, могутъ сдѣлаться даже людьми добродѣтельными: не слишкомъ ли много этимъ сказано?» Это мы посмотримъ. Но прежде всего напомнимъ, что не оправдывать или извинять ихъ пороки мы хотимъ, а говоримъ только, что даже и въ этихъ порочныхъ людяхъ человѣческій образъ не совершенно погибъ, и, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы и эти люди отстать отъ своихъ дурныхъ привычекъ.

Вотъ, напримѣръ, разберемъ поближе обстоятельства и жизнь подъячаго, разсказывающаго о прошлыхъ временахъ, и, быть можетъ, мы увидимъ, что онъ въ сущности не такой безсовѣстный и бездушный человѣкъ, какъ можетъ представляться на первый взглядъ. Если мы вздумаемъ судить по понятіямъ отвлеченнымъ отъ жизни, то, конечно, надобно будетъ сказать, что онъ могъ найти въ различныхъ честныхъ промыслахъ средство пріобрѣтать недостающія ему деньги. Онъ могъ заняться какимъ нибудь ремесломъ. Такъ; но всѣ эти занятія считаются неблагородными, и общество строго осудило бы засѣдателя. Можно ли порицать человѣка за то, что онъ, по своимъ понятіямъ, не выше того общества, въ которомъ выросъ и живетъ, или не имѣетъ такой энергіи характера, чтобы пойти наперекоръ общественнымъ предразсудкамъ?—Но одни ли предразсудки удерживали подъячаго отъ другихъ занятій? Нѣтъ, такія занятія были бы для него опасны: они повредили бы его службѣ. О немъ подумали бы, что онъ службою занимается только для формы, пренебрегаетъ ею для своего ремесла, и онъ скоро прослылъ бы неисправнымъ, нерадивымъ человѣкомъ. Это помѣшало бы его повышенію по службѣ, а можетъ быть повлекло бы за собою и потерю того мѣста, которое онъ уже занималъ. Какъ бы то ни было, этотъ человѣкъ прежде всего чиновникъ и больше всего долженъ дорожить своею служебною карьерою. Можно ли осуждать его за то, что онъ не рѣшается заняться дѣломъ, которое было бы вредно его служебной карьерѣ? Кромѣ того дѣйствительно ли была ему возможность заняться какимъ нибудь ремесломъ? Нечего говорить о томъ, что ремесло требуетъ изученія, а онъ не наученъ ничему. Но возьмемъ другое условіе. Производителю нужны покупщики, а гдѣ бы онъ нашелъ ихъ? Существующему запросу на товары уже удовлетворяютъ цеховые ремесленники и торговцы. Онъ не нашелъ бы покупщиковъ для своихъ произведеній или долженъ былъ бы продавать

въ убытокъ. И такъ засѣдателю Земскаго суда неприлично предъ обществомъ, вредно по службѣ, убыточно въ экономическомъ отношеніи и наконецъ невозможно по личной его неприготовленности. искать пособій для своего существованія въ какомъ нибудь торговомъ или промышленномъ занятіи. Но почему бы не заняться ему ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ? Опять-таки практическая невозможность. Ходатайствовать по мелкимъ дѣламъ вовсе невыгодно, какъ видимъ по образу жизни отставныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ родѣ Ризположенскаго (въ комедіи г. Островскаго «Свои люди—сочтемся») и Перегоренскаго (въ «Губернскихъ Очеркахъ»). Единственное вознагражденіе, на которое они могутъ разсчитывать,—нѣсколько рюмокъ или стакановъ водки: домашній бытъ ходатая по дѣламъ не улучшится отъ такихъ вознагражденій. А ходатайство по важнымъ дѣламъ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ не поручатъ; для того выберутъ агента поважнѣе, нежели уѣздный чиновникъ или столоначальникъ губернскаго мѣста. Но самое важное обстоятельство здѣсь та привычка, которую мы очень хорошо знаемъ изъ Гоголя и его послѣдователей. Люди, заинтересованные въ какомъ нибудь дѣлѣ, находятъ, что гораздо удобнѣе для нихъ обращаться съ своими желаніями прямо къ тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится производство ихъ дѣлъ, и считаютъ вовсе невыгоднымъ для себя имѣть какихъ либо другихъ ходатаевъ по дѣламъ. При нашихъ провинціальныхъ нравахъ адвокаты совершенно излишни. Ихъ совѣты совершенно замѣняются усердіемъ чиновниковъ, производящихъ дѣло, которые всегда готовы помочь добрымъ совѣтомъ тяжущемуся: они объяснятъ ему, какъ начать дѣло, какое направленіе давать ему, на какіе законы опираться, какія средства употребить для направленія дѣла въ его пользу,—къ чему же тутъ еще ходатай по дѣламъ, изъ людей постороннихъ производству дѣла.

Такимъ образомъ, постороннихъ средствъ къ увеличенію своихъ доходовъ для нашего подъячаго не существовало. Онъ долженъ былъ извлекать всѣ свои доходы единственно изъ своихъ должностныхъ занятій. Онъ видѣлъ какъ поступаютъ другіе, и видѣлъ для самого себя необходимость поступить такимъ же образомъ. Слѣдовать примѣру, дѣло очень натуральное, и никто не долженъ обременять какими либо упреками человѣка, поступающаго такъ, какъ поступаютъ всѣ. Хороша ли, дурна ли общая привычка, во всякомъ

случаѣ они уничтожаютъ всякую заслугу или вину въ человѣкѣ, ея держащемся. Но довольно ли сказать, что общая привычка только *извиняетъ* отдѣльнаго человѣка, ей слѣдующаго? Обычай никогда не возникаетъ безъ причины; онъ всегда создается необходимою силою историческихъ обстоятельствъ. Если товарищи нашего разсказчика о прошлыхъ временахъ и ихъ предшественники съ незапамятныхъ временъ подчинялись той же самой дурной привычкѣ, какъ и онъ,—надобно думать, что были какія нибудь обстоятельства, недопускавшія ихъ измѣнить этой привычкѣ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ указываетъ намъ самъ подъячій-разсказчикъ: «Жили мы какъ у Христа за пазушкой, говоритъ онъ. Съѣздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше нечего не хочешь». Въ другомъ мѣстѣ, начиная разсказывать о городничемъ Фейерѣ, онъ замѣчаетъ: «Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь—онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ, да ею же кого слѣдуетъ и удавитъ». Иначе сказать: каждое общественное положеніе, давая человѣку извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на него и извѣстныя обязанности. Кто не хочетъ или не можетъ исполнять обязанностей, возлагаемыхъ на него положеніемъ, въ которое онъ поставленъ, тотъ долженъ лишиться и занятаго имъ положенія. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго.

Возвратимся же къ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ. Мы заговорили о томъ, что онъ былъ бы не совсѣмъ правъ, если бы не подчинялся общепринятымъ привычкамъ. Мы надѣемся, что наши слова не будутъ поняты читателями въ ложномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многія привычки, бываютъ соединены съ нѣкоторыми невыгодами и нуждаются въ благоразумныхъ измѣненіяхъ. Мы хотимъ только сказать, что не всякому прилично дѣйствовать въ противность общепринятымъ обычаямъ. Возьмемъ примѣръ незначительный—наши моды. Фракъ—костюмъ неудобный и неприличный. Надобно было бы желать, чтобы онъ былъ замѣненъ сюртукомъ, пальто или какимъ нибудь другимъ подобнымъ костюмомъ. Если бы знаменитые люди въ исторіи модъ, д'Орсе или Бруммель, вздумали рѣшительно возстать противъ фрака и начали

бы являться на балы въ сюртукахъ, очень вѣроятно, что ихъ дѣло осталось бы не безъ вліянія на моду. Но каковы будутъ результаты, если это захочетъ сдѣлать какой нибудь г. Ивановъ, Петровъ или Шапошниковъ, и безъ того допускаемый въ такъ называемое лучшее общество почти только изъ милости? Пусть онъ попробуетъ явиться на балъ въ сюртукѣ или пальто,—его всѣ назовутъ невѣжею; знакомые его деликатно намекнутъ ему, чтобы онъ удалился изъ общества, куда явился въ неприличномъ костюмѣ и, если онъ не послушается этихъ дружескихъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему шопотомъ, то они будутъ повторены уже вовсе не дружескимъ тономъ другими людьми. Произойдетъ сцена, непріятная для хозяина дома, непріятная для всего собравшагося общества, а болѣе всѣхъ непріятная для самого г. Иванова, Петрова или Шапошникова. Какъ бы ни были разумны и блестящи оправданія съ его стороны, какъ бы ни были хороши его намѣренія, онъ все-таки принужденъ будетъ удалиться изъ общества, нравы котораго оскорбилъ, спокойствіе котораго возмутилъ. Не легко будетъ потомъ ему возвратить къ себѣ снисходительное вниманіе, которымъ его до сихъ поръ удостоивали, не легко будетъ снова получить доступъ въ лучшее общество, хотя бы онъ искренно раскаялся въ своемъ неблагоразумномъ поступкѣ. Если же онъ будетъ упорствовать въ своей рѣшимости—являться въ сюртукѣ тамъ, гдѣ всѣ во фракахъ, то, конечно, онъ будетъ навсегда изгнанъ изъ такихъ собраній, и общественное мнѣніе, по всей справедливости, объявитъ его человѣкомъ, котораго нельзя принимать ни въ какое порядочное общество. Вѣроятно, нѣтъ надобности прибавлять, что примѣръ, поданный такъ неудачно и неприлично г. Ивановымъ или Петровымъ, не найдетъ ни одного подражателя; что пока памятенъ будетъ этотъ примѣръ, каждый изъ людей, подобныхъ этому Петрову и Иванову по своему положенію въ обществѣ, будетъ ужасаться при одной мысли возстать противъ фрака.

Мы взяли такое дѣло, исполненію котораго нѣтъ рѣшительно никакихъ препятствій, кромѣ привычки. Но только въ такихъ ничтожныхъ, чисто формальныхъ вещахъ, какъ вопросъ о фракѣ и сюртукѣ, привычка не имѣетъ важныхъ фактическихъ основаній. Какъ скоро житейскій вопросъ имѣетъ хотя малѣйшій хорошій или дурной смыслъ, общее привычное рѣшеніе его бываетъ непремѣнно основано на какихъ нибудь важныхъ житейскихъ фактахъ. Возь-

мемъ, напримѣръ, хотя бы дѣло о нашей старинной привычкѣ пускаться въ дорогу, набравъ съ собою многое множество всякой провизіи. Тарантасъ заваленъ булками, хлѣбами, жареными гусями и тому подобнымъ. Неудобства возникаютъ чувствительныя: сѣсть не ловко, поворотиться нельзя стѣсненному путнику; вздумалъ онъ опереться,—подъ локтемъ трещатъ банки съ вареньемъ или солеными огурцами; вздумалъ протянувъ ногу — грязный сапогъ втиснулся въ индюшку или въ сдобный пирогъ. Черезъ день, зимою—всѣ припасы замерзли и потеряли вкусъ, лѣтомъ—начали портиться и непріятно отзываются на нервы обонянія. Все это справедливо,—но чтожь дѣлать? Какъ было не брать съ собою всѣхъ этихъ припасовъ, когда по дорогамъ не было возможности достать кусокъ бѣлаго хлѣба, не вездѣ можно было найти хотя бы десятокъ яицъ или крынку молока?

Вы видите, что недостаточно было объяснять нашему путнику неудобства, которымъ его подвергаетъ старая привычка. Быть можетъ, онъ самъ не хуже насъ, и безъ васъ, понималъ всѣ эти неудобства; быть можетъ, онъ даже посмѣялся бы надъ вашею охотою доказывать и раскрывать неудобства, и безъ того всѣмъ извѣстныя и очевидныя. Тутъ надобно было сдѣлать нѣчто другое. Это нѣчто другое уже и сдѣлано на многихъ дорогахъ: устроены порядочныя гостинницы; и, какъ видите, на этихъ дорогахъ безъ всякихъ толковъ со стороны поэтовъ, романистовъ, философовъ и филантроповъ, или быстро исчезаетъ, или уже совершенно исчезла привычка забирать съ собою изъ дому грузъ съѣстныхъ припасовъ. Можно прибавить еще одно замѣчаніе. Гостинницы не вездѣ возникли по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью: во многихъ мѣстахъ они заведены мудрою предусмотрительностію администраціи, и благое содѣйствіе, ею оказанное, было основаніемъ всѣхъ улучшеній въ способахъ и привычкахъ нашихъ разъѣздовъ по родинѣ.

Мы не имѣемъ особенной наклонности защищать предразсудки, но нельзя не сказать, что такъ называемые люди безъ предразсудковъ не всегда съ достаточной внимательностью разсматриваютъ основанія, изъ которыхъ возникъ обычай, кажущійся предразсудкомъ. Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ. Надобно ожидать, что многіе, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью до настоящей страницы, скажутъ: «Подъячаго все-таки нельзя оправдать. Если ему нельзя было соединить своей карьеры съ исполненіемъ непре-

клонныхъ нравственныхъ убѣжденій, то зачѣмъ онъ избралъ эту карьеру? Есть на свѣтѣ много другихъ, честныхъ занятій, неоставляющихъ честнаго человѣка безъ средствъ къ довольству въ жизни. Онъ увлекся предразсудкомъ, заставляющимъ предпочитать службу всякому другому роду занятій». Предразсудокъ этотъ существуетъ не у насъ однихъ. Онъ очень силенъ также во Франціи и въ Германіи. И въ тѣхъ странахъ постоянно слышатся очень раціональныя и многословныя доказательства противъ него. Помнится, когда-то Тьеръ въ очень длинной и блестящей рѣчи доказывалъ, что напрасно молодые люди во Франціи непремѣнно хотятъ быть чиновниками: «будьте купцами, будьте ремесленниками, будьте земледѣльцами, говорилъ онъ своимъ юнымъ соотечественникамъ.— Повѣрьте, что этотъ родъ занятій будетъ и выгоднѣе для васъ, и полезнѣе для вашей родины». Затѣмъ онъ обращался къ отцамъ и матерямъ и заклиналъ ихъ всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ: любовью къ отечеству, любовью къ дѣтямъ, не допускать къ себѣ и мысли о томъ, чтобы воспитывать дѣтей для чиновничества, и ни подъ какимъ видомъ не дозволять этимъ неопытнымъ птенцамъ совращаться съ полезнаго и почтеннаго поприща земледѣльческаго, промышленнаго и т. п. Не оказали ни малѣйшаго дѣйствія эти благонамѣренныя увѣщанія. Вѣроятно потому, что факты не уступаютъ никакимъ увѣщаніямъ, а подчиняются только силѣ другихъ фактовъ. Поэтому надобно думать, что во Франціи и Германіи предпочтеніе чиновнической карьеры всякому другому роду занятій не есть только предразсудокъ а основывается на какихъ нибудь фактахъ. И не трудно отъискать эти факты. Во Франціи, напримѣръ, еще не очень давно, только личность тѣхъ людей, которые занимались государственной службой, была ограждена отъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Какой нибудь интендантъ могъ ни за что, ни про что посадить въ тюрьму самого почтеннаго и богатаго негоціанта и постоянно третировалъ его почти также, какъ своего лакея. На интенданта нельзя и сердиться за то. У него и его подчиненныхъ была въ рукахъ рѣшительно вся власть, и очень натурально было ему, человѣку, облеченному властію, смотрѣть на людей, не имѣвшихъ никакой власти, какъ на людей другой, низшей породы. А какъ скоро образовалось такое понятіе о различіи породъ, ходъ дѣла извѣстенъ. Съ людьми низшей породы конечно не будутъ обращаться такъ, какъ съ подобными себѣ. Примѣръ тому

мы видимъ въ отношеніяхъ между различными расами въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: бѣлый съ бѣлымъ тамъ чрезвычайно деликатенъ, но съ чернымъ обращается онъ совершенно иначе.—Нѣкогда было предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ и въ Англіи. Тамъ оно основывалось на другой причинѣ, извѣстной нашимъ читателямъ изъ разсказовъ Маколея. Съ служебными должностями были соединены огромные доходы. Въ концѣ XVII вѣка не было въ Англіи ни одного негоціанта, ни даже землевладѣльца, который доходами своими равнялся бы лорду намѣстнику Ирландіи или лорду президенту. Мало было землевладѣльцевъ или негоціантовъ, которые получали бы по пяти тысячъ фунтовъ; но въ государственной службѣ было много такихъ мѣстъ, которыя доставляли по 5,000 фунтовъ дохода. Въ Англіи факты, на которыхъ основывалось предпочтеніе службы всякому другому занятію, давно исчезли. Вслѣдъ за ними изчезло и пренебреженіе всякою другою карьерою для служебной. Во Франціи, тѣ отношенія, о которыхъ упомянули мы, не совсѣмъ еще исчезли. Потому еще продолжаетъ существовать во французскомъ обществѣ и предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ. Вообще надобно сказать, что общественныя предупрежденія и пристрастія быстро исчезаютъ изъ нравовъ народа, какъ скоро уничтожаются факты, которыми они поддерживались. Если же какой нибудь обычай, повидимому, неразумный и невыгодный, упорно держится въ народныхъ нравахъ, то не спѣшите называть его просто слѣдствіемъ предупрежденій. Надобно прежде поискать, не опирается ли онъ на какихъ нибудь фактахъ? Осуждать національные обычаи очень легко, но за то и совершенно безполезно. Упреками дѣлу не поможешь. Надобно отъискать причины, на которыхъ основывается непріятное намъ явленіе общественнаго быта, и противъ нихъ обратить свою ревность. Основное правило медицины: «отстраните причину, тогда пройдетъ и болѣзнь»,—sublata causa, tollitur morbus.

Мы не расположены осуждать подъячаго прошлыхъ временъ за его пристрастіе къ службѣ, уже и потому, что если бы онъ оставилъ службу, его мѣсто было бы занято другимъ, который находился бы точно въ такомъ же положеніи. Слѣдовательно тутъ измѣненіе могло бы быть только въ фамиліи лица, а не въ сущности дѣла.

Мы опять далеко уклонились отъ нашего подъячаго прошлыхъ

временъ, вовсе не подозрѣвавшаго, что кто нибудь можетъ сказать ему: зачѣмъ ты предпочелъ службу какому нибудь ремеслу? Навѣрное, онъ нашелъ бы такой вопросъ нелѣпымъ, и весь тотъ городокъ, въ которомъ онъ служилъ, также въ одинъ голосъ объявилъ бы этотъ нелѣпый вопросъ дѣйствительно нелѣпымъ. Такъ или иначе, нашъ подъячій служилъ и не могъ не сообразоваться на службѣ съ общепринятыми правилами. Посмотримъ же теперь, какова была его служба и справедливо ли было бы сказать, что онъ дѣйствовалъ на службѣ противъ своей совѣсти или оскорбилъ чѣмъ нибудь общее мнѣніе, которымъ воспитался и руководился. Онъ человѣкъ не безъ грѣховъ; но чтожь въ томъ особеннаго? Всѣ мы смертны и грѣшны. Героевъ добродѣтели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ очень мало. Онъ бралъ взятки, это правда. Но его товарищи дѣлали тоже самое, и даже тѣ люди, съ которыхъ онъ бралъ взятки, были убѣждены, что безъ благодарности ни одно дѣло ни кѣмъ не дѣлается. Всѣ они осуждали только такихъ взяточниковъ, которые, взявъ деньги, не исполняютъ дѣла, за которое получена взятка, или прибѣгаютъ къ особенному обману, или къ особеннымъ жестокостямъ. Онъ ничего такого не дѣлалъ: разсмотримъ его похожденія. Онъ пріѣхалъ въ Шарковскую область для собранія подати. Поселяне знаютъ, что подать нужно заплатить, но они просятъ его подождать до того времени, пока они продадутъ новый хлѣбъ. Согласиться или несогласиться на эту просьбу—въ его власти: онъ имѣетъ право требовать подати теперь же. За каждую добровольную уступку человѣкъ можетъ ожидать вознагражденія отъ тѣхъ, въ пользу кого дѣлается уступка. Такъ думаютъ поселяне, такъ думаетъ и онъ. Потому обѣимъ сторонамъ кажется очень естественнымъ требованіе нашего подъячаго прежнихъ временъ, чтобы ему за его снисходительность дали приличное вознагражденіе. Конечно, какъ и при всякой сдѣлкѣ, тутъ происходятъ споры о цифрѣ. Конечно, сторона, дающая вознагражденіе, не совсѣмъ охотно разстается съ деньгами; но и тутъ нѣтъ ничего особеннаго: сама по себѣ уплата ни для кого ни въ какомъ случаѣ не есть что либо пріятное

Противъ такого понятія читатель замѣтитъ, что точка зрѣнія, съ которой смотрятъ на изложенное нами дѣло подъячій и поселяне, совершенно фальшива. Конечно, эти люди ошибаются въ своихъ понятіяхъ, но дѣло не въ томъ. При обсужденіи вопроса: чест-

но или безчестно поступаетъ человѣкъ, должно смотрѣть не на то, справедливы ли его убѣжденія, а на то, дѣйствительно ли онъ поступаетъ сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Перечитавъ разсказы подъячаго прошлыхъ временъ, мы видимъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ поступалъ согласно своему убѣжденію о сущности своего званія, своихъ правъ и своихъ обязанностей, и что это убѣжденіе раздѣлялось тѣми людьми, съ которыми онъ заключалъ свои сдѣлки. Потому образъ его дѣйствій вообще не заслуживалъ особеннаго порицанія.

Какъ человѣкъ, не отличавшійся ни геніальнымъ умомъ, ни желѣзнымъ характеромъ, онъ иногда подчинялся вліянію людей, натура которыхъ была сильнѣе его натуры,—и въ томъ нѣтъ ничего, особенно безчестнаго. Когда эти сильнѣйшія натуры бывали дурны, нашъ подъячій вовлекался въ такіе поступки, которыхъ не сдѣлалъ бы самъ по себѣ. Однакожь и тутъ мы не видимъ, чтобы онъ слишкомъ далеко уклонялся отъ правилъ, внушаемыхъ ему его убѣжденіями. Разберемъ самое дурное изъ этихъ дѣлъ. Чтобы читатель не могъ предполагать укрывательства какихъ нибудь обстоятельствъ изъ пристрастія къ нашему подъячему, мы вполнѣ выпишемъ весь этотъ эпизодъ.

„Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина мильонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ намъ отъ него прибыли, да и только! такъ держитъ ухо востро, что-на́-поди. Развѣ только иногда чайкомъ поподчуетъ, да бутылочку холодненькаго разопьетъ съ нами—вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

„Чтоже бы вы думали? Ѣдемъ мы однажды съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли неподалеку отъ фабрики. Ѣдемъ мы это мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ, подлецъ, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю: выдумываетъ онъ что нибудь, право, выдумываетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день, сидимъ мы это утромъ и опохмѣляемся.

„— А что, говоритъ: — дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалитъ?

„— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи!

„— А вотъ увидишь; садись и пиши:

„Свиногорскому 1-й гильдіи купцу, Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣніе. По указаніямъ такихъ-то и такихъ-то поселянъ (валяй больше) вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ тако-

выми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить".

„— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ!

„— Ужь дѣлай что говорятъ.

„Да только засвисталъ свою любимую: „*При дороженькѣ стояла*", а какъ былъ чувствителенъ, и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

„Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ, блѣдный весь.

„— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

„— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ нечего чаю, а ты прудъ, спущать вели.

„— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

„— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать,—указъ есть.

„Слово за словомъ, купецъ видитъ, что шутки тутъ плохія, хоть и впрямь прудъ спущай; заплатилъ три тысячи,—ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только я вамъ скажу, на угощеньи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и разскажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите ли, такъ обозлилась борода, что даже закоченѣлъ весь!

Дѣло очень дурное, скажетъ читатель, и мы скажемъ вмѣстѣ съ нимъ, только прибавимъ: очень дурное по нашимъ понятіямъ, но не по мнѣнію людей, въ немъ учавствовавшихъ: съ ихъ точки зрѣнія также было въ этомъ дѣлѣ обстоятельство, не совсѣмъ похвальное; но каково это обстоятельство, мы узнаемъ отъ нихъ самихъ. Чиновникамъ не было прибыли отъ богатаго фабриканта. Чиновники считали фабриканта дурнымъ человѣкомъ за то, что онъ не исполняетъ своихъ обязанностей, относительно къ нимъ (нашъ подъячій прямо называетъ его подлецомъ); самъ фабрикантъ смотрѣлъ на себя, не какъ на человѣка, отклоняющаго несправедливыя притязанія, а какъ на человѣка, который по своему уму и своей ловкости, умѣетъ отклоняться отъ исполненія невыгодныхъ для него обязанностей. Чиновники обижены, купецъ гордится своимъ торжествомъ надъ ними. («Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ»). Наконецъ чиновники не-

рехитрили купца и получили отъ него прибыль. Купецъ озлобился; но за что? За то ли, что съ него взяли деньги? Нѣтъ. Хотя ему непріятно было платить, но онъ полагалъ, что обязанъ заплатить. Отдавши деньги, онъ начинаетъ пировать вмѣстѣ съ чиновниками и вмѣстѣ съ ними напивается пьянъ. Этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы считалъ себя обиженнымъ. Какъ человѣкъ гордый, онъ ушелъ бы изъ-за стола, еслибъ чувствовалъ себя обиженнымъ; какъ человѣкъ хитрый, онъ бы нашелъ благовидный предлогъ уйти. Но этого не было. Какъ видимъ, до сихъ поръ обѣ стороны остаются довольны полюбовною сдѣлкою. Но когда всѣ были на-веселѣ, Иванъ Петровичъ разсказалъ фабриканту свою хитрую выдумку—похвастался тѣмъ, что перехитрилъ его. Тутъ фабрикантъ обидѣлся, разсердился. За что же разсердился? Очевидно за то, что нашелся человѣкъ хитрѣе его и хвастается въ глаза ему тѣмъ, что перехитрилъ его. Мы съ самаго начала сказали, что между людьми, выводимыми въ «Очеркахъ» Щедрина, есть люди дурные, достойные порицанія, что Иванъ Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, что мы не хотимъ защищать его. Иванъ Петровичъ дѣйствительно былъ виноватъ и въ этомъ случаѣ; однако въ чемъ же состоитъ его проступокъ въ этомъ дѣлѣ? Онъ похвастался, онъ затронулъ амбицію человѣка,—это неделикатно. Но осуждая неделикатность Ивана Петровича, не забудемъ, что онъ началъ хвастаться, когда былъ уже на-веселѣ. Пока онъ былъ трезвъ, онъ былъ скроменъ. И тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лишняя чарка испортило дѣло.

За пристрастье къ чаркѣ осуждаетъ Ивана Петровича и нашъ подъячій, какъ осуждали, конечно, всѣ благомыслящіе люди. Если бы вы увидѣли тѣ пирушки, въ которыхъ участвовалъ нашъ подъячій, эти пирушки показались бы вамъ, безъ сомнѣнія, грязны и гадки. Но это потому, что вы человѣкъ другого воспитанія, другихъ привычекъ. Не будьте слишкомъ строги къ людямъ, неимѣвшимъ случая пріобрѣсть изящныя манеры и тонъ лучшаго общества. Вѣдь вы не осуждаете вашего пріятеля, когда онъ за обѣдомъ выпиваетъ стаканъ бургонскаго или шампанскаго? Вы находите дурнымъ только то, если вашъ пріятель пьетъ неумѣренно. Точно также судитъ и нашъ подъячій. Онъ строго осуждаетъ Ивана Петровича за подобный порокъ «былъ въ Иванѣ Петровичѣ грѣхъ», говоритъ подъячій, «къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ какое-то остервенѣніе. Конечно, и всѣ мы этого придержива-

лись, да все же въ мѣру: сидишь себѣ да благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣру не зналъ, напивался даже до безобразія лица». Видите-ль, нашъ подъячій не только не пьяница, онъ гнушается пьяницами. Видите ли,— если случилось ему въ дружеской бесѣдѣ выпить нѣсколько рюмокъ, то никогда не напивался онъ до-пьяна. Ни одинъ изъ друзей, ни мать, ни жена, конечно, не осуждали его за то, что онъ не отказывается отъ рюмки водки.

Взятка, по мнѣнію подъячаго прошлыхъ временъ, есть полюбовная сдѣлка. Онъ никогда не прибѣгалъ для заключенія сдѣлки къ мѣрамъ, которыя бы казались насильственными въ глазахъ его и общества, среди котораго онъ жилъ («истязаній и вымогательствъ» онъ не употреблялъ самъ и неодобрялъ въ Иванѣ Петровичѣ). Мало того, свои желанія онъ выражалъ деликатнымъ и ласковымъ образомъ. («И все это ласковымъ словомъ», говоритъ онъ самъ). И такъ, онъ былъ человѣкъ мягкаго характера. За уступки и льготы, которыя давалъ онъ поселянамъ, получалъ онъ вознагражденье — это правда, но какимъ образомъ получалъ его? Пріѣдетъ онъ въ село по какому нибудь дѣлу; поселяне просятъ чтобы онъ скорѣе отпустилъ ихъ. «Тутъ и смекаешь: коли ребяты сговорчивы, отчегожь имъ и удовольствіе не сдѣлать? а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ шалишь! по три пятака, дешевле не моги и думать«.

Такимъ образомъ, самый предубѣжденный противъ нашего подъячаго читатель долженъ согласиться, что въ общественной дѣятельности этого подъячаго не было ничего, считавшагося дурнымъ или нечестнымъ во мнѣніи какъ этого подъячаго съ его товарищами, такъ и тѣхъ людей, которые имѣли съ ними дѣло. Напротивъ, были черты, свидѣтельствовавшія о мягкости добротѣ характера, о благорасположеніи ко всякому хорошему человѣку, о желаніи каждому принести пользу. Поступки, совершаемые подъячимъ, дурны. Люди съ подобными ему понятіями вредны для общества. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сами по себѣ эти люди непремѣнно были дурными людьми. Повторяемъ то, что уже нѣсколько разъ говорили выше. Хвалить и бранить можно только людей эксцентрическихъ

поступающихъ не такъ, какъ поступаетъ огромное большинство людей въ ихъ время и въ ихъ положеніи. Привычки и правила, руководящія обществомъ, возникаютъ и сохраняются вслѣдствіе какихъ нибудь фактовъ, независимыхъ отъ воли человѣка, имъ слѣдующаго; на нихъ надобно смотрѣть непремѣнно съ исторической точки зрѣнія. Въ каждомъ классѣ общества, какой бы странѣ, какому бы времени ни принадлежало это общество, каковы бы ни были понятія и привычки, имъ пріобрѣтенныя вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, огромное большинство людей всегда имѣетъ наклонность къ доброжелательству и правдѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что нашъ подъячій старыхъ временъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Съ этой стороны онъ очень точно обрисованъ г. Островскимъ въ послѣдней его комедіи. Бѣлогубовъ—большой руки взяточникъ; но посмотрите на него въ домашнемъ быту, и вы убѣдитесь, что онъ человѣкъ очень добрый, и въ родственныхъ отношеніяхъ даже благородный. Тотъ, кто щедро помогаетъ своей бѣдной тещѣ, при всей несносной сварливости ея характера, кто не жалѣетъ ничего, чтобы помочь бѣдной свояченицѣ и ея мужу, хотя этотъ мужъ постоянно оскорблялъ и оскорбляетъ его самымъ чувствительнымъ образомъ, тотъ, воля ваша, не есть дурной человѣкъ.

Мы очень долго останавливались на разсказахъ подъячаго о прошлыхъ временахъ. Не знаемъ, нужно ли было такъ подробно доказывать нашу мысль, справедливость которой очевидна для каждаго, опытомъ извѣдавшаго жизнь и людей, и не остановившагося на безплодномъ чувствѣ разочарованности, чувствѣ, приличномъ неопытному юношѣ, воображающему себя и всѣхъ на свѣтѣ героями и красавцами, но нелѣпо въ человѣкѣ, который уже привыкъ смотрѣть на свѣтъ глазами безпристрастнаго наблюдателя. Лично намъ казалось бы даже скучно толковать о такихъ несомнѣнныхъ вещахъ.

Было бы утомительно и безполезно столь же долго останавливаться на другихъ типахъ взяточниковъ, выводимыхъ Щедринымъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, дурныхъ по сердцу людей, на которымъ мы указали въ началѣ статьи и которые могутъ служить для рельефности картины, но по своей малочисленности не могутъ имѣть особенной важности въ общественныхъ вопросахъ: о каждомъ изъ остальныхъ взяточниковъ надобно сказать почти тоже самое, что о подъячемъ прошлыхъ временъ. Сходства между ними гораздо больше,

нежели разницы, которая вообще ограничивается только различіемъ темпераментовъ: у одного характеръ вспыльчивый, у другаго—спокойный; у одного—прямой, у другого—скрытный; у одного—веселый, у другаго—печальный или скучный; у одного—смѣлый, у другого—боязливый. Съ той точки зрѣнія, на которую мы стали, эта разница не имѣетъ первостепенной важности. Извѣстно, что различіе темпераментовъ не мѣшаетъ почти одинаковому подчиненію всѣхъ людей общественнымъ привычкамъ и понятіямъ и неотразимому вліянію общихъ историческихъ фактовъ. Вмѣсто того, чтобы о каждомъ изъ этихъ людей повторять почти тоже самое, что мы должны были сказать о подъячемъ прошлыхъ временъ, мы взглянемъ на представителей другого класса людей, послушаемъ бесѣду трехъ негоціантовъ о томъ, «что такое комерція»? Мы уже замѣчали, что, подобно подъячему прошлыхъ временъ, Палохвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ могутъ представляться поверхностному взгляду людьми, лишенными всякаго понятія о честности, «аматерами» зла, по выраженію подъячаго прошлыхъ временъ. Каждый изъ нихъ совершенно хладнокровно и даже съ похвальбою говоритъ о своихъ мошенничествахъ. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы придумать обманъ похитрѣе. Но когда мы безпристрастно выслушаемъ ихъ показанія о причинахъ, принуждающихъ ихъ вести свои дѣла подобнымъ образомъ, то придемъ къ заключенію такому же, какое сдѣлали о подъячемъ прошлыхъ временъ.

Людямъ, составляющимъ огромное большинство публики, частный бытъ нашихъ купцовъ менѣе извѣстенъ по опыту, нежели бытъ чиновниковъ. Почти каждый изъ насъ имѣетъ въ числѣ своихъ близкихъ знакомыхъ нѣсколько провинціальныхъ чиновниковъ. Это составляетъ важную выгоду для отверженія предразсудковъ противъ нравственныхъ качествъ чиновничьяго класса, Находя въ числѣ своихъ знакомыхъ чиновниковъ людей достойныхъ полнаго уваженія въ частномъ быту, каждый изъ насъ уже до нѣкоторой степени расположенъ выслушать апологію чиновничьяго класса вообще. Не таково отношеніе большинства публики къ классу купцовъ. Быть можетъ, половина нашихъ читателей не имѣла съ купцами никакихъ другихъ сношеній, кромѣ дѣловыхъ. Сошлемся же на свидѣтельство тѣхъ изъ нашихъ читателей которые имѣли случай близко сходиться съ купцами, какъ добрые знакомые, бывали въ купеческихъ семействахъ, подобно Щедрину, домашними людьми.

Конечно, ни одинъ изъ нихъ не откажется согласиться съ Щедринымъ, выводящимъ въ разсказѣ «Христосъ воскресъ», свѣтлыя личности этого сословія. Мы ни мало не расположены считать купеческій, или мѣщанскій, или крестьянскій бытъ идеаломъ русской жизни, мы совершенно признаемъ вѣрность тѣхъ красокъ, какими рисуются купцы въ «Ревизорѣ» и «Женитьбѣ» Гоголя, въ комедіи г. Островскаго «Свои люди—сочтемся» и въ сценѣ Щедрина «Что такое коммерція?» Но безпристрастіе обязываетъ насъ сказать, что люди, подобные Подхалюзину (въ комедіи г. Островскаго), должны быть отнесены къ исключеніямъ, довольно малочисленнымъ. Всѣ тѣ добрыя качества, которыми любитъ гордиться русскій народъ, принадлежатъ также огромному большинству нашихъ купцовъ. Каковы бы ни были ихъ нравы и привычки, но вообще они люди не только доброжелательные, но и положительно добрые. Готовность помочь и услужить сильна почти въ каждомъ изъ нихъ. Дай Богъ, чтобы въ другихъ классахъ нашего народа и въ людяхъ другихъ земель было такъ сильно развито сознаніе обязанности—дать средства къ пріобрѣтенію независимаго положенія тѣмъ людямъ, доброй службѣ которыхъ обязанъ бываетъ человѣкъ своимъ собственнымъ благосостояніемъ: рѣдкій изъ нашихъ провинціальныхъ купцовъ, если имѣетъ вѣрнаго прикащика, не заботится о томъ, чтобы вывесть его въ люди, поставить на ноги, сдѣлать его самого купцомъ. Каковы бы ни были отношенія обыкновеннаго купеческаго образа мыслей къ понятію гуманности, но должно сказать, что съ прислугою своею купцы обращаются очень гуманно. Каждый кто знакомъ съ нравами купцовъ, легко увеличитъ этотъ слишкомъ краткій эпизодъ еще многими чертами внушающими уваженіе къ добрымъ качествамъ нашего купеческаго сословія въ частной жизни.

Если мы обратимся къ изученію картины дѣлового, общественнаго быта нашихъ купцовъ, представляемой сценою Щедрина «Что такое коммерція?» прежде всего мы увидимъ зависимость купеческихъ дѣлъ отъ чиновниковъ. Очень многіе изъ нашихъ купцовъ занимаются подрядами и поставками. Въ бо̀льшей части провинцій таково главное занятіе большей части значительнѣйшихъ купцовъ. По общему закону торговли во всѣхъ странахъ, образъ веденія коммерческихъ дѣлъ опредѣляется тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ первостепенные торговцы. Кромѣ того, каждый торговый человѣкъ имѣетъ по своимъ дѣламъ ежедневную надобность въ поли-

цейскомъ управленіи и судебномъ покровительствѣ. Такимъ образомъ привычки, издавна пріобрѣтенныя чиновничьимъ классомъ, опредѣляютъ своимъ характеромъ и порядокъ нашей торговли. Послѣ этого важнѣйшаго обстоятельства надобно принять въ соображеніе медленность и невѣрность торговыхъ оборотовъ, происходящую отъ употребительныхъ доселѣ средствъ сообщенія. Хлѣбная операція до сихъ поръ требовала у насъ цѣлаго года времени, иногда почти двухъ лѣтъ. При такомъ продолжительномъ срокѣ оборотовъ, всѣ шансы могутъ измѣниться. Почти таково же положеніе двухъ другихъ важнѣйшихъ послѣ хлѣба отраслей нашей торговли—торговли саломъ и льномъ. Удивительно ли, что подъ вліяніемъ двухъ столь важныхъ обстоятельствъ, купечество наше принуждено было прибѣгать къ оборотамъ, чуждымъ правильной торговлѣ? Не забудемъ и того обстоятельства, на которое часто съ прискорбіемъ указываютъ политико-экономисты. У насъ нѣтъ старинныхъ большихъ торговыхъ домовъ. Обыкновенно, богатые наши торговцы бываютъ люди, не наслѣдовавшіе никакого капитала, а бывшіе въ молодости торговцами очень бѣдными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они сохраняютъ привычки мелочной торговли и тогда, когда посредствомъ оборотовъ, ей свойственныхъ, пріобрѣли значительный капиталъ. Дѣти ихъ обыкновенно спѣшатъ промѣнять торговую дѣятельность на служебную. Эта привычка сильно осуждается многими. Но мы уже видѣли, что обычай всегда проистекаетъ изъ фактовъ быта. Осуждать людей за то, что они подчиняются вліянію фактовъ, невозможно. Справедливо только то, что нѣкоторые факты имѣютъ вліяніе невыгодное для общества. Отъ перехода разбогатѣвшихъ купеческихъ родовъ къ другимъ занятіямъ, вся внутренняя торговля наша находится въ рукахъ людей, которые или не имѣютъ значительныхъ капиталовъ, или сохранили привычку вести свои дѣла тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ люди, неимѣющіе капиталовъ. При недостаткѣ капиталовъ торговецъ не можетъ вести своихъ дѣлъ правильнымъ образомъ. Необходимость заставляетъ прибѣгать его къ изворотливости. Значительные торговцы въ другихъ странахъ, противодѣйствующіе такому порядку своимъ примѣромъ и торговымъ вліяніемъ, у насъ почти всегда сами слѣдуютъ той системѣ, какой держатся незначительные торговцы. Если мы сообразимъ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, то не будемъ понапрасну обвинять личный характеръ

людей торговаго класса. Мы опять прибѣгнемъ къ сравненію, заимствованному отъ одежды и путешествій. Если вамъ придется въ январѣ мѣсяцѣ ѣхать изъ Казани въ Москву въ обыкновенныхъ нашихъ саняхъ, я не имѣю права предполагать въ васъ недостатка вкуса за то, что вы надѣваете безобразные мѣховые сапоги. Быть можетъ, вы человѣкъ, отличающійся чрезвычайною любовью къ изяществу, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что вы не хуже моего чувствуете тяжесть мѣховыхъ сапогъ и неудобство ходить въ нихъ. Но что же вамъ дѣлать? Возможно ли вамъ отправляться въ вашу дорогу безъ этихъ неуклюжихъ и тяжелыхъ сапогъ? Я не имѣю даже права осуждать васъ, если вы презрительно посмѣетесь надъ моими выходками противъ вашихъ мѣховыхъ сапогъ. Но лучше не сердитесь на меня, а спокойно отвѣчайте, что когда у васъ будетъ теплый возокъ и медвѣжье одѣяло для ногъ, то вы безъ всякихъ указаній съ моей стороны будете путешествовать зимою въ тѣхъ самыхъ легкихъ, удобныхъ и красивыхъ сапогахъ, которые носите дома.

Купцы, выводимые Щедринымъ, сами указываютъ намъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ установились привычки ихъ торговли. Мы заимствуемъ изъ ихъ разговоровъ двѣ—три страницы. Палахвостовъ, старикъ, начавшій съ гроша и наторговавшій себѣ большое состояніе, съ нѣкоторою насмѣшкою замѣчаетъ Ижбурдину, человѣку среднихъ лѣтъ, только еще стремящемуся къ цѣли, ужь достигнутой Палахвостовымъ, что онъ, Ижбурдинъ, мечется во всѣ стороны, хватается за всѣ отрасли торговли, а не торгуетъ однимъ предметомъ, какъ напримѣръ, хлѣбомъ. Подлѣ этихъ двухъ главныхъ лицъ сидятъ: Сокуровъ, юноша, мечтающійся о томъ, какъ онъ будетъ жить на благородную ногу, когда получитъ наслѣдство послѣ старика Сокурова, купца мильонера, и Праздношатающійся, нѣчто въ родѣ фельетониста съ европейскими понятіями обо всемъ, между прочимъ, и о торговлѣ. Ижбурдинъ отвѣчаетъ на замѣчаніе Палахвостова указаніемъ невозможности заниматься одною отраслью торговли человѣку, не имѣющему большаго капитала:

„Да куда же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Ноньче, вонъ, пошли вездѣ выдумки—ничего и сообразить-то нельзя. Цѣна-то сегодня полтина, а завтра она рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходитъ, что тебѣ же шею наколотятъ; вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется,—ну мы и сукно по малости скупаемъ, и кожи

продаемъ: все это нашей совѣсти дѣло-съ. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лежневѣ на ярмаркѣ,—и что-что тамъ коммиссинеровъ наѣхало, ровно звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-съ ихнее дѣло простое. Казна имъ, примѣрно, хоть рубль отпущаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или, тамъ сорокъ копѣекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть не сподручно. Этотъ хоть, можетъ, и больше пользы дастъ, да оно не спокойно: неровенъ часъ, слѣдствіе или другая напасть—всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же и за отчетностью они запутаны; поди да каждаго росписываться заставляй, да урезонивай, чтобы онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ опытнымъ-то дѣло заведешь, оно и шито и крыто; первое дѣло, что хлопотъ никакихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему, какъ купецъ всякій знаетъ, что за такую механику и ему за одно съ коммиссинеромъ не сдобровать. Эта штука для насъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токмо что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

„Сокуровъ. (*важничая*). Да; съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать, всѣмъ намъ кормилица... (*наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся*). Не прикажите ли, не имѣемъ счастія знать по имени и по отечеству...

„Праздношатающійся. Съ охотою. (*Пьетъ*). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь тенерифъ достаете... отличный! И жжетъ и першитъ... славно! точно водка.

„Ижбурдинъ. Изъ Архангельска-съ; мы тоже и тамотка дѣла имѣемъ-съ.

„Праздношатающійся. (*Къ Сокурову*). Вотъ-съ вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

„Сокуровъ. Да-съ, это точно-съ, сами изволите знать... казна... выгодно...

„Палахвостовъ. Во то-то, молодецъ! брешешь! выгодно, а почему—объяснить не умѣешь.

„Ижбурдинъ. А вотъ позвольте... вы, вѣрно, коммиссинеръ?

„Праздношатающійся. (*обижаясь*). Почему же коммиссіонеръ?... Я просто, для своего удовольствія... Желательно, знаете, этакъ, по торговой части заняться...

„Ижбурдинъ. Такъ вы приказный? Понимаемъ-съ. Это точно, что ноньче приказные много насчетъ торговли займуются—капиталы завелись... Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли,—казна все мнетъ. Конечно-съ, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это дѣло сподручно, что принимаютъ тамъ все, можно сказать, по Божески. Намеднись, вонъ я полушубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ этими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казнѣ все изойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже

случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я, было, въ тѣ-поры и барки ужь нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся не долга. Анъ тутъ подвернулся прикащикъ отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ славную. Думалъ я, думалъ, да перекрестившись, и отдалъ весь хлѣбъ прикащику.

„Праздношатающійся. А какже съ казной-то?

„Ижбурдинъ. Съ казной-то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю становаго, такъ онъ мнѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было. (*Всѣ смѣются*). Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна-матушка всѣмъ намъ кормилица... Это точно-съ. По той причинѣ, что если бъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей то дѣваться? Это все единственно что деньги въ ломбардъ положить, да и сидѣть самому на печи, сложа руки.

„Праздношатающійся. (*глубокомысленно*). Да, это такъ... недостатокъ предпріимчивости... Эго, такъ сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣетесь? Но скажите, отчего же? Отчего же англичане, напримѣръ, французы...

„Ижбурдинъ. А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть-съ. Положимъ, вотъ хоть я предпріимчивый человѣкъ. Снарядилъ я примѣрно, корабь, или тамъ подрядился къ какому ни на-есть иностранцу выставить столько-то тысячъ кулей муки. Вотъ-съ, и искупилъ я муку, искупилъ дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ—погрузилъ ее въ барки... Ну-съ, а потомъ-то куда жь я съ ней дѣнусь?

„Праздношатающійся. Какъ куда?

„Ижбурдинъ. Да точно такъ-съ. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-съ? Такъ это точно, что вы на этотъ счетъ сумнѣнье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества произошли, такъ и знаемъ, какъ это рѣка-съ. Это рѣка, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-съ. Сегодня она вонъ здѣсь, а на другой, сударь, годъ. на эвтомъ мѣстѣ ужь песокъ, и она во-куда побѣгла. Никакъ тутъ и не сообразишь. Тащишься-тащишься этта съ грузомъ-то, индо злость тебя одолѣетъ. До Питера-то изъ нашихъ мѣстъ года въ два не доѣдешь, да и то еще Бога благодари, коли угодники тебя доѣхать допустятъ. А то вотъ не хочешь ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ поубѣгутъ—ну, и плати за все въ три-дорога. Какая же тутъ сударь цѣна? Могу ли я теперича досконально себя въ эвтакомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ, молъ, купилъ я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь англичанинъ-то не казна-съ; у него нѣтъ этихъ ни мелководій, ни мировыхъ повѣтріевъ; ему вынь да положь. Нѣтъ-съ; наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божьихъ находится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; не вывезетъ—зубы на полку клади“.

Если вы не прислушивались внимательно къ откровеннымъ разговорамъ Ижбурдина и его товарищей, вы, пожалуй, предположите

судя по его привычкамъ, что онъ держится своего порядка коммерческихъ оборотовъ по личной наклонности къ такому порядку. Если вы не знакомы съ нимъ ни по какимъ другимъ дѣламъ кромѣ коммерціи, вы можете вообразить, что онъ человѣкъ безъ души и совѣсти. Но когда, узнавъ его поближе, какъ человѣка, вы найдете въ немъ очень много хорошихъ качествъ и еще больше прекрасныхъ зародышей, остающихся неразвитыми и ожидающихъ только благопріятной поры для своего развитія, вы, быть можетъ, посовѣститесь думать о немъ такъ презрительно, какъ привыкли думать. Быть можетъ вы признаетесь, что вы поступили бы подобно ему, если бы находились въ его положеніи; быть можетъ даже, вы сказали бы, что этотъ человѣкъ, каковы бы ни были въ настоящее время его коммерческіе обороты, не только человѣкъ положительно добрый въ душѣ, но и способный совершенно переродиться.

А быть можетъ, вы человѣкъ привыкшій осуждать и хвалить поступки людей, не принимая въ соображеніе силу обстоятельствъ. при которыхъ невозможно образоваться въ обществѣ благороднымъ привычкамъ, или не возможно отстать отъ дурныхъ привычекъ. Въ такомъ случаѣ вы прямо назовите пустяками мнѣніе, высказанное нами. На такой рѣшительный приговоръ позвольте отвѣчать вамъ разсказомъ о дѣйствительномъ случаѣ. Разсказъ этотъ умѣстенъ здѣсь. Онъ познакомитъ читателей съ чертою изъ жизни человѣка, всѣ силы котораго были посвящены благу его родины.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ, скончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго года, профессоромъ здѣшняго Университета, около десяти лѣтъ занималъ каѳедру гражданскихъ законовъ въ Казанскомъ Университетѣ. Постоянною мыслію его было улучшеніе нашаго юридическаго быта силою знанія и чести. Здѣсь не мѣсто говорить о его трудахъ по званію профессора, о его чрезвычайно сильномъ благотворномъ вліяніи на слушателей, которые всѣ на всю жизнь сохранили благоговѣніе къ его памяти. Цѣль нашего разсказа требуетъ только замѣтить, что задушевнымъ его стремленіемъ было соединеніе юридической науки съ юридической практикою. Онъ устроилъ при своихъ лекціяхъ въ Университетѣ консультаціи и самъ занимался веденіемъ судебныхъ дѣлъ, разумѣется, безъ всякаго вознагражденія (это былъ человѣкъ героическаго самоотверженія), съ цѣлью показать своимъ воспитанникамъ на прак-

тикѣ, какъ надобно вести судебныя дѣла. Одно изъ такихъ дѣлъ и будетъ предметомъ нашего разсказа.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Мейеръ, былъ купецъ, разъ или два съ большою пользою для себя совершавшій продѣлку, на которую рѣшается Большаковъ (въ комедіи г. Островскаго). Пріобрѣтя опыность въ этомъ выгодномъ упражненіи, онъ вздумалъ еще разъ объявить себя банкротомъ и предложилъ своимъ кредиторамъ получить по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Прежнія продѣлки такого рода удачно сходили ему съ рукъ. Никто не могъ или не хотѣлъ уличить его въ злостномъ банкротствѣ. Онъ думалъ, что и теперь дѣло кончится по прежнимъ примѣрамъ. Но Мейеръ сказалъ кредиторамъ, что готовъ взять на себя управленіе дѣлами конкурса. Вице-губернаторомъ былъ тогда человѣкъ благонамѣренный, и Мейеръ могъ вести дѣло строгимъ законнымъ порядкомъ. Долгаго времени, большого труда стоило ему привести въ порядокъ счеты торговца, веденные, по общему обычаю, безалабернымъ образомъ и, сверхъ того, умышленно запутанные и наполненные фальшивыми цифрами. Всѣ средства подкупа, обмана и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами. Все напрасно. Мейера нельзя было ни запугать, ни обольстить, ни обмануть. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками, и наконецъ привелъ дѣло въ ясность, Онъ доказалъ злостность банкротства, и банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ въ извѣстныхъ переговорахъ между банкротомъ и его партизанами. Всѣ ихъ усилія оказывались напрасными. Банкротъ сидѣлъ подъ арестомъ, Мейеръ былъ непоколебимъ. Такъ прошло около года. Наконецъ банкротъ убѣдился, что не можетъ ни обольстить Мейера, ни пересилить его. Онъ заплатилъ долги своимъ кредиторамъ, и былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. И прямо изъ подъ ареста явился въ квартиру Мейера. Какъ вы думаете, съ какими словами? «Благодарю тебя, уважаю тебя», сказалъ онъ своему бывшему сопернику: «на твоемъ примѣрѣ увидѣлъ я, что значитъ быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ раскрылъ глаза. Теперь я понимаю, что дурно и что хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми имѣлъ я дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ».

Фактъ, нами разсказанный, могутъ засвидѣтельствовать всѣ,

жившіе тогда въ томъ городѣ, гдѣ находился Мейеръ и производилось дѣло. Обратите же вниманіе на этого банкрота, вы, которые не вѣрите въ коренное благородство, во врожденную любовь и уваженіе къ правдѣ въ душахъ, повидимому самыхъ загрубѣлыхъ и испорченныхъ. Въ лицѣ этого банкрота соединены были всѣ тѣ признаки, которыми можетъ доказываться совершенная испорченность сердца, совершенная неспособность виновнаго обновиться для честной жизни; соединились всѣ обстоятельства и побужденія, которые могутъ сдѣлать признаніе правды противнымъ самолюбію и эгоизму человѣка. Злостное банкротство есть одно изъ тѣхъ преступленій, которые требуютъ наибольшей ожесточенности сердца. Оно совершается не въ минуту гнѣва или увлеченія, оно совершается хладнокровно, обдуманно. Обдуманная рѣшимость погубить многихъ людей должна господствовать въ сердцѣ преступника не нѣсколько часовъ или дней, а цѣлые мѣсяцы быть можетъ, цѣлые годы; потому что для исполненія его преступной мысли нужно ему очень долго хлопотать, чтобы съ одной стороны получить всѣ деньги отъ своихъ должниковъ, съ другой стороны задолжать, какъ можно болѣе, своимъ кредиторамъ и не роняя своего кредита, значительно уменьшить наличный запасъ товаровъ въ своихъ магазинахъ. Привести къ желаемому концу эти различныя операціи, изъ которыхъ, одна препятствуетъ другой, очень затруднительно для торговца. Наконецъ, когда цѣль достигнута, когда въ магазинахъ нѣтъ товаровъ, когда получены всѣ деньги съ должниковъ и роздано множество векселей, начинаются новыя, труднѣйшія испытанія, противъ которыхъ устоитъ только самая черствая душа. Преступникъ объявляетъ себя банкротомъ, и съ этой минуты каждый день долженъ выдерживать самыя возмутительныя сцены. Къ нему являются люди, имъ раззоряемые, они плачутъ передъ нимъ, умоляютъ его, осыпаютъ его проклятіями,—онъ долженъ оставаться хладнокровнымъ и непоколебимымъ въ своей рѣшимости. Самый закоснѣлый разбойникъ, совершившій десятки убійствъ, содрагается сердцемъ отъ мольбы своихъ жертвъ и говоритъ, что если бы сцена убійства не была дѣломъ минуты, онъ не могъ бы выдержать ее, Для банкрота подобныя сцены непрерывно тянутся въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ, и онъ непреклонно выдерживаетъ свой характеръ. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ нашъ банкротъ былъ не новичекъ. Не въ первый разъ занялся онъ имъ, когда встрѣтилъ про-

тивникомъ себѣ Мейера. Возвысить такого человѣка до любви къ справедливости и добру было, кажется, дѣломъ гораздо болѣе неправдоподобнымъ, нежели обратить шайку разбойниковъ въ героевъ добродѣтели. И въ чьемъ лицѣ приходилось этому банкроту полюбить справедливость и доброту? Въ лицѣ того человѣка, котораго изъ всѣхъ людей въ мірѣ онъ долженъ наиболѣе ненавидѣть. Нашъ банкротъ считалъ себя непобѣдимымъ хитрецомъ—Мейеръ, раскрывъ всѣ его уловки! жесточайшимъ образомъ оскорбилъ его самолюбіе; Мейеръ раззорилъ его, надолго лишилъ его свободы, подвергъ жестокимъ страданіямъ продолжительнаго ареста —и этого жесточайшаго гонителя и врага своего долженъ былъ полюбить человѣкъ съ закоснѣлою душею, имъ оскорбленный, раззоренный, измученный. Дѣло совершенно неправдоподобное для тѣхъ поверхностныхъ наблюдателей, которые не знаютъ, какъ много остатковъ и зародышей добра и благородства таится въ душѣ самого дурнаго изъ дурныхъ людей, которые забываютъ, что самый закоснѣлый злодѣй все-таки человѣкъ, т. е. существо, по натурѣ своей, наклонное уважать и любить правду и добро и гнушаться всѣмъ дурнымъ, существо, могущее нарушать законы добра и правды только по незнанію, заблужденію или по вліянію обстоятельствъ сильнѣйшихъ, нежели его характеръ и разумъ, но никогда не могущее, добровольно и свободно, предпочесть зло добру. Отстраните пагубныя обстоятельства, и быстро просвѣтлѣетъ умъ человѣка и облагородится его характеръ.

Такіе люди, какъ Мейеръ, составляютъ рѣдкое исключеніе во всякомъ обществѣ въ каждое время. Ихъ примѣръ, конечно, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на каждаго, кто вступаетъ въ близкія отношенія съ ними. Сила ихъ личности такова, что для человѣка, вовлеченнаго съ сферу ея дѣйствія, уравновѣшивается, часто даже превозмогается вліяніемъ ея вліяніе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ противномъ направленіи. Но число баярдовъ, людей «безъ страха и упрека», какъ Мейеръ, всегда и вездѣ было такъ не велико, что сила ихъ личнаго вліянія могла отражаться лишь на незначительной части общества, которому они принадлежали. Примѣръ жизни отдѣльнаго героя добродѣтели увлекаетъ лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, но не цѣлыя общества. Напрасно успокоивать себя мечтою: пусть явятся добродѣтельные люди, и примѣръ ихъ исправитъ общество.

Въ исторіи обществъ примѣръ не можетъ имѣть такой силы. Онъ важенъ, если указываетъ практическій способъ достичь цѣли, которой и безъ того каждому хотѣлось уже достигнуть, имѣя на то средства. Васко-де-Гама обогнулъ мысъ Доброй-Надежды, и тысячи кораблей устремились вслѣдъ за нимъ. Но это потому только, что уже и безъ Васко-де-Гамы, и прежде него всѣмъ хотѣлось доходить моремъ до Индіи, а корабли были уже готовы. Но никогда въ исторіи не можетъ имѣть примѣръ такой силы, чтобы имъ устранялось дѣйствіе закона причинности, по которому нравы народа сообразуются съ обстановкою народной жизни. Десятки тысячъ гордыхъ своимъ достоинствомъ и дѣятельныхъ англичанъ живутъ въ Индіи среди народа, обстоятельства жизни котораго сложились такъ, что главными чертами нравовъ его стала низость и лѣность. Обстоятельства эти до сихъ поръ не устранены и, какъ видимъ, индѣйцы по прежнему, остаются низки и лѣнивы, хотя имѣютъ передъ глазами множество примѣровъ противныхъ качествъ въ англичанахъ. Но пусть англичане позаботятся объ отстраненіи тѣхъ фактовъ, вліяніемъ которыхъ развратились и унизились индѣйцы: тогда не много нужно будетъ лѣтъ для того, чтобы воскресли въ индѣйскомъ народѣ трудолюбіе, уваженіе передъ закономъ, любовь къ справедливости и чувство человѣческаго достоинства.

Но оставимъ Остъ-Индію и англичанъ. Пусть они воображаютъ что лучшее средство имъ утвердиться въ Остъ-Индіи не пріобрѣтеніе преданности отъ индѣйцевъ, а пріобрѣтеніе Герата и Кандагара. Пусть они забываютъ, что если Великобританія съ своими тридцатью мильонами населенія не опасается никакого иноземнаго нашествія, то Индія съ своими полутораста мильонами населенія не нуждалась бы, конечно, ни въ какихъ Гератахъ, если бы признавала пользу защищать учрежденія, которыми была бы обязана англичанамъ. Это дѣло однихъ предположеній, которыя мы сами готовы назвать праздными. И какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ азіятцевъ? Пусть себѣ лѣнятся. У нихъ такой благодатный климатъ, что имъ очень можно лѣниться. Если бы, напримѣръ, г. Буеракинъ жилъ въ Остъ-Индіи, его нравы чрезвычайно хорошо пришлись бы къ тропическому климату, и мы не сказали бы ни слова противъ его образа жизни. Онъ мечтаетъ. Это было бы очень удобно и прилично на берегахъ Нербудды, подъ тѣнью банановъ. Но мы думаемъ, что ему очень скучно мечтать въ селѣ Заовражьѣ, и

что, раньше или позже, соскучившись мечтать, онъ подобно Ижбурдину и Подъячему прошлыхъ временъ, вздумаетъ заняться дѣломъ. Конечно, онъ будетъ поступать не такъ, какъ эти невѣжды. Онъ человѣкъ благородный и просвѣщенный. Онъ захочетъ перенести въ жизнь свои гуманныя убѣжденія. О людяхъ съ гуманными убѣжденіями существуетъ у насъ повѣрье, будто они люди вовсе не практическіе и принявшись за дѣло, сочинятъ такую путаницу, что для замѣшаннаго въ нее народа будетъ тяжелѣе, нежели когда бы попался онъ въ руки Подъячему прошлыхъ временъ или даже самому Ивану Петровичу. Въ литературѣ было очень много заслуженныхъ насмѣшекъ надъ такими людьми; и Щедринъ, подобно другимъ нашимъ старикамъ, очень строго и справедливо уличаетъ представителя непрактическихъ людей съ возвышенными стремленіями въ очеркѣ «Неумѣлые». Но Буеракинъ не таковъ. Онъ человѣкъ проницательный. Если онъ захочетъ взяться за дѣло, онъ съумѣетъ повести дѣло, какъ нужно по его мнѣнію.

До сихъ поръ мы очень мало касались воззрѣній самого Щедрина на людей, имъ изображаемыхъ. Типы и факты, о которыхъ мы говорили, такъ просты, что между порядочными людьми не можетъ быть никакого личнаго различія въ понятіяхъ о нихъ. Никто не станетъ восхищаться Подъячимъ прошлыхъ временъ и Ижбурдинымъ съ товарищами. Но на людей, подобныхъ Буеракину, можно смотрѣть различно. Слова его гуманны. Людямъ, зависящимъ отъ него, приходится жить очень плохо. Очень многіе, не колеблясь, скажутъ, что онъ человѣкъ дурной, говорящій одно, дѣлающій другое, лжецъ и лицемѣръ. Мнѣніе очень натуральное. Но Щедринъ не раздѣляетъ его, и въ томъ надобно видѣть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ рѣдкаго знанія жизни и умѣнья цѣнить людей. У Щедрина Буеракинъ вовсе не лицемѣръ. Онъ не только говоритъ о благѣ общемъ, онъ дѣйствительно желаетъ его, на сколько понимаетъ. Скажемъ больше: въ томъ кругу жизни, который зависитъ отъ него, онъ приводитъ въ исполненіе тѣ мысли, которыя кажутся ему справедливыми. Справедливо самъ Буеракинъ называетъ себя человѣкомъ отмѣнно добрымъ. Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что Щедринъ раздѣляетъ это мнѣніе. Какъ честный докладчикъ, Щедринъ нимало не скрывалъ тѣхъ дурныхъ вещей, которыя допускаются или даже дѣлаются Буеракиными. Объ этихъ вещахъ говоритъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ и, однако

же, все таки видно, что онъ расположенъ къ Буеракину, хотя за многое строго осуждаетъ его. Щедринъ не могъ бы имѣть «добрымъ пріятелемъ» человѣка дурнаго.

Какимъ же образомъ человѣкъ добрый и хорошій, человѣкъ съ очень просвѣщеннымъ образомъ мыслей и проницательнымъ умомъ можетъ дозволять дѣлать такія дурныя вещи, какъ Буеракинъ? Многіе скажутъ: это потому, что онъ человѣкъ безхарактерный, слабый, излѣнившійся. Самъ Буеракинъ отчасти намекаетъ на такое объясненіе, конечно выгоднѣйшее для его добраго имени. Онъ, видите ли, представляетъ себя чѣмъ-то въ родѣ Гамлета, человѣка сильнаго только въ безплодной рефлексіи, но слабаго на дѣло, по причинѣ отсутствія воли. Это ужь не первый Гамлетъ является въ нашей литературѣ,—одинъ изъ нихъ даже такъ и назвалъ себя прямо по имени «Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда»; а нашъ Буеракинъ, по всему видно, хочетъ быть «Гамлетомъ Крутогорской губерніи». Видно, не мало у насъ Гамлетовъ въ обществѣ, когда они такъ часто являются въ литературѣ,—въ рѣдкой повѣсти вы не встрѣтите одного изъ нихъ, если только повѣсть касается жизни людей съ такъ называемыми благородными убѣжденіями.

Однакожь мы не остановимся на одномъ прозваніи такихъ людей; намъ мало имени, мы хотимъ знать дѣло,—мы хотимъ знать, почему Гамлетъ—Гамлетъ, то есть человѣкъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души дѣлающійся мученіемъ для самого себя и причиною погибели для тѣхъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, и которымъ онъ очень искренно желаетъ добра,—напримѣръ, причиною погибели Офеліи и Лаэрта. Одною слабостью характера при силѣ ума, наклоннаго къ рефлексіи, этого дѣла не объяснишь: мало ли людей съ слабымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и наклонностью къ рефлексіи, проживаютъ свой вѣкъ очень счастливо для себя и для близкихъ къ себѣ? Есть тутъ другое обстоятельство: Гамлетъ находится въ фальшивомъ или, проще сказать, ненатуральномъ положеніи. Онъ, какъ сынъ долженъ былъ бы любить свою мать и однакоже долженъ ненавидѣть ее, какъ убійцу своего отца. Онъ искренно и очень горячо любитъ Офелію—и однакоже несчитаетъ приличнымъ для себя жениться на ней. Положеніе обоихъ дѣлъ такъ противоестественно, что можетъ надѣлать чепухи въ головѣ человѣка и неимѣющаго наклонности къ рефлексіи, можетъ вывести къ поступкамъ нелѣпо-непослѣдовательнымъ и пагубнымъ для него самого и

для другихъ даже такого человѣка, который не отличается особенною слабостью воли. Только немногіе негодяи, одаренные очень рѣдкою безсовѣстностью, или еще менѣе многочисленные счастливцы, одаренные желѣзнымъ стоицизмомъ, могли бы поступать благоразумно и быть счастливы на мѣстѣ Гамлета. Изъ ста человѣкъ, девяносто-девять, будучи въ его положеніи, точно также мучились бы, надѣлали бы точно такихъ же бѣдъ и себѣ и другимъ. Различіе темпераментовъ относительно такихъ дѣлъ имѣетъ мало важности. Въ томъ и заключается всемірное значеніе драмы Шекспира, что въ Гамлетѣ вы видите самихъ себя въ данномъ положеніи, каковъ бы ни былъ вашъ темпераментъ.

Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на нашего Буеракина. Оставимъ на время психологическія особенности его характера.—Всмотримся только въ его положеніе, и для васъ будетъ ясно, почему онъ, говоря такъ хорошо, поступаетъ такъ дурно. Отношенія его къ людямъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, также не натуральны, какъ отношенія Гамлета къ Офеліи. Любить женщину и не желать назвать ее своею женою, желать добра людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ брать у нихъ необходимое имъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ,—которое изъ этихъ двухъ положеній кажется вамъ менѣе противоестественно, менѣе фальшиво? На наши глаза оба они равно не натуральны, равно дурны.

Многіе обвиняютъ Буеракина въ невѣрности своимъ убѣжденіямъ; быть можетъ, и вы, читатель, назвали его лицемѣромъ? Въ такомъ случаѣ вы выразились неосторожно и неосновательно. Измѣна убѣжденіямъ! Мизантропы говорятъ, что это нравственное преступленіе совершается людьми гораздо рѣже, нежели какъ кажется; что человѣкъ, сознательно измѣняющій своимъ основнымъ убѣжденіямъ, человѣкъ, у котораго мысль раздвоилась съ желаніемъ, такое же рѣдкое явленіе, какъ человѣкъ, у котораго правая половина лица не похожа на лѣвую. Бёрне,—кажется онъ не слишкомъ выгодно думалъ о людяхъ и достаточно бранилъ ихъ,—Бёрне прямо говоритъ, что едва ли когда нибудь, хотя одинъ человѣкъ измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Едва ли не придется согласиться съ Бёрне, если только не будешь обольщаться общими фразами, принимающими различные оттѣнки смысла въ различныхъ устахъ, и станешь внимательно присматриваться къ точному содержанію убѣжденій. Часто самъ человѣкъ не замѣчаетъ истиннаго содержанія своихъ

убѣжденій, воображаетъ, что онъ думаетъ вовсе не то, что въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ, — вотъ хотя бы на примѣръ Буеракинъ. Онъ отъ искренней души называетъ себя «негоднымъ» человѣкомъ, т. е., негоднымъ для жизни и для принесенія пользы ближнему, и воображаетъ, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя человѣкомъ негоднымъ. А на самомъ дѣлѣ неужели таково его убѣжденіе о себѣ? Постороннему человѣку это виднѣе, нежели ему самому. Послушайте только, что онъ отвѣчаетъ черезъ нѣсколько строкъ Щедрину на вопросъ о его лѣности и бездѣйствіи. Щедринъ говоритъ:—вы ничего не дѣлаете и воображаете, что ничего полезнаго нельзя сдѣлать.

„—Угадали, говоритъ Буеракинъ:—угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь,—это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло не трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро какъ можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы, однакожь не думайте, чтобъ я поступалъ такимъ образомъ изъ безпечности или преступной лѣности. Нѣтъ у меня такое глубокое убѣжденіе въ совершенной ненужности вмѣшательства, что и управляющій мой существуетъ только для вида, для очистки совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходятъ... Поняли вы меня?“

„— Ну, тутъ еще не много работы...“

„— Больше, нежели вы предполагаете...“

Конечно въ этомъ монологѣ есть оттѣнокъ ироніи, но подъ ироніею скрывается положительно доброе мнѣніе о своей дѣятельности. Да и каковъ смыслъ самой ироніи? Онъ очень ясенъ. «Правда, я дѣлаю кое что хорошее; но столько ли еще хорошаго способенъ былъ бы я сдѣлать, еслибъ дано было мнѣ болѣе обширное поприще дѣятельности!»—«А какъ же онъ самъ себя, за минуту, называлъ «негоднымъ» человѣкомъ?—Это ничего. Когда человѣкъ, не переводя духа, говоритъ о себѣ: «Правда я дрянь, но все-таки я хорошій человѣкъ» — въ этой фразѣ нѣтъ нисколько противорѣчія. Не много нужно проницательности, чтобы видѣть, какое именно слово этой, повидимому, противорѣчивой фразы положительно выражаетъ мнѣніе говорящаго. Это слово:—«я хорошій человѣкъ». Предъидущая половина фразы ни мало ему не противорѣчитъ; напротивъ, она только усиливаетъ его значеніе, имѣя такой смыслъ: «Нынѣ обстоятельства не даютъ обнаружиться моему превосходству во всемъ его объемѣ. Я не могу дѣлать ничего достойнаго моихъ великихъ качествъ. Теперь вы смотрите на меня, какъ на человѣка

замѣчательнаго: но какъ вы удивились бы моей геніальности и моему благородству, если бы обстоятельства когда нибудь позволили проявиться всему богатству моей натуры!» Въ сущности Буеракинъ вовсе не считаетъ себя человѣкомъ не дѣятельнымъ и безполезнымъ. Напротивъ, мысль о противорѣчіи его поступковъ его убѣжденіямъ не приходитъ ему и въ голову. Напротивъ, онъ гордится своимъ образомъ дѣйствій, какъ совершенно сообразнымъ съ его убѣжденіями. Приведенная нами выписка убѣдитъ каждаго, что наружность лѣнивца дѣйствительно не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ дѣятельнымъ. Внимательное разсмотрѣніе его убѣжденій докажетъ, что какова бы ни была его дѣятельность, но она сообразна съ его убѣжденіями.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ его убѣжденій. Чрезъ всю исторію можно прослѣдить тотъ неизмѣнный фактъ, что при переходѣ человѣка изъ наблюдательнаго, теоретическаго положенія къ практической дѣятельности, онъ обыкновенно очень во многомъ начиналъ слѣдовать примѣру своихъ предмѣстниковъ въ этомъ практическомъ положеніи, хотя прежде осуждалъ ихъ образъ дѣйствій. Односторонніе и поверхностные теоретики называютъ это недобросовѣстностью. Но фактъ, столь всеобщій, не можетъ зависѣть отъ личныхъ слабостей или пороковъ отдѣльныхъ людей. Онъ долженъ необходимо имѣть какія нибудь основанія въ самой необходимости вещей. Дѣло въ томъ, что съ каждой новой точки зрѣнія перспектива измѣняется. Какому нибудь французскому публицисту очень легко было осуждать англійскихъ министровъ за то, что они, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вели войну съ Китаемъ для поддержанія торговли опіумомъ. Съ своей точки зрѣнія публицистъ былъ правъ. Но еслибъ ему самому случилось сдѣлаться англійскимъ министромъ, онъ, по всей вѣроятности, продолжалъ бы войну за опіумъ, которую прежде такъ строго осуждалъ. Онъ сказалъ бы: «конечно, торговля опіумомъ безнравственна, но она уже существуетъ и не можетъ быть искоренена моими усиліями, потому что сами китайцы ее хотятъ поддерживать. Еслибъ англичане перестали продавать китайцамъ опіумъ, китайцы нашли бы себѣ другихъ продавцевъ-американцевъ, французовъ, португальцевъ. При томъ же, честь англійскаго флага была оскорблена китайцами. Этого нельзя оставить безъ наказанія. Наконецъ, война ведется вовсе не за опіумъ, а за то, что китайцы нарушили дого-

воры, съ нами заключенные». И опять, съ своей точки зрѣнія, этотъ человѣкъ былъ бы правъ. Добросовѣстность его въ обоихъ случаяхъ одинакова, различенъ только его взглядъ на вещи и различіе этого взгляда зависитъ отъ разности положеній. Въ первомъ случаѣ, какъ французскій публицистъ, онъ не имѣлъ ни охоты, ни нужды принимать особенно близко къ сердцу частные интересы Англіи. Онъ рѣшалъ дѣло единственно на основаніи идеи справедливости. Во второмъ случаѣ, какъ англійскій министръ, онъ долженъ заботиться объ этихъ интересахъ. Если они не близки къ его сердцу, тогда именно онъ былъ бы человѣкомъ недобросовѣстнымъ и дурнымъ. Его прежніе товарищи, французскіе журналисты, скажутъ: «онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ!» Онъ будетъ отвѣчать имъ: «Не мало не измѣнялъ. По прежнему я думаю, что справедливость выше всего. Но, вы согласитесь, справедливость требуетъ, чтобы англійскій министръ принималъ въ соображеніе интересы Англіи. Торговля опіумомъ несправедлива. Но нелѣпо было бы англичанамъ передать эту торговлю въ руки своихъ соперниковъ. Если бы она могла быть прекращена, мы отказались бы отъ нея. Но прекратиться она не можетъ. Ее поддерживаютъ сами китайцы. Они повсюду ищутъ опіума. Или вы хотите, чтобы мы завоевали Китай для истребленія въ китайцахъ насильственными мѣрами привычки къ куренію опіума? Завоеваніе Китая нами было бы единственнымъ средствомъ прекратить торговлю опіумомъ. Видите ли, въ какое противорѣчіе вы впадаете? Для прекращенія нашей войны съ Китаемъ вы требуете, чтобы мы завоевали Китай. Вы не хотите понимать настоящаго положенія дѣлъ и требуете вещей несообразныхъ и невозможныхъ, — вещей болѣе несправедливыхъ, нежели самая война за опіумъ. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ фактовъ, судилъ по отвлеченной теоріи. Я ни мало не измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Справедливость выше всего. Но въ чемъ же справедливость?—вотъ вопросъ. Чтобы разрѣшить его, нужно знать факты. Прежде, я, подобно вамъ, не зналъ ихъ; теперь знаю. Вотъ вся разница между вами и мною». Съ своей точки зрѣнія, онъ будетъ совершенно правъ.

Итакъ, два различныя положенія необходимо ведутъ къ двумъ различнымъ взглядамъ на вещи. Съ измѣненіемъ положенія человѣка измѣняется его точка зрѣнія, измѣняется и характеръ его убѣжденій. Но къ чему намъ говорить объ Англіи и англичанахъ?

Иной можетъ сказать, что въ наше время люди дурны, что въ наше время нѣтъ твердости убѣжденій. Лучше мы сошлемся на другой примѣръ, заимствуемый изъ міра непоколебимыхъ убѣжденій и непреклонныхъ характеровъ, изъ міра Римскаго. Лѣтъ тысячи за двѣ до нашего времени Цицеронъ надѣлалъ страшнаго шума, нападая на гнусные, по его мнѣнію, поступки Верреса въ Сициліи. Страшно дурнымъ человѣкомъ выставилъ онъ несчастнаго Верреса: нарушителемъ всѣхъ законовъ, нарушителемъ всякой правды и совѣсти, грабителемъ, убійцей и т. д., и т. д. По словамъ Цицерона, оказывалось, что никогда еще въ мірѣ не бывало негодяя и злодѣя, подобнаго Верресу. Верресъ струсилъ и бѣжалъ изъ Рима, не защищаясь. Совершенно напрасно. Почему бы ему не защищаться. Развѣ не было у него оправданій? Онъ могъ бы сказать Цицерону, напримѣръ, слѣдующее: «Мой другъ! вы не были пропреторомъ въ въ Сициліи. Вы не знаете этихъ людей. Войдите въ мое положеніе. Я желалъ бы знать, что вы сами стали бы дѣлать на моемъ мѣстѣ? Вы говорите объ уваженіи къ законамъ. Я самъ уважаю ихъ не меньше, нежели вы. Я былъ въ Римѣ Praetor Urbanus. Скажите, нарушалъ ли я тогда законы? Допускалъ ли я подкупъ и клятвопреступленіе въ судѣ? Нѣтъ. Вы этого не можете сказать. Вы видите, въ городѣ, гдѣ возможно правосудіе и законность, я строго держался этихъ священныхъ принциповъ. Но знаете ли вы Сицилію?—Въ этой странѣ нѣтъ понятія о честности, о законности. Если бы вы, мой другъ, вздумали тамъ рѣшать какую нибудь тяжбу по римскимъ законамъ, говорящимъ, что приговоръ долженъ быть основанъ на документахъ и на показаніяхъ свидѣтелей, вы ,мой другъ, ни одного дѣла не рѣшили бы справедливо: вамъ представили бы фальшивые документы, облеченные въ строго-легальную форму; вамъ представили бы ложныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были бы неопровержимы по правиламъ легальности; знаете ли вы, мой другъ, что въ Сициліи за какіе нибудь десять сестерціевъ составять вамъ какой угодно фальшивый документъ. что вы на рынкѣ найдете тысячи людей, готовыхъ дать какое угодно показаніе въ вашу пользу за пять сестерціевъ? Пропреторъ Сициліи имѣетъ подчиненныхъ ему судей и администраторовъ — всѣ они продажные плуты; вы можете сколько угодно смѣнять и наказывать этихъ людей,—преемники ихъ будутъ точно таковы же. Таковы, mon cher (какъ говорятъ въ Галліи), нравы сициліанцевъ. Васъ обманывали

бы на каждомъ шагу. Если бы вы возстановили противъ себя этихъ людей, васъ поймали бы въ такую ловушку, что вы лишились бы и своего пропреторства и головы. Теперь вы обвиняете меня въ административныхъ злоупотребленіяхъ—наказаніемъ можетъ мнѣ за то служитъ только изгнаніе изъ вашего города Рима (въ которомъ я и жить не хочу—мнѣ гораздо пріятнѣе жить въ Аѳинахъ, между образованными людьми, нежели въ вашемъ полудикомъ Римѣ)—а если бы я возстановилъ противъ себя людей, съ которыми я имѣлъ дѣло въ Сициліи, этихъ взяточниковъ и плутовъ, они обвиняли бы меня въ измѣнѣ Риму, и я, mon cher, рисковалъ бы головою. И какой полезной цѣли я достигъ бы, возстановляя противъ себя всѣхъ и каждаго въ Сициліи? Неужели мнѣ удалось бы въ самомъ дѣлѣ водворить вашу законность и справедливость? Знакомы ли вы, mon cher, съ иберійцемъ Сервантесомъ? Вы хотите, чтобы я разыгрывалъ въ Сициліи роль Донъ-Кихота. Carissime! глупо сражаться съ вѣтряными мельницами. Повѣрьте: не намъ съ вами остановить могущественное дѣйствіе крыльевъ, движимыхъ силами стихій. Благоразумному человѣку лучше всего быть мельникомъ, и брать за свой трудъ по горсти отъ медимна, доставляемаго на обработку въ его мельницы».

Мы не знаемъ, что могъ бы отвѣчать Цицеронъ на эти возраженія? Юлій Цезарь, конечно не смутился бы ими. Онъ просто сказалъ бы: «Надобно съ Сициліей поступить такъ, какъ я поступилъ съ Транспаданскою Галліею. Я далъ жителямъ ея право римскаго гражданства. Теперь транспаданцы управляются собственными сановниками. Нѣтъ у нихъ ни пропреторовъ, ни тѣхъ порядковъ или безпорядковъ, которые существовали до моего времени». Но Цицеронъ былъ врагъ Юлія Цезаря и его благотворныхъ для римскаго государства дѣйствій. Онъ осуждалъ Юлія Цезаря, какъ врага римской республики; онъ старался запутать Юлія Цезаря въ дѣло Катилины. Онъ хотѣлъ задушить Юлія Цезаря рукою палача, какъ задушилъ Лентула. Онъ не могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Юлія Цезаря о дѣлѣ Верреса и сициліанцевъ.

Вотъ, въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ трехъ людей, занимающихъ различныя положенія. Верресъ пропреторъ, Цицеронъ юристъ, очень благонамѣренный, но ровно ничего не понимающій въ историческомъ ходѣ событій своего времени; Юлій Цезарь государственный человѣкъ. Сообразно различію своихъ положеній, каждый изъ

нихъ смотритъ на дѣло совершенно различными глазами. Верресъ думаетъ: «Сициліанцами нельзя управлять съ соблюденіемъ законности и справедливости. Но между тѣмъ, нужно же какъ нибудь управлять ими. Я поставленъ въ необходимость управлять ими такъ, какъ я управляю». У него исходный пунктъ—нравы сициліанцевъ. Цицеронъ говоритъ: «Законы должны быть уважаемы. Кто нарушаетъ ихъ, тотъ злодѣй, и долженъ быть наказанъ. Ты Верресъ, нарушалъ законы, ты злодѣй, и долженъ быть наказанъ». У него исходная точка—буква закона. Обстоятельствъ онъ не принимаетъ въ соображеніе. Съ своей точки зрѣнія каждый изъ нихъ правъ. Но и тотъ и другой поставлены своимъ положеніемъ на одностороннюю точку зрѣнія. И оба, могущіе быть равно добросовѣстными, равно гибельные люди для Сициліи. Верресъ управляетъ Сициліею беззаконно, но думаетъ, что иначе управлять ею нельзя. Цицеронъ хочетъ, чтобы Сицилія управлялась по законамъ, но не понимаетъ, что это невозможно при томъ состояніи и на тѣхъ условіяхъ, въ какихъ поручена Сицилія Верресу. Но есть третья точка зрѣнія, принадлежащая Юлію Цезарю, государственному человѣку, положеніе котораго внушаетъ ему принимать въ соображеніе какъ требованія легальности, которыми исключительно занятъ юристъ Цицеронъ, такъ и обстоятельства дѣлъ, которыми исключительно занятъ администраторъ Верресъ. Юлій Цезарь говоритъ: «Въ настоящемъ положеніи дѣлъ Сициліею нельзя управлять законно и справедливо. Въ этомъ правъ Верресъ. Но беззаконное управленіе пагубно и несправедливо: въ этомъ правъ Цицеронъ. Итакъ, нужно измѣнить положеніе дѣлъ въ Сициліи. Средства къ тому я ужь показалъ, давъ транспаданской Галліи права римскаго гражданства. Этимъ я улучшилъ нравы транспаданцевъ и водворилъ въ транспаданской Галліи законный порядокъ, котораго прежде не существовало въ ней».

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, какъ различныя точки зрѣнія на предметъ необходимо вытекаютъ изъ различныхъ положеній человѣка. Различіе темперамента, даже (страшно сказать) различіе въ нравственныхъ качествахъ человѣка ничтожно бываетъ передъ вліяніемъ его положенія на образъ его мыслей. Верресъ былъ дурной человѣкъ (положимъ, хотя на то нѣтъ неопровержимыхъ доказательствъ), но подобно ему въ его положеніи дѣйствовали и всѣ другіе римскіе проквесторы, пропреторы и проконсулы

зулы,—и Катонъ, и Брутъ, и самъ Цицеронъ, когда былъ проконсуломъ,—Цицеронъ былъ хорошій человѣкъ (положимъ, хотя многіе въ томъ сомнѣваются),—въ такомъ случаѣ Гортензій, выступившій ему противникомъ въ тяжбѣ Верреса, былъ вѣроятно дурной человѣкъ. Но Цицеронъ и Гортензій оба въ совершенно одинаковомъ духѣ обрабатывали Римское Право. И конечно, никто не скажетъ, чтобы нравственные недостатки юриста когда нибудь отражались въ духѣ законовъ, имъ составляемыхъ. Хотя бы юристъ былъ убійца и разбойникъ, онъ никогда не напишетъ законовъ, покровительствующихъ убійству и разбою. Джеффрейзъ, съ которымъ наши читатели знакомы изъ Маколея, былъ величайшій въ мірѣ злодѣй и негодяй. Каждое его дѣйствіе было преступно; но однакоже истолкованія закона, которыя составлялъ онъ, по обязанности канцлера, составлены совершенно вѣрно духу англійскаго законодательства и до сихъ поръ уважаются англійскими юристами.—Въ нравственномъ отношеніи Юлій Цезарь былъ, конечно ниже Цицерона; по всей вѣроятности, былъ ниже Верреса. По крайней мѣрѣ Верреса не ловили переодѣтаго въ женское платье въ комнатахъ женъ его пріятелей, какъ ловили Цезаря; Верресъ не поступалъ съ своими товарищами по преторству такъ нагло и безсовѣстно, какъ Цезарь съ своимъ товарищемъ по консульству, Бибуломъ. Но онъ былъ истинно государственный человѣкъ, и этого было довольно. Каковъ бы ни былъ онъ самъ, но его правленіе было мудро и благодѣтельно для государства. Цицеронъ пробовалъ браться за правленіе, и, при всей своей честности, каждый разъ дѣлалъ страшную бѣду своему отечеству, только потому, что не могъ становиться на точку зрѣнія государственнаго человѣка.

Если положеніе человѣка имѣетъ столь рѣшительную силу надъ его дѣятельностію, надъ міромъ фактовъ столь твердыхъ, опредѣлительныхъ, неуступчивыхъ, то конечно не меньше силы должно оно оказывать надъ его убѣжденіями, предметомъ столь общимъ, гибкимъ, измѣнчивымъ. Утопить или вытащить изъ воды человѣка—вотъ факты: въ нихъ нѣтъ двусмыслія, въ нихъ невозможна ошибка. Я топлю человѣка,—я не могу ошибаться въ смыслѣ своего дѣйствія. Я никакъ не могу скрыть отъ себя, что я лишаю его жизни. Я вытаскиваю его изъ воды—опять для меня невозможны никакія недоразумѣнія. Я совершенно опредѣлительно знаю, что я спасаю ему жизнь. Таковы ли отношенія человѣка къ общимъ

мыслямъ, къ отвлеченымъ понятіямъ? Каждое слово, входящее въ формулу моихъ убѣжденій, допускаетъ столько различныхъ оттѣнковъ смысла, принимаетъ столько истолкованій! Тутъ очень легки непроизвольныя недоразумѣнія предъ самимъ собой; тутъ открыто, при всей добросовѣстности человѣка, самое широкое поле заблужденія передъ самимъ собой. У трехъ людей въ различныхъ положеніяхъ на устахъ одна и таже фраза, о которой каждый изъ нихъ говоритъ, что она выражаетъ основное его убѣжденіе: «я хочу справедливости», говорятъ и Верресъ, и Цицеронъ, и Юлій Цезарь. Значитъ ли это, что они сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ? Не торопитесь объявлять ихъ людьми одинаковаго образа мыслей. Прежде разберите, въ какомъ смыслѣ представляется эта фраза каждому ихъ нихъ. Говоря «я хочу справедливости», Верресъ говоритъ: «я хочу, чтобы меня оправдали за мое управленіе Сициліею. Несправедливо было бы наказать человѣка за то, что онъ не соблюдалъ формальностей, соблюденіе которыхъ было для него физически невозможно». Тою же самою фразою: «я хочу справедливости» Цицеронъ говоритъ совершенно иное: «я хочу, чтобы наказанъ былъ Верресъ. Справедливость требуетъ, чтобы человѣкъ, нарушившій законы, былъ наказанъ по законамъ». Опять тою же самою фразою «я хочу справедливости», Юлій Цезарь говоритъ совершенно иное: «я хочу низвергнуть Помпея и Цицерона. Справедливость требуетъ, чтобы государство было управляемо сообразно съ своими потребностями. Помпей и Цицеронъ совершенно не понимаютъ этихъ потребностей и вводятъ Римъ въ безконечныя бѣдствія. Справедливость требуетъ, чтобы они удалились отъ дѣлъ, заниматься которыми не способны, и чтобы эти дѣла поручены были человѣку, который одинъ въ цѣломъ Римѣ способенъ вести ихъ надлежащимъ образомъ съ выгодою для государства, то есть поручены были мнѣ. А что касается до тяжбы Цицерона съ Верресомъ, это нелѣпость, основанная на тупоумныхъ односторонностяхъ той и другой партіи. Справедливость требовала бы объявить торжественно на форумѣ и Цицерона и Верреса глупцами; но такъ какъ это дѣло пустое, то лучше его бросить».—Да: очень различенъ бываетъ смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ устахъ.

Весь этотъ эпизодъ, быть можетъ, слишкомъ длинный, клонится къ тому, чтобы извинить Буеракина, давно нами покинутаго подъ тяжестью обвиненія, будто бы его дѣйствія противорѣчатъ его

убѣжденіямъ. Намъ кажется, что обвиненіе противъ него взведено совершенно напрасно. Если вы, читатель, пренебрегаете Буеракинымъ, какъ человѣкомъ двуличнымъ, какъ эгоистомъ, жертвующимъ своими убѣжденіями своей лѣности или выгодѣ, вы введены въ совершенное заблужденіе и притомъ очень грубое заблужденіе, поверхностнымъ предположеніемъ, будто бы Буеракинъ смотритъ на вещи такими же глазами, какъ вы, (я предполагаю, что вы смотрите на вещи такими же глазами, какъ я,—предположеніе также, быть можетъ, ошибочное); вы введены въ ошибку тѣмъ, что онъ употребляетъ фразы, которыя употребляете вы, что онъ любитъ слова, входящія въ составъ этихъ фразъ, точно также какъ и вы. Но съ чего же взяли вы, что подъ этими словами онъ понимаетъ тоже самое, что понимаете вы? Вникните хорошенько въ выраженія, которыми онъ окружаетъ свои слова, одинаковыя съ вашими словами, и вы убѣдитесь что въ сущности онъ придаетъ этимъ словамъ тотъ самый смыслъ, о какомъ свидѣтельствуютъ его поступки; вы увидите, что теоретическая сторона жизни этого человѣка совершенно соотвѣтствуетъ практической; вы увидите, что Буеракинъ человѣкъ, вѣрный въ жизни своимъ убѣжденіямъ. Ключъ къ убѣжденіямъ Буеракина находится въ тѣхъ фразахъ, которыя произноситъ онъ по случаю ссоры между Абрамомъ Семенычемъ и Ѳедоромъ Карлычемъ. По его мнѣнію, Ѳедоръ Карлычъ правъ, и сверхъ того, безъ Ѳедора Карлыча плохо пришлось бы самому Абраму Семенычу и его товарищамъ, какъ людямъ непривычнымъ и неспособнымъ къ порядочной жизни. Кромѣ того Буеракинъ совершенно убѣжденъ, что можетъ положиться на Ѳедора Карлыча, который вѣрно соблюдетъ выгоды его, Буеракина. Въ этихъ убѣжденіяхъ разгадка всей личности Буеракина, всего образа его мыслей и всей его жизни. Если вы убѣдитесь въ томъ, вамъ трудно будетъ не признать полной добросовѣстности Буеракина. Вамъ могутъ не нравиться его убѣжденія, но вы не откажете ни убѣжденіемъ этимъ въ искренности, ни лицу его въ строгой честности и благонамѣренности.

Мы много разъ упоминали о томъ, что различіе темпераментовъ и личныхъ наклонностей не имѣетъ столь важнаго вліянія на образъ жизни и дѣятельность людей, какъ многіе предполагаютъ. У Владиміра Константиныча Буеракина есть родственникъ, съ которымъ знакомитъ насъ Щедринъ въ монологѣ, имѣющемъ эпи-

графъ: «vir bonus, dicendi peritus». Темпераментомъ этотъ родственникъ совершенно отличается отъ Владиміра Константиныча. У Владиміра Константиныча есть наклонность къ созерцательной жизни. У его кузена, напротивъ, чрезвычайно развита практичность. Тотъ Платонъ, этотъ Аристотель или даже Ѳемистоклъ. Такъ мы ихъ и будемъ называть въ нашей параллели, отчасти изъ подражанія Плутарху, отчасти для краткости. Платонъ живетъ дикаремъ въ деревнѣ, Ѳемистоклъ—душа общества въ губернскомъ городѣ. Платонъ, какъ мы положительно знаемъ, человѣкъ холостой и любитъ волочиться. Ѳемистоклъ, по всей вѣроятности, женатъ, очень любитъ свою жену и совершенно вѣренъ ей (точно также, какъ подругѣ, которую имѣетъ, конечно, независимо, отъ жены). У Платона нѣтъ дѣтей; а еслибъ и были, то, безъ сомнѣнія, пошли бы по міру нищими. У Ѳемистокла, безъ сомнѣнія, есть очень миленькія дѣти, и отецъ такъ заботится о нихъ, что хотя и достанется имъ наслѣдство послѣ ихъ родственника Платона, но отецъ, не жалѣя силъ своихъ, старается еще болѣе обезпечить ихъ будущность. Платона всѣ считаютъ злоязычникомъ и избѣгаютъ встрѣчи съ нимъ, хотя въ душѣ, а часто и на словахъ, всѣ надъ нимъ смѣются и никто его не боится, всѣ напротивъ помыкаютъ имъ. Ѳемистоклъ чрезвычайно любезенъ и остороженъ въ обращеніи, всѣ находятъ удовольствіе быть съ нимъ въ обществѣ, но всѣ боятся его. Одну только общую точку можно отъискать въ личностяхъ Платона и Ѳемистокла: оба они чрезвычайно обходительны съ людями, низшими ихъ по званію, и вообще очень гуманны въ своемъ обращеніи. Словомъ сказать—трудно найти контрастъ болѣе полный и рѣзкій, нежели контрастъ между Платономъ и Ѳемистокломъ, но однакоже, при всемъ безконечномъ различіи въ темпераментахъ и наклонностяхъ, рѣчь Ѳемистокла могла бы служить продолженіемъ и во всякомъ случаѣ должна служить дополненіемъ къ рѣчамъ Платона. Чтобы убѣдить въ томъ читателя, мы приведемъ начало этой мастерской рѣчи, одной изъ лучшихъ въ книгѣ Щедрина:

„Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ и созданы... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучились разнымъ наукамъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у насъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое comme il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой

нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ—это понятно: они тамъ родились, тамъ и выросли; ну, а мы совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобы и формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутація не запятнана—vous comprenez?

„Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... Фи! Вы забыли, что отъ него тамъ, Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я, просто, призываю писаря, или тамъ другаго, et je lui dis „mon cher, tu me dois tant et tant"—ну, и дѣло съ концомъ. Какъ ужь онъ тамъ дѣлаетъ—это до меня не относится.

„Я самъ терпѣть не могу взяточничества—фуй, мерзость! Взятки опять-таки берутъ только Фейеры да Трясучкины, а у насъ на это совсѣмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выходитъ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность, только исчислить статьи: гоньба тамъ что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter".

Много матеріаловъ для размышленія представляетъ книга, «собранная и изданная г. М. Е. Салтыковымъ». Изъ двухъ или трехъ сотъ типовъ, представляемыхъ записками его Щедрина, мы разсмотрѣли только три. Изъ двадцати трехъ статей, составляющихъ «Губернскіе очерки», мы коснулись только нѣкоторыхъ страницъ изъ пяти очерковъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы осудить все замѣчательное и важное въ «Запискахъ» Щедрина, долженъ былъ бы къ двумъ томикамъ его «Губернскихъ очерковъ» прибавить двадцать огромныхъ томовъ комментарій. Работа,—читатель, вѣроятно, ожидаетъ, что мы скажемъ: громадная или утомительная? Нѣтъ—работа, легкая и до такой степени заманчивая для пишущаго, что трудно намъ теперь сказать себѣ: «довольно, довольно: и безъ того статья уже длинна, вѣроятно, слишкомъ длинна».

Читатели, по всей вѣроятности, совершенно разочарованы въ своихъ предположеніяхъ содержаніемъ нашей статьи. Читатели, вѣроятно, ожидали, что, по поводу книги Щедрина, мы будемъ говорить объ общественныхъ вопросахъ, которые возбуждаются «Губернскими очерками». Другіе, быть можетъ, думали, что мы коснемся художественныхъ вопросовъ, ими возбуждаемыхъ Первая задача дѣйствительно имѣетъ значительную привлекательность. Но, пусть простятъ насъ читатели. Гораздо интереснѣе показалось намъ сосредоточить все наше вниманіе исключительно на чисто психологической сторонѣ типовъ, представляемыхъ Щедринымъ. Мы охотно признаемся, что этотъ личный нашъ вкусъ, быть можетъ, ошибоченъ; но чтожь дѣлать?—У каждаго человѣка есть свои любимыя

пристрастія, есть свои любимыя теоріи, есть свои любимыя мысли, о которыхъ онъ готовъ говоритъ кстати и не кстати. У насъ два такихъ пристрастія: во-первыхъ, наклонность къ разрѣшенію чисто психологическихъ задачъ, во вторыхъ, наклонность къ извиненію человѣческихъ слабостей. Намъ показалось, что защищая людей, мы не защищали злоупотребленій. Намъ казалось, что можно сочувствовать человѣку, поставленному въ фальшивое положеніе, даже не одобряя всѣхъ его привычекъ, всѣхъ его поступковъ. Удалось ли намъ провести эту мысль съ достаточной точностью, пусть судятъ другіе.

Что же касается литературныхъ достоинствъ книги, изданной г. Салтыковымъ—о нихъ также пусть судятъ другіе. «Губернскіе очерки» мы считаемъ не только прекраснымъ литературнымъ явленіемъ,—эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни.

«Губернскими очерками» гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнѣйшими, и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности, которыми поспѣшатъ прославлять его наши собратія по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книги, имъ написанной.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПЕРЕМѢНЫ?

(Разсказы Н. В. Успенскаго. Двѣ части. Спб. 1861 г.).

Чѣмъ г. Успенскій привлекъ вниманіе публики, за что онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ ея?—До сихъ поръ онъ писалъ только такіе крошечные разсказы, въ которыхъ не могло помѣститься ни одно изъ качествъ, обыкновенно составляющихъ репутацію хорошихъ беллетристовъ. Начать съ того, что ни въ одной его статейкѣ нѣтъ сказочнаго интереса; да и какъ въ нихъ быть ему, когда изъ 24 очерковъ, собранныхъ теперь въ отдѣльномъ изданіи, не меньше какъ двадцать разсказовъ какъ будто бы не имѣютъ даже никакого сюжета. Только въ четырехъ можно отыскать что нибудь похожее на повѣсть,—да и то, какую повѣсть?—самую незамысловатую и почти всегда недосказанную. «Старуха» разсказываетъ, какъ попали въ солдаты два ея сына; объ одномъ, еще такъ-себѣ, сказываетъ она по порядку, а объ другомъ не удалось ей поговорить, потому что уснулъ купецъ, слушавшій ее, и принесла хозяйка постоялаго двора бѣдной старушонкѣ творожку и молочка, въ ожиданіи которыхъ болтала она съ купцомъ.—Въ другой пьесѣ сталъ мѣщанинъ разсказывать о своей покойной женѣ Грушкѣ, досказалъ дѣло до женидьбы, да не случилось ему ничего сообщить, какъ онъ жилъ съ Грушкою послѣ свадьбы.—Въ третьемъ разсказѣ повелъ рѣчь г. Успенскій о томъ, въ какой гнусной бѣдности жилъ студентъ медицинской академіи Брусиловъ, но не довелъ рѣчи ни до какой развязки: лежитъ Брусиловъ больной въ какомъ то «углу» комнаты, за столомъ въ которой извощики считаютъ деньги, за

стѣною которой пьяный сапожникъ бьетъ свое семейство, и надъ которой во второмъ этажѣ идетъ пляска,—на томъ и кончено; что же сталось съ Брусиловымъ? Умеръ чтоли онъ, или какъ нибудь оправился?— Ничего неизвѣстно —Есть еще разсказецъ о чудакѣ Антошкѣ, но и тутъ ничего не выжмешь, кромѣ того что Антошка былъ мастеръ на нелѣпыя проказы.—Вотъ вамъ и всѣ четыре пьески, въ которыхъ есть, если не что нибудь цѣлое, то хоть половина чего нибудь, что стало бы цѣлымъ, если бы было докончено. А въ остальныхъ двадцати пьесахъ не спрашивайте и того: это все только маленькіе отрывочки, какъ будто листики, вырванные изъ чего-нибудь, а изъ чего—и догадаться нельзя. Описывается, напримѣръ, какъ извощики разчитывались съ хозяиномъ постоялаго двора; или какъ проѣзжій съ огромными усами надѣлалъ кутерьму на станціи; или какъ шелъ праздничный обѣдъ у прикащика; или какъ народъ ждалъ благовѣста къ заутрени на свѣтлый праздникъ; или какъ проѣзжимъ юношамъ не удалось пошалить съ смазливою бабенкою, которую посадили они на облучекъ; или какъ одна дъяконица пріѣзжала въ гости къ другой,— и ни въ одной изъ этихъ отрывочныхъ сценъ ровно ничего особеннаго не описывается, и происшествій никакихъ нѣтъ.—Если взглянуть на разсказы г. Успенскаго съ другой стороны, посмотрѣть, не обрисованы ли въ нихъ характеры, нѣтъ ли психологическихъ анализовъ,—и того не находите.— Что жь, есть беллетристы, не заботящіеся ни о подборѣ приключеній съ занимательными завязками и развязками, ни объ обрисовкѣ характеровъ, ни о психологическахъ тонкостяхъ, но за то дѣйствующіе на васъ или яркою, жгучею тенденціею, или превосходнымъ слогомъ. У г. Успенскаго не обнаруживается никакой тенденціи, да и пишетъ онъ такъ себѣ, не заботясь какъ будто бы ни объ остроуміи, ни объ изяществѣ. Правда, попадаются у него очень смѣшныя фразы, иной разъ случится и цѣлая страница очень забавная; не мало у него и коротенькихъ описаній, очень художественныхъ,—но все это какъ будто написалось у него случайно, а вообще разсказъ его идетъ, какъ попало, безъ всякаго уваженія къ обязанности вознаградить хотя слогомъ за безцеремонность относительно содержанія. Что же касается до тенденціи, объ ней лучше и не спрашивайте: взялъ человѣкъ два-три листа бумаги, набросалъ на нихъ какой нибудь разговорецъ или какое нибудь описаньеце, и отдаетъ вамъ лоскутки этихъ листовъ безъ начала и

безъ конца, совершенно не думая о томъ, выходитъ ли какой нибудь смыслъ изъ написаннаго имъ. Конечно, у г. Успенскаго есть талантъ и большой талантъ: но что же это за талантъ, который даетъ намъ все только лоскутки? Если же говорить о талантѣ, то не слѣдуетъ ли только бранить его за такія незначительныя и небрежныя произведенія?

Незначительныя и небрежныя,—оно бы казалось, что слѣдуетъ ихъ считать такими, слѣдуетъ по всѣмъ возможнымъ основаніямъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; а на дѣлѣ выходитъ не то. Публика считаетъ маленькія пьесы г Успенскаго заслуживающими вниманія. Отчего же это?

Намъ кажется, что причиною тутъ не одна безспорная талантливость,—мало ли есть произведеній, написанныхъ съ талантомъ и все-таки не возбуждающихъ ни малѣйшаго участія къ себѣ?—Есть у г. Успенскаго другое качество, очень сильно нравящееся лучшей части публики. Онъ пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ.

Давнымъ давно критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычай и понятія сильно идеализируются. Стало быть намъ нечего и доказывать это, когда всѣмъ оно извѣстно. Мы лучше поищемъ причинъ, по которымъ не могъ отстать отъ идеализированія народа никто изъ прежнихъ нашихъ беллетристовъ, не смотря на совѣты критики. По нашему мнѣнію, источникъ непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и понятій былъ и похваленъ и чрезвычайно печаленъ. Замѣчали ли вы, какую разницу въ сужденіяхъ о человѣкѣ, которому вы симпатизируете, производитъ ваше мнѣніе о томъ, можно ли или нельзя выбиться этому человѣку изъ тяжелаго положенія, внушающаго вамъ состраданіе къ нему? Если положеніе представляется безнадежнымъ, вы толкуете только о томъ, какія хорошія качества находятся въ несчастномъ, какъ безвинно онъ страдаетъ, какъ злы къ нему люди, и такъ далѣе. Порицать его самого показалось бы вамъ напрасною жестокостью, говорить о его недостаткахъ—пошлою безчувственностью. Ваша рѣчь о немъ должна быть панегирикомъ ему,—говорить въ иномъ тонѣ было бы вамъ совѣстно. Но совершенно другое дѣло, когда вы полагаете, что бѣда, тяготѣющая надъ человѣкомъ, можетъ быть отстранена, если захочетъ онъ самъ и помогутъ ему близкіе къ нему по чувству. Тогда

вы не распространяетесь о его достоинствахъ, а безпристрастно вникаете въ обстоятельства, отъ которыхъ происходитъ его бѣда. Обыкновенно вы находите, что нужно перемѣниться и ему самому, чтобы измѣнилась его жизнь; вы замѣчаете, что напрасно онъ дѣлалъ въ извѣстныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, что ошибался онъ относительно многихъ предметовъ, что въ характерѣ его есть слабости, отъ которыхъ надобно ему исправляться, что въ привычкахъ его есть дурное, которое долженъ онъ бросить, что въ образѣ его мыслей есть неосновательность, которую долженъ онъ уничтожить болѣе серьезнымъ размышленіемъ. Какъ бы ни началась ваша рѣчь о такомъ человѣкѣ, незамѣтно для васъ самихъ переходитъ она въ укоризны ему. А вы, когда дѣйствительно желаете ему добра, ни мало уже не конфузитесь этимъ,—вы чувствуете, что въ суровыхъ вашихъ словахъ слышится любовь къ нему и что они полезны для него,—гораздо полезнѣе всякихъ похвалъ.

Упоминаетъ ли Гоголь о какихъ нибудь недостаткахъ Акакія Акакіевича? Нѣтъ, Акакій Акакіевичъ безусловно правъ и хорошъ; вся бѣда его приписывается безчувствію, пошлости, грубости людей, отъ которыхъ зависитъ его судьба. Какъ пошлы, отвратительны сослуживцы Акакія Акакіевича, глумящіеся надъ его безпомощностью! Какъ преступно невнимательны его начальники, не вникающіе въ его бѣдственное положеніе, не заботящіеся пособить ему! Акакій Акакіевичъ страдаетъ и погибаетъ отъ человѣческаго жестокосердія. Такъ, подлецомъ почелъ бы себя Гоголь, если бы разсказалъ намъ о немъ другимъ тономъ. Но за то разсудите же, можно ли въ самомъ дѣлѣ пособить Акакію Акакіевичу. Разумѣется, можно: назначить ему награду побольше обыкновенной, подарить ему шинеленку, когда старая стала слишкомъ плоха. Это можно сдѣлать. Но вѣдь это и дѣлалось. Вѣдь начальникъ назначилъ ему награду больше той, на которую разсчитывалъ самъ Акакій Акакіевичъ, и безъ сомнѣнія гораздо больше той, какую въ самомъ дѣлѣ онъ заслужилъ. А сослуживцы хотѣли устроить подписку для покупки ему шинели. Правда, подписка не состоялась, но только по случайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ сослуживцы никакъ не были виноваты, и можетъ быть на другой мѣсяцъ, когда осталось бы у чиновниковъ нѣсколько лишнихъ денегъ, дѣйствительно собрали бы они рублей пять-шесть на починку старой шинели. По крайней мѣрѣ желаніе у нихъ было, и кое-что они вѣроятно сдѣлали бы.

Да вѣдь они ужь и сдѣлали кое-что: развѣ они не радовались покупкѣ новой шинели? Они сдѣлали больше; они даже пригласили Акакія Акакіевича на вечеринку. Чего же вамъ еще? Вы скажете, что всѣ эти доброжелательства и милости не спасли Акакія Акакіевичъ ни отъ нищеты, ни отъ униженій, ни отъ жалкой смерти?—Разумѣется такъ,—но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ было можно кому нибудь въ самомъ дѣлѣ улучшить жизнь Акакія Акакіевича? Служа писцомъ, онъ получалъ малое жалованье; такъ. Что же, можно было дать ему повышеніе по службѣ, сдѣлать, напримѣръ, помощникомъ столоначальника? Помилуйте, вѣдь начальникъ даже хотѣлъ было сдѣлать это, но Акакій Акакіевичъ оказался рѣшительно неспособенъ ни къ чему лучшему жалкой должности писца. Онъ даже самъ такъ думалъ. Вѣдь онъ самъ сталъ просить, чтобы оставили его на прежнемъ мѣстѣ. Скажите же пожалуйста, въ комъ заключалась причина бѣдствій и униженій Акакія Акакіевича? Въ немъ самомъ, только въ немъ самомъ. Сослуживцы издѣвались надъ нимъ. Но вѣдь другъ надъ другомъ не издѣвались же они, другъ съ другомъ обращались же по человѣчески. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идіотъ.—Начальство давало мало жалованья Акакію Акакіевичу: ему нельзя было давать больше, онъ не заслуживалъ того, чтобы ему давали больше, едва ли заслуживалъ и такого жалованья, какое получалъ.—Значительный человѣкъ прикрикнулъ на Акакія Акакіевича, явившагося просить объ отысканіи шинели, и прогналъ его, но вѣдь Акакій Акакіевичъ не съумѣлъ ничего объяснить ему путнымъ образомъ, а все только твердилъ «тово... тото... тово...», и потомъ брякнулъ вздоръ, что секретари ненадежный народъ,—глупость, совершенно не относившуюся къ дѣлу. Скажите же по совѣсти, кто обязанъ слушать вздоръ, котораго и разобрать нельзя?

Видите ли теперь, Акакій Акакіевичъ имѣлъ множество недостатковъ, при которыхъ такъ и слѣдовало ему жить и умереть, какъ онъ жилъ и умеръ. Онъ былъ круглый невѣжда и совершенный идіотъ, ни къ чему неспособный. Это видно изъ разсказа о немъ, хотя разсказъ написанъ не съ тою цѣлью. Зачѣмъ же Гоголь прямо не налегаетъ на эту часть правды объ Акакіѣ Акакіевичѣ,—на эту невыгодную для Акакія Акакіевича часть правды, выставленную нами?

Мы знаемъ отчего. Говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіе-

вичѣ безполезно и безсовѣстно, если не можетъ эта правда принести пользы ему, заслуживающему состраданія по своей убогости. Можно говорить объ немъ только то, что нужно для возбужденія симпатіи къ нему. Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу. Но если говорить другимъ о немъ все, что можно бы сказать, ихъ состраданіе къ нему будетъ ослабляться знаніемъ его недостатковъ. Будемъ же молчать о его недостаткахъ.

Таково было отношеніе прежнихъ нашихъ писателей къ народу. Онъ являлся передъ нами въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть, который можетъ получать себѣ пользу только отъ нашего состраданія. И вотъ писали о народѣ точно такъ, какъ написалъ Гоголь объ Акакіѣ Акакіевичѣ. Ни одного слова жестокаго или порицающаго. Всѣ недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ, несчастенъ. Посмотрите, какъ онъ кротокъ и безотвѣтенъ, какъ безропотно переноситъ онъ обиды и страданія! Какъ онъ долженъ отказывать себѣ во всемъ, на что имѣетъ право человѣкъ! Какія у него скромныя желанія! Какія ничтожныя пособія были бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это забитое существо, съ такимъ благоговѣніемъ смотрящее на насъ, столь готовое проникаться безпредѣльною признательностью къ намъ за малѣйшую помощь, за ничтожнѣйшее вниманіе, за одно ласковое слово отъ насъ! Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями — все это насквозь пропитано запахомъ «шинели» Акакія Акакіевича.

Прекрасно и благородно,—въ особенности благородно до чрезвычайности. Только какая же польза изъ этого—народу? Для насъ польза дѣйствительно была, и очень большая. Какое чистое и вкусное наслажденіе получали мы отъ сострадательныхъ впечатлѣній, сладко щекотавшихъ нашу мысль ощущеніямъ нашей способности трогаться, умиляться, сострадать несчастію, проливать надъ нимъ слезу, достойную самого Манилова. Мы становились добрѣе и лучше,—нѣтъ, это еще очень сомнительно, становились ли мы добрѣе и лучше, но мы чувствовали себя очень добрыми и хорошими. Это очень большая пріятность, ее можно сравнить только съ тѣмъ удовольствіемъ, какое получалъ покойный мужъ Коробочки отъ чесанія пятокъ,—или, чтобы употребить сравненіе болѣе знакомое намъ

людямъ благовоспитаннымъ, мы испытывали то же самое наслажденіе, какое доставляетъ хорошая сигара. Славное было для насъ время!

А теперь не то. Являются какіе-то мальчишки, — по примѣру «Русскаго Вѣстника» и Отечественныхъ Записокъ», называющихъ мальчишками насъ, я позволяю себѣ назвать мальчишкою г. Успенскаго, который, кстати, и довольно молодъ въ самомъ дѣлѣ, — итакъ являются мальчишки въ родѣ г. Успенскаго, которые чувствуютъ,—а можетъ быть и сознательно думаютъ—кто ихъ разберетъ,—что наши прежнія отношенія къ народу, какъ будто къ невинному въ своемъ злосчастіи Акакію Акакіевичу, никуда не годятся; они говорятъ о народѣ Богъ-знаетъ что̀, жестоко оскорбляющее нашу сантиментальную симпатію къ нему. Если судить ихъ слова по нашимъ прежнимъ привычкамъ, то не видишь въ нихъ даже любви къ народу, которой мы такъ гордились, по крайней мѣрѣ нѣтъ въ нихъ никакой снисходительности къ нему, и не отыщешь въ ихъ разсказахъ ни одного похвальнаго словечка. Взгляните, напримѣръ, какія черты выставляетъ вамъ въ народѣ г. Успенскій.

Вотъ первый разсказъ «Старуха». Одинъ сынъ ея пошелъ въ солдаты за то, что хотѣлъ взять назадъ свою жену отъ прикащика, который жилъ съ нею. Какая идеальная исторія готова рисоваться передъ вашею фантазіею, по привычкѣ къ прежнему прикрашиванію! Сильная привязанность жены къ мужу, извергъ-прикащикъ, насильно отнимающій красавицу жену, вопли жены, страшныя сцены ея напраснаго сопротивленія животному буйству и такъ далѣе, и такъ далѣе. Нѣтъ, у г. Успенскаго ничего такого не говорится. Сама старуха, мать пропавшаго изъ-за жены сына, разсказываетъ дѣло такимъ образомъ:

„Женили мы его; съиграли это свадьбу; глядь поглядь, примѣчаемъ: молодая, жена-то его,—красивая была, Богъ съ нею, баба,—его не долюбливаетъ и такъ совсѣмъ вотъ не льстится. А онъ, сердечный, былъ на лицо не совсѣмъ гожъ: оспа, еще когда онъ былъ махонькимъ, всего изуродовала.

«Вотъ какъ обжились они, Петруша—его звали Петрушей—началъ слѣдить за ней: нѣтъ ли, дескать, на сердцѣ кручинушки, или зазнобушки, не любитъ ли она кого. Подмѣчаетъ разъ, другой,—все нѣтъ... и виду никакого... на работѣ такая же, какъ и дома. Ну, тѣмъ и кончилось, что нѣтъ да и нѣтъ. Вотъ разъ къ намъ приходитъ староста и говоритъ... дѣло было лѣтомъ... Петръ Семенычъ, говоритъ—это прикащикъ,—велѣлъ вашей Варварѣ собираться на

барскій дворъ, и мужъ, говоритъ, пускай придетъ съ ней. Думаемъ промежду себя: зачѣмъ это? у насъ о ту пору всѣ были дома, и она и Петруша. Старикъ говоритъ: „чтожь сходи, Петруша; за чѣмъ нибудь понадобился: авось онъ тебя не съѣстъ.“ Петруша надѣлъ зипунъ, собрался это: „ну, говоритъ, Варвара Борисьевна, пойдемъ, прогуляемся“: шутникъ былъ, голубчикъ мой. А она на него такъ и зѣвнула: „да ступай, говоритъ, лихоманка тебя возьми“, и чернымъ словомъ его .. „Ступай одинъ, безъ тебя дорогу знаю.“ Старикъ въ это время ковырялъ лаптенки, сидѣлъ на конникѣ; обидно ему, стало быть, показалось: да какъ же не обидно? грубая .. извѣстно, баба, кормилецъ. Сидѣлъ, сидѣлъ, жалко ему стало Петрушу, да и молвилъ: „когда ты, Варвара, будешь умна, за что всегды зычишь на него? иной бы тебя, говоритъ, чѣмъ ни попадя...“ и побранилъ ее. Она не взлюбила: должно, не по нутру... накинула зипунъ, повязала платокъ писаный,—она все въ писаныхъ ходила,—и хлопнула что ни есть мочи дверью. Старикъ мой покачалъ, покачалъ головою—и только. „Жалко, говоритъ, Петрушу,—смерть—жалко!...“ Вотъ они ушли къ прикащику, а мы ждемъ; помню, я тутъ качала на обрывкѣ ея мальчика, это невѣсткина-то: сижу... качь, да качь... Смотримъ, приходитъ онъ одинъ уже передъ вечеромъ.

„Ну, Петруша, за чѣмъ?“ спросили мы.—„Да что, говоритъ, прикащикъ оставляетъ Варвару на кухнѣ работницей; ласково таково со мною обошелся: „я, говоритъ, съ твоего согласія... если не хочешь, какъ хочешь: у меня ей будетъ хорошо; я хошь платы не положу, за то отъ работы ослобоняется. Извѣстно, когда понадобятся ей деньги, я дамъ и деньжонокъ; платокъ коли куплю“. Мы подумали... что же, говоримъ, отчего не такъ? хошь одна баба и была въ домѣ, да вѣдь и при ней-то, подумали мы, не красно было: иногды сердце изнываетъ, глядючи на ея грубости.—„Если ты, Петруша, это говоритъ старикъ, — соглашаешься, такъ, пожалуй, и мы согласны“. — „Отчего же, говоритъ, не согласиться? Я радъ, что ей это по ндраву: почему, что, когда мы выходили отъ прикащика, она на меня: „живи, говоритъ, Петька, да не тужи“,— это она-то ему—и ухмыльнулась... Она его все Петькой называла.—„Что жь, ко мнѣ, Варвара Борисьевна, часто будешь ходить?“ спросилъ онъ ее. Она опять засмѣялась, да и сказала: „разя на деревнѣ бабъ мало, окромя меня?“

Видите, ровно никакого ни насилія, ни притѣсненія тутъ не было. Варвара пошла въ работницы къ прикащику съ согласія мужа и его родныхъ. Правда, чрезъ нѣсколько времени стали они требовать, чтобы она вернулась жить съ мужемъ, потому что стали въ селѣ смѣяться надъ Петромъ: Варвару въ глаза ему называли прикащицей. Но мы были бы слишкомъ недогадливы, если бы вздумали, что только изъ этихъ слуховъ и насмѣщекъ, да изъ подсмотрѣнной братомъ мужа сцены между прикащикомъ и Варварой, мужъ ея и его родные узнали объ отношеніяхъ Варвары къ прикащику. Она была баба красивая, прикащикъ былъ человѣкъ холостой, она мужа не любила, они давно полагали, что у ней есть любовникъ, — съ перваго же слова прикащика должно было стать

для нихъ понятно, зачѣмъ онъ хочетъ поселить ее съ собой. А если они еще не догадались объ этомъ дѣлѣ изъ словъ прикащика, чего нельзя думать, то уже никакъ нельзя было имъ оставаться въ невѣдѣніи, когда Варвара, отпуская мужа домой, сказала, чтобы вмѣсто нея нашелъ онъ себѣ другую бабу. Однако-же, Петръ и его семейство долго не огорчались житьемъ Варвары у прикащика. Изъ всего видно, что они захотѣли разорвать связь Варвары съ прикащикомъ только для прекращенія сплетенъ и насмѣшекъ, и если вы не оскорбитесь нашимъ цинизмомъ, мы скажемъ, что они въ этомъ случаѣ были ни на волосъ не больше достойны сочувствія, чѣмъ Фамусовъ, безпокоящійся только о томъ, «что будетъ говоритъ княгиня Марья Алексѣвна». Разъ отважившись на безпристрастіе къ этимъ людямъ, хотя они и простолюдины, и бѣдны, и угнетены, мы попробуемъ васъ спросить: сочувствовали бы вы изображенному въ повѣсти чиновнику или помѣщику, который сталъ бы принуждать возвратиться къ нему въ домъ жену, которая терпѣть его не можетъ, и отдана за него безъ согласія? Вы человѣкъ гуманный, признаете свободу сердца, защищаете права женщины; навѣрное вы порицали бы мужа. Не угодно ли же вамъ судить мужика Петра точно также, какъ судили бы вы какого нибудь совѣтника Владиміра Андреича, или уѣзднаго предводителя Бориса Петровича. Но не вздумайте говорить, что мужикъ Петръ не читалъ ни статей объ эманципаціи, ни романовъ Жоржа-Занда. Вы видите, что въ семействѣ Петра были достаточно практическія понятія объ этихъ вещахъ, — понятія, до которыхъ не доходила и Жоржъ-Зандъ: вѣдь они не поперечили прикащику, когда онъ бралъ къ себѣ Варвару. Почему не поперечили? Да едва ли не потому, что ожидали отъ этой полюбовной сдѣлки выгодъ для себя. Не оскорбитесь циническимъ предположеніемъ нашимъ относительно ихъ, хотя они и мужика: вѣдь если бы подобная исторія разсказывалась вамъ про свѣтскихъ людей, васъ нельзя было бы убѣдить, что не было тутъ съ ихъ стороны денежнаго разсчета. Забудемте же, кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ или мѣщанинъ, кто мужикъ, будемте всѣхъ считать просто людьми, и судить о каждомъ по человѣческой психологіи, не дозволяя себѣ утаивать передъ самими собою истину ради мужицкаго званія.

Да, кто говорилъ съ простолюдинами за-просто, тотъ знаетъ, какъ много между ними людей грѣшныхъ съ этой стороны, на ко-

торую указываютъ отношенія Петра и его родныхъ къ связи прикащика съ Варварой. Никакъ не меньше (мы думаемъ, что и не больше) между мужиками людей грѣшащихъ такими разсчетами, чѣмъ въ нашемъ кругу. Живетъ мужъ съ женою плохо; подвертывается человѣкъ, сравнительно съ нимъ сильный, или богатый,—и мужъ очень спокойно уступаетъ ему свою жену и притворяется, будто бы ничего не знаетъ, пока слишкомъ громкій всеобщій говоръ не заставитъ его принять видъ оскорбленнаго и обманутаго. Бываетъ и хуже: иной открыто отвѣчаетъ насмѣшникамъ, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Но такіе безстыжіе глаза довольно рѣдки въ образованномъ обществѣ: рѣдки и между простолюдинами. За то нерѣдки въ образованномъ обществѣ,—разумѣется, нерѣдки и между мужиками,—примѣры противнаго: никакими выгодами не обольстится человѣкъ на потворство; мы вовсе не отрицаемъ подобныхъ случаевъ въ мужицкомъ быту; мы только говоримъ, что и тамъ, какъ въ нашемъ кругу, чаще бываетъ корыстное потворство, въ которомъ принуждены мы были изобличить Петра и его родныхъ.

Да и съ чего же вы взяли въ самомъ дѣлѣ, что этого нѣтъ между мужиками? Или мужики обязаны быть рыцарями благородства и героями честности? Помилуйте, не такіе ли же они люди, какъ и мы съ вами? Вы знаете, что въ нашемъ кругу нельзя не быть преобладанію пошлыхъ, корыстолюбивыхъ снисхожденій и уступокъ надъ исключительными случаями твердаго отказа. Вы знаете обстоятельства и отношенія, изъ которыхъ произошла у насъ разсчетливая безнравственность. Семейныя дѣла запутаны, а если и довольно денегъ, то хочется имѣть ихъ побольше, чтобы пожить пошире; жена капризничаетъ; мужъ имѣетъ кой-какія связишки на сторонѣ; что же тутъ удивительнаго, если человѣкъ съ деньгами или съ вліяніемъ купитъ жену у мужа? Что же, въ мужицкомъ быту нѣтъ точно такихъ же обстоятельствъ? Мужики бѣдны; съ женами часто живутъ они очень дурно; покровительство сильныхъ людей имъ нужно. Что должно выходить изъ этого—разсудите сами.

Только пожалуйста отстаньте, кромѣ прѣсной лживости, усиливающейся идеализировать мужиковъ, еще отъ одного очень тупоумнаго пріема: подводить всѣхъ мужиковъ подъ одинъ типъ, въ родѣ того, какъ сливаются въ нашихъ глазахъ въ одну фигуру всѣ китайцы. Китайцы отъ насъ очень далеко; поэтому простительно

намъ судить о нихъ обо всѣхъ оптомъ: китаецъ-дескать привязанъ къ старинѣ, любитъ опіумъ, носитъ длинную косу и такъ далѣе, и разницы дескать нѣтъ между китайцами. Ни намъ, ни имъ, по отдаленности между нами, нѣтъ никакого убытка отъ этого гуртоваго способа сужденій. Но мужики къ намъ близки: намъ стыдно не замѣчать разницъ между ними, мы имѣемъ съ ними дѣла, потому и намъ и имъ очень вредно, если мы будемъ думать и поступать по такимъ безразличнымъ, гуртовымъ сужденіямъ о нихъ. Наше общество составляютъ люди очень различныхъ образовъ мыслей и чувствъ. Въ немъ есть люди пошлаго взгляда и благороднаго взгляда; есть люди безличные и люди самостоятельные. Всѣ эти разницы находятся и въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ. Мы, по указаніямъ г. Успенскаго, говоримъ только о тѣхъ людяхъ мужицкаго званія, которые въ своемъ кругу считаются людьми дюжинными, безцвѣтными, безличными. Каковы бы ни были они (какъ двѣ капли воды сходные съ подобными людьми нашихъ сословій), не заключайте по нимъ о всемъ простонародьи, не судите по нимъ о томъ, къ чему способенъ нашъ народъ, чего онъ хочетъ и чего достоинъ. Иниціатива народной дѣятельности не въ нихъ, они, какъ подобные люди нашихъ сословій, только плывутъ, куда дуетъ вѣтеръ, и поплывутъ во всякую сторону, въ какую подуетъ вѣтеръ. Но ихъ изученіе все-таки важно, потому что они составляютъ массу простонародья, какъ и массу нашихъ сословій. Иниціатива не отъ нихъ; но должно знать ихъ свойства, чтобы знать, какими побужденіями можетъ дѣйствовать на нихъ иниціатива.

А впрочемъ, если вы тверды въ гуманномъ принципѣ, повелѣвающемъ считать человѣкомъ каждаго человѣка, какого бы тамъ званія ни былъ онъ, если вы способны думать о мужикѣ не какъ о странномъ по виду и по разговору существѣ, съ которымъ нѣтъ у васъ ничего сходнаго, а просто какъ о человѣкѣ, у котораго тоже два глаза, какъ и у васъ, тоже по пяти пальцевъ на рукахъ,— если...—но нѣтъ, судя по всему, что я читаю въ книгахъ писанныхъ для васъ, судя по всему, что я слышалъ отъ васъ,—отъ васъ ли, читатель, лично, или отъ вашихъ друзей, или отъ людей, похожихъ на васъ и на вашихъ друзей,—судя по всему этому, я полагаю, что вы разсуждаете подобно дворовой дѣвушкѣ Аленѣ Герасимовнѣ и конторщику Семену Петровичу, которые на «Гуляньѣ» у г. Успенскаго ведутъ между собою такую бесѣду:

— Ну, а что, у человѣка внутрѣ есть, Семенъ Петровичъ?

— Внутрѣ-съ бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутрѣ мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!.. Объясните мнѣ пожалуйста, что — у штатскихъ и у военныхъ внутрѣ одинаково?

— Ну, на счетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во-первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго нѣтъ.

„Конторщикъ подсѣлъ къ дѣвкѣ и началъ свое объясненіе."

Извините, если вы приняли за обиду, что я усомнился въ различіи вашихъ мыслей отъ мнѣній Алены Герасимовны и Семена Петровича. Такая компанія для васъ унизительна. Возвращусь же къ предположенію, отъ котораго готовъ былъ отказаться: положимъ, вы знаете, что «внутрѣ у человѣка одинаково» и у штатскаго, и у военнаго, и у сапожника, и у продовольствующагося мякиной. Такъ если, говорю я, знаете вы это, вамъ не нужно много хлопотать объ изученіи народа, чтобы знать, что ему нужно и чѣмъ можно на него дѣйствовать. Предположите, что ему нужно то же самое, что и вамъ, и вы не ошибетесь. Предположите, что на дюжинныхъ людей въ народѣ дѣйствуютъ тѣ же разсчеты и побужденія, какія дѣйствуютъ на дюжинныхъ людей вашего круга, и это будетъ правда.

Только умѣйте подводить частные виды одного и того же чувства подъ общую ихъ сущность; умѣйте, напримѣръ, понимать, что стремленіе получить деньги—одно и то же стремленіе, будутъ ли деньги представляться въ видѣ пачки кредитныхъ билетовъ или въ видѣ двугривеннаго; умѣйте понимать, что привычка считать крупной такую сумму денегъ, которая иному покажется мелка, нимало не измѣняетъ сущности дѣйствій, внушаемыхъ надеждою получить деньги, и опять-таки умѣйте понимать, что выслушивать колкости, или скучать въ непріятномъ обществѣ, или подставлять шею подъ матеріальные толчки кулакомъ—и улыбаться въ надеждѣ полученія, или въ благодарность за полученіе денегъ—все это въ сущности одно и то же. Если вы твердо знаете это, васъ нимало не обезкуражитъ сцена, которою заканчивается очеркъ г. Успенскаго «Проѣзжій». На станціи является господинъ, не жалѣющій своихъ рукъ на поученіе станціоннаго смотрителя, старосты и ямщиковъ; требуя поскорѣе лошадей, онъ разбиваетъ множество носовъ, подбиваетъ множество глазъ и такъ далѣе, и совершивъ эти подвиги,

садится пить водку. Вотъ лошади готовы. Посмотрите же, чѣмъ кончается вся шутка.

„На крыльцѣ стоитъ проѣзжій съ полштофомъ въ рукахъ. За нимъ смотритель, старуха, деньщикъ и мѣщанинъ. Изъ полуотворенпаго окна высматриваетъ купецъ. Вокругъ крыльца стоятъ ямщики, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были въ предъидущей сценѣ, т. е. съ подвязанными глазами и проч.

„Проѣзжій. Что же, всѣ собрались?

„Ямщики (*дружно*). Всѣ, ваше высокородіе...

„Проѣзжій (*наливая водку*). Ну-ко... Подходите... (*Народъ пьетъ и откланивается, утираясь полами. На дворѣ время отъ времени позвякиваетъ колокольчикъ*). А что, тройка хорошая?

„Ямщики. Важная, чудесная, ваше высокородіе...

„Проѣзжій (*отдавая полштофъ деньщику*). Ну что же, вы на меня не сердитесь?

„Ямщики. За что же, ваше высокородіе... Много довольны.

„Проѣзжій. А кто у васъ тутъ запѣвало? (*Ямщики вытаскиваютъ изъ своей толпы молодаго парня съ отдутой щекой*).

„Проѣзжій. Ты?

„Парень (*скромно*). Я-съ.

„Проѣзжій. Вотъ вамъ на всѣхъ... (*Даетъ изъ кошелька монету; ямщики кланяются и говорятъ благодарность*). Ну, спойте же пѣсню!... да хорошенько... (*Парень, придерживая щеку, какъ это дѣлаютъ вообще запѣвалы, начинаетъ; всѣ подхватываютъ.—Пѣсня раздается.*)

«Ночь осенняя,
Молодка моя,
Молоденькая» и т. д.

«Съѣзжаетъ со двора тройка. Колокольчикъ разливается, отчего ямщики приходятъ въ большой экстазъ.»

«Какое безнадежное паденіе народнаго духа и народной чести»! воскликнетъ человѣкъ, неумѣющій приравнивать своеобразныя формы проявленій общаго свойства въ разныхъ сферахъ жизни: «эти люди сейчасъ были безвинно перебиты человѣкомъ, не имѣвшимъ никакого права не только бить ихъ, но и взыскивать съ нихъ; и что же? этотъ человѣкъ поитъ ихъ водкой, даетъ имъ нѣсколько денегъ на водку, и они забываютъ обиду, остаются довольны, даже благодарны. Такой народъ совершенно утратилъ всякое чувство своихъ правъ, всякое сознаніе человѣческаго достоинства; онъ ни къ чему не способенъ, кромѣ какъ быть битымъ отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго». Спора нѣтъ, черта, выставляемая г. Успенскимъ очень печальна; но выводить изъ нея слишкомъ отчаянныя

заключенія, значитъ страдать идеализаціей. Разберемъ дѣло повнимательнѣе. Во-первыхъ, неужели вы думаете, что побитые ямщики въ самомъ дѣлѣ не чувствуютъ ни боли, ни озлобленія? Что они не выражаютъ этого чувства, даже поступаютъ на перекоръ ему, ровно ничего еще не свидѣтельствуетъ противъ силы чувства и противъ возможности и готовности поступить сообразно ему при первомъ удобномъ случаѣ. Человѣкъ очень горячо выражаетъ свое чувство только пока еще не свыкся съ нимъ; но черезъ нѣсколько времени онъ перестаетъ жаловаться и суетиться, если жалобы и суеты ни къ чему не ведутъ; онъ получаетъ хладнокровный видъ и даже начинаетъ поступать какъ будто бы не имѣетъ чувства,— но вѣдь это вовсе еще не значитъ, что оно исчезло въ немъ. Посмотрите, напримѣръ, на больныхъ: у кого случился флюсъ въ первый разъ, тотъ Богъ-знаетъ какъ кричитъ и мечется; а когда флюсъ случится съ нимъ въ двадцатый разъ, онъ уже не заговариваетъ самъ о своей болѣзни, даже неохотно отвѣчаетъ на ваши вопросы о ней, можетъ уже и шутить, и хохотать,—неужели изъ этого вы заключите, что онъ не чувствуетъ боли и не имѣетъ желанія избавиться отъ нея? Полноте, такая мысль нелѣпа. Возьмите другой примѣръ: къ вамъ пріѣхалъ пріятель, съ которымъ не видѣлись вы нѣсколько лѣтъ. Вы съ нимъ обнимаетесь, вы суетитесь, вы поднимаете Богъ-знаетъ какую суматоху въ домѣ,—что жь, это натурально при первомъ свиданіи; но замѣтьте, только при первомъ. На другой день вы бесѣдуете съ вашимъ пріятелемъ уже очень смирно; значитъ ли это, что вы потеряли привязанность къ нему? Такъ и во всемъ: въ первые разы, пока дѣло остается экстреннымъ, чувство, порождаемое дѣломъ, обнаруживается экстренными проявленіями; а когда дѣло вошло въ обычный ходъ жизни, чувство перестаетъ нарушать обычный ходъ жизни въ ея внѣшнихъ житейскихъ проявленіяхъ; но еще вопросъ, не усилилось ли оно отъ проникновеній въ самый корень вашей жизни, а ослабѣть уже ни въ какомъ случаѣ не ослабѣваетъ оно, хотя и стало молчаливѣе. Ямщикъ съ раздутой щекой подлежитъ дѣйствію совершенно одинаковаго психологическаго закона, отъ чего бы ни вздулась у него щека, отъ флюса ли, или отъ кулака: онъ былъ бы нелѣпымъ психологическимъ уродомъ, еслибы обычныя проявленія его внѣшней жизни нарушились отъ факта, принадлежащаго къ обычному ходу ея. Но совершенно другое дѣло спросить: доволенъ ли онъ

разными принадлежностями этого обычнаго хода жизни.—Могутъ сказать: «однако же, если отношенія, производящія исскуственное подобіе флюса, не нравятся этимъ людямъ, зачѣмъ не предпринимаютъ они ничего для измѣненія объстоятельствъ?»—Пусть читатель вспомнитъ, о какомъ разрядѣ людей разсказываетъ намъ г. Успенскій и разсуждаемъ мы по его замѣткамъ. Это люди дюжинные, люди безцвѣтные, лишенные инпціативы; во всѣхъ сословіяхъ они одинаково живутъ день за день, не умѣя сами взяться ни за что новое, и ожидая внѣшнихъ поводовъ и возбужденій для того, чтобы дѣйствовать въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Г. Успенскому случилось выставить намъ, какъ примѣръ народныхъ обстоятельствъ относительно искусственнаго флюса, дюжинныхъ людей изъ сословія ямщиковъ. Посмотрите же, какъ поступаютъ ямщики и въ другихъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно нашли бы они выгоду измѣнить прежній порядокъ, и съ охотою измѣнили бы его. У насъ былъ обычай запрягать лошадей тройкою. Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а по трактамъ отъ Москвы на юго-востокъ ямщики очень долго сохраняли, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, быть можетъ сохраняютъ и теперь, стремленіе запрягать вамъ тройку, хотя бы вы платили прогоны только на пару.—«Да зачѣмъ же это запрягать лишнюю лошадь, за которую я не плачу?»—спрашиваете, бывало, вы.—Оно, батюшка, такъ лучше будетъ.—«Да чѣмъ же лучше?»—Оно лошадкамъ полегче будетъ.—«Да вѣдь я одинъ, у меня поклажи не больше пуда, вѣдь перекладная телѣга легка»—Оно такъ, батюшка, точно, что и на парѣ легко, а все лучше припрягу третью.—Неужели вы думаете, что этотъ ямщикъ не жалѣетъ лошадей или расположенъ оказывать вамъ бо́льшую услугу, чѣмъ обязанъ? Нисколько; онъ везетъ васъ изъ рукъ вонъ плохо, гораздо тише, чѣмъ слѣдуетъ по положенію; онъ жалѣетъ лошадей. Зачѣмъ же онъ гоняетъ лишнюю лошадь совершенно даромъ? Просто потому, что такъ заведено, а дюжинные люди дѣлаютъ только то, что заведено, а масса людей во всякомъ званіи—дюжинные люди. Точно тоже и относительно обращенія ямщиковъ съ проѣзжимъ, подвиги котораго изобразилъ г. Успенскій. Разбивъ и разогнавъ ямщиковъ, проѣзжій садится закусывать и старуха несетъ ему ветчину.

„Старуха (*съ ветчиной*). Кабы онъ меня... Сохрани Господи!

„Ямщикъ (*отвернувшись всторону*). Ты съ нимъ не разговаривай... Можетъ, ничего.

„Новый проѣзжій. Аль кто тутъ дерется?

„Ямщикъ. Нѣтъ мы такъ... про себя. (*Проѣзжій идетъ въ комнату*).

„Прежній купецъ (*высовывается изъ кухни съ растрепанными волосами*). Бабушка! какъ понесешь туда закуску, захвати мой узелокъ... Сдѣлай милость.

„Старуха (*вздыхаетъ*). Ужь и не знаю!.. (*Робко идетъ въ комнату. Со двора у двери выглядываетъ толпа ямщиковъ съ отдувшимися щеками, подвязанными глазами, и проч.*)

„Толпа. Гдѣ онъ?

„Ямщикъ (*въ сѣняхъ, держась за носъ*). Уйдите отъ грѣха! Бестрашные!!..

„Толпа. Мы тогда какъ разъ по конюшнямъ!...

„Ямщикъ. Гдѣ жь смотритель?

„Толпа. Въ колодѣ лежитъ... (*Народъ начинаетъ между собою разговаривать; при чемъ кто размахивается, что-то представляя, кто проситъ товарища посмотрѣть глазъ: поднимая платокъ и т. д. На дворѣ легонько гремятъ бубенчики. Вскорѣ раздается крикъ. Изъ комнаты выбѣгаетъ старуха съ посудой, проѣзжій съ мѣшкомъ, и мѣщанинъ, держась за щеку;—раздаются голоса:* «Православные! Ваше высокородіе!» *Толпа бросается вонъ изъ сѣней, и видно, какъ въ безпорядкѣ бѣжитъ по двору: при этомъ слышится голосъ:* „Прячьтесь!“)

„Проѣзжій (*высовывая голову изъ-за двери и ворочая бѣлками*). Подайте мнѣ ихъ сюда!.. (*Народъ шумитъ въ отдаленіи. Поддужный колокольчикъ звякаетъ и все затихаетъ*).

Почему ямщики разбѣжались, и не придержали бойкаго проѣзжаго за руки, на что имѣли полное право? Просто потому, что такъ заведено разбѣгаться и прятаться. Но вотъ они вновь собираются, подступаютъ къ дверямъ комнаты, въ которой сидитъ ихъ обидчикъ. Вы думаете, они хотятъ посчитаться съ нимъ, связать его, представить въ судъ,—вы думаете, они сошлись для возстановленія своихъ беззаконно нарушенныхъ правъ. для отмщенія обидъ,—нѣтъ, это не заведено; они сошлись только по заведенному порядку, что надобно же поглазѣть на всякую штуку, надобно, значитъ, поглазѣть и на проѣзжаго, который въ первый разъ путешествуетъ по ихъ тракту,—они съ тѣмъ собираются чтобы вновь разбѣжаться по конюшнямъ при первомъ его движеніи, и дѣйствительно разбѣгаются; не скажите, что дѣлаютъ они это подъ вліяніемъ какого нибудь чувства, собственно относящагося къ этому случаю, не подумайте, напримѣръ, что главная пружина тутъ страхъ или трусость собственно передъ этимъ проѣзжимъ,—нѣтъ, главная

сила тутъ—обычай, машинальная привычка, «такъ заведено». Тутъ дѣйствіемъ ямщиковъ руководитъ та самая машинальность, по которой ямщикъ разсуждаетъ съ лошадьми, или всегда предпочитаетъ объѣздъ столбовой дорогѣ, хотя бы по объѣзду дорога была и длиннѣе и хуже, или почесываетъ у себя въ затылкѣ, хотя бы вовсе не чесалось, или ѣздитъ по весеннему льду, до послѣдней минуты, пока ледъ тронется,—Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково управляетъ отдѣльнымъ человѣкомъ не расчетъ выгоды или невыгоды, надобности или ненадобности, опасности или безопасности совершаемаго имъ дѣйствія въ данныхъ обстоятельствахъ, а машинальная привычка, нѣчто въ родѣ той силы, которая направляетъ шаги лунатика.—«Такъ заведено», вотъ и все.

Кто не привыкъ смотрѣть на человѣка во всякомъ званіи просто какъ на человѣка, кто раздѣляетъ мнѣніе Семена Петровича, что «внутри у человѣка бываетъ различно», смотря по его званію,—тотъ опять пожалуй скажетъ, что этою чертою дѣйствовать по заведенному порядку народъ отличается отъ насъ, образованныхъ людей.—Нѣтъ, нисколько. И въ нашихъ сословіяхъ всѣ дюжинные люди, т. е. громаднѣйшее большинство поступаетъ точно такъ же. Напримѣръ: кто изъ обычныхъ посѣтителей какого нибудь клуба или кружка не жалуется постоянно, что ему тамъ очень скучно; и однакоже продолжаетъ постоянно ѣздить туда;—почему же? «Такъ заведено». Спросите у каждаго изъ насъ, дюжинныхъ людей, приносятъ ли ему хотя малѣйшее удовольствіе тѣ предметы на которыя идетъ большая часть его денегъ, пріобрѣтаемыхъ обыкновенно или тяжелыми трудами, или непріятными униженіями,—нѣтъ, удовольствія отъ этихъ расходовъ не получается никакого, они дѣлаются только потому, что такъ заведено.—Впрочемъ, что же мы начали подробно развивать этотъ взглядъ, какъ будто содержащій въ себѣ что нибудь новое, требующее доказательствъ? Вѣдь всѣ фельетоны и всѣ разговоры наши наполнены разсужденіями о безусловномъ господствѣ такъ-называемаго «приличія» или «требованій приличія» въ образованномъ обществѣ надъ всѣми дѣйствительными чувствами, реальными потребностями, здравыми разсчетами и всякими другими соображеніями и побужденіями каждаго изъ насъ, составляющихъ массу образованнаго общества. «Приличіе» или «требованія приличія»—вѣдь это только частное выраженіе общаго принципа: «такъ заведено». Если вы замѣтили это, чи-

татель, намъ шутя понадобится доказывать уже не то, что господство принципа «такъ заведено» сильнѣе въ простонародьи, чѣмъ въ образованномъ обществѣ,—надобно будетъ доказывать то, что въ образованномъ обществѣ этотъ принципъ господствуетъ не гораздо сильнѣе, чѣмъ въ народѣ. А по нашему взгляду, что человѣкъ всякаго званія ни больше, ни меньше, какъ человѣкъ, мы думаемъ, что во всѣхъ званіяхъ принципъ этотъ одинаково господствуетъ надъ дюжинными людьми, т. е. огромнымъ большинствомъ людей.

«Такъ заведено»—это еще не объясненіе. Почему же «такъ заведено?» Входить въ подробное объясненіе, значитъ втягиваться въ длинную исторію. Вѣроятно были когда нибудь достаточныя причины установляться такой или другой привычкѣ; вѣроятно продолжаютъ эти причины дѣйствовать, если она еще не измѣнилась. Если, напримѣръ,—но мы говоримъ это только къ примѣру, а не для выраженія какихъ нибудь дѣйствительныхъ отношеній,—если, напримѣръ, одинъ человѣкъ обижаетъ другаго, и другой этотъ не жалуется на обидчика, то надобно полагать, что онъ увѣренъ въ безполезности жалобы, или даже опасается отъ нея новыхъ обидъ и непріятностей себѣ.—Точно также, если одинъ человѣкъ обижаетъ другихъ, которые сами по себѣ сильнѣе его и собственно отъ него могли бы защищаться, а между тѣмъ не защищаются, то надобно полагать, что въ случаѣ обороны они возбудили бы противъ себя другую силу, что они знаютъ объ этомъ и что собственно только это званіе удерживаетъ ихъ отъ обороны.

Если же установился такой обычай, то неудивительно, что обиженный, безъ зазрѣнія совѣсти, принимаетъ милости отъ обидчика съ признательностью и, напримѣръ, готовъ выражать благодарность и пѣть пѣсни въ удовольствіе человѣку, только-что побившему его, когда обидчикъ поподчуетъ его водкой. Вѣдь мы предположили, что нельзя найти правильнаго удовлетворенія за обиду, а попытка отмстить безъ соблюденія формальностей повела бы только къ новымъ, болѣе тажелымъ обидамъ и бѣдамъ. Слѣдовательно, тутъ человѣкъ получаетъ удары, какъ будто бы отъ роковой силы, отъ случайныхъ улыбокъ которой нельзя и отказываться, если нельзя выйти изъ-подъ ея вліянія. Кто на свѣтѣ можетъ отъ чего бы то ни было терпѣть больше обидъ, чѣмъ мы, жители Петербурга, получаемъ отъ своего климата? Безпрестанно бьетъ насъ онъ дождемъ и снѣгомъ, слѣпитъ туманомъ, и нельзя перечесть всѣхъ наглыхъ

продѣлокъ, какія онъ сочиняетъ надъ нами. А все-таки чуть покажетъ намъ онъ хоть лоскутокъ чистаго неба, броситъ намъ хоть нѣсколько лучей яснаго солнышка, мы съ радостнымъ восторгомъ принимаемъ отъ нашего обидчика эти милости и спѣшимъ ими пользоваться. Опять я спрашивыю васъ: значитъ ли это, что мы довольны петербургскимъ климатомъ, что мы въ душѣ примирились или можемъ когда нибудь примириться съ нимъ? Значитъ ли это, что каждый изъ насъ не ждетъ первой возможности выйти изъ-подъ власти этого нашего врага, уѣхать куда нибудь на югъ или на западъ? Мы пустились въ метафоры: въ собственномъ смыслѣ слова обидъ не наноситъ намъ климатъ,—онъ только подвергаетъ насъ непріятностямъ, болѣзненнымъ ощущеніямъ. Вотъ точно также, только въ метафорическомъ смыслѣ, называетъ обыкновенный языкъ обидами тѣ удары, которые получили ямщики отъ проѣзжаго. Удары эти даются не индивидуальною силою проѣзжаго, а неразумною силою вещей; его руки, бьющія по зубамъ ямщиковъ, все равно, что вѣтви дерева, которыя также очень больно хлещутъ васъ и по лицу и по всему, по чемъ попало, когда вы проѣзжаете мимо дерева. Обижаетесь ли вы этими ударами? Нѣтъ, они только производятъ боль. Униженія вамъ тутъ нѣтъ.

Впрочемъ, какъ же не быть униженію? Нѣтъ оно есть: вы унижены тѣмъ, что не нашли средства отвратить удары вѣтвей, сующихся куда имъ не слѣдуетъ; вы не сообразительны и безсильны; отъ этого, кромѣ физической боли, есть въ васъ и досада. Однакожь все это тонкости, которыми не стоитъ заниматься: простая ли тутъ боль, или вмѣстѣ съ болью есть и униженіе. Объ этомъ не стоитъ разсуждать. Важность только въ томъ, что вы не дѣлаете ничего особеннаго дурнаго, когда пользуетесь при случаѣ тѣнью, того же самаго дерева, которое хлестнуло васъ по лицу; важность еще въ томъ, что если вы какъ нибудь воспользовались его тѣнью, изъ этого не слѣдуетъ еще заключить, что вамъ не былъ непріятенъ ударъ его вѣтви и не чувствуете вы надобности отвратить его, чтобы не повторяла она надъ вами такой же продѣлки.

Мы нашли ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которыя заставляетъ дюжинныхъ людей въ народѣ безотвѣтно переносить страданія и непріятности, не обнаруживая даже злобы на обидчиковъ. Но вѣдь если всмотрѣться поближе въ эту частную и ближайшую причину, она сама требуетъ объясненія—

Понять это поможетъ намъ разсказъ г. Успенскаго «Обозъ». Въ этомъ маленькомъ очеркѣ нѣтъ ровно никакихъ особенныхъ происшествій: среди сильной метели кое-какъ дотащился обозъ до постоялаго двора; мужики поотогрѣлись и одинъ изъ нихъ позабавилъ товарищей на сонъ грядущій анекдотомъ о томъ, какія здоровенныя лошади были у какого-то неизвѣстнаго извощика; подъ этотъ разсказъ усталые мужики крѣпко уснули. Дальше тоже не случилось ничего особеннаго; но если мы будемъ сокращать разсказъ о томъ, что было дальше, впечатлѣніе факта ослабится и вы не поймете всего смысла его. Предлагаемъ же вамъ прочесть внимательно весь слѣдующій довольно длинный отрывокъ, не перебѣгая глазами ни черезъ одну строку, хотя на всѣхъ строкахъ все одно и то же.

„Въ избѣ было какъ во тьмѣ кромѣшно, все наповалъ храпѣло; у иного въ горлѣ такіе раскаты раздавались, что представлялось, что кто нибудь во мракѣ ночи, подкравшись къ спящему, умертвилъ его.

„Рано утромъ, лишь только пропѣли вторые пѣтухи, кто-то изъ мужиковъ соннымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, вставай, расчитываться пора!

„Въ избѣ зажгли ночникъ.

— Что, какъ погода-то, ребята?

— Не говори, братъ!.. такая-то бушуетъ!

— Ахъ ты Господи! Что дѣлать?

— Какъ мнѣ быть съ своею лошадью-то? Врядъ доѣдетъ...

„Извощики разбудили хозяина и мало по малу начали собираться вокругъ стола, медленно вытаскивая изъ-за пазухи кошели, висѣвшіе на шеѣ; иные еще умывались, молились Богу и старались не смотрѣть на садившагося за столъ хозяина, потому что разсчетъ для нихъ былъ невыносимъ. Одинъ мужикъ стоялъ у двери и глядѣлъ на икону, намѣреваясь занести руку на лобъ, но хлопанье счетовъ и хозяйскій голосъ смущали его.

„Мѣщанинъ, разбуженный мужиками, съ проклятьями переселился на нары, говоря тамъ: чтобъ вамъ померзнуть въ дорогѣ; ахъ, вы, горлодеры!

— Ты сколько съ меня положилъ? простуженнымъ голосомъ спросилъ хозяина извощикъ.

— Тридцать копѣекъ.

— Ты копѣйку долженъ уступить для меня... Я тебѣ послѣ сослужу за это... ей-богу...

— А кто это у васъ, ребята, вчера разсказывалъ? вдругъ, смѣясь спросилъ хозяинъ.

— Про извощика-то? заговорило нѣсколько голосовъ.

— Да.

— Это вотъ Иванъ.

„Мужики всѣ нѣсколько ободрились, глядя на усмѣхавшагося хозяина, и были очень довольны, что онъ хоть на минуту отвлекъ ихъ вниманіе отъ разсчета. Хозяинъ это сдѣлалъ для того, чтобы мужики не слишкомъ забивали свою голову утомительными вычисленіями, а поскорѣй расчитывались.

— Важно, братъ, разсказываешь, сказалъ хозяинъ.—Съ тебя приходится. Егоръ, сорокъ двѣ... Нѣтъ, у насъ былъ одинъ разскащикъ курскій .. изъ Курска проѣзжалъ, такъ уморитъ бывало со смѣху... Двѣ за хлѣбъ да сорокъ... сорокъ-двѣ...

— Евдокимъ! Нѣтъ ли у тебя пятака?

— Ну только, продолжалъ хозяинъ,—съ чего-то давно пересталъ ѣздить... ужь и голова былъ! еще давай гривенникъ. За тобой ничего не останется.

„...Однако мужики поняли, что все-таки надо соображать и слѣдить за разсчетомъ, хотя дворникъ завелъ рѣчь о курскомъ разскащикѣ. Вслѣдствіе этого мужики снова приняли мрачный видъ, напрягая все свое вниманіе на вычисленія.

— Егоръ! погляди: это двугривенный, али нѣтъ?

— Ну-ко... не разберу, парень...

— Подай-ко сюда!

— Смотри малый!

— Это фальшивый... у меня ихъ много было...

— Хозяинъ, ты что за овесъ кладешь?

— Тридцать серебромъ. Василій! сказалъ хозяинъ:—ты о чемъ хлопочешь? Вѣдь ты съ Кондрашкой изъ одного села?

— Да какже... одной державы .. только вотъ разумомъ-то мы не взмыслимъ.

— Вы такъ считайте: положимъ щи да квасъ—сколько составляютъ? восемь серебра. Эхъ,—писаря! За чѣмъ сѣкутъ-то васъ?

— Извѣстно, сѣкутъ зачѣмъ... Ну начинай, Кондратій: щи, да квасъ...

— А тамъ овесъ пойдетъ...

— Овесъ послѣ... ты ассигнацію-то вынь: по ней будемъ смотрѣть...

— Вы, ребята, ровнѣй кошели-то держите... счетъ ловчѣй пойдетъ...

— Не сбивай!... Э!... вотъ тебѣ и работа вся: съ одного конца счелъ, съ другаго забылъ.

„Черезъ часъ, послѣ нѣсколькихъ вразумленій мужикамъ, хозяинъ, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышелъ вонъ изъ избы, оставивъ всѣхъ мужиковъ съ кошелями на шеяхъ за столомъ.

— По скольку же онъ клалъ за овесъ?

— А кто его знаетъ... Ты ему гляди въ зубы-то: онъ на тебя то напоретъ что зазимуешь здѣсь...

— Вотъ тамъ!... Чего опасаться? Ты чихвиря-то знаешь? Валяй, чихверями... Пиши...

„Мужики окружили пишущаго.

— Это ты что поставилъ?

— Чехверю...

— Ну? это палка что? щи?

— Нѣтъ, квасъ...

Какой тамъ? Я пишу, что съ хозяина приходится...

— Слушай его!... Ты, Гаврила, про что давеча мнѣ говорилъ?

— Да не помнишь, сколько ты у меня взялъ въ Ендовѣ?

— Постой! Я тебѣ давно говорилъ, Гаврила, ты восчувствовать долженъ. На прошлой станціи кто платилъ? Небойсь я!

— Ну, ты погоди говорить: сколько за свой товаръ прикащикъ, далъ на всѣхъ?

— По гривнѣ.

— Ну, ладно ты разложи эти гривны здѣсь на лавкѣ; пойдемъ сюда къ печи...

— Что тамъ дѣлать? А ты мнѣ скажи: ты пилъ вчера вино?

— Нѣтъ.

— Ну, третеводни?

— Нѣтъ.

— Ты Бога-то, я вижу, забылъ...

— Я, братъ, Бога помню чудесно...

— Нѣтъ, ребята, лучше валяй чехверями; мы его живо обработаемъ! Нарисуй-ко сперва овесъ...

— Да что вы съ нимъ толкуете; давайте лучше жеребій кинемъ...

— Для чего жеребій?

— Развѣдать: можетъ, кто изъ насъ плутуетъ...

— Такъ и узналъ!.. Тутъ одно спасенье въ чихверяхъ.. Наука вострая.

— Андрей! сочти мнѣ пожалуйста.

— Давай. Ты что бралъ?

— Сѣно, да ѣлъ вчера убоину...

— Ну? а кашу?

— Нѣтъ... не ѣлъ... что жь...

— А у тебя всѣхъ денегъ-то сколько?

— Съ меня приходилось сперва сорокъ три... а всѣхъ денегъ, что такое?. Куда я дѣвалъ грошъ-то?

— Ну, ты гляди сюда; что я то говорю: ты убоину-то ѣлъ?

— Да про что жь я говорю; жралъ и убоину, пропади она!

— Ну, коли такъ, дешево положить нельзя.

— Что за оказія! куда жь это грошь дѣвался?

— Ребята, будетъ вамъ спорить! Бросай и чихверя, и разговоры, пустимъ все на власть Божью!

— Да ныньче такъ пустилъ, завтра пустилъ—этакъ до Москвы десять разъ умрешь съ голоду! По крайности—башку понабьешь счетами, а то смерть. Я тебѣ головой отвѣчаю: что чихверь первая вещь на свѣтѣ!

— Ну, ребята, бросай все!

— Бросай!.. провалиться ей пропадомъ.

— Какъ провалиться!.. Эко ты!

— Нѣтъ, надо считать!.. Какъ можно!

— Извѣстно считать... Ай мы богачи какіе?

— Ивлій! не знаешь ли: пять да восемь—сколько?

— Пять да восемь... восемь... восемь... А ты вотъ что, малый, сдѣлай, поди острыгай лучиночку и надѣлай клепышковъ, знаешь...

Мужики въ безпорядкѣ ходили по избѣ, обращаясь другъ къ другу и придерживая кошели: кто спорилъ, кто раскалывалъ лучину: иные забились въ уголъ, высыпали деньги въ подолъ и твердили про себя, перебирая по пальцамъ: первой, другой"... Два мужика у печи сидѣли другъ противъ друга и говорили:

— Примѣрно, ты будешь двугривенный а я четвертакъ... этакъ слободнѣе соображать.

Одинъ будилъ на печи лакея, не зная, что дѣлать съ своею головою, другой будилъ мѣщанина, который закрывался шубой и крѣпко ругался, покрывая голоса всѣхъ мужиковъ.

Наконецъ мужики бросили всѣ разсчеты и счеты и, перекрестившись съѣхали со двора. Недоспавшій лакей укутался на возу, ни слова не говоря ни съ кѣмъ.

На улицѣ было темно; метель была пуще, чѣмъ вечеромъ: вѣтеръ такъ и силился снять съ мужиковъ армяки:—Верстахъ въ пяти отъ станціи, на горѣ, одинъ мужикъ крикнулъ:

— Эй, Егоръ!.. А вѣдь я сейчасъ дозналъ, что хозяинъ-то меня обсчиталъ.

— И меня, парень, тоже; ты разсуди: четверикъ овса... да я еще въ прошлую зиму на немъ имѣлъ полмѣры... вотъ и выходитъ...

— А ты что ужиналъ?

— Да хлѣбъ, квасъ и щи.

— Нѣтъ ты вотъ что возьми, перебилъ первый мужикъ,—и начался продолжительный споръ съ разными головоломными соображеніями.

Вьюга выла немилосердно, отъ сильнаго мороза мужики часто закрывали свои лица полами армяковъ".

Кажется, если бы г. Успенскій написалъ только эти три-четыре страницы о народѣ, мы и тогда должны были бы назвать его человѣкомъ, которому удалось такъ глубоко заглянуть въ народную жизнь и такъ ярко выставить передъ нами коренную причину ея тяжелаго хода, какъ никому изъ другихъ беллетристовъ. Когда вы прочтете эти страницы, вы вспомните, что было кое-что о томъ же предметѣ замѣчаемо и другими, начиная съ знаменитой сцены въ «Мертвыхъ Душахъ», когда Чичиковъ распрашиваетъ у мужика о дорогѣ въ деревню Маниловку. Но то все говорилось мимоходомъ и смыслъ сказаннаго сглаживался рѣзкимъ выставливаніемъ другихъ подробностей народной жизни. А г. Успенскій заботливо всмотрѣлся въ эту главную черту и далъ намъ вдоволь полюбоваться на нее, не отвлекая отъ нея нашего пристальнаго взгляда ничемъ другимъ, болѣе разнообразнымъ или живымъ. Скажите же, не наводило на васъ тоску то же самое безконечное толкованье на-

шихъ простолюдиновъ, напрасно бьющихся надъ соображеніемъ самымъ простымъ? Вотъ сколько часовъ бьются люди, чтобы сосчитать сумму въ какія нибудь сорокъ копѣекъ,—сумму, составляющуюся изъ сложенія всего какихъ нибудь трехъ-четырехъ статей. Господи, какъ ломаютъ они голову, какихъ штукъ не придумываютъ, чтобы одолѣть эту трудность! и просто считаютъ, и мѣломъ рисуютъ, и на счетахъ выкладываютъ, и какими-то чихверями валяютъ, и все-таки такъ-таки и отдали деньги и уѣхали съ постоялаго двора, не сосчитавъ, сколько они должны заплатить и правильно ли требуетъ съ нихъ хозяинъ. Цѣлыя пять верстъ уже проѣхали они въ темнотѣ по сугробамъ, и навѣрное цѣлыхъ два часа ѣхали, и все въ размышленіяхъ о неконченномъ разсчетѣ,—тутъ только, наконецъ, показалось одному, будто онъ сообразилъ свой разсчетъ, но и это чуть ли не было ошибкой: по крайней мѣрѣ найденное имъ рѣшеніе задачи вызвало новые нескончаемые толки.

Правда ли это? Такъ ли оно дѣйствительно бываетъ? Скажите же послѣ этого, гдѣ же прославляемая смѣтливость русскаго простолюдина? Только немногіе, очень горячо и небезтолково любящіе народъ поймутъ, какъ достало у г. Успенскаго рѣшимости выставить передъ нами эту черту народа безъ всякаго смягченія. Да понималъ ли онъ, что дѣлаетъ? Только въ томъ случаѣ, если не понималъ онъ, и могутъ простить ему этотъ отрывокъ квасные патріоты, разрядъ которыхъ гораздо обширнѣе, чѣмъ воображаютъ разные господа, подсмѣивающіеся надъ квасными патріотами, а сами принадлежащіе къ ихъ числу. Вѣдь г. Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилею. Обидно, очень обидно это краснорѣчивымъ панегиристамъ русскаго ума,—глубокаго и быстраго народнаго смысла. Обидно оно, это такъ, а все-таки объясняетъ намъ ходъ народной жизни и, къ величайшей досадѣ нашей, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить эту жизнь, кромѣ тупой нескладицы въ народныхъ мысляхъ. Если сказано «простофиля», вся его жизнь понятна:

„Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!
Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!
Ужь я въ третью: мужикъ! ты что бабу бьешь?

Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!
Я, въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду.
Съ голоду, родименькій, съ голоду!"

Жалкіе отвѣты, слова нѣтъ, но глупые отвѣты. «Я живу холодно, холодно».—А развѣ не можешь ты жить тепло? Развѣ нельзя быть избѣ теплою?—«Я живу голодно, голодно».—Да развѣ нельзя тебѣ жить сытно, развѣ плоха земля, если ты живешь на черноземѣ, или мало земли вокругъ тебя, если она не черноземъ,—чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что разсерженъ холодомъ.»—Да развѣ жена въ этомъ виновата?—«Я въ кабакъ иду съ голоду».—Развѣ тебя накормятъ въ кабакѣ? Отвѣты твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилею. Не такъ слѣдуетъ жить и не такъ слѣдуетъ отвѣчать, если ты не глупъ.

Но только вы не забудьте, что мы видимъ въ русскомъ мужикѣ не особенное существо, у котораго «внутрѣ нѣтъ ничего одинаковаго» съ другими людьми, а видимъ въ немъ просто человѣка, и если находимъ какое нибудь качество въ дюжинныхъ людяхъ русскаго мужицкаго сословія, изображаемыхъ у г. Успенскаго, то въ этомъ же самомъ качествѣ мы готовы уличить и огромное большинство людей всякаго сословія,—быть можетъ и мы съ вами, читатель, не составляемъ исключенія. Исключеній мало. Они есть; но теперь, вслѣдъ за г. Успенскимъ, мы ведемъ рѣчь не объ этихъ исключеніяхъ, а о людяхъ дюжинныхъ, объ огромномъ большинствѣ людей.

Русскому мужику трудно связать въ головѣ дѣльнымъ образомъ двѣ дѣльныя мысли, онъ безконечно ломаетъ голову надъ пустяками, которые ясны, какъ дважды два четыре; его умъ слишкомъ неповоротливъ, рутина засѣла въ его мысль такъ крѣпко, что не даетъ никуда двинуться,—это такъ; но какой же мужикъ превосходитъ нашего быстротою пониманія? О нѣмецкомъ поселянинѣ всѣ говорятъ тоже самое, о французскомъ—тоже, англійскій едва ли не стоитъ еще ниже ихъ. Французскіе поселяне заслужили всесвѣтную репутацію дикою неповоротливостью ума. Итальянскіе поселяне прославились совершеннымъ равнодушіемъ къ итальянскому дѣлу. Но что же говорить о какихъ бы то ни было поселянахъ, вѣдь они невѣжды, имъ натурально играть въ исторіи дикую роль, когда они

не вышли изъ того историческаго періода, отъ котораго сохранились Гомеровы поэмы, Эдда и наши богатырскія пѣсни. Посмотрите на другія сословія. Въ какой кружокъ людей ни взойдите, вы не растолкуете большинству ихъ ничего превышающаго кругъ ихъ рутинныхъ понятій; вы въ Богъ-знаетъ сколько времени не научите ихъ сочетать правильнымъ порядкомъ хотя эти привычныя имъ понятія. Послѣ каждаго спора спросите, у кого хотите изъ спорившихъ, умныя ли вещи говорили его противники и понятливы ли, воспріимчивы ли были они къ его мыслямъ. Изъ тысячи случаевъ только въ одномъ скажетъ вамъ человѣкъ, что противъ его мнѣній говорили умно, съ толкомъ. Значитъ въ остальныхъ случаяхъ непремѣнно одно изъ двухъ: или дѣйствительно безтолковы люди, съ которыми спорилъ спрошенный человѣкъ, или самъ онъ безтолковъ. А вѣдь эта дилемма захватываетъ всю тысячу, за исключеніемъ одного.

Но не забудьте о чемъ мы говоримъ: мы говоримъ о томъ, хорошо ли идетъ жизнь и умѣютъ ли люди скоро сообразить, отчего она идетъ дурно и чѣмъ можно поправить ее; скоро ли и легко ли растолкуешь имъ это, если самъ понимаешь, или скоро ли поймешь чье нибудь дѣльное толкованіе, если еще не понимаешь. Вотъ только объ этомъ мы говоримъ; только тутъ люди оказываются чрезвычайно несообразительны, просто сказать тупоумны. А въ рутинныхъ дѣлахъ,—помилуйте,—почти всѣ они очень понятливы, чуть не геніальны; быть можетъ, не всегда разсудительны въ поступкахъ,—что жь дѣлать, человѣческая слабость,—но въ мысляхъ чрезвычайно бойки. Интрижку ли устроить, отговорку ли какую придумать, намолоть ли три короба чепухи по какому нибудь разсчету,—на это мастеръ почти каждый, кто хоть сколько нибудь пообтерся въ жизни. Но вѣдь въ этихъ дѣлахъ и всякій мужикъ, въ томъ числѣ и нашъ русскій мужикъ, никому не уступитъ сообразительностью, изворотливостью, живостью, быстротой мысли. Торгуется онъ, напримѣръ, такъ, что иной сидѣлецъ можетъ ему позавидовать,—обмануть васъ, онъ такъ искусно обманетъ, что послѣ того подивишься, и вы не заблуждайтесь, не сочтите за доказательство противнаго ту нелѣпую тупоумную безсчетность, какую обнаружили ямщики г. Успенскаго въ разсчетѣ съ хозяиномъ постоялаго двора. Это случай, въ которомъ рутина показываетъ напрасность всякихъ усилій провѣрить счетъ хозяина. Считай, не считай, все-таки

надобно отдать сколько онъ требуетъ. Вы сами бываете точно въ такомъ же глупомъ положеніи при всякомъ выѣздѣ изъ гостинницы. Богъ знаетъ чего не напишутъ вамъ въ счетъ, какихъ дикихъ прибавокъ не набьютъ туда, и какихъ не сообразныхъ цѣнъ не выставятъ. Считайте вы или не считайте, уличайте плутни или не уличайте, спорьте противъ нихъ или не спорьте, все равно вы заплатите сполна по счету, фальшивость котораго очевидна. Послѣ этого, какая же собственно польза считать и провѣрять? Но вы все-таки дѣлаете это—просто по рутинѣ, говорящей людямъ вашего сословія, что они должны выражать неудовольствіе на содержателей гостинницъ, бранить ихъ при расплатѣ, даже дѣлать имъ не совсѣмъ приличныя для васъ самихъ сцены. Умна ли эта рутина сердиться, горячиться и не предпринимать ничего для устраненія плутовства? У мужиковъ другая рутина: у нихъ прямо сидитъ въ головѣ мысль, что хозяина постоялаго двора не переспоришь и что поэтому провѣрять его счетъ или считать самому—дѣло напрасное; вотъ только поэтому такъ и тупоумны мужики въ разсчетѣ; они сами чувствуютъ, что занимаются пустяками; рутина сложилась у нихъ въ такую форму: толку въ этихъ счетахъ нѣтъ и не добьешься до него. Вы видите: что они точно такъ и дѣлаютъ: начнутъ считать и тотчасъ же бросятъ; опять начнутъ и опять бросятъ.

Рутина господствуетъ надъ обыкновеннымъ ходомъ жизни дюжинныхъ людей и въ простомъ народѣ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, въ простомъ народѣ рутина точно такъ же тупа, пошла, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Заслуга г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ отважился безъ всякихъ утаекъ и прикрасъ изобразить намъ рутинныя мысли и поступки, чувства и обычаи простолюдиновъ. Картина выходитъ вовсе непривлекательная: на каждомъ шагу вздоръ и грязь, мелочность и тупость.

Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа, или вашихъ описаній, если вы до сихъ поръ находили себѣ интересъ въ народной тупости и вялости. Возьмите самаго дюжиннаго, самаго безцвѣтнаго, слабохарактернаго, пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другого от-

тѣнка, минуты энергическихъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи каждаго народа.

Однако же не лучше ли будетъ намъ остановиться на этомъ, и для заключенія статьи припомнить кое-какія изъ мыслей, внушенныхъ намъ книгою г. Успенскаго. Мы замѣтили радикальную разницу между характеромъ разсказовъ о простонародномъ бытѣ у г. Успенскаго и у его предшественниковъ. Тѣ идеализировали мужицкій бытъ, изображали намъ простолюдиновъ такими благородными, возвышенными, добродѣтельными, кроткими и умными, терпѣливыми и энергическими, что оставалось только умиляться надъ описаніями ихъ интересныхъ достоинствъ и проливать нѣжныя слезы о непріятностяхъ, которымъ подвергались иногда такія милыя существа, и подвергались всегда безъ всякой вины или даже причины въ самихъ себѣ. Намъ вспоминается анекдотъ, слышанный отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, знаменитаго мастерствомъ разсказывать анекдоты. Мы надѣемся, онъ не посѣтуетъ на насъ за то, что мы воспользуемся этою его разговорною собственностью. Анекдотъ начинается съ того, что въ будуаръ жены входитъ мужъ, человѣкъ, занимающій очень почетное положеніе въ обществѣ и знаменитый своей любовью къ народу,—любовью, которую умѣлъ онъ перелить и въ нѣжное сердце своей прекрасной супруги. Онъ застаетъ пышную красавицу въ горькихъ слезахъ надъ развернутой книжкой русскаго журнала.—«Душенька, о чемъ ты такъ расплакалась?» — «Ахъ, Боже мой!..» — голосъ жены прерывается отъ рыданій. — «Душенька, да что же такое, скажи ради Бога?» — «Боже мой! какіе несчастные...» — и опять голосъ прерывается отъ рыданій.—«Ангелъ мой! успокойся... что такое?»—«Несчастные мужики, ахъ какіе несчастные! Здѣсь написано, что они не пьютъ кофе!..» — Намъ представляется, что сострадательная дама читала одну изъ тѣхъ прекрасныхъ повѣстей, въ которыхъ такъ интересно изображался простонародный бытъ.

Книгу г. Успенскаго навѣрное отбросила бы она, съ негодованіемъ на автора, разсказывающаго о нашихъ мужичкахъ такія грязныя пошлости. Очерки г. Успенскаго производятъ тожелое впечатлѣніе на того, кто не вдумается въ причину разницы тона у него и у прежнихъ писателей. Но вдумавшись въ дѣло, чув-

ствуешь, что очерки г. Успенскаго—очень хорошій признакъ. Мы замѣчали, что рѣшимость г. Успенскаго описывать народъ въ столь мало лестномъ для народа духѣ свидѣтельствуетъ о значительной перемѣнѣ въ обстоятельствахъ, о большой разности нынѣшнихъ временъ отъ недавней поры, когда ни у кого не поднялась бы рука изобличать народъ. Мы замѣчали, что рѣзко говорить о недостаткахъ извѣстнаго человѣка или класса, находящагося въ дурномъ положеніи, можно только тогда, когда дурное положеніе представляется продолжающимися только по его собственной винѣ и для своего улучшенія нуждается только въ его собственномъ желаніи измѣнить свою судьбу. Въ этомъ смыслѣ надобно назвать очень отраднымъ явленіемъ разсказы г. Успенскаго, въ содержаніи которыхъ нѣтъ ничего отраднаго.

Особенность таланта г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о мужикахъ безъ церемоніи, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все что́ замѣчаешь о нихъ. Онъ ни мало не стѣсняется въ ихъ обществѣ. Мы увѣрены, читая его книгу, что когда онъ сидитъ на постояломъ дворѣ или за обѣдомъ у мужика, или бродитъ между народомъ на гуляньи, его сиволапые собесѣдники не дѣлаютъ о немъ такого отзыва, что вотъ, дескать, какой добрый и ласковый баринъ, а говорятъ о немъ за-просто, какъ о своемъ братѣ, что, дескать, это парень хорошій и можно водить съ нимъ компанство. Десять лѣтъ тому назадъ не было изъ насъ, образованныхъ людей, такого человѣка, который производилъ бы на крестьянъ подобное впечатлѣніе. Теперь оно производится нерѣдко. Если вы одѣты не Богъ-знаетъ какъ богато, если вы человѣкъ простой по характеру, и если вы дѣйствительно любите народъ, мужикъ не отличаетъ васъ ни по разговору, ни по языку отъ своей братіи, отпущенниковъ;—это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ числѣ людей, принадлежащихъ по своимъ интересамъ къ народу, есть уже такіе, которые довольно похожи на насъ съ вами, читатель. Свидѣтельствуетъ также, что образованные люди уже могутъ, когда хотятъ, становиться понятны и близки народу. Вотъ вамъ жизнь уже и приготовила рѣшеніе задачи, которая своею мнимою трудностью такъ обезкураживаетъ славянофиловъ и другихъ идеали-

стовъ, вслѣдъ за славянофилами толкующихъ о надобности намъ дѣлать какіе-то фантастическіе фокусъ-покусы для сближенія съ народомъ. Никакихъ особенныхъ штукъ для этого не требуется: говорите съ мужикомъ просто и непринужденно, и онъ пойметъ васъ; входите въ его интересы, и вы пріобрѣтете его сочувствіе. Это дѣло совершенно легкое для того, кто въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ,—любитъ не на словахъ, а въ душѣ.

LR.H
C521 7kr

503934
[Chernuishevsky, Nikolai Gavrilovich]
Критическія статьи. 2.изд.
[Transliterated: Kriticheskiya stat'i.]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED